ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 19/2012**
Выходит 4 раза в год **Часть II**

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО) «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ
Зам. главного редактора
А. В. Шунков, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ
Ответственный секретарь
Е. А. Кагакина, кандидат педагогических наук, доцент

Редактор *Т. В. Сафарова*
Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», 2012

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 19/2012**
Published quarterly **Part II**

Founder
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education (FSFEI HPE) «Kemerovo State University of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of KemGUKI
Assistant Chief Editor
A. V. Shunkov, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-Rector for Research and Innovation of KemGUKI
Administrative Secretary
E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent

Editor *T. V. Safarova*
Translation *A. A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik. kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State University of Culture and Arts», 2012

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, заместитель председателя комитета Государственной думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, председатель Совета Ассамблеи народов России, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Chairman of Duma's State Committee for Federal and Local Governments, Chairman of the Council of Assembly of People's of Russia, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

Тарчиньски Вальдемар, доктор экономических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

Янашек Кристина, доктор филологических наук, профессор, директор Института славянских языков Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundumental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Tarczynski Waldermar, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic Univercity (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

Janaszek Krystyna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Slavic Languages Institute in Szczecin University (Szczecin, Poland)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки РФ, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ, член Совета Российской библиотечной ассоциации.

Раздел «Культурология»

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ.

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Ултургашева Надежда Торжуевна, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ.

Петров Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии КемГУКИ, член Российской академии естественных наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности КемГУКИ.

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO expert on the development of indicators of media and information literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of KemUCA.

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of KemUCA, Member of the Russian Library Association Council.

Section of Culturology

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Chair of Museum Activities of KemUCA

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of KemUCA, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture.

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, Honored Worker of Culture of Tyva, Chair of Theory and History of Folk Art Culture of KemUCA.

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of KemUCA.

Petrov Igor Fyodorovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of KemUCA.

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра КемГУКИ

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Минералов Юрий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

Мирошниченко Лариса Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ

Корчуганова Вера Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Socio-cultural Activity of Altai State Academy of Culture and Arts (Barnaul).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of KemUCA

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of KemUCA

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University.

Mineralov Yury Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Russian Classic Literature and Slavistics of A. M. Gorky Literary Institute (Moscow).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation.

Miroshnichenko Larisa Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

Korchuganova Vera Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Волков В. Н. Концепт «дисциплинарной власти» в современном культурологическом дискурсе..... 10

Лукин Ю. А. Неизбежность второй культурной революции, или – дело всех и каждого... 18

Дерябина Е. Д., Фесенкова Л. В. Феномен квазинауки и научная картина мира..... 23

Цветкова Г. А., Минаков С. В. Традиция «неправедного богатства» в культуре России.. 32

Миненко Г. Н. Западные и российские источники концепта «народность» в идеологии раннего славянофильства..... 38

Коновалов А. Б. Инициативы региональных органов ВКП(б)–КПСС по развитию социокультурной сферы Сибири (середина 1940-х – середина 1970-х годов)..... 53

Кулемзин А. М., Насонов А. А., Родионова Д. Д. Религиоведческое образование в вузе культуры и искусств: история и современность в социокультурном измерении..... 62

Коновалов А. Б. Влияние партийного руководства Сибири на развитие высшей школы во второй половине 1940-х – 1950-е годы..... 68

Труевцева О. Н. Музеи Сибири и сохранение культурного наследия коренных народов.. 76

Непомнящий Л. А. Рок-музыка – современные мифы..... 82

Диянова А. М., Труевцева О. Н. Актуализация традиционных религиозных верований сибирских татар музеями Западной Сибири..... 88

Баснина А. П. Мифологическая картина мира в детской обрядовой культуре (на материале «вызываний»)..... 95

Суленёва Н. В. Визуализация мелодической формы поэтических произведений на телеэкране..... 101

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Байона Т. Хореографическое образование на Мальте: личный опыт..... 110

Дорогова Л. Н. Отечественные учреждения культуры перед Великой Отечественной войной..... 112

Минаев Е. А. Музыка в контексте сценического действия..... 124

Сыченко Г. Б. Формирование репертуара и процесс передачи шаманской традиции в Южной Сибири..... 130

Дубровская М. Ю. Музыкальная культура Японии как предмет изучения..... 136

Конотоп А. В., Минаев Е. А. Музыка в храмовом пространстве..... 144

Валеева-Сулейманова Г. Ф. Методология изучения татарского народного искусства как типа этнической культуры..... 151

ПЕДАГОГИКА

Ивлева Т. Н. Технология электронного портфолио в подготовке менеджеров социально-культурной деятельности..... 156

Смирнова Н. Г. Непрерывное образование как социально-педагогический процесс формирования общей культуры личности..... 163

Черняк Е. Ф. Формирование университетской коммуникативной среды..... 168

Буцык С. В. Организационно-методические предпосылки использования информационно-коммуникационных технологий в обучении студентов на факультетах искусств..... 172

Косенко Н. Ю., Слаутина Н. М. Противоречия профессионального развития личности в современных условиях последипломного образования..... 178

Слаутина Н. М. Бенчмаркинг как направление деятельности вуза в области качества образования..... 182

Панфилова А. П. Инструменты принятия менеджерами коллективных управленческих решений на основе ментальной лестницы..... 186

Юдина А. И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона как основа социализации молодежи..... 195

Мацукевич О. Ю. Социально-культурная ресоциализация пожилых людей..... 203

Милькова Е. В., Борзенкова И. В. Социально-педагогическая адаптация старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей..... 207

Кузьмина О. В. Учебно-методическое обеспечение в реализации компетентностного подхода по формированию сценарной культуры режиссеров театрализованных представлений и праздников..... 212

ФИЛОСОФИЯ

Волков Н. А., Волкова Т. А. Возможности и механизмы гендерно чувствительной политики..... 216

Волкова Т. А., Марков В. И. Гуманизация и гуманитаризация военного образования..... 223

Шимчук Т. А., Петров И. Ф. Русская православная церковь как социокультурный институт в условиях постсекулярного мира..... 230

Волкова Т. А., Волков Н. А. Реализация принципа гендерного равенства в современной России..... 241

ФИЛОЛОГИЯ

Афанасьева Э. М. Онтология имени в лирике А. С. Пушкина 1825–1830-х годов: «Желание славы» и «Что в имени тебе моем?»..... 251

Поселенова Е. Ю. Феномен русской паломнической литературы в контексте духовного образования..... 260

Петрунина С. П. Вводно-модальное слово *однако* в сибирских говорах..... 268

Голев Н. Д. Внутренняя форма языковых единиц в составе парадигм, образуемых антиномиями «функциональное – генетическое», «внешнее – внутреннее», «отражательное – условное»..... 277

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Шунков А. В. Научный семинар «Актуальные проблемы современной лингвистики»..... 286

Сведения об авторах..... 289

CONTENTS

CULTUROLOGY

Volkov V. N. Concept “disciplinary power” in modern culturological discourse..... 10

Lukin Y. A. Inevitable second cultural revolution, or – the buisness each and everybody..... 18

Deriabina E. D., Fesenkova L. V. The phenomenon of quasyscience and cientific of the picture of universe..... 23

Tsvetkova G. A., Minakov S. V. Tradition “unrighteous wealth” in the culture of Russia..... 32

Minenko G. N. Western and russian sources of concept “narodnichestvo” in the early slavophilic ideology..... 38

Konovalov A. B. Initiatives of regional bodies of VKP(b) – CPSU on development of the sociocultural sphere of Siberia (the middle of the 1940th – the middle of the 1970th years) 53

Kulemzin A. M., Nasonov A. A., Rodionova D. D. Religious education at university of culture and arts: history and contemporaneity in socio-cultural foreshortening..... 62

Konovalov A. B. Influence of the party management of Siberia on development of the higher school in the second half 1940th – 1950th years..... 69

Truevtseva O. N. Museums of Siberia and preservation of cultural heritage of indigenous peoples..... 76

Nepomnyashchiy L. A. Rock-music – modern myths..... 82

Diyanova A. M., Truevtseva O. N. The actualization of siberian tatars' traditional religious beliefs by West siberia museums..... 88

Basnina A. P. Mythological world image in children’s ritual culture (on the material “recalls”) 95

Sulenyova N. V. Visualization of melodic form of poetic works on tv screen..... 101

ART STADIES

Bayona T. Choreographic education in Malta: a personal experience..... 106

Dorogova L. N. Domestic institution of culture to the Great Patriotic war..... 112

Minaev E. A. Music in the context of the stage..... 124

Sychenko G. B. A formation of a repertoire and a process of transmission of a shamanic tradition in Southern Siberia..... 130

Dubrovskaya M. Y. Japanese musical culture as subject for studying..... 136

Konotop A. V., Minaev E. A. The temple music in the space..... 144

Valeeva-Suleymanova G. F. Methodology in studies of tatar art as the type of ethnic culture.. 151

PEDAGOGICS

Ivleva T. N. Electronic portfolio tehnologies in preparing managers for social and cultural sphere..... 156

Smirnova N. G. Continuous education as social and pedagogical process of shaping of general culture of individual..... 163

Chernyak E. F. Formation of the university communicative environment..... 168

Butsyk S. V. Organizational and methodological background of information and communication technology in teaching students the faculty of arts..... 172

Kosenko N. Y., Slautina N. M. Conflicts of professional development of personality in modern conditions of postgraduate education..... 178

Slautina N. M. Benchmarking as a destination of university for the quality of education..... 182

Panfilova A. P. Collective decision tools of executives management decisions based on mental stairs..... 186

Yudina A. I. Formation of the social and cultural environment in the system of the regional infrastructure as the basis of youth socialization..... 195

Matsukevich O. Y. Socio-cultural resocialization of senior people..... 203

Milkova E. V., Borzenkova I. V. Social and educational adaptation in interactive mode of high school students of educational institution of additional education for children..... 207

Kuzmina O. V. Educational and methodological provision in realization of competence-based approach aimed at forming the script culture of directors of theatre performances and events... 212

PHILOSOPHY

Volkov N. A., Volkova T. A. Opportunities and mechanisms for gender-sensitive policy..... 216

Volkova T. A., Markov V. I. Humanization and humanitarization of military education..... 223

Shimchuk T. A., Petrov I. F. Russian orthodox church as social-cultural institute in conditions of post-secular world..... 230

Volkova T. A., Volkov N. A. Realization of the principle of gender equality in modern Russia 241

PHILOLOGY

Afanasyeva E. M. The ontology of the name in lirics by A. S. Pushkin (1825–1830): “The willing of fame” and “Why do you ask me for my name?”..... 251

Poselenova E. Y. Phenomenon of the russian pilgrim literature in the context of religious education..... 260

Petrunina S. P. The modal word *odnako* in siberain dialects..... 268

Golev N. D. The inner form of lingual units in paradigms formed by the antinomies “Functional-genetic”, “Outer-inner”, “Reflective-relative”..... 277

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Shunkov A. V. Scientific seminar “Actual problems of modern linguistics”..... 286

Information about the authors..... 289

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 351.85

В. Н. Волков

КОНЦЕПТ «ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются проблемы изменения дискурсивных практик в отношении человека, власти, разумности, нормы, болезни, воспитания, права и пр. Обосновывается идея, согласно которой рациональность и законность историчны, относительны, релятивны; то, что в одну историческую эпоху считается вполне разумным, обоснованным, нормальным, законным и моральным, в другую нередко выступает как нерациональное, незаконное, ненормальное, абсурдное и безнравственное.

Ключевые слова: человек, власть, дискурс, концепт, норма.

V. N. Volkov

CONCEPT “DISCIPLINARY POWER” IN MODERN CULTUROLOGICAL DISCOURSE

This paper considers the problem of changes in the discursive practices of a man of power, wisdom, norms, disease, education, law, surveillance, exposure, formation, punishment, correction, and so substantiates the idea that rationality and legitimacy of the historical, relative, relative: that in one historical period is reasonable, reasonable, normal, legal and moral, the other often appears as irrational, illegal, abnormal, absurd and immoral.

Keywords: people, power, discourse, the concept of the norm.

Социальная реальность, в которой мы живем, вовсе не является само собой разумеющейся, существующей естественным образом, независимо от человека. Привычные для нас учреждения и нормы, кажущиеся вечными, естественно данными, на самом деле формировались и развивались в определенных социальных отношениях, конституировались в конкретных исторических структурах распределения власти.

У Фуко, который подробно исследовал эту проблему, одним из основных понятий выступает понятие дискурса – текста или серии текстов, функционирующих в определенной системе отношений. Дискурс – это текст вместе с той социальной практикой, к которой он принадлежит, скрытно, неявно, имплицитно определяющей способ обсуждения темы, образцы постановки проблем, подхода к ним, их решения. Иначе говоря, это нормативная практика, содержащая в себе систему правил построения, понимания, использования текста.

Любой концепт есть порождение конкретной культуры, конкретного общества и существует исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать опреде-

ленным условным правилам. В связи с этим и концепт власти всегда представляет некоторую трудность для анализа. Есть привычное русло, в которое наше размышление о власти обычно укладывается. Это так называемое «юридическое» русло рассматривает власть с позиций закона, формируя правовую модель. При таком понимании власть оказывается простым ограничителем свободы, границей ее осуществления, а отношения власти сводятся к государству и его функционированию. Иначе говоря, при слове «власть» в голову людям сразу же приходят армия, полиция, правосудие. Когда в нас заложено такое понимание власти, мы локализуем ее лишь в государственных органах, тогда как отношения власти существуют и проходят через множество других вещей. Ведь отношения власти существуют между мужчиной и женщиной, между тем, кто знает, и тем, кто не знает, между родителями и детьми, внутри семьи. В обществе имеется множество мелких противостояний, противоречий, сражений, малых отношений власти, которыми государство руководит, которые оно порождает, индуцирует; но, с другой стороны, любая государственная структура может функционировать должным образом, только если в ее основе существуют эти малые отношения власти.

Человека опутывает целая сеть неявных, неосознаваемых властных отношений, которые выстраиваются с родителями, взрослыми, учителями, преподавателями, старшими по должности, по званию, компетентными специалистами, работодателем, хозяином – с теми, кто «обладает знанием», кто формирует те или иные представления о мире. Если, например, государство навязывает молодому человеку воинскую повинность, заставляя его служить, отдавать/выполнять «священный» или «интернациональный долг», то подразумевается, что «защита Родины – священный долг каждого гражданина», «служба в армии – почетная обязанность», «армия позволяет реализовать право каждого гражданина на выполнение долга и священной обязанности по защите Отечества», «Родина посылает своих сыновей на боевой/ратный подвиг – Родина-мать зовет», «по зову Родины, по зову сердца защитник Родины готов на подвиг, на выполнение сыновнего долга/обязанности перед Родиной», «он обещает приложить все усилия, чтобы приносить Родине только пользу, ведь быть гражданином своей страны – священный долг каждого». Подразумевается, что Родина (то есть конкретный чиновник) знает, зачем и во имя чего нужно воевать, даже если это – война в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Чечне или Грузии. В соответствии с заранее данной этической оценкой выстраивается нормативный дискурс: боевик/партизан, боестолкновение, бандформирование, ограниченный контингент, операция, зачистка, патриот, герой, лазутчик, изменник, разведчик / шпион и пр.

Мишель Фуко исследует «микрофизику власти» в следах и эффектах «дисциплинарных пространств» – в тюрьмах, больницах, школах, казармах, монастырях, университетах. Задача этих дисциплинарных пространств в том, чтобы путем точечных воздействий на тело добиться подчинения индивидуального тела коллективному, сделать душу индивида подобием общественной машины. Порядок сам формирует своих субъектов. О человеке говорят как субъекте власти, а на самом деле он – марионетка власти и с самого начала выступает результатом и продуктом «дисциплинарных практик». Его сознание – инструмент политической манипуляции – задает существование, в котором господствует власть над телом.

Образ власти только как запрещающей, мешающей и ограничивающей слишком прямолинеен и упрощен. Государству не удавалось бы удерживать индивидов в повиновении, если бы у него не было корней, если бы оно не использовало глобальную стратегию

и возможные локальные и индивидуальные тактики, охватывающие каждого из нас. Существует свои процедуры и методы осуществления власти у полиции, власти родителей над детьми, детей над родителями, мужчины над женщиной, женщины над мужчиной и над детьми. Нельзя понимать эти отношения власти как жесткое господство, торжествующее целиком и полностью, это, скорее, отношения силы, противостояния.

С начала XVIII века в Европе складывается система власти, которая выражает себя через определенную технику, практику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства. Власть пронизывает экономические, познавательные, сексуальные и другие типы отношений, играя продуктивную роль. Она осуществляет себя не столько в стратегиях последовательного достижения заранее предусмотренных целей, сколько в принятии отдельных частичных решений. Но они, следуя друг за другом, опираясь одни на другие и распространяясь, образуют некое целое, в котором различимы определенные цели, хотя нельзя найти конкретных лиц, которые бы к ним стремились. Масштабные стратегии оказываются анонимными. Власть существует в неразрывной связи с бесчисленными точками сопротивления ей и опираясь на них. Механизмы власти можно и нужно анализировать только в подобных сложных силовых полях – заявляет Фуко.

В конце XVII века власть от ярких символических проявлений и подтверждений своего могущества переходит к постепенной, систематичной, кропотливой работе над телами своих подчиненных, которые требуется превратить в «послушные тела». Имеется в виду не просто послушание, но превращение подчиненных тел в своего рода инструментальные комплексы, функционирующие максимально эффективно и целесообразно. Возникают особые техники и методики, прообразом которых были разработанные в монастырях техники самосовершенствования. Процесс этот происходил постепенно, стихийно и сразу в самых разнообразных областях человеческой деятельности – армии, школе, больнице, мануфактуре, системах профессионального обучения. В результате в обществе складывается особый тип власти, который Фуко и обозначает как дисциплинарную власть.

Применение техник дисциплинарной власти обычно начинается с перемещения индивидов в пространстве. Такая власть требует замкнутых пространств, в которых действуют свои законы и правила. Примерами могут служить работные дома, колледжи, интернаты, казармы, заводы, больницы. Каждый индивид должен быть всегда на своем месте, чтобы его можно было бы в любой момент найти, проконтролировать и более полно использовать. Все перемещения должны быть функционально оправданы. Рациональное использование неотделимо от необходимости создавать полезное пространство, осуществлять надзор, препятствовать взрывоопасным объединениям индивидов в группы.

В дисциплинарном пространстве каждому индивиду приписано определенное место. Но это не просто место, а одновременно и ранг, место в классификации. К примеру, преступников распределяют в зависимости от характера преступления, больных – от характера заболевания, учеников в классе – в зависимости от поведения и успеваемости. Дисциплина индивидуализирует тела, приписывая им определенные места, посредством которых они распределяются и включаются в системы отношений. Так, главной формой организации школьников становится «выстраивание в ряд»: в классе, в коридоре, во дворе. При этом каждый ученик получает определенное место в зависимости от выполнения им любого задания. Место, занимае-

мое им в пространстве класса, соответствует его месту в иерархии знаний и способностей. Приписывая каждому определенное место, новая школьная дисциплина делает возможным непрерывный контроль над всеми и каждым. Школьное пространство начинает функционировать как механизм обучения и одновременно – надзора, наказания или поощрения. Идеалом выступает классное пространство, играющее роль одной большой таблицы, находящейся под неусыпным оком учителя, такое пространственное размещение учеников в классе, которое позволяло бы сразу видеть уровень каждого из них.

Дисциплинарная власть контролирует не только пространственное размещение, но и время индивидов. И здесь моделью служили средневековые монастыри. В школьном расписании, относящемся к началу XIX века, по минутам расписаны: вхождение учителя в класс, звонок, вхождение детей, молитва, усаживание за парты и т. д. Такая власть не только регулирует время, распределяя его на интервалы, но стремится непрерывно контролировать качество его использования, устраняя все, что только может отвлечь и внести беспорядок. Все большей детализации дисциплинарного времени соответствует все большая детализация жестов и действий, которые должен совершать помещенный в это время и пространство индивид. Солдаты должны быть обучены ходить строем и выдерживать шаг в соответствии с барабанным боем. Учителю вменяется в обязанность неустанно корректировать учеников, если они нарушат предписанную рекомендациями позу. Средством управления индивидом и процессом является «упражнение», которое позволяет непрерывно оценивать индивида по отношению к желаемому результату или к другим индивидам.

Одним из важнейших инструментов дрессировки тел является иерархический надзор, идея которого заключается в том, чтобы наблюдать за контролируемым телом, не будучи замеченным. Само здание дисциплинарного института – школа, тюрьма, завод – становится инструментом надзора за поведением.

Помимо надзора, выделяется и такое средство «муштры», как нормализующая санкция. Суть ее в том, что караются не только нарушения законов, но и отклонения от нормы. Так, солдат допускает провинность, когда он не достигает предписанного уровня, скажем, определенного ритма и четкости в исполнении артикулов с ружьем; ученик совершает провинность, когда неспособен выполнить задание учителя. За это он получает соответствующее наказание. Роль наказания состоит в устранении отклонения от предписанной нормы, оно имеет целью приблизить к норме как стандарту. Система контроля включает не только наказание, но и поощрение. Например, в школе появляется сложная система исчисления «баллов», подведения баланса между дурным и похвальным в поведении ученика. Карательные мероприятия в армии или учебных заведениях часто обставлялись как своего рода «суды» и «трибуналы». За этими действиями стоит оценивание, но уже не действий, а самих индивидов. Дисциплинарная система непрерывно ранжирует их, присвоенный ранг сам по себе является наказанием или поощрением.

Возникают процедуры, сочетающие технику надзора и нормализующей санкции: военный смотр, медицинский осмотр, экзамен в учебном заведении. В смотре, осмотре, экзамене сочетаются отношения власти и отношения знания. На эволюцию медицинского знания оказала решающее влияние организация госпиталя или клиники как дисциплинарного пространства, в котором пребывает больной. Школа становится машиной для непрерывной сдачи экзаменов. Общество входит в эпоху бесконечных экзаменов и принудительной объективации. Смотр-экзамен вводит индивида в поле документирования.

Результаты смотров, осмотров и экзаменов записываются, сохраняются, собираются в досье и архивы. Право документировать выступает как часть дисциплинарной власти. Всевозможные списки и досье выступают для такой системы власти как способы кодирования индивидов. Смотр и запись конституируют индивида как «описываемый объект».

В течение долгих веков отличительной чертой суверена было обладание правом на жизнь и смерть его подданных. Но в эпоху модерна право отобрать у подданного жизнь сменилось разнообразными техниками управления его жизнью. Право на смерть выступает теперь как дополнение власти, осуществляющей положительное управление жизнью, власти, которая распоряжается жизнью, усиливает ее, контролируя и регулируя. В качестве примера Фуко ссылается на отношение к смертной казни. В течение долгого времени она была, наряду с войной, одной из основных форм реализации права суверена. Постепенно, по мере того, как войны становились все более массовыми и кровавыми, на эшафотах лишалось жизни все меньше людей. Одновременно отмирают ритуалы и церемонии, которыми обставлялась некогда смертная казнь, и вообще казни перестают быть публичными.

С конца XVII века власть над жизнью начинает развиваться в двух основных формах, образующих как бы два полюса, между которыми располагается целая сеть промежуточных форм. Первый полюс – это власть над телом как машиной: его дрессировка, использование его сил, способностей, увеличение его полезности, управляемости, включение в системы контроля. Для этого развивается совокупность различных дисциплинарных институтов – школы, колледжи, казармы, мастерские. Второй полюс образуют формы власти над телом как экземпляром биологического вида и связанными с ним биологическими процессами: рождением и смертью, показателями здоровья, продолжительности жизни и пр. В этой сфере власть осуществляется в виде регулирующего контроля, биополитики популяции.

Власть над живым требует укрепления тел и увеличения популяции одновременно с увеличением их полезности и управляемости. Для этого необходима выработка новых методов и приемов, пригодных для управления силами, способностями, склонностями. Роль новых механизмов и форм играли такие общественные институты, как семья, армия, школа, полиция, клиника. Изменение характера власти проявлялось также и в увеличении значения норм за счет законов. Власть, взявшая под свой контроль процессы жизни, нуждается в механизмах непрерывного воздействия, чтобы регулировать и корректировать данные процессы. Для нее важно не столько отделить законопослушных подданных от враждебных суверену, сколько распределить их относительно нормы. Фуко называет формирующийся тип власти «властью-знанием»: она неразрывно связана со знанием, утверждает общеобязательность нормы, которая ориентируется на извлечение максимальной пользы.

В «Истории сексуальности» Фуко проводит исследование роли признания на Западе. На христианском Западе предполагалось, что всему миру следует признаваться в своих грехах, люди принуждались признавать свои грехи. Признание всегда принимает форму повествования об истине преступления или греха. Начиная с Реформации дискурс признания выходит наружу и ставит уже задачи психологические: лучшего познания самого себя, лучшего самообладания, проявления чьих-либо склонностей, возможности распоряжаться собственной жизнью, упражнения по испытанию совести. В ту же эпоху развивается литература от первого лица, люди начинают вести дневник, затем наступает время литературы, в которой авторы стали рассказывать о своих похождениях. Механизм признания распространяется повсюду.

В европейской культуре вина – важное переживание, в котором задействована скорее речь, чем деяние. Так, существовала традиция, согласно которой преступника нужно было заставить признаться. Даже когда против него имелись доказательства, общество жаждало изобличения преступления самим преступником. Наказание преступления понимается как смирение преступника без его исправления, тогда как преображение его души подразумевает, что этот человек должен быть познан, явить себя. С тех пор как наказание перестало быть ответом на преступление, а превратилось в операцию, преображающую преступника, дискурс, признание преступника становится механизмом взывания к нему. На основании вины запускается механизм апелляции к дискурсу.

Власть вплотную подступает к каждому отдельному индивиду, окружив его густой сетью исправительно-карательных механизмов. Главная особенность отклоняющегося от нормы, ненормального в том, что, являясь «преступником», он подлежит осуждению не столько в рамках закона, сколько многочисленными промежуточными инстанциями. Складывается властная система, где всякий социально-воспитательный институт, будь то армия, школа, семья или психиатрическая лечебница, присваивает себе часть судебных функций. Все они – «судьи», ибо оценивают поведение индивида и стремятся привести его поведение в соответствие с «нормой».

Само правосудие, вынося приговор, нуждается в опоре на эти институты: его вердикт основан теперь не только на установленном факте нарушения закона, но и на характеристиках личности подсудимого. В этой связи особое значение приобретает судебно-медицинская экспертиза. Парадокс в том, что экспертизы удивительным образом противоречат не только нормам права, но и всем законам научного дискурса. По закону, судмедэкспертиза обязана установить степень вменяемости субъекта: отсутствие вменяемости, временное или постоянное помешательство «отменяет» факт преступления, переводя человека в категорию больных. Но на деле эксперт устанавливает совсем другое: степень опасности, которую данный субъект представляет для общества, – иными словами, описывает личность подсудимого. Научно-правовая задача подменяется бюрократической, властной функцией, а потому тексты экспертиз несут на себе отчетливую печать «воспитательного», «родительского» дискурса, обращенного к неразумному дитяти.

В сущности, Фуко демонстрирует не слишком привлекательную изнанку того «гуманизма», которым проникнуты все социальные институты XX века. Он не обличает власть и не раз подчеркивает, что она «позитивна и продуктивна», но осуществляемый им анализ позволяет проводить аналогии со структурами фашистского или большевистского государства, рассуждать о гротеске как сущности тоталитарной власти. У Фуко нет отсылок к советским или российским реалиям, но сравнения напрашиваются сами собой. Преследование «инакомыслящих» с применением всего арсенала психиатрии; «товарищеские суды», комсомольские и партийные собрания, на которых осуждалось отклонение от «нормы»; «характеристики», сопровождающие человека от рождения до смерти; суд, рассматривающий не действия, а личность «преступника»; попытки контролировать все и вся с помощью «вертикали власти»; система прописки, постоянной и временной регистрации с целью всех поставить на учет и под контроль; активные попытки внедрить православие взамен коммунистической морали в «учебно-воспитательный процесс»; грозные указания президента по поводу того, как нужно писать учебники истории; господство отчетности, тестов, баллов в образовательной системе, уверенность в возможности увеличить численность населения страны адми-

нистративными мерами – это как раз и есть проявления«властинормализации»,«дисциплинарных практик» в культурных и социальных реалиях России.

Ярким примером устаревших «дисциплинарных практик» являются действия политической власти современной России. Эта власть рассматривает проявление инакомыслия как «ненормальность». Во время акций, направленных против нее, она советует населению воздержаться от появления в местах скопления людей, поскольку в таких местах существует якобы опасность для их здоровья и безопасности. Если же люди там все же появляются, то у агентов власти это вызывает раздражение и неприязнь. Существует множество свидетельств агрессивного, ничем не спровоцированного поведения «сил правопорядка», несоразмерного, избыточного и применяемого без достаточного повода насилия в отношении таких людей.

В России на протяжении многих веков существовало государство милитаристского типа, государство, стоявшее над законом и обществом. В таком государстве не только военная, но и мирная жизнь выстраивается по военному образцу, а управление государством уподобляется управлению армией. Такая власть рассматривает проявления политического сопротивления как род политической ненормальности и выстраивает систему противодействия. Непосредственно на митингах, маршах и т. п. агентами власти ведется открытая фиксация лиц демонстрантов и митингующих на видеокамеры, ибо человек, попавший в кадр, «потенциально болен, зафиксирован, учтен как ненормальный». Что касается протоколирования своих действий, то фиксировать эти действия власть не позволяет, противится такой фиксации. Поэтому нормой становится агрессивность в отношении журналистов, которые оказываются жертвами физического насилия со стороны «сотрудников сил правопорядка». Сегментирование физического пространства, пространства-территории – одно из наиболее очевидных дисциплинарных проявлений власти. Но власть озабочена также сегментацией информационного пространства. Осуществляется фильтрация, запрещение, искажение информации. И здесь власть ограничивает появление на телеэкранах нежелательных, «ненормальных» персонажей.

Нынешняя власть все еще пытается опереться на инерцию прежнего типа сознания. Отсюда имитационная «милитаристская» риторика вроде «Россия, вперед!», и политические термины вроде «Народного фронта». Отсюда поиски «пятых колонн», «антироссийских заговоров», выделение огромных средств на «оборону» и пр. Но никаких модернизационных импульсов из этих имитаций извлечь уже нельзя. Старая история (история милитаристского государства) уже закончилась, искусственное продление этой истории грозит обернуться распадом страны. Мобилизация немыслима без образа злобного и коварного врага, внешнего или внутреннего. Поэтому власть использует и даже провоцирует сопротивление, которое может быть использовано для демонизации и компрометации сопротивляющихся.

На Западе дисциплина, дисциплинарные техники – это работа власти с гражданским обществом, в отношении которого используются «мягкие» дисциплинарные практики. Эти технологии трудоемки, хотя в стратегической перспективе снижают давление на власть и, следовательно, обходятся дешевле, чем более примитивные практики прямого подавления. В России власть прекрасно справляется и жесткими методами, она не признавала и не признает прав общества. Гражданское общество, которое в России находится в зачаточном состоянии, не контролирует дисциплинарные механизмы. Наиболее ярким свидетельством этого являются российские выборы. Дисциплинарные механизмы, обеспечивающие функционирование машины выборов, фальсификацию их резуль-

татов, – не что иное, как подавление воли и импульсов гражданского общества.

Нынешняя российская власть использует дисциплинарные технологии, возникшие на пороге Нового времени и адекватные периоду раннего капитализма. При этом происходит деградация дисциплинарного пространства. Все, что против власти, – политическая ненормальность, и это ментальность, с которой российская власть существует в XXI веке. Этот процесс сохранения давно отжившей дисциплины старого типа и превращения ее едва ли не в основной инструмент власти в XXI веке можно расценивать как пережиток прошлого. Сегодня все инстанции, призванные дисциплинировать и контролировать деятельность граждан и организаций, коррумпируются и разлагаются. Дисциплинирование становится прикрытием для произвола власти и, следовательно, с точки зрения общественной, становится нелигитимным злом. Дисциплина существует уже не ради того, чтобы обеспечивать максимальную полезность, а чтобы гарантировать самосохранение власти и материальное благосостояние индивидов, в нее входящих. Нелигитимность власти порождает формы ожесточенного сопротивления.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.
2. Делез Ж. Фуко. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998.
3. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя, 2010.
4. Михель Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». – Саратов, 1999.
5. Мишель Фуко и Россия: сб. статей. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001.
6. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
7. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: AdMarginem, 1999.
10. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2005.
11. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанный в Колледже де Франс в 1973–1974 уч. году. – СПб.: Наука, 2007.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994.
13. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.
14. Делез Ж. Фуко. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998.
15. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя, 2010.
16. Михель Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». – Саратов, 1999.
17. Мишель Фуко и Россия: сб. статей. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001.
18. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
19. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996.
20. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.

УДК 351.85

Ю. А. Лукин

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВТОРОЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ – ДЕЛО ВСЕХ И КАЖДОГО

В статье отражен исторический опыт – содержание, стратегия и тактика – реализации государством культурной политики в XX веке, рассмотрены причины неадекватного уровню развития современной Российской цивилизации состояния (бинарного строения) отечественной культуры. Сформулированы основные принципы решения проблематики современной российской культуры.

Ключевые слова: культура, социокультурные процессы, культурная политика.

Y. A. Lukin

INEVITABLE SECOND CULTURAL REVOLUTION, OR – THE BUISNESS EACH AND EVERYBODY

This article reflects the historical experience – the content, strategy and tactics – the implementation of the state cultural policy in the twentieth century. Examined the reasons for the inadequate level of development of modern civilization, the Russian state (binary structure) of our culture. The basic principles for solving the problems of modern Russian culture.

Keywords: culture, socio-cultural processes, cultural policy.

...Когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос в том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России.
Л. Н. Толстой «Анна Каренина»

В странах Центральной Европы и Северной Америки столетиями складывались и окончательно утвердились капиталистические общественные отношения, охватывающие все стороны жизни общества – политику и экономику, идеологию и культуру. И никогда не было других. Россия же все еще находится на стадии «укладывающихся» новых отношений, когда причудливо переплетаются «в одном флаконе» ностальгия по прошлой советской жизни, вера в «твердую руку», «суверенную демократию», либеральные программы, популистские призывы «все отобрать и поделить» и многое-многое другое. Причем, эти тенденции выражаются не персонифицированно в каком-либо одном отдельно взятом россиянине, отдельно взятой политической партии, отдельно взятом чиновнике, а причудливо переплетаются в каждом гражданине, в каждом чиновнике, каждой партии, в их программах и предвыборных декларациях.

Такова фундаментальная черта современного этапа истории России, в конечном итоге обусловливающая все происходящие в стране процессы, в том числе – в сфере культуры и искусства.

Социокультурный шок. Начавшиеся в 1991–1993 годы в стране поистине кардинальные исторические изменения, реформирование всех сфер жизни общества, «укладывание» новых «условий» неизбежно породили культурную революцию (а по мнению многих – контрреволюцию), подлинный со-

циокультурный шок во всех компонентах и уровнях культуры.

В который раз сбываются слова Ю. М. Лотмана: «Русская культура осознает себя в категориях взрыва», охватывающего «всю толщу культуры», «в самой широкой ее сфере» [3, с. 147].

Этот шок, взрыв поколебал все составляющие культуры:

– сферу творческой интеллигенции, работников культурной сферы – от ее руководителей, организаторов, менеджеров до рядовых актеров, режиссеров, «музейщиков», библиотекарей и др.;

– самое «зерно» художественной культуры, ее «тексты» (Лотман), то есть содержание, направленность, эстетические принципы, произведения литературы и искусства;

– культурное пространство, материально-техническую базу, коммуникационные каналы ретрансляции, хранения и функционирования культурных ценностей и благ;

– потребителей культурных ценностей и благ (читателей, зрителей, слушателей), аудиторию культуры;

– литературно-художественную критику, всю гамму наук о культуре и искусстве;

– культурную политику государства, принципы, формы и методы руководства (управления) культурными процессами.

И если лидеры правящей партии нашей страны уверяют, что в стране установилась стабильность, то к сфере культуры это не имеет отношения. В творчестве и культурном пространстве, в критике и науке, в управлении культурными процессами мы постоянно сталкиваемся с антиномиями, несовпадениями деклараций, намерений, государственными актами и реальностями современной культурной жизни.

Когда весной 2009 года в одном из районов Москвы рванул газопровод и оставил без газа целые кварталы, это стало шоком для всего региона. Последствия этой аварии, затронувшей часть системы газоснабжения, были ликвидированы за неделю. А через две-три недели об этой катастрофе (подобной которой, говорят, в Москве не было никогда) вспоминали только правоохранительные органы.

Иное дело – шок социокультурный. Он, во-первых, в отличие от энергетического шока, носит системный характер, затрагивает все без исключения компоненты культуры, все ее уровни и по вертикалям, и по горизонталям. И в этом принципиальное отличие.

Во-вторых, социокультурный шок не только продолжается до настоящего времени, но и вряд ли будет преодолен до конца в ближайшее десятилетие. Такова глубина тектонических сдвигов во всех уровнях отечественной культуры.

Задача–сверхзадача–сверхсверхзадача. Ни на минуту не забывая, ценой каких человеческих потерь, абсолютно неоправданных, в том числе, репрессий, отторжения лучших представителей старшего поколения деятелей отечественной культуры («философский пароход» и т. п.) достигнуты были значительные преобразования и успехи во всех сферах созидания нового общества, в том числе и в сфере культурной, следует признать, что в советский период (1917–1985 годы) были осуществлены основные цели *первой культурной революции* в Союзе Советских Социалистических республик:

– решена задача (воспользуемся здесь терминологией К. С. Станиславского) ликвидации неграмотности как решающего условия культурной революции; национализированы культурные институты и учреждения, культурные ценности (музеи, архивы, библиотеки, здания культурного назначения, полиграфическая промышленность и издательства и т. п.), создана и развивалась материально-техническая база; созданы (и это во многих отношениях главное по сравнению с дооктябрьским периодом)

условия для доступа к ценностям мировой и отечественной культуры всех слоев общества, в том числе и прежде всего – трудящихся масс, рабочих и крестьян; создана во всех союзных республиках развернутая сеть учебных заведений культуры и искусства (от детских начальных музыкальных школ до консерваторий абсолютно во всех столицах республик); и все это для подготовки национальных кадров творческих работников, музыкантов, артистов, художников и т. д.;

– решена сверхзадача формирования и развития общесоветской многонациональной культуры на основе принципов партийности и народности, творческого метода социалистического реализма как «основного и ведущего» (Устав Союза советских писателей. 1934 год);

– решена сверхсверхзадача: формирование нового человека, гармонически развитой, общественно-активной личности, которая сочетает в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство (Программа КПСС. Новая редакция. 1986 год).

В параметрах таким образом поставленных политических, идеологических, воспитательных целей – построение социалистического общества и создание социалистической культуры – следует признать, что данная триединая задача была реализована успешно. Многонациональная культура Советского Союза была адекватна своему общественному – социалистическому – строю.

Если опустить (а кому угодно – осудить) политическое, идеологическое наполнение в советскую эпоху этой триады («задача», «сверхзадача» и т. д.), мы получим ту модель культурного строительства, которая должна служить ориентиром для второй культурной революции в России, но, к сожалению, до наших дней так и не наполненную ни новым содержанием, ни внятной, четкой стратегией и тактикой ее реализации.

Попытаемся хотя бы в первом приближении в самом общем виде сформулировать триединые проблемы, которые предстоит решать России в культурной сфере в начале XXI века.

Задача – модернизация материально-технической базы культуры на основе инновационных технологий, с учетом единства мирового культурного пространства, на основе единых общемировых соционормативных стандартов, общих мировых принципов культурной политики.

Сверхзадача – опираясь на традиции отечественной культуры прошлых эпох, не утрачивая национальной самобытности и идентичности, формировать отечественную культуру как составную органическую часть мировой культуры, ориентирующуюся на общечеловеческие высшие ценности, без противостояния по политическим, идеологическим, классовым критериям: реалистическим-«антиреалистическим», «декадентским», модернистским творческим принципам.

Сверхсверхзадача такой культуры будущего была сформулирована в самом начале XXI столетия выдающимся ученым-гуманистом Д. С. Лихачевым: такая культура должна стать условием «реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации» [2, с. 3].

Сегодняшние российские культурные реалии неадекватны демократическому, суверенному, исповедующему общечеловеческие ценности обществу, которое мы строим, неадекватны ни в собственно культурном, ни в образовательном, ни в художественном компоненте.

Естественно, триединые задачи должны опираться на незыблемые принципы:

– признание прав человека в культурной сфере приоритетными по отношению к правам государства и всех его структур;

– идеологический и культурный плюрализм;

– ориентация на демократические, общечеловеческие ценности;

– национальная самоидентификация;

– базирование на многовековых традициях многонациональной культуры народов и народностей России;

– «цензура запрещается» [1, ст. 29].

«*Куда несешься ты, птица-тройка*?» Трагедия современной социокультурной ситуации состоит в том, что в «тройке», которая должна поднять в гору отечественную культуру, «коренник», то есть государство, работает далеко не на пределе своих возможностей. Одна «пристяжная» (общественность в лице политических партий и движений, творческих объединений, деятелей культуры и искусства) практически не только не берет на себя треть нагрузки, но вообще уповает только на силу и мощь «коренника»; и лишь другая – в лице Русской Православной Церкви – при инертности государства и всех общественных структур, пытающихся переложить груз ответственности друг на друга, – практически в одиночку тянет всю «поклажу» – культуру.

Государство и любые его структуры, согласно Конституции и Закону о культуре РФ обязаны обеспечивать гражданам право на творчество, доступ к культурным ценностям и благам, разрабатывать Федеральные программы и обеспечивать их целевое финансирование. Однако последующими поправками статья 45-я Закона о культуре РФ, согласно которой на нужды культуры должно выделяться не менее двух процентов средств республиканского бюджета, исключена.

Никаких других задач, кроме обеспечения прав и свобод, финансирования, создания условий для доступа к культурным ценностям, задач эстетико-творческого, содержательного характера, государство, согласно Конституции, решать не имеет права.

Государственная дума и Совет Федерации по-прежнему все вопросы культуры решают по «остаточному принципу» и не только в части, касающейся финансирования. В Государственной думе на одиннадцать депутатов-олимпийских чемпионов приходится три депутата от культуры: кинорежиссер, актриса, эстрадный артист. Ни одного писателя, композитора, художника, представителя гуманитарных наук. (Сравните: депутатом первого итальянского парламента, который собрался в Турине 18 февраля 1861 года, был избран Джузеппе Верди, автор опер «Аида», «Травиата», «Набуко». «Хор пленных евреев» из последней стал гимном национальной свободы).

Комитет Госдумы по культуре возглавляет кандидат юридических наук, и в Комитете нет ни одного авторитетного творческого работника; в Федеральном собрании четыре представителя отечественного спорта и ни одного представителя культуры, науки, искусства.

Местное муниципальное самоуправление, о необходимости которого многие десятилетия говорил А. И. Солженицын, решает исключительно локальные одноразовые задачи.

Политические партии, в том числе четыре прошедшие в Государственную думу («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР), во время парламентских выборов в декабре 2011 г., если и включали в свои программы какие-то общие слова о развитии отечественной науки и образования, то о культуре и искусстве не говорили ни слова.

Молодежные объединения, в том числе самые многочисленные и поддержанные властями («Наши», «Молодая Гвардия»), не занимаются долговременными культурными проектами, а используются только

для разовых, исключительных акций. Сравните с пионерскими организациями и комсомолом, которые вели в советские времена огромную культурно-просветительную работу.

Академия наук РФ, отраслевые академии, как и многочисленные их самостоятельные аналоги, в активном участии либо заметном влиянии на развитие культуры или культурной политики не замечены.

Гражданскому обществу практически ничего не известно о какой-либо значительной акции Общественной палаты и Комиссии по культуре при Президенте РФ.

Расформированы активно действовавшие при Советской власти *Бюро пропаганды литературы (кино, изобразительного искусства)*, совершенно «потухла» деятельность *общества «Знание»,* которое в СССР последовательно возглавляли С. И. Вавилов, Нобелевские лауреаты Н. Семенов, Н. Басов.

Деятельность творческих союзов и объединений (писателей, художников, композиторов) сводится к решению сугубо прагматических задач: преодоление «остаточного подхода», под которым подразумевается увеличение финансирования, предоставление льгот, разрешение имущественных споров.

Профессиональные союзы, которые в Советском Союзе вели огромную культурную работу и через коллективы художественной самодеятельности дали стране, в частности, много будущих народных и заслуженных артистов, ставших известными всей стране, в настоящее время полностью прекратили эту деятельность. Во всяком случае, о ней в наши дни ничего не известно.

Вторая культурная революция, как и вожделенная национальная программа «Культура», изначально обречены на неудачу, если не будут задействованы *все без исключения* перечисленные (включая государственные структуры) партии, общественные движения, творческие союзы, научная и творческая интеллигенция.

Только понимание триады культурной революции как общенационального дела, как *органической* составной части программы построения нового демократического общества может стать основой разработки национальной программы «Культура».

Напомним, что *целостная структура* культуры включает в себя такие звенья (компоненты):

– творец (художник);

– «текст»;

– ретранслятор;

– культурное пространство;

– потребитель (читатель, слушатель, зритель);

– культурная политика;

– творческое сообщество;

– наука, литературно-художественная критика.

Только анализ современного состояния *каждого из этих компонентов* позволит представить инновационный проект второй культурной революции в России. Она должна базироваться на методологических основаниях инновационной культурологии, что позволит выявить существующие противоречия и проблемы, наметить пути реформирования *каждого* из звеньев, развитие которых в их совокупности только и позволит решить «сверхсверхзадачу» второй культурной революции, которая должна стать делом каждого гражданина России.

Литература

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 1994.
2. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. – СПб., 2001.
3. Лотман А. Статьи об искусстве. – СПб., 2008.

УДК 008.001;008:001.8;008:1

Е. Д. Дерябина, Л. В. Фесенкова

ФЕНОМЕН КВАЗИНАУКИ И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Феномен квазинауки (лженауки, псевдонауки). Основные идеи, понятия, представления о культуре и человеке с позиций лженауки, претензии на научность, противоречия с современной научной картиной мира. Причины жизнеспособности лженауки, нечувствительность к критике в прошлом и настоящем. Проблема защиты науки от ложных представлений о мире.

Ключевые слова: научная картина мира, квазинаука, мировоззрение, культура, человек, эзотерика, оккультизм.

E. D. Deriabina, L. V. Fesenkova

THE PHENOMENON OF QUASYSCIENCE AND SCIENTIFIC OF THE PICTURE OF UNIVERSE

The fenomenons of a quasyscience or a falsehood science. Main ideas, notion about culture and mankind from the position of a falsehood science, its pretensions for truth and contradiction of experimental science. The source of a great vitality of the falsehood science, disregard of a critic in past and present times. There is a defend from the attack of a of falsehood science.

Keywords: the fenomenon of a quasyscience, the science picture of universe, culture, mankind, exoteric, occultism.

В современном общественном сознании сосуществуют два типа представлений о мире – научные и квазинаучные. Квазинаука многолика. Она выступает в виде оккультизма, экстрасенсорики, представлений о торсионных полях, астрологии, ноокосмологии, целительных практик на основе учений Коновалова, Анастасии, Грабового, кармической медицины Лазарева и т. д. Она пытается навязать нам свое видение мира. Сегодня агрессивность лженауки все нарастает: со всех сторон наступают оккультные учения различного толка, замаскированные под науку. Они принимают наукообразное обличие, часто сопровождаются графиками, формулами и математическими таблицами.

Оккультизм имеет свое собственное, якобы научное мировоззрение. Это мировоззрение – энергетическое: «Мироздание является огромной энергетической системой, а человек – одна из структур этой системы. В огромном поле энергетики происходят самые сложные процессы, в первую очередь связанные с энергетическим обменом. Последний и является главной силой эволюции человечества. Энергетический обмен (горизонтальный, вертикальный и глубинный) идет по разным направлениям... Горизонтальный обмен – это обмен на поверхности планеты, вертикальный – это обмен человека с космическими телами, с созвездиями Зодиака, с Солнцем, с планетами Солнечной системы, с созвездием Ориона, которое играет огромную роль как пространственно-временное помещение Космического Магнита» [13, с. 14], – пишет Л. В. Шапошникова – видный представитель современного оккультизма.

В такой картине мира все понимается через энергетику, даже такие, казалось бы, далекие от нее объекты, как культура, Россия, человек. Современные представители эзотерической мысли говорят о существовании энергетического поля культуры, роли России в его формировании. К людям они относятся как к субъектам-объектам эволюции.

Первые выполняют функцию одухотворения энергетической системы мироздания, вторые идут по энергетическому каналу эволюции неосознанно. Везде усматриваются биополевые структуры, тонкие миры, вибрации, уровни материи – все имеет энергетическую природу. Даже любовь рассматривается как энергетическое притяжение двух людей друг к другу и зависит от степени энергетического потенциала. Возникает и физическая модель семьи как двух шариков, испытывающих попеременное притягивание и отталкивание. Соединение двух людей, чувства, их связывающие, идущие от традиций, культуры, морали, долга – все рассматривается как притяжение и отталкивание шариков. Все очень просто и очень страшно. В этом одномерном мире, мире энергетических потоков, нас могут окружать вампиры, чтобы отсасывать нашу энергию.

Здесь мы встречаемся и с представлениями о переселении душ, о жизни после смерти, с Шамболой и Буддой, Христом и святыми. В них Шамбола является энергетическим центром мира, а святые и мудрецы являются проводниками энергии между космосом и Землей. Будда и Христос – это вовсе не Будда и Христос буддизма и христианства. Их действия жестко определяются физическими законами энергетики. Эти представления претендуют на синтез новейших теорий физики (квантовой механики) с учениями мудрецов древности.

Имеют ли такие претензии на научность реальную почву?

Прежде всего, отметим, что современная научная картина мира кардинально отличается от мировоззренческих взглядов эзотерики, что можно проследить на примере сопоставления научных и эзотерических взглядов по центральным вопросам происхождения мира, жизни, человека.

«Лунные боги, по теории современного оккультизма, создали тонкие тела человека, вокруг которого Природа строила эфирные и иные оболочки. Первоначально человек не обладал сознанием, но мог летать, не имел физического тела. Это первая раса. Вторая раса возникла путем уплотнения всех этих тел. Воспроизведение потомства людей второй расы происходило путем почкования» [14, с. 194; 4, с. 148]. С точки зрения науки, такие воззрения являются чудовищной профанацией и не имеют права на существование в серьезной литературе. Так же как и другие «научные» высказывания родоначальницы «Живой Этики» Е. И. Рерих о том, например, что Юпитер и Венера населены более совершенными, чем люди обитателями, а гималайские махатмы пришли на нашу планету с Венеры для ускорения нашей эволюции. Это сегодня всерьез повторяют проповедники эзотерических учений [5, с. 61]. Такое говорится в то время, когда летающие аппараты уже достигали Венеры, когда наука имеет достоверные сведения о раскаленной поверхности этой планеты, в атмосфере которой должны расплющиться и сгореть те птицы и рыбы, которые обязаны, согласно представлениям эзотерики, летать на ней!

Не менее поразительны и представления современных адептов Живой Этики об историческом процессе: «Этот процесс называется *закладыванием магнитов,* что связано с созданием в определенном пространстве энергетического поля, которое служит основой для дальнейшего эволюционного и исторического развития этого пространства... На нашей планете такие действия производились регулярно и определяли формирование земного исторического процесса. Магниты закладывались в преддверии переломных моментов эволюции и истории человечества» [11, с. 332]. Л. В. Шапошникова рассказывает, как экспедиция Рерихов в Центральную Азию заложила подобные магниты по всему экспедиционному маршруту, причем вибрация камня, который закладывала Е. И. Рерих, так же как и ее собственная энергетика, была согласована с ритмом Кос-

мического Магнита. В результате этого «места, по которым проходил путь Центрально-Азиатской экспедиции, станут со временем центрами развития нового энергетического вида человечества. Сформированное Рерихами энергетическое поле предопределило развитие этих регионов на много веков вперед... Магнит, ритм которого созвучен Космическому Магниту, или предмет, принадлежащий Высокому Духу и использованный в качестве магнита, могут, по утверждению великих учителей, предрешать историю государства или страны по крайней мере на 1000 лет» [11, с. 332].

В таком же противоречии с научными данными находятся представления квазинауки и по другим основополагающим проблемам, которые решаются современными науками – космогонией, биологией, палеонтологией. Для эзотерики не существует ни Менделеева, ни Дарвина, ни Эйнштейна, ни других гигантов науки, воззрения которых лежат в основе современных представлений о мире. Все научные авторитеты бестрепетно отбрасываются.

Создается впечатление, что современные оккультисты вернулись в глубокую древность и не слышали ничего ни о естественном отборе, ни о генетике, ни о теории относительности, ни о Большом взрыве, создавшем нашу Вселенную. Вместо этого они предлагают архаические представления магии и оккультизма, которые, в соответствии с требованием момента, облекаются в «научные» одежды.

Примеры воскрешения архаики с использованием языка науки бесчисленны. Вот некоторые из них: «С точки зрения современной физики, торсионные поля души (то есть поля кручения души) широко распространяются вокруг. Добрые мысли раскручивают торсионные поля в одну сторону, а злые в противоположную... Элементы торсионных полей отвечают за чувства страха, тревоги, негодования... Злые мысли и болезни действуют на душу одинаково – они раскручивают торсионные поля в негативную сторону» [6, с. 191]. И еще: «Иисус Христос... блестяще провел воскресение Лазаря, соединив его с источником космической энергии. Поступление энергии вдохнуло душу в тело Лазаря. При этом Христос должен был пробить энергетический барьер, отделяющий их обоих от нематериального мира и обрушить на Лазаря поток энергии из некоего энергетического резервуара, которым и пользовался сам» [15, с. 149]. Комментарии здесь излишни...

Во многих современных квазинаучных учениях постулируется наличие энергоинформационного поля Вселенной. Предполагается, что в нем отражена вся история развития нашей планеты и вся информация, накопленная человечеством. Именно в существовании такого поля квазинаука находит объяснение явлениям спиритизма, ясновидения, пророчеств, экстрасенсорики: экстрасенс, подключившись к этому полю, получает знания о прошлом и будущем. На концепции существования информационного суперполя, связывающего все сущее во Вселенной и на Земле, основывается биоэнергоинформатика – «новое научное направление, которое объясняет все аномалии (не признаваемые официальной наукой) с позиций информационноэнергетического обмена» [10, с. 92] – так представляет эту псевдонауку А. Ю. Савин – автор новой эзотерической концепции – «ноокосмологии», представляющей собой эклектическое соединение рерихианства и русского космизма. Духовная практика этой «науки» – прикосновение к высшим мирам, явление откровения и даже диалоги с «духовными субстанциями умерших людей», которые протекают по законам биоэнергоинформатики. Старинные идеи тайновидения, магии и оккультизма выступают здесь в предельно сциентизированном виде.

Победное шествие подобных псевдонаучных идей свидетельствует о том, что они

отвечают каким-то внутренним запросам европейского сознания. Именно поэтому лженаука оказывается воистину неистребимой. Каким же психологическим запросам удовлетворяют квазинаучные учения? Какие тайные склонности, дремлющие в бессознательном как человека XIX века, так и человека современного, находят свое выражение в основных идеях этого учения и делают его жизнеспособным и нечувствительным к любой критике?

Очевидно, что решающую роль здесь играет потребность европейского сознания в рациональном обосновании своих представлений о мире и человеке. Рационализм европейского человека диктует определенные требования и к тем положениям, которые он принимает на веру. Сегодня они должны хотя бы создавать видимость научно обоснованых. И эту видимость научного обоснования дает современная квазинаука. Течения эзотерической мысли подходят к духовным явлениям с мерками естествознания и дают им объяснение через природные процессы. «Теософическое знание слишком ориентировано на естественные науки и требует лишь их расширения на другие планы бытия... С легкостью переводит современная теософия сверхчувственное на чувственный язык и материализует духовное» [2, с. 4], – так писал Бердяев о теософии своего времени.

Между тем, Л. В. Шапошникова провозглашает и сегодня: «Дух есть энергия, сила Природы» [12, с. 87]. Духовные явления рассматриваются как материальные. Нимбы святых, например, оказываются результатом проявления квантовых оболочек их мозга, а вовсе не святости, не духовными подвигами и служением делу добра. Так же и Шамбола – есть энергетический и только потому духовный центр мира. В биополевой картине мира, которую пропагандируют современные эзотерики, все нравственные понятия: добро, зло, грех, справедливость – приобретают сугубо физикалистское понимание. А призывы к духовности, разговоры о том, что материю нужно понимать как проявление Духоматерии (каждый высший уровень материи по отношению к низшему, с точки зрения эзотериков, является Духом) – все это остается лишь на словах.

На деле же мы видим энергетическое понимание всех духовных явлений, опрощение всего высокого и морального, их материализацию. Весь сложный комплекс духовных, социальных и культурологических характеристик человека неправомерно упрощается и рассматривается исключительно как энергетический феномен. Научная картина мира заменяется биополевой – псевдофизической картиной мира. Любовь, добро, красота – все понимается в системе биополей разной степени тонкости, вибраций на разных планах бытия – то есть приобретает физические характеристики. Такие идеи абсолютного редукционизма вливаются в сознание современного общества, получая широкий резонанс. В результате развитие общественной мысли явно движется в определенном направлении – в направлении элиминирования духовных явлений. Понимание мира становится все более грубо физикалистским, позитивистским. Этот процесс поддерживается широким внедрением в современный менталитет целого потока псевдонаучных представлений, которые несут средства массовой информации, проповедуя астрологию, алхимию и эзотерические учения.

Популяризация фантастической картины мира эзотерики приводит вместе с тем и к популяризации непрофессиональных, псевдонаучных представлений. Именно они, а не представления подлинной науки, внедряются в широкие слои общественного сознания и получают статус «научности» в глазах рядовых членов общества, не связанных профессионально с естествознанием.

Наукообразное обличие современной квазинауки дает ей возможность вписаться в систему требований современного мента-

литета. Бурный успех теософских (квазинаучных) идей связан именно с этой важной чертой европейского сознания – его потребности в рациональном и, более того, научном обосновании своих верований.

Все это показывает, что в обществе идут процессы обесценивания науки в массовом сознании. От понимания подлинной научности мы движемся к усвоению научности мнимой. Так дискредитируется наука, общество становится все более ограниченным и бездуховным. Об этом опасном для общества проникновении псевдонауки во все слои общества и все его институты свидетельствует обращение Президиума Российской Академии Наук к научным работникам, учителям, всем членам российского интеллектуального сообщества, призывающее к активной борьбе с фальсификацией науки магией и оккультизмом [7, с. 6].

Необходимо отметить, что представления обыденного сознания о мире сегодня выступают как конгломерат из научных и фантастических представлений, которые ищут опоры в науке, выдают свои теории за научно доказанные, полагая, что высокий общественный статус науки может обеспечить лженаучным теориям видимость достоверности. Сегодня наш любознательный современник оказывается в сложной ситуации. Он не знает, на что опираться, во что верить. И в самом деле, как же отличить ложь от истины, когда СМИ не помогают, а лишь запутывают бедного интеллигента.

Каковы же причины такого бурного наступления на науку со стороны модернизированной мистики и оккультизма? Крушение марксистского мировоззрения, так долго заменявшего многим религию, оставило нас на пустом месте, без всякой веры, которая является постоянной и насущной потребностью человеческого духа. Сейчас массы откатываются к традиционной религии. Но для интеллектуалов возврат к верованиям наших предков является нелегкой проблемой.

«Современный европейский человек, рационалист и материалист по своему сознанию, одну лишь эволюционно-натуралистическую теософию может примирить со своей наукой и научностью», – писал много десятилетий назад Бердяев [3, с. 514]. Его слова и сейчас звучат современно. Сегодня актуальны соображения о том, что рационалистическое сознание западного человека, привыкшего видеть в науке ключ к решению всех вопросов, тяготеет к восприятию теософских, восточных учений. Наш современник – рядовой интеллигент, оглушенный наукообразием эзотерической фразеологии, рассматривает оккультизм, в частности, как необходимый этап в развитии менталитета.

Какие же еще вкусы и пристрастия современного человека способствуют популярности теософской доктрины?

Очень важной чертой, характеризующей сознание европейца, является его потребность в самоутверждении, в укоренении своей индивидуальной, личностной значимости. Теософия резко повышает онтологический статус человека в общей картине мироздания и тем самым удовлетворяет одной из основных духовных потребностей западного человека.

Известно, что уже в эпоху Возрождения расцвет гуманизма, ставившего в центр внимания человека с его правами и потребностями, привел к идее высочайшего метафизического достоинства человека. Значимость человека повышалась даже по сравнению с представлениями библейской антропологии, где он, как венец творения, созданный по образу и подобию Божию, имел достаточно высокий онтологический статус.

Это привело к популяризации уже в XIV–XV веках оккультных учений, выступающих тогда в рамках христианской религии. Увлечение белой и черной магией имело своим источником стремление к возвеличиванию и самоутверждению человека во вселенском масштабе – перед миром, Космосом, Бо-

гом. Герметическое учение о тождестве макро- и микрокосмоса, дополненное иудейской каббалой, должно было позволить человеку овладеть «ангелическимим силами» и самому превратиться в Бога.

Пико Делла Мирандола – богослов и философ эпохи Возрождения (а также пропагандист магии и каббалы) провозгласил доктрину достоинства человека. Он писал, что человек – великое чудо, так как сам лепит свой образ, согласно заранее выбранной форме. Он может возвышаться посредством чистого разума и стать ангелом, может подниматься и еще выше. Величие человека, таким образом, заключается в искусстве быть творцом самого себя, в самоконструировании. Он может «переродиться в низшие, неразумные существа, но может переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» [13, с. 14].

Воздействие на европейское общество представлений магии античности и Египта, иудейской каббалы и других эзотерических учений можно проследить на протяжении всего последующего развития западной культуры. В этих представлениях человек выступает как властелин природы. Магия используется им для достижения власти над ее законами в собственных целях, без участия и благодати Бога. Это открытый вызов христианской традиции – подмена христианского учения о Богочеловеке мечтой о человекобоге, который собственным магическим усилием достигает божественного состояния. Поклонение Богочеловеку (Христу) превращается в поклонение человекобогу. Такая подмена совершается в эпоху Возрождения в рамках самого христианства и пропагандируется ее авторами как дальнейшее развитие христианской традиции. На деле же это – традиция оккультная. Она имеет нехристианские, гностические истоки, развиваясь в европейской культуре параллельно с христианством.

В теософии Блаватской и Рерихов, а также в современных эзотерических учениях, ориентированных на их представления, эта черта возвеличивания человека достигает своего апогея. Сторонники подобных учений утверждают, что человек в своей эволюции способен обрести сверхчеловеческие качества (телепатию, способность к путешествиям в астральных мирах и т. д.). Таких качеств достигают восточные адепты или махатмы – таинственные существа, обладающие всеми атрибутами божественности. Человек, совершенствуя себя, становится махатмой – сверхчеловеком, то есть тем бессмертным и безгрешным человекобогом, о котором мечтали маги и тайновидцы Европы. Махатмы – это Великие Учителя, старшие братья человечества, утверждают эзотерики. Они могут выделять из своего физического тела, пребывающие в глубинах психики тонкие материально-энергетические оболочки, свободно путешествовать в этих оболочках по миру, посещать учеников. Они участвуют в жизни человечества, сохраняя анонимность. Такие представления об онтологическом статусе человека показывают, что учение теософии и Живой Этики является дальнейшим развитием гностической традиции в истории западноевропейской культуры.

Психологическая подпочва этих представлений может быть отчасти раскрыта с помощью учения Юнга об архетипах коллективного бессознательного, которые он рассматривает в качестве ментальных форм и выводит присутствие их из первобытных и унаследованных источников человеческого разума. Это – «первобытные образцы», которые являются «инстинктивным вектором, направленным трендом, точно так же, как импульс у птиц вить гнездо и у муравьев строить муравейник» [14, с. 194]. С этой точки зрения, мессианские чаяния о преобразовании мира и самого человека представляют собой проявления архетипа «золотого века», вечно воспроизводимого в менталитете разных наций, в разные эпохи, в разных странах.

Какие же еще вкусы и пристрастия современного человека способствуют популярности квазинаучных представлений?

Анализ общественного сознания показывает, что важной чертой европейского человека (и чертой поразительной) является неодолимая тяга к построению совершенного общества, в котором разрешались бы все противоречия, несправедливости и неправда нашей жизни, и вера в возможность построить такое общество не в потустороннем мире, а здесь на земле силами самого человека, с помощью науки. Такая мессианская, эсхатологическая идея глобального спасения человечества выливается в конкретные модели построения гармоничного общества. Из истории видно, что она возникает спонтанно, включается в общественное сознание своей эпохи, а потом бесследно исчезает и появляется спустя столетия уже в других условиях, у других народов.

В представлениях теософии, как и других эзотерических учений, идея спасения человечества приобретает свое наиболее полное выражение. Она не ограничивается только одной страной и даже одной нашей планетой, а приобретает космические размеры – целые космические цивилизации эволюционируют к совершенству. Эволюционное совершенствование происходит путем восхождения по лестнице космических Иерархий, приближаясь к Высшему Разуму. Человек может сотрудничать с ним в деле прогресса цивилизаций Космоса. В этих представлениях максимально воплощаются мечты утопических мыслителей, которые проходят красной нитью через всю историю европейской мысли.

Анализ влияния эзотерики на современный менталитет позволяет выявить некоторую тенденцию в движении идей общественного сознания, дальнейшее развитие которой может привести к возникновению непредсказуемых явлений в социуме. Неожиданно открывается поразительный факт – тяготение нашего современника к авторитарности и тоталитаризму. Свободолюбивое сознание европейца сегодня с готовностью воспринимает учения, внутренне заряженные крайней несвободой. Это утверждение на первый взгляд противоречит рассмотренным выше представлениям эзотерики о высоком статусе человека и его рациональной направленности, которая делает вполне понятной склонность к оккультным концепциям, повышающим значимость индивидуальности в мире и несущим идеи эволюционного совершенствования человека.

Но, вчитываясь в тексты теософии и Живой Этики, мы приходим к тому, что эти Учения только на первый взгляд повышают значимость индивида, а на деле все обстоит совершенно иначе. Учение, провозглашая тезис о безграничных возможностях человека и санкционируя его духовное совершенствование, в то же время полностью лишает его свободы. Каждая мысль индивида контролируется, ни одно действие не остается без оценки. Самое существование зависит от решений Высшего Разума. Эволюция души человека протекает под неусыпным контролем высших сил, начиная с первого воплощения.

Известный теософ, ученик Е. И. Рерих, А. Клизовский следующим образом развивает концепцию о неизбежности страшного наказания для непокорной души и непокорного человечества в целом: Человека, не верящего в теософию и не признающего существование Старших Братьев человечества, руководящих эволюцией Вселенной, ждут тяжкие последствия разрыва с высшим началом. Катастрофы Атлантиды и Лемурии (рас человечества, предшествующих нашей расе) были порождены неповиновением и пренебрежением к Высшему Началу. А. Клизовский считает, что и современному миру по этим же причинам грозят великие бедствия: «Не примененная Психическая энергия может закончить Эволюцию гигантским взрывом, обратившись в разрушительную силу» [10, с. 112]. А некоторые современные адепты теософии

обещают непокорным немедленное наказание – их лишают жизни и сознания; души их идут на переработку в единую энергетическую базу Космоса.

Так свободолюбивые мечты о высоком метафизическом достоинстве человека, о его светлой миссии во Вселенной оборачиваются в учениях оккультизма максимальной несвободой.

Удивительно, что эти идеи, казалось бы, в корне противоречащие внутренним потенциям европейского духа, находят сторонников и ярых пропагандистов. Тяга к свободе человека понятна, как и его приверженность идеям гуманизма и демократии, лежащих в основании общественного устройства европейских стран и гарантирующих его права. Но подчинение? Чем оно привлекает? Какие темные движения бессознательного влекут к нему? И почему тоталитарные установки возникли в сознании таких интеллектуальных личностей, как авторы учения Живой Этики – Е. И. и Н. К. Рерихи?

Ответить на последний вопрос достаточно просто. Стоит лишь обратиться к духовной атмосфере времени наивысшей популярности квазинаучного оккультизма в российском менталитете – времени формирования учений П. Успенского, Гурджиева, Е. Блаватской, А. Безант, Р. Штейнера, Н. К. и Е. И Рерихов и многих других и рассмотреть идеалы и нормы этой эпохи.

Конец XIX и начало XX веков – предреволюционное время. Оно было насыщено утопическими мечтами о будущем идеальном обществе. Менталитет этой эпохи характеризовался ожиданием скорого возникновения такого общества. «Мы увидим все небо в алмазах», – провозглашали идеальные герои Чехова, вызывая сочувствие и приобретая огромную популярность. В светлых лучах этого предчувствуемого будущего реальная жизнь казалась пошлой и чудовищной. Чем ярче были мечты о победе Правды и Добра, тем страшнее и грязнее представлялась окружающая реальная жизнь. Она воспринималась как воплощенное зло. Переделать хотели все – государство, семью, религию, даже язык. Это витало в воздухе: жажда нового и ненависть ко всему старому, мещанскому. Ему не было места в светлом будущем. Оно должно было исчезнуть, уничтожится.

Создатели оккультных учений впитали в себя атмосферу напряженного ожидания скорого наступления эпохи Света и стремление к разрушению всего пошлого, низкого, мещанского. Поэтому так понятна ненависть к мещанству у Рерихов, их неприятие консервативных начал жизни, нетерпимость к людям, не принимающим новое (Е. И. Рерих характеризует их как «грязь», «тряпье»), их выступления против ветхих предрассудков. «Народы неграмотны и покрыты вонью и мерзкими насекомыми. Который из ветхих предрассудков оплакивать? Весь сундук насекомых надо сжечь» , – провозглашает Е. И. Рерих [8, с. 46]. Отмена сословий и даже народностей, переделка городов как гнойников разврата [1, с. 37], введение в Общине исключительно растительного питания, разрушение домашнего очага и даже самого понятия дома во имя коллективизма – вот те перемены, которые обещает рериховская Община. Особенное возмущение у создателей Общины вызывают люди, праздно беседующие за кружкой пива. В новом обществе этого не будет, заверяет Е. И. Рерих – этот рассадник пошлостей должен быть уничтожен [9, с. 20].

Эти высказывания могут шокировать современного человека. Но их нужно воспринимать сегодня только как типичные всплески настроений предреволюционной эпохи, как симптомы того далекого времени. Грозные нотки в письмах и трудах Рерихов так и дышат революционным гневом и революционной нетерпимостью. Их симпатии к большевизму также симптоматичны для того времени. Ими страдали многие интеллигенты – вершители дум той эпохи (А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, М. Кузьмин

и многие другие). Один из авторов сборника «Из глубины» (А. С. Изгоев) писал, что вся интеллигенция ждала революцию, и большевики лишь осуществили на деле то, о чем она мечтала. Революция – это было общее желание всего общества. Вполне понятно, что Рерихи были также захвачены этим общим желанием, чем и объясняется их позиция.

Но общество хочет получить ответ на другой вопрос – вопрос о тенденциях в развитии нашего менталитета. И тогда мы вынуждены отметить ясно выраженное стремление современника к несвободе. В самом деле, почему же люди из той относительной свободы, которой они обладают сейчас, тянутся к тоталитарному режиму, которым изнутри заряжено большинство оккультных учений, например, к рерихианской Общине, где не будет ни дома, ни собственного стола, ни теплых застолий с пивом, ни даже права держать домашних животных. Тянутся к жесткой иерархической структуре общества, где будет всеобщее подчинение и контроль высших над низшими, где человек потеряет свою самостоятельность и даже личность.

К сожалению, мы настоящие профаны в отношении понимания собственной психики, и потому нам трудно ответить на этот вопрос. Мы не знаем, куда настойчиво влекут импульсы, заложенные в бессознательном человека. В социокультурном плане это означает, что воздействие синкретических концепций квазинауки на развитие европейского менталитета сегодня непредсказуемо. Но безоговорочное и восторженное принятие лженаучных учений, заряженных деспотизмом и тоталитаризмом, должно расцениваться как опасный симптом.

Возможно, что сейчас происходит смена идеологий, в результате чего идеал свободы и гуманизма, заставляющий европейца видеть будущее в розовом свете (как осуществленное общество справедливости и ненасилия), заменится другими идеалами. Отход от гуманизма и смена аксиологических ориентиров под воздействием квазинаучных учений – вот главная опасность нашей эпохи.

Поэтому борьба с квазинаучными представлениями является важной проблемой современности, – проблемой защиты (даже спасения) науки от ложных представлений о мире, формирующих идеалы, которые ведут человечество в никуда.

Литература

1. Агни Йога. Напутствие вождю 99. – Кемерово, 1992.
2. Бердяев Н. А. Теософия и антропософия в России. – М., 1991.
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М., 1989.
4. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. – М., 1991. – Т. 2.
5. Ключников С. В. Как читать Агни-Йогу. – М., 1993.
6. Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли. – М., 1993.
7. НГ-Наука. 1999. – № 8. – 15 сентября.
8. Рерих Е. И. Агни Йога, кн. 3. Община 141 // Сердце, приложение к № 4–5. – СПб., 1993.
9. Рерих Е. И. Агни Йога, кн. 3. Община 63(1) // Сердце, приложение к № 4–5, СПб., 1993.
10. Савин А. Ю. Ноокосмология. – М., 1994.
11. Шапошникова Л. В. Мудрость веков. – М., 1996.
12. Шапошникова Л. В. Мир огненный. – 3/96. – № 11.
13. Шапошникова Л. В. Пути восхождения. – М., 1995.
14. Эзотерический словарь. – М.; Рига, 1993.
15. Юрьев В. Вселенная экстрасенсов. – М., 1993.

УДК 351.85

Г. А. Цветкова, С. В. Минаков

ТРАДИЦИЯ «НЕПРАВЕДНОГО БОГАТСТВА» В КУЛЬТУРЕ РОССИИ

В статье рассматривается проблема позитивного, промодернизационного потенциала обусловленных православием ментальных моделей социокультурного поведения современных россиян, в частности, культурная традиция формирования качеств «экономического» человека в условиях «домостроевского» образа жизни, представлений о богатстве.

Ключевые слова: богатство, домострой, православие, россияне, ментальность.

G. A. Tsvetkova, S. V. Minakov

TRADITION “UNRIGHTEOUS WEALTH” IN THE CULTURE OF RUSSIA

In the article is examined the problem of the positive, promodernizatsion potential of the caused by orthodoxy mental models of the sociocultural behavior of contemporary Russians, in particular, the cultural tradition of molding of the qualities “economic” person under the conditions “patriarchal” means of life, ideas about wealth.

Keywords: wealth, domostroy, orthodoxy, Russians, mentalnost.

Статистика последних лет свидетельствует, что основная масса русскоязычного населения России причисляет себя к православным, при этом, не всегда причисляя себя к верующим. Этот внешне парадоксальный факт превышения числа приверженцев православия над числом верующих объясняется исследователями восприятием православия не только как собственно религиозной (мировоззренческой) системы, но и как привычной культурной среды и традиционного образа жизни. Православие приобретает особое значение культурологического стержня и символа национальной идентичности [4]. В этом соотнесении понятий «русский» и «православный» в сознании и представлениях россиян отражается усиление связи между этнической и конфессиональной самоидентификацией. Причисление себя к традиционной конфессии выражает национальное самосознание людей, фиксируя тенденцию к совмещению религиозного и национального самосознания. Православие превратилось в «дополнительный символ новой русской идентичности, компенсирующий издержки рыночных реформ на уровне обыденного восприятия социальных реалий» [3, с. 103–119].

В настоящее время в общественном сознании россиян заметен рост авторитета православной религии. Ее влияние на духовно-нравственный облик человека оценивается как положительное. Утверждается представление, что православная церковь может и должна внести свою лепту в формирование нравственно здорового российского общества. При этом имеется в виду использование ее как высокоэффективного, уникального, но, конечно, не единственного средства, а наряду с образованием, экономикой, социальными рычагами. Острая потребность формирования нравственной личности предполагает объединение усилий. Церковь, государство и общество нацеливаются на совместную деятельность.

В связи с поиском форм и средств сотрудничества в деле нравственного воспитания актуальным является исследование деятельности церкви по формированию духовно-нравственных основ личности, изучение опыта сотрудничества церкви и государства

в этой сфере. Требуется осмысление методов эффективных в условиях современной России, стабилизирующейся как социально-экономическая система, ориентированная на модернизацию.

С целью осмысления влияния церкви на общество было проведено исследование, в задачи которого входило выявление того, каким именно внутренним духовным состояниям и потребностям современного человека отвечает православие, заполняя пустоты духовной жизни, какие ценностные установки оно формирует, каким образом они соотносятся с задачами экономического развития, становятся ли они культурным фактором модернизации.

Исследование проводилось в Пермском крае, была составлена анкета, в которой были заложены вопросы относительно степени духовной грамотности людей, религиозной активности (воцерковленности), активности в делах милосердия и вообще исполнения заповедей Божьих, отношения также к таким базовым ценностям, как Отечество, образование (светское и духовное), культура, труд, семья.

В результате исследования выявлено, что в крае имеется достаточно высокий уровень доверия населения к церкви. Он составляет 62,9 %, и значительно превышает уровень доверия к радио и телевидению, к прессе, правоохранительным органам, профсоюзам и другим общественным и государственным структурам.

Исследования показали, что верующие Прикамья являются важнейшей опорой социальной стабильности региона. Независимо от своей конфессиональной принадлежности, они проявляют достаточное терпение перед лицом тяжких материальных и психологических трудностей, характерных для современного этапа истории нашей страны. Неоднократные замеры мониторинговой службы Областной администрации выявили, что именно у религиозных граждан отмечается наименьшая «протестная готовность» (особенно, в отношении ее насильственных форм).

Вопреки объективным трудностям жизни, религиозная практика позволяет верующим сохранять оптимистичный жизненный настрой. Две трети религиозных граждан заявляют, что испытывают нормальное, ровное и даже хорошее настроение. Оценивая свое жизненное положение, 87,8 % среди верующих заявляют, что «все не так плохо, и жить можно». Или же «жить трудно, но можно терпеть». 61,9 % этих лиц с уверенностью и надеждой смотрят в «завтрашний день». Эти данные свидетельствуют, что взгляд на жизнь у верующих более оптимистичный, чем у нерелигиозных граждан.

47,0 % верующих считают, что страна развивается в правильном направлении, две трети (66,9 %, что выше уровня нерелигиозных граждан) поддерживает курс на продолжение экономических реформ в стране.

Исследования показывают, что наблюдается постепенное увеличение доли убежденных верующих в структуре религиозного населения Пермского края. С 1993 по 2003 год она выросла более чем в три раза и к настоящему времени составляет около 30 %. Данная тенденция говорит о возрастании религиозной стабильности в регионе.

Осознание православия как культурного фактора социально-экономического развития России требуют осмысления особенностей его воздействия в связи с государственной модернизационной стратегией XXI века, нацеливающей на поиск ресурсов для достижения процветания государства, центральным параметром имеющее высокий материальный уровень жизни населения, связанный с представлениями о богатстве. Поэтому важно понять, каким образом соотносятся

православие и богатство, как считают исследователи, «эффективные лекарства от бедности имеют внутреннее, а не внешнее происхождение» [6, с. 52].

Начиная с М. Вебера, религиозные основания экономического поведения людей, признанные современными исследователями несомненными, рассматриваются в аспекте способствующих развитию или тормозящих его [6, 1, с. 61–208]. Христианство, взятое в ценностях пренебрежении земными благами, что как бы приговаривает христиан к бедности и представляется скорее как негативно действующий фактор развития, обусловливая ментальные модели, препятствующие проведению курса на процветание [6]. Преломление этого подхода к отечественной культуре, по сути, обосновывает несовместимость экономического прогресса и православного миропонимания, руководствующегося якобы в мирской жизни монастырскими принципами как идеалом спасения [5, с. 53–94]. Представляется, что применение критерия монашества к жизни в миру не дает полного понимания тенденций экономического поведения православных россиян. Будучи православным государством, Россия входила в число могущественных мировых держав. В связи с этим интерес представляет постановка проблемы положительного влияния православия на хозяйственно-экономическое поведение, рассмотрение православно обусловленных ментальных моделей как позитивного потенциала развития, стимулирующих своих носителей к социально-экономическому прогрессу. Предметом данной статья является вопрос об отношении православия к богатству и ментальных истоках его накопления.

Критерием для интерпретации экономического поведения православных служат ментальные модели, которые считаются предпосылкой к процветанию. Они, как правило, включают такие культурные атрибуты, как трудолюбие, инициативность, ценностный подход к образованию, склонность к сбережению и инвестированию. А также честность, усердие, бережливость, расчетливость, аккуратность и т. п. [6, с. 53, 55].

Достоверным источником понимания нормативного поведения, должного православному, являются святоотеческие тексты, утвердившиеся как прецедентные для богоугодного стиля жизни в миру, задававшие рекомендации по обустройству жизни. Известным сборником таковых является «Домострой», ставший образцом определенного образа жизни православных («домостроевского»), коннотация которого означает традиционную русскую обыденность.

В русской традиции считалось необходимым устройство земного мира на христианских представлениях. Основанием иерархии земной жизни, фундаментом ее процветания была, по учению Церкви, семья. Первичная по отношению к государству, семья составляет его главное основание, поэтому именно семейная жизнь суть «свойственные ей обязанности и добродетели существовали прежде, чем семейство разрослось в народ и образовалось государство. Посему жизнь семейная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом корень дерева» [9, с. 22]. Следовательно, чтобы государство процветало, «чтобы дерево зеленело, цвело и приносило плод, надобно, чтобы корень был крепок и приносил дереву чистый сок» [Там же]. На Руси со времен крещения церковь ведала семейным правом, создавая предписания устройства семейной жизни в соответствии с христианской моралью. И впоследствии, формально передав их государству, фактически церковь, то есть православие, силой традиции продолжало определять строй жизни и образ миропонимания и через семью закладывало ментальные модели социального поведения.

Внимая к своей жизни как дарованной Господом, «Домострой» учил создавать благосостояние, помещая в основание благополучия правильный семейный уклад, в котором и вырабатывались соответствующие качества. Домострой служил настольной учительной книгой повседневной практики, убеждая в том, что можно прожить достойную мирскую жизнь и при этом еще и угодить Богу. Исходным для этой убежденности было представление, что мир – Божественное творение и истинные законы земной жизни не противоречат Божественным установлениям [7, с. 3; 2]. «Домостроевские» принципы жизни были общезначимыми, что косвенно подтверждается рефреном, звучащим по всему тексту утверждением, что за нарушение предписанных в нем правил не только «от Бога грех», но и «от людей насмешка». Если люди знали, что достойно осмеяния, значит, знали правила, и лишь от их свободной воли зависело, следовать им или нет.

Установки «Домостроя» как раз и разрешали дилемму спасения в миру, помимо монашеского идеала, предлагая путь мирской аскезы, состоящей в таком исполнении своих мирских обязанностей, как они определяют для каждого человека его место в жизни. В этом проявляется угождение Богу, опровергается предубеждение ко спасению в миру, предлагая аскетический путь и для мирянина. Основу мирской аскезы по «Домострою» составляет не отречение от жизни, а умеренность во всех жизненных проявлениях, четкое устроение жизни дома, соблюдение всеми домочадцами правил, исполнение обязанностей, порядка «во всем». При этом «Домострой» понуждал своих последователей наградами не только в загробном мире, но и в конкретной земной форме, утверждая, что «сбереженье всему» сопровождает «доход». Своеобразная мирская аскеза умеренности, бережливости, расчетливости становилась умениями рационального ведения хозяйства, чем пролагался путь к материальному благополучию, богатству, чтобы все было бы «у самого сполна».

Богатство для православного и благословение Бога, как результат богоугодной жизни, но и «неправедное богатство», поскольку обогащает для земной жизни. Для православного всякое материальное благо, удержанное для себя, уже является неправедным, подозрительным, потенциально опасным. Священное Писание предупреждает: «Надеющийся на богатство свое упадет» [Притчи 11:28], «горе вам, богатые, ибо вы получили утешение ваше» [Лука 6:24]. Но, согласно Евангелию, оно же могло стать средством ко спасению, возможностью приобрести себе «друзей» для Царства Божия. Не отрицая, таким образом, богатства, предупреждая о его опасности («Краше быть в праведном убожестве, нежели в неправедном богатстве») [2, с. 231], православие посредством «домостроевского» образа жизни нацеливало угождать Богу, не пренебрегая «неправедным богатством». Богатство для православного есть бремя, противоречивость обладания им требует постоянного самоконтроля ради использования его во спасение, не отказываясь от него.

Отец, воспитывая сына, как это делал Сильвестр, предполагаемый автор Домостроя, «в добром поучении и заповедях божьих, и страху божьему и божественному писанию, и всякому закону христианскому», обязан был учить «и заботам добрым, во всяких торговлях и во всяких товарах всему» [2, с. 230]. Результатом усилий была радость отца о безбедной, обеспеченной жизни сына, основанием которой, становилось приобретенное родительским попечением, богатство, доставшееся «праведными трудами и подтвердит это Бог направляющий». Гарантом

дальнейшего богоугодного материального благоденствия сына, по замыслу отца, может служить набор деловых умений, которые помогут это «благословенное имение» сохранить и преумножить, дабы «и после нас сохранил бы тебя Бог так же жить», то есть безбедной жизнью.

Прежде всего, рекомендовалось своеобразная православная модель деловых отношений, приносящих экономическую выгоду. Это «дружба», которая устанавливалась православным подходом к решению любых проблем и конфликтов, «любовью да лаской», «хлебом-солью», а не высокомерной силой богатства. «А ведаешь и сам, что не богатством жили мы с добрыми людьми, – правдой, да лаской да любовью, а не гордостью и без всякой лжи». Весь свой жизненный опыт Сильвестр приводит как свидетельство пользы «дружбы»: «какие большие ссоры со многими были людьми», а благодаря правильному поведению «без вражды кончалось». «Дружба» была пусковым механизмом для вступления в силу негласного закона деловых отношений: «кому што продавал, все в любовь, а не в обман». Следование ему налагало, в том числе, обременительные, невыгодные обязательства: «Кому не нравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам» [2, с. 160], без волокиты платеж, «да еще и хлеб-соль сверх того» и тогда, «и дружба навек». Но выстроенная на христианских ценностях модель деловых отношений приносила реальную материальную прибыль: «никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет» [2, с. 236].

Показателен с точки зрения формирования качеств рационального хозяйствования и предприимчивости образ домостроевской «хорошей» жены. Женщина в «Домострое», прежде всего, предстает как «заботливая хозяйка». Все другие ее функции на втором плане. Хорошая жена «наготовит на все, что нужно», обладает умением эффективного использования домашнего скарба и вещей, «что пришло в ветхость, то для домашней носки, что перекроено и перешито», «запасы пересмотреть… где измято, или побито, или дыряво, или что где измазано, или продралось, и какой-то в чем непорядок или что не цело – и все то пересчитать, и отметить, и записать». При этом «хорошая» жена самостоятельна и предприимчива, смекалиста: «что продаст, а на те деньги, что нужно купит, и потому у мужа денег не спросит», а еще ведет всему учет, все предусматривает и контролирует. Она «велеть при себе кроить» «рубашки нарядные, мужские и женские, и штаны», и все остатки и обрезки – …и дорогие, и дешевые…и новое, и ветхое – все было бы прибрано мелкое в мешочки, а остатки скручены и связаны и все разобрано по размеру и припрятано, и как потребуется сделать что из ветхого или нового не хватило, – а то все и есть в запасе, и на рынке того не ищешь: дал Бог, у доброго разума, у заботливой хозяйки все и дома нашлось» [2, с. 228–229].

Домостроевский дух хозяйственной предприимчивости, реализуемый в устройстве домашней жизни, должен был проявлять служение Богу. В этом, сочетающем благочестие и рациональную хозяйственность, образе жизни происходило формирование трудолюбия, бережливости, аккуратности и расчетливости, умеренности, трезвенности и предприимчивости. Русской традиции не был чужд ни практический ум, ни хозяйственная хватка. Парадоксальным явлением этого феномена служат некоторые святые Древней Руси. Будучи святыми, аскетами, монахами, они одновременно выступают как домовитые хозяева, которым не чуждо и стяжание богатства. Примером такого рачительного хозяйства служит монастырь Иосифа Волоцкого.

Неизменно он богател, конечно, трудами монахов, но решающую роль, здесь играло рачительство игумена, умевшего организовать большое эффективное хозяйство, известное благочестие, которого внушало доверие богатым православным делать в монастырь богатые вклады [8, с. 207–223].

Раскрытая традиция хозяйственно-экономических представлений не дает оснований устанавливать прямую зависимость между православным миропониманием и материальной бедностью. В этой связи представляется, что наличие среди современных православных наибольшего числа материально малообеспеченных[1] людей есть показатель не столько христианского равнодушия к земным благам, стяжанию богатства, сколько свидетельство уровня и характера религиозности, степени воцерковленности. И более того, это, возможно, свидетельство поверхностной православности. На основе раскрытой традиции домостроевского воспитания можно говорить, что православность, воспитание навыков домостроительства скорее способствуют благоденствию, чем отрицают его. Православие не только не отрицает богатства, но и, напротив, поощряет его ради выполнения христианского долга и социального служения, как делалось Сильвестром в миру, а Иосифом Волоцким в монастыре. Не подтверждается утверждение о противопоказанности социально-экономическому прогрессу христианских ментальных моделей, нацеливающих якобы исключительно на загробную жизнь, и тем развивающих равнодушие к устроению земного блага. В православной традиции существуют ценности рачительного хозяйствования, поощрение умения заставить неправедное богатство служить во спасение.

[1] Об этом, в частности, свидетельствуют данные исследования С.В. Минакова в Пермском крае. Исследовались города с населением выше 30 тыс. чел. Таковых набралось 11: Пермь (985,8 тыс. чел.), Березники (164,9), Соликамск (96,2; с районом – 113918), Чайковский (82,6; с районом – 108654), Лысьва (68,1; с районом – 82303), Кунгур (68,1; с районом – 114585), Краснокамск (52,6; с районом – 70467), Чусовой (48,9; с районом – 72700), Чернушка (36,3; с районом – 52248), Добрянка (35,7; с районом – 61433), Кудымкар (30,8; с районом – 58405).

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. – М., 1990.
2. Домострой // Древнерусская литература. – М., 1993.
3. Каариайнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий (часть 1) // Общественные науки и современность. – 2007. – № 1.
4. Казьмина О. Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2007.
5. Коваль Т. Б. Православная этика труда // Мир России. – 1994. – Т. 3, № 2.
6. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М., 2002.
7. Найденова Л. П. Мир русского человека XIV–XVII веков. – М., 2003.
8. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. – СПб., 2004.
9. Филарет, митр. Москов. Государственное учение. – Джорданвилль, 1997.

УДК 008.009:39

Г. Н. Миненко

ЗАПАДНЫЕ И РОССИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ КОНЦЕПТА «НАРОДНОСТЬ» В ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

В статье обсуждается соотношение западных и русских корней происхождения концепта «народность» в славянофильстве. Выясняется характер влияния на его трактовку, с одной стороны, немецкого романтизма и немецкой философии (Гердер, Шеллинг, Гегель), с другой – отечественной литературной публицистики первой половины XIX века. Утверждается многофункциональность славянофильского представления о народности.

Ключевые слова: народ, народность, православие, романтизм, самобытность, славянофильство.

G. N. Minenko

WESTERN AND RUSSIAN SOURCES OF CONCEPT “NARODNICHESTVO” IN THE EARLY SLAVOPHILIC IDEOLOGY

The article discusses correlation of Western and Russian roots of origin of the concept «narodnost» in Slavophilism. It explains the nature of its impact on concept, on the one hand, German Romanticism and German philosophy (Herder, Schelling, Hegel), on the other, the national literary journalism of the first half of the XIXth century. It approves the versatility of the Slavophile idea of the nation.

Keywords: people, nation, Orthodoxy, romance, identity, Slavophilism.

Под ранним славянофильством мы имеем в виду славянофильство дореформенное, персонифицируемое такими именами, как К. С. Аксаков, И. В. и П. В. Киреевские, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков. Изученность славянофильства в целом следует признать довольно высокой. К настоящему времени не только переизданы основные труды славянофилов (хотя академических изданий еще нет), но и, начиная с 1970-х годов, вышло несколько десятков отечественных монографий (К. М. Антонов, М. Ф. Антонов, Т. И. Благова, Е. А. Дудзинская, З. А. Каменский, А. Д. Каплин, В. А. Кошелев, В. И. Кулешов, М. М. Рябий, А. Д. Соймонов, Н. И. Цимбаев, Ю. З. Янковский и многие др.). Появились энциклопедические издания, в 2009 году вышла историческая энциклопедия по славянофильству (См.: [47; 48]).

Терминами *народ* и *народность* обозначаются наиболее значимые, по самооценке славянофилов, если не понятия, то концепты. К. С. Аксаков так и считал, что славянофильское учение – это именно учение о русском народе и народности. Известно, что язык славянофилов не строго научный или философский, то есть не категориальный. Поэтому неоднократно отмечалась неопределенность, неоднозначность их представлений о народе и народности. Действительно, эти термины часто употреблялись ими как взаимозаменяемые. Поэтому, строго говоря, писания славянофилов о народности до уровня собственно концепции, конечно, не дотягивали.

В отечественном литературоведении дискуссии о народности, относящиеся к периоду деятельности ранних славянофилов и становления русской национальной литературы, изучены достаточно подробно, хотя лишь на уровне статейных публикаций (В. Э. Богорад, Б, Ф. Егоров, М. Г. Зельдович и др.); монографические издания нам не из-

вестны, за исключением невнятного раздела о народности в сочинении А. Скабичевского (См.: [46]). Но с анализом славянофильского понимания народности ситуация совсем другая. Славянофильству в этом отношении не повезло. Об этом свидетельствует составленная А. Д. Каплиным в упомянутой энциклопедии библиография по славянофильству, включающая в себя около двух тысяч позиций и охватывающая публикации с 1830-х годов до 2008 года. О народе и народности мы находим здесь чрезвычайно мало публикаций. До революции это небольшие работы В. Завитневича и В. Герье [19; 28]. С начала 1970-х годов и до наших дней – не более десятка журнальных статей (См.: [4; 5; 8; 13, 32; 40; 43; 47]), брошюра Анненковой (См.: [3]), и ни одной монографии.

Тем не менее, несмотря на размытость славянофильских представлений о народности, вполне возможно вычленить если не строго научное, то историософское содержание, которое вкладывалось ими в этот концепт. Два исследовательских вопроса представляются здесь наиболее интересными. *Первый,* это происхождение данного концепта – каков его первоисточник с позиции соотношения отечественных и западноевропейских корней. *Второй* – почему славянофилы придавали ему такое большое значение, и какова функциональная нагрузка, какую собственно историософскую проблему они пытались решить с его помощью? Остановимся в первую очередь на первом вопросе.

То, что славянофильство в целом имело как внешние, так и внутренние, российские, источники, отмечали еще современники славянофилов: В. Г. Белинский и П. В. Анненков высказывали мнение о влиянии французской социально-политической литературы, а П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский – о зависимости славянофилов от немецкой философии и романтической эстетики и литературы. Обосновывал это и А. Н. Пыпин в сочинении «Характеристика литературных мнений…» (1873) (См.: [42]). В результате давно уже сложилась определенная исследовательская позиция: «Идеологические построения славянофилов были порождены русской действительностью, присущими ей в 30–50-х годах противоречиями. Сказалось во взглядах славянофилов также и воздействие идеалистических философских систем Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, этических и эстетических доктрин консервативного немецкого романтизма, религиозно-мистических учений восточных отцов церкви, французской исторической и социально-политической литературы 20–40-х годов» [24, с. 33]. О религиозной основе славянофильства много писали еще дореволюционные авторы (См.: [29; 34]). Однако славянофильство нельзя считать чисто религиозной идеологией, так как сформировалось оно в период, когда господствующими становились уже светские идеологии, апеллировали славянофилы не к церковным кругам, а к русской общественности и власти и, наконец, большинство проблем, рассматриваемых славянофилами, не имеет отношения к религии. Мысль о влиянии на славянофильство французской социально-политической литературы высказана была еще П. В. Анненковым и В. Г. Белинским, в советский период повторена С. С. Дмитриевым [23, с. 95], но не получила распространения.

О роли Шеллинга в становлении славянофильства и недооценке этого влияния самими славянофилами писал в своей работе о В. С. Соловьеве Е. Н. Трубецкой (1913) [53, с. 59–67]. Но непревзойденным анализом романтических корней историософии славянофильства являются до сих пор статьи русского философа Ф. А Степуна, вышедшие в свет соответственно в 1910, 1913 и 1959 годах (См.: [59; 51; 52]). Мы откажемся от искушения излагать содержание этих работ, в которых прицельно точно, исторически

достоверно излагается историософия и эстетика представителей иенского романтизма (Ф. Шлегель, Новалис, Л. Тик и др.), философия Ф. Шеллинга и характер многообразных заимствований из их трудов «любомудрами» (В. Ф. Одоевским, И. В. Киреевским и др.). Но и на фоне столь фундаментальных публикаций приходится отметить, что происхождение концептов народа и народности выяснено и здесь недостаточно. В качестве подхода к соотношению западных и российских их корней сразу следует отвергнуть принцип «или – или». Кроме западных влияний, следует учитывать внутренние источники – дискуссии о народности в русской литературной публицистике 1810–1850-х годов, связь с которыми получила более скудное освещение.

Первая половина XIX века была эпохой сильных национальных движений в Европе. Два фактора определили этот процесс. Первый – роль И. Г. Гердера в осознании национальных культур. Второй – Французская революция и наполеоновские войны. Именно И. Г. Гердер в своих «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791) в противовес линейному прогрессизму впервые высказал идею о самодостаточности каждого этапа в развитии культуры и, что еще более важно, идею существования национальных культур. Тем самым было заложено основание, на котором выросла философия культуры романтизма. В чем состоит это основание, ярко выразил Ф. А. Степун: «сущность… романтизма, главная работа, совершенная им, и главная ценность его заключается в том, что он впервые поднял весь исторический путь, пройденный человечеством, в свое сознание. Романтизм – вот основное – это культурное самосознание человечества. Индия, Греция, Рим, Средневековье, Возрождение, немецкий идеализм – все эти периоды не в историческом, а в культурном смысле, конечно, открыты, очерчены, оценены и сопоставлены впервые романтизмом. Французы, немцы, англичане, итальянцы, испанцы, греки превращены романтизмом раз и навсегда из природного этнографического материала в основные начала историко-культурного порядка» (Цит. по: [36, с. 397]).

Другая, столь же важная идея Гердера – фольклоризм (См.: [1, с. 118–123]). Он обратился к сравнительному изучению народной поэзии и представил в 1778 году свой знаменитый сборник «Народные песни» (Volkslieder), названный редактором посмертно «Голоса народов». Следует отметить, что и до него появлялись издания фольклора, например, А. Рамсей «Шотландские песни» (1719), Т. Перси «Памятники старинной английской поэзии» (1765). Но в большей мере его идеи находятся в связи со стимулирующим влиянием песен Д. Макферсона, которые тот выдал за древнюю национальную эпопею Шотландии и издал в 1760–1765 годах под названием «Сочинения Осиана, сына Фингала» (См.: [1, с. 116]). Гердер своей проповедью народной поэзии, теорией о происхождении поэзии из коллективного творчества народного духа и о фольклорной основе самобытной литературы (См.: [17, с. 59]) увлек Гете, который обновил немецкую лирику влиянием народной песни и баллады [26, с. 250–251, 303–305]. Идеи Гердера были хорошо известны в России. В 1828 году в журнале «Московский вестник», в котором сотрудничали будущие славянофилы, появилась критика его «Идей…». Из среды славянофилов вышел крупнейший фольклорист 1830–1850-х годов П. В. Киреевский. Начиная с 30-х годов, он поддерживает тесные связи со славянской фольклористикой, одним из главных центров которой являлась Прага, где работали И. Юнгман, П. Шафарик, В. Ганка, Ф. Челаковский. В 1835 году П. В. Киреевский во время пребывания в Праге встречается с ними и в дальнейшем поддерживает личные контакты. Готовя издание народных песен, он проштудиро-

вал всю известную литературу о фольклоре, имевшуюся в европейской науке, и в первую очередь, конечно, И. Г. Гердера. Учитывая, что Павел Васильевич раньше, чем его брат Иван (главный, наряду с А. С. Хомяковым, теоретик славянофильства) перешел на «русофильские» позиции, увлекши затем Ивана Васильевича, роль фольклористического истока в становлении славянофильской идеи народности, как мощной и вполне реальной ее подпорки, невозможно переоценить.

Наряду с Гердером, недооцененным в исследовательской литературе источником интерпретации народности в славянофильстве является германская историческая школа права. Она складывается в 1805–1813 годы в условиях подъема национального чувства и антинаполеоновских настроений. Самым известным ее деятелем являлся К. Ф. Савиньи, также в нее входили Г. Ф. Пухта, К. Ф. Эйхгорн, Г. Ф. Рухт (См.: [9, с. 544]). Историческая школа сформулировала концепцию органической связи развития народа и государства. В 1814 году Савиньи в брошюре «О призвании нашего времени к законодательству и науке о праве» утверждал, что право возникает не из договора, как считали просветители, а в результате медленного развития общественных отношений, начало которого теряется в доисторическом прошлом. Историческая школа сформулировала идею нации как коллективной индивидуальности «народного духа» (Volkstgeist). По мысли Савиньи, законодатель – не творец права, но выразитель «народного духа», который остается неизменным в веках. В целостный организм «народного духа» входит право, язык, поэзия. Концепция исторической школы прав носила охранительный характер. В 1811 году Л. Арним организовал «Христианское застольное немецкое общество» в защиту «трона, алтаря и отечества». Формулировка очень похожа на триаду С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность». В эпоху Священного союза эти идеи легли в основу политической реакции. Но охранительство не главное в этой школе. Главное в ней – идея историзма, органического развития общества, представление о том, что история раскрывается не в деятельности отдельных лиц, но народов и наций, что каждому народу свойственно свое неповторимое развитие. Идеи исторической школы хорошо известны славянофилам. В 1957 году славянофильски настроенный профессор истории И. Крылов критиковал в «Русской беседе» Б. Чичерина с позиции школы Савиньи, учеником которого он себя считает. В славянофильстве мы найдем и представление о внеисторическом «народном духе», и идею органического развития общества, и представление о народе как коллективной личности – все это пришло из романтической историографии. Демонстраций зависимости славянофилов от этого направления – множество. К. С. Аксаков пишет в газете «Молва» (1957): «Народность есть личность народа. Точно так же, как и человек не может быть без личности, так и народ без народности» [48, с. 109]. Но только ли о славянофилах можно сказать это? Нет, эти представления еще с начала 1830-х годов имели самое широкое хождение. В. Г. Белинский, например, в 1839 году пишет: «Народ не есть отвлеченное понятие, народ есть живая особенность… Народ есть личность, как отдельный человек» [7, с. 325].

Эти романтическая конструкция народа-личности приобрела законченность и ту форму, которая позволила славянофилам обосновывать великую историческую будущность русского народа, у классика немецкой философии Г. В. Ф. Гегеля в его идее народов как участников исторической эстафеты мирового духа. Гегельянцами считались в 1840-е годы, прежде всего, К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин. Но не только они. Сравним тексты Гегеля и И. В. Киреевского. Философ пишет:

«Самосознание отдельного народа является носителем данной ступени развития всеобщего духа в его наличном бытии и той объективной действительности, в которую он влагает свою волю. По отношению к этой абсолютной воле воля других отдельных народных духов господствует над всем миром. Но абсолютная воля выходит и за пределы также своего, в этот момент имеющегося у нее достояния, преодолевает его как некоторую особую ступень и затем предоставляет этот народ его случайной судьбе, творя над ним суд» [16, с. 35].

Киреевский слушал лекции Гегеля в Берлине в 1830 году, даже познакомился с ним лично. Не случайно поэтому, что уже в 1832 году встречаем однозначный тезис благодарного ученика: «Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадает с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив известный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своею образованностью, перестают быть представителями всемирной истории» [30, т. 1, с. 104]. А Белинский в период «примирения с действительностью» (1839) отмечает: «Жизнь всякого народа есть разумно-необходимая форма общемировой идеи, и в этой идее заключается и значение, и сила, и мощь, и поэзия народной жизни» [7, с. 247].

В славянофильстве мы видим прямую проекцию гегелевской идеи религиозного развертывания истории, на вершине которой воплощается истина христианства, на Россию. Только таким христианством провозглашается именно православие, единственным законным носителем которого в настоящее время она является. Это отмечают внимательные современники, среди которых и А. И. Герцен. В дневнике от 26.10.1843 года он пишет о К. Аксакове и Ю. Самарине: «Киреевские последовательнее Аксакова и Самарина: те хотят на основаниях современной науки построить здание славяно-византийское, они по Гегелю доходят до православия и по западной науке до отвержения западной истории» [18, с. 311]. И совсем академически И. Аксаков оценивает ранние мысли К. Аксакова как «попытку построить на началах… Гегеля целое миросозерцание, целую систему своего рода феноменологии русского народного духа с его историей, бытовыми явлениями и даже православием» (Цит. по: [56, с. 166]).

Обратимся ко второму указанному нами фактору активизации национального самосознания в Европе и России. В идеологии европейского Просвещения понятие *нации* фактически отсутствовало. Крайними терминами были, с одной стороны, человек вообще как представитель человеческого рода, с другой, – человечество в целом как собирательное понятие о сумме людей. В. Герье отмечает, что «только с понятием нации было найдено реальное звено между человеком и человечеством и мысль тех, которые были не удовлетворены крайними выводами из индивидуалистического и космополитического принципов, нашла убежище в понятии о национальности. Идеи индивидуализма сильнее и яснее всего проявились во Французской революции, и этот переворот окончился установлением могущественного обширного государства с космополитическими притязаниями; но в борьбе с захватившею половину Европы империей Наполеона пробудилось и окрепло национальное сознание большинства европейских народов…» [19, с. 145–146].

Ф. Шлегель также считал Французскую революцию и последовавшие за ней события тем землетрясением, которое произ-

ведет в XIX веке полную переоценку всех ценностей. Ф. А. Степун по этому поводу уже относительно России замечает: «Победа над французской армией вызвала в России, с одной стороны, сознание своей силы и своего значения, а с другой – сознание громадной дистанции между некультурностью России и культурою Запада, чем и превратила поставленный Наполеоном вопрос о праве России на самостоятельное и независимое существование в более глубокий и значительный: о необходимости достойного существования, о нашей национальной задаче. Наряду с этим результатом войны 12-го года созрел и второй: была, хотя и не вполне отчетливо и ясно, уловлена и поставлена проблема народа. Было понятно, насколько его религиозность выше и глубже всех деистических формул и его способный на жертвы патриотизм – всех космополитических мечтаний XVIII века. Опасность "ненародного образования» и связанной с нею "необразованности народа" также уяснилась многим как непреодолимое препятствие на пути подлинного национального развития» [51, с. 38].

Говоря о внутренних корнях славянофильского представления о народности, следует отметить, что европейские философские и литературные движения, конечно, находили отклик в России, но приобретали здесь специфические преломления. Проблема народности литературы впервые четко поставлена в русском романтизме. Из существующих его типологий наиболее удачной нам представляется типология Г. А. Гуковского: он делит романтизм на консервативный и гражданский или революционный. Именно в последнем появляется тема народности литературы. Гражданский романтизм он отождествляет с декабристским направлением в литературе. Круг писателей этого направления он очерчивает методом анализа стиля очень широко. В него входят В. Кюхельбекер, К. Рылеев, А. Бестужев, П. Катенин, А. Грибоедов, А. Пушкин, Ф. Глинка и др. Той почвой, на которой вырастает проблема народности в гражданском романтизме, Гуковский считает проповедь «русизма» в период патриотического подъема 1807–1813 годов (См.: [21, с. 295]). В обстановке борьбы с Наполеоном выпускались многочисленные брошюры и статьи, осуждающие культурное порабощение Западу – и прежде всего, Франции. Широкую известность получили «Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола – своим резким обличение галломании. Органом пропаганды патриотизма стал «Русский вестник» С. Н. Глинки. Однако, как отмечает Г. А. Гуковский, у декабристов «понятие нации, народа мыслилось как метафизическое, неизменное, лишенное, в сущности, развития» [21, с. 234]. Фольклор включается в их творчество в ограниченной мере, так как, с их точки зрения, он не содержит в себе достаточно героических, протестующих мотивов. Революционность декабристов слишком оторвана от демократических корней.

Появление самого термина «народность» связано, несомненно, с усилившимся интересом к немецкому романтизму. Большое значение для ознакомления с немецкой литературой имела книга Ж. де Сталь «О Германии». Напечатанная в Англии в 1813 году, она уже в январе 1814 года стала известна в России. Де Сталь была знакома с А. Шлегелем и хорошо знала немецкую культуру. Буржуазной Франции она противопоставила картину патриархальной Германии с ее идеализмом и романтической литературой. В своей книге она показала своеобразие античного и северного, романтического типов культуры. Де Сталь повлияла на формирование романтических взглядов П. А. Вяземского. С книгой де Сталь он ознакомился уже в 1814 году [27, с. 185]. Вяземский и ввел первым в русскую литературу термин «народность».

В 1819 году он поясняет в письме А. И. Тургеневу смысл своего стихотворения «Первый снег»: «Тут есть русская краска, чего ни в каких стихах наших нет. Русского поэта по физиономии не узнаешь… тут дело идет не о достоинстве, а об отпечатке, не о сладкоречивости, а выговоре; не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных… Зачем не перевести nationalè – народность? Поляки сказали же narodowosc!» (Цит. по: [1, с. 191–192]). М. К. Азадовский считает, что последнее сказано о статье К. Бродзинского «О klassycznosci i romantycznosci» в журнале «Pamietnik Werszavski», т. XI за 1818 год, так как П. А. Вяземский в 1818–1821 годах жил в Польше и следил за польской литературой» (См.: [1, с. 192]). Народность литературы состоит для него в чертах национального своеобразия. Поэт должен чувством охватить эти черты. В 1824 году в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану», которое считается манифестом русского романтизма, П. А. Вяземский пишет: «Что есть народного в “Петриаде” и “Россиаде”, кроме имен… народность не в правилах, но в чувствах» (Цит. по: [1, с. 192]). Уже П. А. Вяземский заметил, что термин «народность» обладает двойственностью и соответствует французским nationalè и populaire. Позднее в славянофильстве будут иметь место разногласия: понимать ли под народным простонародное или общенациональное?

Следующим манифестом русского романтизма о народности, связанным с книгой де Сталь и немецким романтизмом, является книга О. Сомова «О романтической поэзии» (1823), которую, правда, А Н. Веселовский назвал «образцом критической сумятицы в вопросе, что разуметь под романтизмом» [12, с. 4]. Кроме призывов в духе «необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых» (Цит. по: [12, с. 4]), здесь интересно указание на источники, к которым литературе следует обратиться в поисках опоры ее самобытности: поверья народа, предания; летописи, исторические факты; изустные сказания о богатырях [1, с. 194–195].

Но наиболее известным выступлением о народности в декабристскую эпоху была статья В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», появившаяся в альманахе «Мнемозина» в 1824 году (ч. II). Этот альманах издавался Кюхельбекером совместно с В. Ф. Одоевским в 1824–1825 годах. По оценке Ю. Н. Тынянова, главными пунктами статьи были «общий вопрос о сущности поэтического творчества, поставленный в форме вопроса о преимуществе одного жанра над другим и вопрос об истинном романтизме, приводящий к вопросу об иностранных влияниях и народности в поэзии» [54, с. 95]. В. А. Жуковского и Г. С. Батюшкова, введших в русскую поэзию элегию и элегический тон, Кюхельбекер называет «мнимыми романтиками», способными лишь подражать иностранным образцам. И делает вывод (или призыв) в пользу самобытности: «но не позволим ни ему (Жуковскому), ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества! – Лучше иметь поэзию народную» (Цит. по: [39, с. 233]). Понятие романтизма и народности для Кюхельбекера синонимы. А. Н. Тынянов заметил, что многое, высказанное в статье, носилось в воздухе, в том числе толки о народности. Действительно, в это же время А. Бестужев призывает обратиться к «возвышенным песнопениям нашей старины». В статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов» пишет: «Сердце радуется, видя как проза и поэзия скидывают свое безразличие и обращаются к родным, старинным источникам» (Цит. по: [1, с. 198]).

Конечно, нельзя все сводить к романтизму. Проблему национальной самобытности обсуждали еще до романтиков различные литературные объединения: круг Андрея Тургенева (См.: [33, с. 55]), деятели Вольного общества любителей российской словесности, кружок известного мецената, графа Н. П. Румянцева (широкой – филологической, исторической и археографической направленности), объединявший первоклассных ученых того времени (Е. Болховитинов, П. И. Кеппен, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев и др.) (См.: [1, с. 163–175]). В наиболее яркой форме спор о литературной самобытности выразился в полемике шишковистов и карамзинистов в 1810-е годы, что отмечал еще А. С. Хомяков, указывая на них как на своих предшественников в отстаивании «русскости» литературы и культуры.

В начале 1820-х годов взаимодействие русской литературы с немецким романтизмом приводит к оживлению этой тематики. Но народность в декабристском романтизме охватывает пока чисто литературную сторону этого вопроса. Вопрос о народности глубоко интересовал А. С. Пушкина. В 1826 году он начинает писать статью о народности в связи с задачей создания «истинного романтизма» – реализма. Эта тема стала предметом исследования Г. А. Гуковского. Определяющей чертой реалистического метода, созданного А. С. Пушкиным, он считает социально-историческое изображение человека. Вопрос о народности неотделим у А. С. Пушкина от историзма. Решая эту проблему, он преодолевает индивидуализм мировоззрения и понимания народности у писателей-декабристов и выдвигает свое понимание народности, обратившись к проблеме крестьянского бунта и социально-историческим причинам развития человека и общества. В «Борисе Годунове» события определены условиями жизни и развития народа, действия личности предопределены объективными причинами бытия народа, личность подчинена объективным законам истории (См.: [22, с. 6, 8, 56]). В. Е. Ветловская отмечает: «Тот особый характер, который был сообщен литературе гением Пушкина, в тех или иных формах отразился и в творчестве крупнейших русских авторов XX века. Этот особый характер связан с признанием главной роли народа (его нужд, верований, идеалов) в исторической и духовной жизни нации, государства» [13, с. 204; 14].

Таким образом, мы можем констатировать, что тема народности или национальной самобытности до 1826 года развивается в разных планах: 1) как явление патриотизма в русской журналистике в 1807–1813 годах; 2) как проблема литературной самобытности в кругу А. Тургенева и «Вольного общества любителей российской словесности»; 3) как полемика о литературном языке между сторонниками А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина; 4) тема подхватывается «младшими архаистами» (по терминологии Ю. Н. Тынянова). У романтиков декабристского круга – П. Вяземского, П. Катенина, О. Сомова, В. Кюхельбекера – появляется требование национального колорита, привнесенное из западного романтизма и стремление ввести в поэзию фольклор, выступающее как принцип; 5) А. С. Пушкин идет путем создания реалистического метода, включая фольклор как необходимый элемент социально-исторического изображения человека и общества. Борьба по вопросу о народности носит чисто литературный характер, без участия общественных группировок.

Совершенно новый подход к вопросу о народности появляется в кружке «любомудров». То исключительное внимание, которое проявлялось к ним в старой, да и современной, историографии, объясняется исторической апологией их направления. Последекабристская эпоха, – отмечает

Л. Гинзбург, – превратила их направление в одно из магистральных» [20, с. 50]. Главным источником сведений о кружке любомудров являются воспоминания А. И. Кошелева. Материалы, введенные в специальном издании о любомудрах («Веневитинов Д. В. и любомудры», 2010) и в предваряющей их обширной вводной статье В. С. Парсамова [11, с. 5–74], принципиально картины не меняют. По словам Кошелева, кружок (а внутри еще было более узкое «тайное общество») возник в 1823 году в Москве. Ядром его были В. Одоевский, Д. Веневитинов, Н. Рожалин, А. Кошелев, И. Киреевский. Близки к ним были члены Московского литературного кружка С. Е. Раича: В. П. Титов, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, Ф. И. Тютчев и др. (впрочем, члены этих кружков иногда «перетекали» из одного в другой, например, С. Шевырев). Кружок собирался тайно, определенные симпатии и личные контакты связывали их с декабристами [31, с. 13]. После 14 декабря 1825 года В. Одоевский на собрании кружка с общего согласия сжег устав и протоколы его заседаний, поэтому подробных сведений о нем не сохранилось. Более активная деятельность славянофилов началась с 1827 года, когда они стали издавать журнал «Московский вестник». Издателем его был назначен М. Погодин, главными сотрудниками – С. Шевырев (реально он был и соиздателем), В. Титов, Н. Рожалин, Д. Веневитинов, С. Соболевский. Осенью 1826 года А. С. Пушкин приезжает из ссылки в Москву, и любомудры договариваются с ним о сотрудничестве. А. С. Пушкин напечатал в журнале 29 стихотворений, «Графа Нулина», отрывок из «Бориса Годунова».

Основой сближения было то, что Пушкин, как и любомудры, в этот период формулирует задачу просветительства, о чем свидетельствует статья «О народном просвещении» (1826) (См.: [41, с. 43] и др.), «цензором» которой был сам новый император. Наиболее отчетливо просветительская программа любомудров выражена у Д. Веневитинова, С. Шевырева, И. Киреевского. Любомудры занимались преимущественно немецкой философией и литературой. Их представления о народе, нации, национальной культуре имеют тот же источник, что и у позднейших славянофилов. В круг чтения входили Гердер, Геррес, Фихте, Шеллинг. В 1826 году Д. Веневитинов написал программу журнала «Московский вестник» – «О состоянии просвещения в России», где он развивал свой взгляд на историю. Целью человечества, считает Веневитинов, является самопознание: «…должны мы взирать на каждый народ как на лицо отдельное, которое к самосознанию направляет все свои нравственные усилия, ознаменованные печатью особенного характера» [10, с. 216]. Причиной медленности успехов просвещения в России он считает неестественную быстроту петровских преобразований, а чтобы преодолеть вопиющее отставание а литературном мире, нужно обратить просвещение к древнему миру, которого нам недоставало в самом начале. Мысли Д. Веневитинова будут подробно затем развиты в статье И. Киреевского «Девятнадцатый век» (1832). В сравнении с В. Кюхельбекером, у Веневитинова вопрос о самобытности литературы поставлен более широко. Так, например, он вводит термин «просвещение», столь характерный для позднейшей литературной полемики, в то время как у Кюхельбекера преобладает термин «словесность». Общим у любомудров с предшественниками является преемство вопросов. Но у них складывается иной тип понимания народности, который Ю. В. Манн назвал «философски-динамическим». Суть его состоит в подчинении проблемы народности движению идеи, смене ее стадий. Историю человечества составляет смена на мировой арене познающих себя на-

родов или наций. Национальность они рассматривают как индивидуальность, проходящую, подобно человеку, разные возрасты. В истории народа различаются период бессознательной жизни и период самосознания, исторических свершений. На Россию они смотрят как на нацию, которая еще не вышла из «эпохи младенчества», исторические ее свершения еще впереди.

Из кружка любомудров вышли славянофилы И. Киреевский, А. Кошелев, тесно с ними был связан А. Хомяков. Поэтому в проблеме народности у славянофилов наблюдается очевидное преемство как с названным кружком, так и со всей литературной полемикой второй половины 1820–1830-х годов, где она является одной из центральных. В. Г. Белинский, в «Литературных мечтаниях» (1834), выделяя в русской литературе четыре периода, пишет о последнем, прозаически-народном: «Народность – вот альфа и омега нового периода». Под народностью он понимает «отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни» [6, с. 91, 92]. И. Киреевский и А. Хомяков упорно обсуждают эту проблему еще в «Москвитянине» (1845) и «Московском сборнике» (1847). На этот процесс утверждения «самобытничества» русской культуры с середины 1930-х годов накладывает свой отпечаток еще идеология «официальной народности», верными сторонниками которой становятся бывшие любомудры М. Погодин и С. Шевырев, пропагандирующие ее в редактируемом Погодиным «Москвитянине». Из трех ее начал (православие, самодержавие, народность) самодержавие виделось ее сторонникам главной скрепой всей конструкции. Самобытность понималась в официальной идеологии как материальное, географическое превосходство России над Западом. Привкус официальной народности чувствуется в 1830-х гг. у многих, даже выдающихся людей. Н. И. Надеждин, например, похвалялся «русским кулаком», военной мощью России [37, с. 472]. А. А. Краевский в 1837 году писал: «Мы не европейцы, но мы и не азиатцы. Что же мы такое? Мы – русские, обитатели шестой части света, называемой Россией. Мы русские – и это название для нас выше всех названий» (Цит. по: [44, с. 598]).

«Официальная народность» – конструкция не столь примитивная, как иногда представляют в публицистике. Она имеет свои глубокие корни в той специфической исторической обстановке, которая сложилась в России в 1820–1830-х годах, и она выполняла на определенном этапе русской истории свою незаменимую роль. В связи с утверждением в теории «официальной народности» православия как основы государственной идеологии даже славянофилам было трудно с ней размежеваться. Многие ее аспекты, в том числе эволюция данной идеологии, рассматриваются в новейших содержательных публикациях (См.: [25; 32; 55]). Тем не менее, славянофильство, как нам представляется, жестко отграничило себя от всех других представлений второй трети XIX века о «самобытности» утверждением православия как истинно национальной особенности русских и России. Понимание православия славянофилами существенно отличалось от уваровского: оно рассматривалось с идеальной точки зрения – как средство свободного выражения народной души. Так что есть все основания считать православие, или, по выражению А. И. Герцена, «византинизм» определяющей чертой доктрины славянофильства.

В таком случае, соотношение западных и русских корней славянофильской народности» складывается в определенную схему. По свидетельству А. И. Кошелева, «право славно-русское» направление стало развиваться с 1835 года. А. С. Хомяков в стихотворении «Мечта», датируемом этим годом,

пишет: «…Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок. | Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом, | Проснися, дремлющий Восток!». В другом произведении («Ключ», 1835) он прямо говорит о православии: «Не возмутят людские страсти | Его кристальной глубины, | Как холод прежде чуждой власти | Не заковал его волны!» Речь идет о петровской реформе, подчинившей церковь государству. «Славянофильство» А. С. Хомякова не имеет прямых связей с западноевропейскими теориями: свойственный ему патриотизм в 1830-х годах перерастает в мечту об особой миссии России, связанной с православием. Немалое значение в активизации православного сознания А. С. Хомякова имела проповедь католицизма П. Я. Чаадаевым. Когда в 1836 году появилось в «Телескопе» первое «Философическое письмо», он был готов ему отвечать со своих позиций, но всякое упоминание о нем было императором запрещено.

Таким образом, ориентация на православие, а впоследствии (1839) и на общину, отделила Хомякова и его последователей и от официальной идеологии, и от других «теорий» самобытности. В 1839 же году он отмежевался от «официальной народности: «Гордись! – тебе льстецы сказали – | Земля с увенчанным челом, | Земля несокрушимой стали, | Полмира взявшая мечом!» А. Хомяков противопоставляет этому свой идеал: «Бесплоден всякий дух гордыни, | Неверно злато, сталь хрупка, | Но крепок ясный мир святыни, | Сильна молящихся рука». В процессе развития этих мыслей в конце 1830-х годов, когда к А. Хомякову присоединяется вначале И. Киреевский, затем в 1840-х – К. Аксаков и Ю. Самарин, в доктрину славянофильства входит и гегелевская «метода» обоснования мировой роли православия. Характерно, что названные мыслители приходят к «православно-русскому» направлению А. Хомякова в ожесточенных с ним спорах, что заслуженно делает его лидером славянофильства.

Теперь на основе изложенного попытаемся ответить на второй, поставленный в начале вопрос: какова функциональность славянофильского концепта народности, имеет ли «народность» историософскую «подкладку»? Очевидно, что концепт народности в славянофильстве является многослойной конструкцией. Первый, лежащий на поверхности слой состоит в том, что это часть общелитературного европейского и российского процесса, связанного со становлением национальных культур. Такая «народность», связанная со стремлением художников слова опереться на многовековое традиционное культурное наследие широких слоев народа, на фольклор, появилась в Западной Европе, затем в России до славянофилов, но появилась бы и без них. Славянофилы здесь – одни из многих, хотя выглядят вполне достойно, особенно важен их вклад в фольклористику. Попытка славянофилов выйти за пределы общелитературных дискуссий оказались непродуктивной. Инициированная Ю. Ф. Самариным с первого номера созданного в 1856 году славянофильского журнала «Беседа» дискуссия о роли народности в науке (См.: [45]) оказалась проигрышной. Ему не удалось доказать, что наука может быть сугубо национальной, и оппонент Самарина – Б. Н. Чичерин – выглядел более убедительно. Внутрилитературная «народность», как славянофильская, так и западническая, и вообще внепартийная, мало концептуализируема. Как историко-литературное явление она представляет собой предмет здорового «археологического» интереса, о ней много писали и еще будут писать историки литературы.

Более общее представление славянофилов о народности носит явно субъектно-предикативный характер. Народность есть

особое качество народа, которым можно обладать в полной мере, но которое можно и утратить. К. С. Аксаков в одной из своих статей («Западная Европа и народность») так и пишет, что после революции 1848 года европейские народы утратили свою народность, правда, не разъясняя, в чем она состояла. Как уже отмечалось нами, с этой позиции «народность» русского народа состоит в том, что он обладает уникальными субстанциальными началами – *православием* и *общиной*. Судьба этих начал сложилась по-разному, можно сказать, – противоположным образом. Конструкция поземельной передельной общины явилась причиной появления специфически «русского» социализма. Это произошло благодаря А. И. Герцену, объявившему в эмиграции в ответе французскому историку Мишле, что коллективное общинное крестьянское владение землей при благоприятных условиях позволит миновать капитализм и перейти к социализму. Из этого вырос, начиная с Н. Г. Чернышевского, весь народнический социализм, который, как показал дальнейший исторический опыт, не имел никаких оснований в психологии крестьянства и канул в Лету.

Остается православие. Главный идеолог пореформенного славянофильства И. С. Аксаков опубликовал статью под названием «Мыслима ли русская народность вне православия?». Ответ ожидаемый: «Нам нет дела до других европейских народов. Мы знаем только, что у нас определение русской национальности совпало с определением православия, и обусловилось им так, что всякий, стоящий вне религии Русского народа (католик, мусульманин, еврей) – стоит вне всего, что обязано бытием своим именно этой религии, … следовательно, вне русской народности, развившейся и сложившейся под воздействием и в духе православия» [2, с. 545]. Аксаков не отрицает при этом, что указанные лица могут быть российским подданными и находиться под защитой российских законов и государства.

Однако что имеется в виду под православием? Синодальная Русская православная церковь? Ответ не лежит на поверхности, и в этом заключается скрытый план славянофильства. По своей обширности он требует много места, поэтому ограничимся пока обозначением ответа пунктиром. Все смыслы православия в славянофильстве отталкивались от настоящего и были устремлены в будущее. Прежде всего, субстанциальная сторона православной религиозности. Русский народ в период раннего славянофильства являлся единственным крупным европейским народом, подавляющая часть которого (крестьянство, купечество) сохраняла традиционную, во всех смыслах этого слова, христианскую религиозность. Это был иной, ныне уже непонятный народ. Процессы деградации бытовой религиозности, зафиксированные этнографами в России в конце XIX – начале XX века, еще не проявлялись столь видимо и угрожающе. Для основной массы русского народа было в тот момент характерно то, что евразийцы позднее назвали «бытовым исповедничеством» (выдвигая это положение, они опирались именно на славянофильскую позицию и энтузиазм). Таким образом, не пропала бесследно их сверхоценка крестьянского сословия как главного носителя русскости, тождественной православности. Выразителем этой позиции был в первую очередь К. С. Аксаков.

Иной смысл и интерпретацию православия находим в трудах А. С. Хомякова и особенно И. В. Киреевского. Он связан со святоотеческим восточнохристианским наследием, послужившим основанием для выдвижения идеи преодоления одностороннего философского рационализма и обоснования иного – «целостного», синтетического мышления, органически сплавляющего в единую познавательную способность мыш-

ление, интуицию, чувство, волю, нравственность и т. д. Ф. А. Степун, уличив славянофилов в откровенном заимствовании идеи синтеза у Шеллинга и иенских романтиков, сурово оценивает достигнутый результат: «…их философия уродилась не в них: она совсем не оригинальна, и явно опорочена слишком большим сходством с немецким романтизмом. Говорят, что у великих людей обыкновенно бывают неудачные дети. Таким неудачным ребенком даровитых родителей представляется нам и философия славянофильства» [50, с. 836]. Эта мысль о неудаче в создании некого нового синтетического способа философствования он распространяет и на последователя славянофилов в решении этой задачи – В. С. Соловьева. Статья написана в 1913 году, и Степун не мог предвидеть всей глубины и безумия рационализации жизни человека и общества, масштабов дехристианизации Западной Европы и России. Поэтому нельзя не отметить поспешность его диагноза о провале славянофильства на философском поприще. Уже в первой четверти XX столетия появилась философия интуитивизма Н. О. Лосского как определенный шаг в решении поставленной славянофилами проблемы. Особенно близко подошедшим к позитивному результату следует считать русского философа С. Л. Франка. Появляются работы, которые содержат такую именно оценку его наследия – например, «Система С. Л. Франка как синтез европейской и русской философской культуры» [38]. В новом эоне мировой истории проблема, поставленная романтиками и славянофилами, не только может быть, она необходимо *должна* быть решена – на основе нового прочтения мировых духовных практик.

Наконец, в будущее устремлена еще одна сторона славянофильского понимания православия. Они сумели придать своим последователям импульс универсалистского понимания восточного христианства. Речь идет прежде всего, конечно, о Ф. М. Достоевском. Иначе откуда взялась «всечеловечность» как глубинная характеристика русскости и русской культуры в его знаменитой речи о значении творчества А. С. Пушкина? Фактически славянофилы на зрелом, имперском этапе развития России реанимировали поствизантийский импульс православия, который выразился в идее Руси как «третьего Рима», призванного продолжать во времени миссию вселенской церкви. Без таких притязаний на универсализм и всемирность невозможно объяснить становление российской империи, давшейся русским напряжением всех сил и величайшими жертвами.

Литература

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. – Т. 1. – 479 с.
2. Аксаков И. С. Мыслима ли русская народность без православия? // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избр. тр. – М., 2010. – С. 538–546.
3. Анненкова Е. И. Проблема народности в русской критике и публицистике середины XIX века: лекция. – Л.: ЛГПИ, 1974. – 32 с.
4. Анненкова Е. И. «Русский человек» / «западный человек» в концепции славянофилов // Достоевский и мировая культура. – СПб., 2007. – № 23. – С. 125–131.
5. Бадалян Д. А. А. С. Хомяков и Ф. М. Достоевский: К истории развития «идеи народности» в русской культуре XIX века // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – СПб., 1999. – Вып. 4. – С. 108–111.
6. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 545 с.

7. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. III. Статьи и рецензии. Худож. произведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 589 с.
8. Бурдакова Т. В. Отечественная философская мысль середины XIX века о русском народе и его истории (К. С. Аксаков, А. И. Герцен, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков) // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (Москва, 2004) / отв. ред Б. Н. Тарасов. – М., 2007. – Т. 2. – С. 154–159.
9. Вайнштейн О. Л. Историческая школа права // Советская историческая энциклопедия. – М., 1969. – Т. 6. – С. 544–545.
10. Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. – М.; Л., 1934.
11. Веневитинов Д. В. и любомудры / сост., авт. вступ. ст. и комментариев В. С. Парсамов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 830 с.
12. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – Пг., 1918.
13. Ветловская В. Е. Славянофильская концепция народа и Шукшин // Славянофильство и современность: сб. ст. – СПб., 1994. – С. 204–228.
14. Ветловская В. Е. Пушкин: Проблемы истории и формирования русского реализма // Русская литература. – 1988. – № 1. – С. 5–26.
15. Гегель Г. В. Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 3. – 371 с.
16. Гегель Г. В. Ф. Соч. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – Т. 8. – 470 с.
17. Гердер И. Г. Избр. соч.: – М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – 392 с.
18. Герцен А. И. Полн. собр. соч.: в 30 т. Статьи и фельетоны. 1841–1846. Дневники 1842–1846. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – Т. 2. – 515 с.
19 Герье В. Народность и прогресс (русское славянофильство и немецкая романтическая философия) // Герье В. Идея народовластия и французская революция. – М., 1904. – С. 141–186.
20. Гинзбург Л. О лирике. – М.; Л., 1964.
21. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. – М.: Худож. лит., 1969. – 355 с.
22. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Гослитиздат, 1957. – 413 с.
23. Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) // Историк-марксист. – 1941. – № 1. – С. 14–23.
24. Дмитриев С. С. Славянофилы // Советская историческая энциклопедия. – М., 1971. – Т. 13. – С. 31–35.
25. Досталь М. Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. – М., 1999. – № 5. – С. 52–59.
26. Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. – Л.: Худож. лит., 1972. – 495 с.
27. Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой половины XIX века // Ранние романтические веяния: сб. статей. – М., 1972.
28. Завитневич В. З. Русские славянофилы и их значение в деле уяснения идей народности и самобытности. – Киев: Книгоиздат-во И. И. Самоненко, 1915. – 46 с.
29. Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. – Киев: Тип. Горбунова, 1902. – Т. 1, кн. 2. – С. 867–1422.
30. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: в 2 т. – М.: Тип. Московского Имп. ун-та, 1911. – Т. 1. – 112 с.; Т. 2. – 345 с.
31. Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1833). – Берлин, 1884.
32. Кошелев В. А. Славянофилы и официальная народность // Славянофильство и современность: сб. ст. – СПб., 1994. – С. 122–135.

33. Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – 1958. – Вып. 63.
34. Лясковский В. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. – СПб.: Об-во ревнителей рус. ист. просв., 1899. – 99 с.
35. Маймин Е. А. Еще о Пушкине и «Московском вестнике» // Пушкинский сборник. – Псков, 1968.
36. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
37. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. – М.: Худож. лит., 1973. – 575 с.
38. Никулин С. В. Система С. Л. Франка как синтез европейской и русской философской культуры // Идейное наследие С. Л. Франка в контексте современной культуры / под ред. В. Поруса. – М., 2009. – С. 221–228.
39. Очерки по истории русской журналистики и критики. – Т. 1. XVIII – первая пол. XIX века. – М., 1950. – 604 с.
40. Песков А. М. Германский комплекс славянофилов // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 105–120.
41. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1962. – Т. 7: История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. – 463 с.
42. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений. От 20 до 50-х годов. Исторические очерки. – 4-е изд. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1909. – 519 с.
43. Ровда К. И. Русские славянофилы и чешская литература (50–60-е годы XIX века) // Славянские литературные связи. – Л., 1968. – С. 29–72.
44. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: в 2 т., в 2 ч. – М.: Изд-во М. С. Сабашниковых, 1913. – Т. 1, ч. 1.
45. Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. – М., 1996. – С. 483–493.
46. Скабичевский А. Живая струя (вопрос о народности в литературе) // Скабичевский А. Соч.: в 2 т. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 113–143.
47. Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 736 с.
48. Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. – СПб.: РХГА, 2006. – 1056 с.
49. Соколов А. М. К понятию народности у славянофилов // Философский век = The philosophical age: альманах. – СПб., 1999. – Вып. 10. – С. 212–221.
50. Степун Ф. А. Прошлое и будущее славянофильства // Степун Ф. А. Сочинения. – М., 2000. – С. 825–836.
51. Степун Ф. А. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Степун Ф. А. Сочинения. – М., 2000. – С. 38–57.
52. Степун Ф. Немецкий романтизм и философия истории славянофилов // Степун Ф. Чаемая Россия / сост. и послесловие А. А. Ермичева. – СПб., 1999. – С. 341–357.
53. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева: в 2 т. – М.: Медиум, 1995. – Т. 1. – 604 с.
54. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968. – 424 с.
55. Цимбаев Н. И. «Под бременем познанья и сомненья…» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 5–47.
56. Чижевский Д. И. Гегель в России. – Париж, 1939.

УДК 930(47+57):323.281

А. Б. Коновалов

ИНИЦИАТИВЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВКП(б) – КПСС ПО РАЗВИТИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ СИБИРИ (середина 1940-х – середина 1970-х годов)

В статье рассматриваются основные векторы региональной политики по развитию социокультурной сферы Сибири в середине 1940-х – середине 1970-х годов. Автор акцентирует внимание на согласовании позиций высшей и региональной элиты в сфере организации культурно-просветительной деятельности и работы концертно-зрелищных учреждений.

Ключевые слова: руководящие кадры ВКП(б) – КПСС, социокультурная сфера Сибири, региональный лоббизм, социальная политика.

A. B. Konovalov

INITIATIVES OF REGIONAL BODIES OF VKP(b) – CPSU ON DEVELOPMENT OF THE SOCIOCULTURAL SPHERE OF SIBERIA (the middle of the 1940th – the middle of the 1970th years)

In article the main vectors of regional policy on development of the sociocultural sphere of Siberia in the middle1940th – the middle of the 1970th years are considered. The author focuses attention on coordination of positions of the highest and regional elite in the sphere of the organization of cultural and educational activity and work of concert and entertainment establishments.

Keywords: managerial personnel of VKP(b) – CPSU, sociocultural sphere of Siberia, regional lobbyism, social policy.

В послевоенное время большое значение приобрело решение вопросов развития культуры и искусства в сибирской провинции. Формирование новых областных центров объективно требовало усиления внимания центральных органов к открытию концертно-зрелищных учреждений, строительству зданий библиотек и музеев. Стратегия послевоенного развития Сибири была сориентирована на усиление индустриального освоения при минимизации затрат на социально-культурное строительство. Такой подход выражался в документах многих союзно-республиканских министерств и ведомств, а также руководством Госплана СССР.

Однако руководители партийных и советских органов в Сибири выражали несогласие с нарастающими диспропорциями в развитии интеллектуального и индустриального потенциала регионов. Этот тезис получил поддержку в среде сибирских историков. Омский историк С. Г. Сизов считает, что областные и городские партийные комитеты играли самую активную роль в развитии и деятельности культпросветучреждений. По его мнению, «это было связано как с общей политической линией советского руководства на расширение сети этих учреждений, так и с проведением конкретных пропагандистских мероприятий» [1].

На наш взгляд, объективная необходимость в расширении сети провинциальных учреждений далеко не всегда вела к реализации требуемых мероприятий. Здесь следует учитывать специфические субъективные стремления высшего партийно-государственного руководства по размещению культурно-просветительных учреждений в конкретных регионах. Остро стояла

проблема развития крупных городов, которое затормозилось еще в довоенный период. Региональные руководители регулярно направляли в ЦК ВКП(б), Совет Министров СССР и РСФСР просьбы о решении проблем культуры. В данной статье определяются основные приоритеты по развитию социокультурной сферы регионов Сибири в представлении руководства областных комитетов ВКП(б) – КПСС и основные варианты решения проблем.

С окончанием Великой Отечественной войны ресурсы на создание необходимой инфраструктуры концентрируются в регионах, пострадавших от оккупации. В Сибири в послевоенный период положительные решения по вопросам создания учреждений культуры и искусства принимались крайне редко. При этом количество театров в Западной Сибири с 1940 по 1950 годы сократилось с 25 до 22 [2]. Первые секретари региональных парткомов прилагали значительные усилия для того, чтобы убедить союзных и республиканских руководителей в насущной необходимости предлагаемого решения. Однако в большинстве случаев просителей ждал отрицательный результат.

Так, например, долгие годы не мог решиться вопрос с организацией в Томске областного книжного издательства. В 1949 году первый секретарь обкома А. В. Семин для решения этого вопроса обращался непосредственно к М. А. Суслову. При наличии в городе значительного количества научных работников (около 1000 человек) издание специализированной литературы затруднялось из-за отсутствия подобного учреждения. Существовавшая полиграфическая база в Томске могла удовлетворить все запросы на издание научных трудов и другой литературы, но отсутствие областного издательства не позволяло вести необходимую редакционно-издательскую работу [3]. Выявленные архивные документы показывают длительный процесс согласований по данному вопросу.

Попытками решения проблем социокультурного развития были подготовленные за подписью региональных руководителей записки о необходимости комплексной помощи краевым и областным центрам. В ноябре 1952 года первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. И. Беляев уведомил председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова о сложившейся ситуации в культурном развитии города Барнаула. Как отмечалось в документе, «несмотря на всевозрастающие культурные запросы трудящихся края, в области развития культуры, особенно музыкальной, мы имеем серьезное отставание. В крае нет музыкального театра, музыкального училища и даже нет профессионального музыкального коллектива» [4]. Алтайский лидер просил главу республиканского правительства организовать в краевой филармонии симфонический ансамбль в составе 18 человек, расширить состав хора русской песни, а также выделить для творческих работников филармонии два деревянных восьмиквартирных дома.

С приходом к власти после смерти Сталина «коллективного руководства» были основания предполагать, что союзное руководство, члены Президиума ЦК КПСС более внимательно отнесутся к проблемам сибирских регионов. В состав руководства отделов ЦК КПСС, корпус секретарей ЦК КПСС входят бывшие секретари краевых и областных комитетов партии, хорошо представлявшие состояние социокультурной сферы в провинции. К середине 1950-х годов активизировалась работа по направлению предложений в ЦК КПСС о строительстве концертно-зрелищных и культурно-просветительных учреждений. Все тот же Н. И. Беляев, который с приходом к власти Н. С. Хрущева остался в должности первого секретаря Алтайского крайкома КПСС, уведомил аппарат ЦК партии о недопустимо серьезных диспропорциях в региональном развитии. «Особо следует признать, – говорилось в докумен-

те, – что уровень развития искусства и культуры в крае сильно отстает от развития промышленности и сельского хозяйства и не удовлетворяет духовные запросы населения. В крае нет не только оперного театра или театра музыкальной комедии, но даже симфонического оркестра» [5]. Суть просьб в ЦК КПСС состояла в том, чтобы были даны указания Госплану СССР и Министерству культуры СССР о строительстве краевого драматического театра на 1200 мест и Дома печати.

Однако принципиальных изменений в расстановке приоритетов культурной политики не происходит. Так, например, первый секретарь Новосибирского обкома партии Яковлев в феврале 1954 года озаботил Н. С. Хрущева проблемой строительства в Новосибирске здания областной библиотеки. Несмотря на значительный книжный фонд (680 тыс. экземпляров), библиотека располагалась в приспособленных помещениях профсоюзного клуба. По свидетельству И. Д. Яковлева, «вопрос о строительстве здания областной библиотеки ежегодно ставится в Совете Министров РСФСР, но до сих пор положительно не решен» [6]. Проект и всю техническую документацию руководство Министерства культуры утвердило, но лимитов на строительство не выделило. Обком просил ЦК КПСС поручить Совету Министров РСФСР выделить лимит на строительство здания областной библиотеки. Несмотря на старания И. Д. Яковлева, вопрос по строительству здания библиотеки решить так и не удалось. Было выделено лишь дополнительное двухэтажное здание, а отдельное строение областная библиотека получила лишь в 1985 году [7].

Красноярский лидер Н. Н. Органов 19 января 1955 года подписал письмо в Совет Министров СССР с просьбой о выделении средств для проектирования и начала строительства краевой библиотеки. Это учреждение имело в своих фондах 400 тысяч книг, однако располагалось в полуподвальном помещении, которое принадлежало музею [8]. Также руководство Красноярского края в апреле 1956 года просило рассмотреть вопрос о строительстве в г. Канске здания городского драматического театра на 600–700 мест, поскольку старое здание к эксплуатации было непригодно и подлежало сносу [9].

Первый секретарь Тюменского обкома партии В. В. Косов добивался решения вопроса о строительстве в Тюмени здания областного драматического театра. О его необходимости он уведомил секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова 2 февраля 1958 года. Косов обратил внимание секретаря ЦК на недопустимо низкий уровень развития объектов социальной сферы областного центра. Региональный руководитель писал, что «в городе Тюмени, насчитывающем около 160 тысяч населения, на протяжении последних 22 лет не было построено ни одного помещения для культурно-просветительных учреждений, а существующие кинотеатры, концертно-эстрадное бюро, клубы и библиотеки так же, как и драматический театр, размещены в примитивно приспособленных зданиях» [10]. Вследствие этого в городе плохо удовлетворялись культурные потребности, что вызывало нарекания и недовольство горожан. Несмотря на серьезность положения необходимые средства выделены не были.

В январе 1959 года первый секретарь Тувинского обкома КПСС С. К. Тока обратился в Президиум ЦК КПСС с просьбой о преобразовании Тувинского национально-драматического театра в музыкально-драматический. Такое предложение обусловливалось трудностями организации гастролей ведущих музыкальных коллективов, задачами повышения художественного уровня работы театра, усиления деятельности по развитию и пропаганде музыкальной культуры [11]. Тувинский лидер объяснял свое непосредственное обращение в Президиум ЦК КПСС тем, что в других инстанциях получил от-

каз. На этот раз просьба оказала желаемый эффект: тувинские лидеры получили разрешение Совета Министров РСФСР на преобразование театра [12]. Стоит заметить, что принятие решений по национальным районам нередко проходило в более короткие сроки. Этому обстоятельству способствовал статус автономных республик и областей.

Для руководителей Тюменской области делом чести стало создание на базе Тобольского Кремля историко-архитектурного музея-заповедника. Такую задачу ставили для себя партийный и советский лидеры области В. В. Косов и Д. Н. Крюков. Обращаясь в июне 1958 года к председателю Совета Министров РСФСР Д. С. Полянскому, они просили разрешить организовать музей с передачей на его баланс всех зданий и сооружений Кремля [13]. Этот замысел республиканские руководители отвергли.

Томский лидер В. А. Москвин продолжил постановку вопросов об организации в областном центре книжного издательства. 12 декабря 1957 года в записке секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову первый секретарь обкома писал, что просьба обкома положительно не решается, хотя необходимость открытия издательства давно созрела [14]. Неоднократные ходатайства руководства области не сказались на принятии положительного решения.

В начале 1960-х годов оставались нерешенными вопросы строительства зрелищных и культурно-просветительных учреждений в краевых и областных центрах Сибири. В большей степени это касалось Барнаула, Иркутска, Тюмени, Томска. Города, чей возраст насчитывал не одну сотню лет, отставали в развитии социально-культурной сферы. Региональные лидеры постоянно обращались в партийные и советские органы за решением этих проблем. О серьезности вопроса свидетельствовало наличие писем в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР, подписанных одновременно и первым секретарем регионального парткома, и председателем исполкома.

Так, алтайские руководители А. В. Георгиев и С. В. Кальченко 1 марта 1962 года подписали очередное письмо по поводу строительства краевого драматического театра на 1100 мест. Как отмечалось в документе, «город Барнаул по насыщенности культурно-зрелищными учреждениями намного отстал от соседних городов Сибири – Новосибирска, Омска, Кемерова. Достаточно сказать, что в краевом центре нет музыкального театра, концертного зала. На все промышленные предприятия имеются только два профсоюзных клуба» [15]. Сравнительный анализ развития социально-культурной сферы показывает значительный рост ее инфраструктуры в крупных сибирских центрах. В Омске, например, к началу 1960-х годов работали четыре театра, цирк, филармония, симфонический оркестр, Омский народный хор, отделения союзов писателей, художников и другие творческие организации [16].

Констатацию неудовлетворительного положения с концертно-зрелищными учреждениями на Алтае руководители региона стремились отметить в любых документах, отправляемых в адрес ЦК партии. Первый секретарь Алтайского промышленного крайкома КПСС М. В. Васильев 30 марта 1963 года в записке для Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О некоторых вопросах дальнейшего развития народного хозяйства городов Алтайского края» отметил: «За годы Советской власти в крае не построено ни одного театрального здания, крупнейшие предприятия страны, такие как Алтайский тракторный завод, Барнаульский электромеханический завод, хлопчатобумажный комбинат и другие, не имеют Домов культуры или клубов. В городах края нет ни одного благоустроенного стадиона» [17]. Эти диспропорции в социально-культурном развитии представляются характерными и для других краевых и областных центров Сибири.

Остро стоял вопрос с издательско-полиграфической деятельностью в Тюменской области. В 1963 году здесь упразднили областное книжное издательство, и первый секретарь обкома Б. Е. Щербина настоятельно просил ЦК КПСС восстановить это учреждение [18]. Между тем такие решения принимались крайне редко. Тюменские литераторы печатали свои произведения в Средне-Уральском книжном издательстве, размещенном в Свердловске [19]. Такая практика сдерживала развитие творческого и научного потенциала Тюменской области.

Вновь тему диспропорций в экономическом и социально-культурном развитии Алтайского края руководители промышленного крайкома и крайисполкома подняли в январе 1964 года, обратившись в Бюро ЦК КПСС с запиской «О состоянии и мерах развития жилищного и культурно-бытового строительства в городах Алтайского края». В документе был очерчен круг социальных проблем, которые влияли на отток трудовых ресурсов. Руководство края способствовало решению вопросов регионального развития в комплексе, усилив заинтересованность отраслевых министерств и ведомств в социальных программах.

На взгляд региональных лидеров, форсированное развитие социальной сферы региона было возможно при развертывании новых крупных промышленных производств. По мнению первого секретаря Алтайского промышленного крайкома КПСС М. В. Васильева и председателя Алтайского промышленного крайисполкома М. Андрианова, в период 1966–1970 годов следовало усилить развитие сельскохозяйственного машиностроения, изменить структуру промышленного производства в пользу химической промышленности и машиностроения в Алтайском крае. Одновременно руководители региона выступали за обеспечение комплексного развития экономики Алтая с развитием легкой и пищевой промышленности, широким использованием местных сырьевых ресурсов. Решение задачи комплексного развития экономики предполагалось проводить через создание новых промышленных центров, усиление инфраструктуры транспорта и связи.

Итог предполагаемых новаций лидерам промышленных структур управления краем виделся в следующем: «Всемерное дальнейшее улучшение условий жизни трудящихся, особенно в местах сосредоточения промышленного производства; выравнивание жизненного уровня населения края в сравнении с другими районами страны в целях ликвидации текучести, привлечения и закрепления новых кадров и, в связи с этим, значительное увеличение объемов жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства» [20]. Таким образом, за счет развития отраслевого производства региональные лидеры предполагали решить социальные проблемы региона.

Получалось, что руководители провинции стремились к заключению своеобразного контракта с представителями союзно-республиканской технократической элиты: соглашаясь на размещение тех или иных производств, лидеры территорий требовали включения в план и всей необходимой социальной инфраструктуры. Такой подход к региональному развитию имел обеспеченные гарантии со стороны союзного и республиканского правительства, планирующих органов, министерств и ведомств. Поэтому руководители партийных и советских органов Алтайского края внесли в текст подготовленного письма следующий пункт: «Краевой комитет партии и крайисполком считают необходимым предусмотреть в пятилетнем плане комплексное проектирование строительства (производственное, жилищно-коммунальное и все культурно-бытовое строительство) крупнейших предприятий в крае» [21].

Оценивая вклад сибирской партийной номенклатуры в развитие социально-культурной сферы начала 1950-х – первой половины 1960-х годов, можно заметить, что решение региональных проблем шло более динамично. Активную поддержку получают предложения по строительству театральных зданий и концертных учреждений, вузовских учебных и лабораторных корпусов. В массовом порядке удовлетворяются ходатайства региональных партийных лидеров по организации новых вузов, в том числе педагогического и медицинского профиля. Предпринимаются попытки по формированию санаторно-курортной сети, повышается уровень жилищной обеспеченности населения.

Со второй половины 1960-х годов вопросы по открытию и строительству учреждений культуры в краевых и областных центрах Сибири решаются более активно. Причины изменения региональной политики в сфере культуры видятся в расширении возможностей отраслевых министерств и ведомств содействовать социальному развитию территорий. Растет и объем капиталовложений, выделяемых лимитов на строительство министерствам «социального блока». В Алтайском крае усилиями первого секретаря крайкома А. В. Георгиева Совет Министров РСФСР принял решение о строительстве краевого драматического театра на тысячу мест. Министерство культуры РСФСР согласилось решить вопрос о строительстве концертного зала в городе Барнауле на 1500 мест [22].

В то же время выделяемые капиталовложения были недостаточны. По этой причине долгие годы не решалась проблема строительства цирка в городе Томске. При серьезном влиянии, которое оказывал Е. К. Лигачев на решение этого вопроса, Министерство культуры СССР не имело возможностей начать строительство. На период 1975–1980 годов запланировали только проведение проектно-изыскательских работ [23].

С приближением XI пятилетки руководство Томской области вновь подняло вопрос о строительстве цирка. В апреле 1979 года в аппарате обкома и облисполкома подготовили очередное обращение к председателю Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцеву. Документ подписали первый секретарь обкома Е. К. Лигачев и председатель облисполкома Н. В. Лукьяненок. В нем отмечалось: «В городе нет концертного зала, цирка, художественного музея. Что касается концертного зала и художественного музея, то эти вопросы находят свое решение. Томский обком КПСС и облисполком просят Совет Министров СССР предусмотреть в одиннадцатой пятилетке строительство в городе Томске цирка, осуществить в 1980 году проектирование и в последующие годы сооружение этого объекта» [24]. Однако правительственное решение тогда так и не вышло.

Подобная ситуация с решением вопроса о строительстве здания музыкального театра наблюдалась в Омской области. Еще в 1967 году ЦК КПСС дал разрешение на сооружение этого объекта. Однако Совет Министров РСФСР под разными предлогами из года в год переносил сроки строительства. Партийный руководитель региона С. И. Манякин в апреле 1973 года жаловался в ЦК КПСС на недопустимо долгий срок рассмотрения вопроса. Поскольку проектная документация имелась, Манякин просил начать строительство театра незамедлительно [25].

Красноярские краевые лидеры П. С. Федирко и Н. Ф. Татарчук в мае 1976 года обратились к главе республиканского правительства М. С. Соломенцеву с просьбой решить вопрос об открытии в Красноярске Театра оперы и балета. Мотив просьбы сводился к «организации планомерной работы по эстетическому воспитанию трудящихся, пропаганде классической музыки и танца, широкого приобщения трудящихся к музыкальной и хореографической культуре» [26]. Этот проект обрел реальное воплощение в 1978 году,

в год 350-летия Красноярска. Только за первые два года существования Государственный театр оперы и балета показал красноярцам около 20 оперных и балетных спектаклей [27]. Ставились и вопросы об организации при Красноярской филармонии симфонического оркестра, открытии в 1977 году консерватории [28]. Учитывая масштабы региона, а также значительные усилия региональных лидеров по защите инициируемых проектов, здесь удалось добиться немалых успехов. В 1976 году был создан Государственный симфонический оркестр. Подготовку кадров для творческо-исполнительской деятельности взял на себя открывшийся институт искусств.

Вместе с тем нельзя полагать, что решение в центральных инстанциях проблем социально-культурного развития было упрощено. Зачастую партийно-советские руководители в течение ряда лет безуспешно ставили подобные вопросы. Например, первый секретарь Иркутского обкома КПСС Н. В. Банников и председатель Иркутского облисполкома А. Е. Соколов в июне 1981 года писали председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову о необходимости строительства в Иркутске музыкального театра. Здания, в которых размещались театры, были построены в конце XIX века и не отвечали современным нормативным требованиям. Руководители области просили главу правительства оказать помощь в строительстве [29]. Однако требуемых средств тогда выделено не было.

Томский обком партии во главе с Е. К. Лигачевым неоднократно ходатайствовал о восстановлении областного книжного издательства. В 1964 году оно было закрыто в связи с созданием Западно-Сибирского книжного издательства в Новосибирске. Это сказалось на количестве издаваемой в Томске литературы. Стало проблемой издание общественно-политической и краеведческой литературы. Поскольку в городе заканчивалось строительство новой типографии, первый секретарь в январе 1981 года посчитал уместным просить ЦК КПСС об открытии книжного издательства [30]. В условиях значительного роста писательской организации, наличия квалифицированных научных кадров отсутствие издательства представлялось сдерживающим фактором культурного развития Томской области.

В Омске в течение длительного времени отсутствовало специализированное здание областной библиотеки. Руководители региона информировали об этой проблеме Совет Министров СССР. В апреле 1982 года секретарь обкома А. П. Мекеров и председатель облисполкома А. П. Блохин в очередной раз направили письмо в правительство. В подписанном ими документе говорилось: «Еще 9 июня 1939 года ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР в «Мероприятиях по Омской области» обязывали СНК РСФСР выделить средства на проектирование областной публичной библиотеки в г. Омске. Этот объект вносился также в планы VIII и IX пятилеток, но положительно вопрос решен не был» [31]. Постановлением союзного правительства в 1979 году библиотека включалась в перечень объектов строительства с вводом в 1984 году. Однако сооружение библиотеки не начиналось, поскольку Госплан РСФСР не выделил необходимых средств. Руководители области просили Совет Министров СССР поручить Госплану СССР и Госплану РСФСР включить начало строительства библиотеки в 1983 году.

В обстановке конкурентной борьбы проходил процесс открытия в сибирских регионах институтов культуры. После образования в Кемеровской области подобного вуза первый секретарь Томского обкома КПСС Е. К. Лигачев обратился к министру культуры СССР Е. А. Фурцевой с просьбой открыть в 1975–1976 годах институт культуры в Томской области [32]. Для принятия поло-

жительного решения имелись и учебные площади, и квалифицированные кадры, однако в министерстве культуры решили сконцентрировать ресурсы на кемеровском вузе.

В череде просьб региональных руководителей об организации институтов культуры серьезную настойчивость демонстрировали красноярские лидеры П. С. Федирко и Н. Ф. Татарчук. В мае 1976 года они обратились к Председателю Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцеву с просьбой решить вопрос об открытии в 1977 году в Красноярске института искусств [33]. Специфика вуза состояла в том, что его факультеты имели творческую направленность. Предполагалось начать обучение по специальностям: «Фортепиано», «Актерское мастерство», «Народные инструменты» и др.

Омские руководители пытались убедить руководство республиканского министерства культуры и правительства в необходимости открытия высшего учебного заведения культуры в Омске с 1975 года [34]. Впоследствии этот вопрос неоднократно ставился, однако добиться открытия самостоятельного вуза региональному руководству не удалось. Был образован учебно-консультационный пункт Восточно-Сибирского института культуры, который пытались преобразовать в филиал заочного и вечернего обучения Челябинского или Алтайского институтов культуры [35].

Оценивая деятельность партийной номенклатуры Сибири по развитию учреждений культуры автор считает, что региональные лидеры прилагали немало усилий в защиту инициируемых проектов перед ведомственными структурами и плановыми органами. Невозможность реализации многих просьб крайкомов и обкомов объясняется не столько отсутствием финансирования, сколько сложившимися подходами в культурной политике. Бурятский историк И. Ц. Хазагаева считает, что «плановые и финансовые органы рассматривали культурное строительство как некую нерентабельную нагрузку на экономику» [36]. Думается, что определение приоритетности финансирования социальной сферы в сибирских краях и областях подчинялось более существенным мотивам. Они связаны с системой формирования всей региональной политики, которая регулировалась аппаратом ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Плановые и финансовые органы в данном случае представали лишь послушными исполнителями воли центра. Несмотря на значительные усилия региональных руководителей по улучшению социокультурной сферы городов Сибири, сложившиеся политические приоритеты со стороны Центра блокировали возможности резкого увеличения культурно-просветительных и концертно-зрелищных учреждений.

Литература

1. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). – Ч. I.: «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953). – Омск, 2001. – С. 116.
2. Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е годы). – Новосибирск, 1991. – С. 168.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1193. Л. 14.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 90. Д. 103. Л. 59–60.
5. ГААК. Ф. П-1. Оп. 97. Д. 37. Л. 101.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 24. Д. 3. Л. 15.
7. Юмина А. Н. Библиотека Новосибирская государственная областная научная // Новосибирск. Энциклопедия. – Новосибирск: Книжное изд-во, 2003. – С. 90.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 26. Оп. 26. Д. 2. Л. 63.
9. ГАКК. Ф. 26. Оп. 29. Д. 1. Л. 124.

10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 127. Д. 88. Л. 16.
11. Центральный государственный архив республики Тыва (ЦГАРТ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1362. Л. 1–2.
12. ЦГАРТ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1730. Изменение статуса театра послужило мотивом для новой просьбы С. К. Тока и М. Мендуме. В марте 1962 года они просили Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР разрешить строительство здания театра на 820 посадочных мест, поскольку старое здание представляло собой одноэтажное деревянное помещение. См.: ЦГАРТ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1730. Л. 1.
13. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 127. Д. 88. Л. 66.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2528. Л. 451–452.
15. ГААК. Ф. П-1. Оп. 106. Д. 378. Л. 67–69.
16. Очерки истории Омской областной организации КПСС. – Омск, 1987. – С. 290.
17. ГААК. Ф. П-1846. Оп. 1. Д. 84. Л. 128.
18. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 182. Д. 63. Л. 34–36.
19. Лагунов К. Жизнь после жизни // В пламени жизни. Книга воспоминаний о Б. Е. Щербине. – Тюмень, 1999. – С. 260.
20. ГААК. Ф. П-1486. Оп. 1. Д. 85а. Л. 66.
21. ГААК. Ф. П-1846. Оп. 1. Д. 85а. Л. 88.
22. ГААК. Ф. П-1. Оп. 117. Д. 237. Л. 27–28.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4672. Л. 94. В апреле 1976 года министр культуры СССР П. Н. Демичев сообщил Е. К. Лигачеву о том, что вопрос о выделении ассигнований на проектно-изыскательские работы по строительству здания цирка в Томске будет рассмотрен с проектом плана на 1978 год. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 8. Д. 53. Л. 31. Однако Лигачев ответом министра не удовлетворился. В сентябре 1976 г. он обратился к Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину с запиской, где объяснял необходимость строительства цирка в X пятилетке. Руководство обкома считало возможным осуществить в 1977 году проектирование и в последующие годы строительство цирка. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 5. Д. 72. Л. 29.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 8. Д. 51. Л. 81.
25. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1а. Д. 1611. Л. 15.
26. ГАКК. Ф. 26. Оп. 9. Д. 122. Л. 45.
27. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980 гг.). – Красноярск, 1982. – С. 563.
28. ГАКК. Ф. 26. Оп. 9. Д. 101. Л. 150–151, 153.
29. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 109. Д. 88. Л. 108.
30. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 13. Д. 111. Л. 35–36.
31. ИАОО. Ф. 17. Оп. 121. Д. 134. Л. 5.
32. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4254. Л. 172–173.
33. ГАКК. Ф. 26. Оп. 9. Д. 122. Л. 44.
34. ИАОО. Ф. 17. Оп. 121. Д. 134. Л. 2.
35. ИАОО. Ф. 17. Оп. 121. Д. 134. Л. 6–7.
36. Хазагаева И. Ц. Культурное строительство Бурятии в 1970–1985 гг.: исторический опыт и проблемы развития: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1998. – С. 14.

УДК 378:2

А. М. Кулемзин, А. А. Насонов, Д. Д. Родионова

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье представлен исторический обзор развития отечественного религиоведческого образования, рассматривается современная общественная дискуссия, касающаяся принципов и форм преподавания религиоведения в средней и высшей школе. Авторы представляют опыт кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств в данной сфере, обосновывают необходимость открытия направления подготовки «Религиоведение», опираясь на ФГОС ВПО.

Ключевые слова: религиоведение, вуз культуры и искусств, музейное дело.

A. M. Kulemzin, A. A. Nasonov, D. D. Rodionova

RELIGIOUS EDUCATION AT UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS: HISTORY AND CONTEMPORANEITY IN SOCIO-CULTURAL FORESHORTENING

The article presents a historical overview of the development of native religious secular education, considers contemporary public debate concerning the principles and forms of religious teaching in middle and high school. Authors present experience of the Chair of Museums science, Kemerovo State University of Culture and Arts in this field, explain the necessity of opening bachelor program “Religious Studies”, based on state higher educational standard.

Keywords: religious studies, university of culture and arts, museum science.

Одной из главнейших задач современного российского общества является гармонизация его внутренних связей, что в политической риторике в последние годы звучит как «стабилизация». Эффективным механизмом общественной стабилизации, по мнению многих специалистов, является создание в обществе морали межконфессиональной толерантности в специфических национальных и религиозных условиях России.

Исторический опыт, накопленный народами нашей страны, содержит в себе длительную традицию веротерпимости. В современном социально-гуманитарном знании выделяют как минимум три смысловых компонента в категории «межконфессиональная толерантность». Несомненно, первым из них является веротерпимость, под которой подразумевается признание возможности существования рядом с традиционными религиозными представлениями и обрядовыми практиками иных, кардинально отличающихся от собственных, вероисповедных взглядов.

Вторым обязательным компонентом межконфессиональной толерантности является информированность членов общества об иных религиозных воззрениях. Сама по себе веротерпимость вовсе не предполагает наличие детальных знаний о другом вероучении. Можно «терпеть», но глубоко в душе негативно относиться к человеку другого мировоззрения. Информированность об иных религиозных предпочтениях предполагает лишь знакомство с верой людей, находящихся рядом. Как известно, человека пугает то, с чем он не знаком, о чем он имеет отрывочное, зачастую превратное преставление. Следовательно, расширение представлений

и объективной информации о многообразии религий нашего общества является задачей учреждений образования.

Третьей важной составляющей межконфессиональной толерантности является диалог и сотрудничество между религиозными организациями для решения важнейших социальных проблем.

История преподавания религиоведческих дисциплин в нашей стране насчитывает ни одно десятилетие. Для советского периода был типичен крен в сторону крайне критической, даже обличительной формы подачи материала. Так, в 1930–1950-е годы влияние религиозных учений на жизнь любого общества трактовалось через призму социальной борьбы и на основе жесткого классового подхода. С подачи официальной идеологии главной функцией какого-либо учения считалось «затуманивание сознания трудящегося», «отвлечение его от необходимости борьбы с эксплуатацией» [14]. Целенаправленно литература, особенно пропагандистская, формировала негативный образ конфессий. Акцентировалось внимание на нелицеприятных сюжетах истории церкви. В 1960-е – первой половине 1980-х годов позиции государства в отношении церкви были несколько смягчены. Религия стала характеризоваться как общественный пережиток. В большинстве публикаций описание вероисповедных вопросов сводилось к определению их архаичности и констатации скорого ухода в прошлое вместе с естественной сменой поколений [6]. Однако, несмотря на уход из жизни тех людей, кто застал дореволюционный период и был воспитан в религиозном духе, вера не исчезала, а продолжала существовать и развиваться (хотя и, мягко говоря, в некомфортных условиях). В целом такой подход к характеристике религии был однобоким, что непосредственно отражалось на преподавании, к тому же не способствовало развитию межконфессиональной терпимости и толерантности. Эти идеи заменяли идеалы социалистического интернационализма.

В результате такого противопоставления религиозной и официальной государственной морали, базировавшейся на воинствующем атеизме, в обществе были разрушены многие фундаментальные нравственные устои, выработанные религиями как стабилизирующие механизмы в течение многих столетий. Кроме того, за годы господства радикалистской идеологии в нашей стране было физически почти полностью уничтожено духовенство. Только непосредственно расстрелянных было около 14 тысяч человек [2, с. 212]. На территории Кемеровской области в лагерях и тюрьмах отбывали наказание 176 церковнослужителей, большинство из которых были расстреляны или погибли от истязаний, болезней и нечеловеческих условий. Тридцать шесть из них в настоящее время канонизированы Русской православной церковью (далее – РПЦ) как новомученики [9, с. 5]. Вместе с тем подверглись осквернению и разрушению культовые сооружения. Из более чем 86 тысяч церковных зданий, имевшихся в России до революции, к началу возрождения церкви физически сохранилось лишь 19 тысяч, из которых 13 тысяч были приспособлены под хозяйственные нужды или пустовали. Лишь только в трехстах из сохранившихся церковных зданий велась служба [10]. На территории Кемеровской области из 208 церквей и часовен к началу 1990-х годов сохранилось лишь 17 строений. Ни в одном из них не велось службы [5].

Демократические изменения рубежа 1980–1990-х годов привели к прекращению притеснений религиозных организаций, что позволило им намного более активно развиваться, восстанавливая собственные социальные институты, культовые сооружения и привлекая новых последователей. Однако свобода вероисповедания в совокупности с другими правами и свободами не толь-

ко имела благоприятные последствия, но и способствовала развитию противоречивых тенденций. Повсеместное распространение получили новые религиозные движения, обещания которых не всегда соотносились с реальными действиями, а иногда напрямую наносили вред неофитам, примкнувшим к их организации. Вместе с тем «мода на религиозность» привела к поверхностному восприятию духовных постулатов, внешние проявления религиозной жизни стали доминировать во вред истинной вере и пониманию глубинных смыслов учения. С другой стороны, население России стало активно возрождать свои исконные религиозные традиции. Вот только «исконными традициями» назывались совершенно разные духовные практики. Например, представители славянских народов в большинстве своем стали возрождать православное христианство, но часть из них посчитала «исконными традициями» языческие культы [4, с. 469–472]. Поиски новых религий (как и возрождение язычества) подвигло некоторых их сторонников к существенному пересмотру официальной «академической» истории Руси–России, мифической Мидгард-земли, удревнив ее на 40 тысяч лет [7]. Таким образом, в процессе этого воссоздания в случае утраты большей части традиции возрождение стало напоминать создание нового. Все эти неожиданные кардинальные подходы к иному пониманию отечественной истории, культуры, духовности и ментальности россиян не будут способствовать взаимопониманию сторонников разных позиций без приобретения общих знаний о религии как таковой, ее месте в общем цивилизационном процессе, без общей гуманизации сознания всего населения страны.

Новые условия повлияли и на изучение религии, и на преподавание религиоведческих дисциплин. С одной стороны, свобода совести привела к введению в учебный процесс полноценных курсов «Религиоведение», «История религии». Религиозные процессы теперь редко преподносились учащимся как что-то исключительно негативное, подробно рассматривались и анализировались. Но, с другой стороны, это время демократизации до сих пор сопровождается креном в противоположную сторону: обличительные и нейтральные характеристики вытесняются апологетическими. На сегодняшний день серьезные опасения у светских историков вызывает стремление РПЦ добиться включения в номенклатуру специальностей ВАК специальности «Теология», а следовательно, потенциально возможно оппонирование светским диссертантам со стороны апологетически настроенных исследователей из церковной среды [3, с. 172–175].

В начале XXI века развернулась активная дискуссия по вопросу духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. 23 июля 2007 года известные российские академики, среди которых были также нобелевские лауреаты В. Л. Гинзбург и Ж. И. Алферов, выступили с открытым письмом «Политика РПЦ: консолидация или развал страны?» в адрес Президента России В. В. Путина. В этом обращении ученые высказали опасения, связанные с «возрастающей клерикализацией российского общества», «активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни», а также отметили, что считают инициативу введения в средних общеобразовательных школах курса «Основы православной культуры» противоречащей Конституции РФ и ущемляющей права атеистически настроенных граждан и представителей иных традиционных конфессий. Это письмо вызвало огромный резонанс среди деятелей науки, образования и культуры, религиозных организаций и всей заинтересованной общественности. Позиция академиков была встречена как поддержкой, так и жесткой критикой, а также способствовала оживленной дискуссии, которая развернулась на страницах периодических изданий,

интернет-сайтов и т. п. [8, с. 133]. По мнению других представителей общественности, ситуация является диаметрально противоположной: в российском обществе продолжает господствовать безнравственность и бездуховность, поскольку утрачены традиционные религиозные ценности, и кто как не религиозные институты должны прилагать усилия для их восстановления.

Публичная дискуссия конца 2000-х годов привела к тому, что курс государственной образовательной политики был скорректирован. В 2010–2011 годах в девятнадцати регионах России проводился эксперимент по преподаванию в средней школе модульной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики». С 1 сентября 2012 года он стал обязательным для учащихся четвертых классов.

Примечателен опыт организации религиоведческого образования в Кемеровском государственном университете культуры и искусств (далее – КемГУКИ). Преподавание религиоведческих дисциплин в КемГУКИ осуществляется кафедрой музейного дела, которая, помимо выпускающей по специальности «Музейное дело и охрана памятников» и по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», является общенаучной, реализуя учебные программы исторического профиля. На сегодняшний день религиоведческие дисциплины включены в блок общепрофессиональных дисциплин федерального компонента учебных планов многих специальностей нашего вуза. Курс «История религии» преподается специальности «Народное художественное творчество» (специализации «Теория и история народной художественной культуры», «Декоративно-прикладное творчество», «Фототворчество», «Киновидеотворчество», «Хореография», «Режиссура любительского театра»). Комплексный курс «Религиоведение» преподается специальностям: «Социально-культурная деятельность» («Педагогика детско-юношеского досуга», «Постановка и продюсирование культурно-досуговых программ», «Менеджмент социально–культурной деятельности институтов гражданского общества»), «Музейное дело и охрана памятников» («Историко-культурное наследие Сибири», «Организация туристско-экскурсионной деятельности»), «Социально-культурный сервис и туризм». Данный курс предполагает не только рассмотрение исторических аспектов развития религии и ее институтов, но и изучение философии, социологии, психологии, географии, экологии религии, религиозной этики.

В процессе прохождения программы религиоведческих курсов преподаватель придерживается ряда принципов, зафиксированных в российском законодательстве и реализуемых в государственных образовательных учреждения высшего профессионального образования. Во-первых, это светскость. Придерживаясь научного подхода, преподаватель не имеет права давать положительные или негативные оценки того или иного вероучения, призывать приобщиться или, наоборот, отказаться от следования какой-либо религиозной традиции. Во-вторых, в отличие от теологического подхода, предполагающего осмысление с позиции ее последователей, научный подход ориентируется на сравнительно-религиоведческие приемы. В-третьих, обязательно учитывается этноконфессиональный состав студенческой аудитории. Помимо православных христиан, в КемГУКИ обучаются студенты, придерживающиеся мусульманства, буддизма, шаманизма и других традиционных религиозных верований [1, с. 90–98]. Такой конфессиональный и этнический состав определяет акцент в процессе преподавания на вопросах межнационального и межрелигиозного взаимодействия, упор на детальное изучение духовных традиций народов Южной Сибири. В-четвертых, чрезвычайно важным является междисциплинарное взаимодействие. Веро-

исповедная проблематика не может рассматриваться в отрыве от широкого исторического и культурного контекста. В этом смысле религиоведческие дисциплины формируют необходимые знания и умения совместно с целым рядом курсов, среди которых «Отечественная история», «Всеобщая история», «История мировой культуры», «Культурология», «Философия». Таким образом, при преподавании религиоведческих дисциплин кафедра музейного дела взаимодействует с кафедрами культурологии, философии, права и социально-политических дисциплин, теории и истории искусств, теории и истории народной художественной культуры и т. д.

Преподавание религиоведческих дисциплин КемГУКИ предполагает разные формы работы со студентами. Среди них как традиционные – лекционные и семинарские занятия, так и новаторские, предназначенные для того, чтобы разнообразными способами донести изучаемый материал до учащегося. Среди таких форм работы в первую очередь следует назвать встречи с духовенством разных конфессий. Это позволит студентам не только закрепить отдельные изучаемые темы в форме беседы и получить интересующую их информацию, но и продемонстрировать разницу двух подходов к анализу религиозного явления – богословского и научного. Успешным оказался опыт проведения занятий непосредственно в Музее истории православия на земле Кузнецкой при Знаменском кафедральном соборе в г. Кемерово Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ. Помимо этого, специфика образования в вузе культуры и искусств предполагает использование творческого компонента в учебном процессе. Используется он и в процессе преподавания религиоведческих дисциплин. В частности, важно формирование у студентов установок, что религия была и продолжает являться неотъемлемой составляющей культурной сферы жизнедеятельности общества. В этой связи студентам предлагается выполнение заданий, суть которых сводится к выявлению и анализу интерпретации религиозных сюжетов в литературных, музыкальных и кинематографических произведениях, как являющихся продуктом исторических периодов, так и современных, выступающих плодом массовой или элитарной культуры. Кроме того, вспомогательными внеаудиторными формами работы со студентами является участие наиболее активных из них в социокультурных и просветительских акциях, круглых столах, конференциях, чтениях, олимпиадах.

23 декабря 2010 года приказом Министерства образования и науки РФ был утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО) по бакалаврскому направлению подготовки «Религиоведение». В структуре данного документа обозначается область профессиональной деятельности религиоведов, которая включает научно-исследовательскую, педагогическую и организационно-управленческую работу в системе образования, в сфере культуры (музеи, библиотеки, средства массовой информации), а также при организации государственного и муниципального управления (взаимодействие с религиозными объединениями, проведение религиоведческой экспертизы). Объектами профессиональной деятельности бакалавров обозначаются: обучение учащихся среднего (полного) общего и среднего профессионального образования; организация, технологическое сопровождение, консультирование в учебном процессе; обработка и описание музейных экспонатов, ведение экскурсий; каталогизация религиозных и религиоведческих материалов и литературы в библиотеках и архивах; консультирование, обработка и предоставление материалов о религии в издательствах; осуществление взаимодействия с религиозными организациями в рамках деятельности соот-

ветствующих государственных и муниципальных органов [15, с. 3]. Таким образом, государственным стандартом не разведены, но фактически обозначены два профиля: 1) педагогическая работа, 2) деятельность в учреждениях культуры. Мы склонны остановить свой выбор на втором направлении, более соответствующем специфике нашего вуза. Открытие данного направления подготовки на базе КемГУКИ имеет четкое обоснование, поскольку вуз является одновременно и профильным для сферы культуры и искусств, и вместе с тем как университет имеет структурные учебно-научные подразделения гуманитарной направленности. Кроме того, поскольку в ФГОС ВПО особый акцент делается на необходимости подготовки религиоведов-профессионалов для учреждений музейного типа, процесс обучения должна возглавить кафедра музейного дела, накопившая опыт преподавания религиоведческих дисциплин и являющаяся одновременно общенаучной и выпускающей.

Опыт подготовки специалистов-музееведов показал, что для работы в Музее православия на земле Кузнецкой (созданном выпускницей кафедры музейного дела 2010 г. Л. С. Алексеевой) недостаточно базовых знаний только по музееведению. Для достоверного представления музейных экспонатов соответствующей тематики необходимы глубокие познания в области религий. В целом сейчас на территории РФ работают светские музеи религиозной тематики, ведущим из который является Государственный музей истории религии (г. Санкт-Петербург). Тенденцией последний лет стало открытие духовных музеев при религиозных организациях. Исходя из этого, подготовленный КемГУКИ выпускник будет востребован на специфическом рынке труда в условиях активно формирующегося в России демократического гражданского общества. Вместе с тем, наличие специалистов, понимающих механизмы возникновения религиозных конфликтов и умеющих их предупредить, будет способствовать общественной консолидации.

Обратим внимание, что на сегодняшний день по направлению подготовки «Религиоведение» осуществляют набор и подготовку в основном педагогические вузы европейской части России, например: Московский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Владимирский государственный университет и др. Образование с теологическим уклоном можно получить в церковных вузах: Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, Свято-Филаретовском православно-христианском институте и др. В Сибири религиоведов готовят в Новосибирском государственном педагогическом университете, Алтайском государственном университете и даже в таком непрофильном вузе, как Тюменский государственный нефтегазовый университет. В общем, можно констатировать, что рынок образовательных услуг в данной области не перенасыщен.

В КемГУКИ религиоведческое образование может быть обеспечено не только традиционными печатными научными, учебно-методическими, информационными, справочными, научно-популярными, но и электронными ресурсами в сети Интернет. Особо информативными, на наш взгляд, являются: Православная электронная библиотека [12], библиотека ГУМЕР [11], Центр религиоведческих исследований [13] и др.

Подводя итог, заметим, что развитие религиоведческого образования в России имеет важнейший мировоззренческий аспект ввиду многонационального и поликонфессионального характера нашего общества. Чем больше гражданин РФ будет иметь достоверной и разнообразной информации, тем уверенней он будет ориентироваться в социальных процессах. Эту функцию в полной мере должна обеспечивать система среднего и высшего образования, в том числе вузы культуры и искусств.

Литература

1. Белозерова М. В., Щеглова М. С. Толерантность и проблемы межкультурного взаимодействия в студенческой среде (по результатам социологического опроса студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств из числа коренных народов) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 13. – С. 90–98.
2. Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. – М.: Новости, 1994. – Кн. 2.
3. Вяткин В. В. Богословие и проблема современной историографии // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 172–175.
4. Жуколина М. В. Неоязычество: возврат к духовным истокам или иллюзия? // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы IX Международ. науч. конф. – Иваново, 2010. – Ч. 1. – С. 469–472.
5. Кимеев В. М., Кандрашин Д. Е., Усольцев В. Н. Православные храмы Кузбасса. – Кемерово, 1996. – 307 с.
6. Кочетов А. Н. Буддизм-ламаизм и его пережитки в Советском Союзе // Атеистические знания – народу. – Л.: Госместпромиздат, 1963. – С. 167–197.
7. Левашов Н. Для чего сказы превращали в сказки // Духовное наследие: сб. ст. и мат-лов. – Томск: Центр Славянской Культуры «Святогор», 2010. – Вып. 11.
8. Насонов А. А. Роль религиоведческих дисциплин в формировании толерантного отношения к поликонфессиональности российского общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 10. – С. 132–135.
9. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: библиогр. справ. / науч. ред. В. А. Волчек, авт.-сост. А. М. Адаменко и др. – Кемерово: ООО «Скиф», 2011. – 408 с.
10. Паламарчук П. Г. Трагедия «Сорока сороков» // Московский комсомолец. – 1990. – 15 марта.
11. Религиоведение [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/_INDEX_RELIG.php (дата обращения: 02.04.2012).
12. Сайт Православной электронной библиотеки [Электронный ресурс]. – URL: http://lib. pravmir.ru (дата обращения: 02.04.2012).
13. Сайт Центра религиоведческих исследований [Электронный ресурс]. – URL: http://www.religiopolis.org (дата обращения: 02.04.2012).
14. Спутник атеизма: справочник / отв. ред. С. И. Ковалев. – М.: Госполитиздат, 1959. – 545 с.
15. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 033300 «Религиоведение» (квалификация (степень) «Бакалавр»). – М., 2010. – 27 с.

УДК 94(47+57)«1945/1958»

А. Б. Коновалов

ВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА СИБИРИ НА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е ГОДЫ

В статье определяются механизмы влияния первых секретарей краевых (областных) комитетов ВКП(б) – КПСС на процесс формирования и развития системы высшей школы Сибири. Показаны пути лоббирования региональных интересов, обозначены проблемы и противоречия в интеллектуальном и индустриальном развитии регионов в послевоенное время.

Ключевые слова: партийная номенклатура, высшая школа Сибири, региональный лоббизм, социальная политика.

A. B. Konovalov

INFLUENCE OF THE PARTY MANAGEMENT OF SIBERIA ON DEVELOPMENT OF THE HIGHER SCHOOL IN THE SECOND HALF 1940th – 1950th YEARS

In article mechanisms of influence of first secretaries of the regional committees CPSU be defined on process of formation and development of system of the higher school of Siberia. Ways of lobbying of regional interests are shown, problems and contradictions in intellectual and industrial development of regions during post-war time are designated.

Keywords: party nomenclature, the higher school of Siberia, regional lobbyism, social policy.

В условиях послевоенного времени высшее партийно-государственное руководство скептически оценивало необходимость развития научно-образовательного комплекса регионов Сибири. Индустриальное освоение регионов, формирование территориально-производственных комплексов в конце 1940-х – начале 1950-х годов связывалось с обеспечением кадрами, подготовленными в вузах с богатыми академическими традициями. Система распределения молодых специалистов из столичных вузов, а также Омска, Новосибирска и Томска не закрывала потребностей в инженерно-технических работниках, а особенно в специалистах социальной сферы. Поэтому партийные руководители территорий регулярно обращались с предложениями создать академические учреждения и высшие учебные заведения. Сибирские регионы имели весьма низкие показатели обеспеченности учительскими и врачебными кадрами. Перед ЦК партии и правительством ставились вопросы по открытию педагогических и медицинских институтов, а также расширению студенческого контингента в действовавших вузах.

Такие просьбы можно обнаружить уже в первые дни после окончания войны. Тюменский лидер Ф. М. Чубаров 25 мая 1945 года подписал докладную записку для Отдела школ ЦК ВКП(б), в которой предлагал с сентября текущего года открыть два новых факультета в местном педагогическом институте – исторический и географический [1]. Мотив просьбы был связан с резким дефицитом учительских кадров по этим специальностям. Просьбу Тюменского обкома удовлетворили, хотя открытие исторического факультета в пединституте проблему дефицита кадров не сняло. В июле 1947 года Чубаров писал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову, что в течение ряда лет перед Министерством просвещения ставился вопрос о направлении в область преподавателей истории с высшим образованием, тем не менее с момента организации области заявка ни разу не удовлетворялась [2]. Вопрос об организации новых вузов оперативно решался при наличии кадров высшей квалификации, которые могли быть сконцентрированы в научно-исследовательских учреждениях. Развитие академической науки представлялось не менее важным направлением региональной политики.

На протяжении всего периода «послевоенного сталинизма» регулярно направлялись в ЦК ВКП(б) и союзное правительство просьбы первых секретарей об открытии академических и научно-исследовательских учреждений. Каждый региональный лидер стремился заручиться поддержкой отраслевых министров и секретарей ЦК партии в решении подобных вопросов. При этом под выдвигаемые проекты подводятся рациональные аргументы: необходимость тех или иных академических, образовательных учреждений связывалась с территориальной экономической специализацией.

Первый секретарь Иркутского обкома ВКП(б) А. В. Ефимов и председатель облисполкома В. А. Иванов 17 июня 1946 года информировали секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и заместителя председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского о необходимости открытия филиала Академии наук СССР в Восточной Сибири. Составители докладной записки полагали, что «для успешной и наиболее плодотворной научно-исследовательской работы по изучению природных богатств в Восточной Сибири и использованию их в народном хозяйстве Союза ССР необходимо высокоавторитетное научное руководство. Такое руководство может быть осуществлено только при организации филиала Академии наук в Восточной Сибири» [3]. Его размещение предполагалось осуществить в Иркутске, имевшем выгодное географическое положение и значительное количество научных работников. Идею иркутских руководителей поддержали в 1949 году [4]. Оценивая значение подобных решений, стоит указать на учет объективной необходимости развития академической науки в Сибири. Омский историк С. Г. Сизов полагает, что «после войны со всей очевидностью стало заметно противоречие, которое существовало между огромными запасами полезных ископаемых Сибири и слабой насыщенностью научными учреждениями и специалистами этого региона» [5]. Вместе с тем нельзя утверждать, что союзные органы власти сделали все необходимое для наращивания интеллектуального потенциала сибирской провинции. В послевоенное время имелось немало важных проектов развития науки, инициированных региональным руководством и отклоненных в центральных властных учреждениях.

Реализацию предложения по организации филиала А. В. Ефимов постарался начать сразу после завершения Конференции по изучению производительных сил Иркутской области в августе 1947 года. В докладной записке на имя заместителя Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова от 19 ноября 1947 года первый секретарь обкома отмечал, что все участники конференции «единодушно высказались за своевременность и необходимость организации в Иркутске филиала Академии наук СССР, что зафиксировано в резолюциях всех 6 секций и пленума конференции. Официальные делегации Бурят-Монгольской АССР и Читинской области, участвовавшие в работе конференции, также поддержали упомянутые решения» [6]. А. В. Ефимов не зря упомянул о поддержке этого предложения представителями двух соседних регионов: по мнению регионального руководителя, сфера деятельности будущего филиала должна охватывать как территорию Иркутской области, так и территории Бурят-Монгольской АССР и Читинской области.

Стремление к организации учреждений академической науки проявляли и руководители регионов Западной Сибири. Кемеровский лидер Е. Ф. Колышев в 1946–1951 годах предпринял немало усилий по организации комплексного научно-исследовательского института Академии наук СССР. Он заручился поддержкой академического сообщества во главе с президентом Академии наук СССР С. И. Вавиловым, неоднократно ставил вопрос в ЦК ВКП(б) и Совете Министров СССР, однако создания института так и не сумел добиться [7].

В июле 1949 года первый секретарь Тюменского обкома ВКП(б) Ф. М. Чубаров и исполняющий обязанности председателя облисполкома Ф. П. Щуров обратились к И. В. Сталину с просьбой дать указание Академии наук СССР о создании ее постоянной базы на территории Тюменской области. Мотив просьбы состоял в необходимости полного и планомерного изучения производительных сил области, экономного расходования средств, отпускаемых правительством на исследовательские работы [8].

Путем долгих согласований решались и вопросы выделения средств на строительство зданий для Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. В этой проблеме сильнее всего чувствовались противоречия между интересами регионального партийного руководства и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами. Все тот же И. Д. Яковлев в апреле 1952 года был вынужден информировать И. В. Сталина о серьезных трудностях в развитии ЗСФАН. По мнению первого секретаря обкома, «президиум Академии наук СССР не создал необходимых условий для дальнейшего роста и развития своего Западно-Сибирского филиала. Имеющиеся производственные помещения сильно перегружены, из-за отсутствия помещений задерживается организация новых лабораторий и плохо используется имеющееся ценное оборудование. Многие научные работники филиала не обеспечены жилой площадью» [9]. Учитывая, что президиум Академии наук не выражал заинтересованности в интенсивных работах по развитию филиала, И. Д. Яковлев просил Совет Министров СССР обязать Госплан СССР включить в пятилетний план строительство зданий горно-геологического и транспортно-энергетического институтов, жилого дома на 100 квартир, объектов Центрального сибирского ботанического сада.

В декабре 1952 года секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову из Омского обкома партии направили письмо «Об организации в городе Омске Западно-Сибирского филиала Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина» [10]. Мотивом для принятия положительного решения являлось то, что Омск был крупным центром сельскохозяйственной науки. Здесь располагался зональный сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства, сельскохозяйственный институт имени С. М. Кирова, Сибирский научно-исследовательский ветеринарный институт и целый ряд других научных подразделений. Перечисленные учреждения работали разрозненно, в связи с чем открытие Западно-Сибирского филиала могло стать важным фактором интеграции аграрной науки. Однако это предложение поддержано не было.

В центральные органы активно направлялись просьбы о создании высших учебных заведений. Новосибирский руководитель М. В. Кулагин подготовил ряд обстоятельных записок о необходимости открытия Сибирской консерватории. Так, 14 июня 1945 года он обратился к В. М. Молотову с просьбой помочь в решении этого вопроса. Среди мотивов для принятия положительного решения были: острая потребность в кадрах высшей квалификации для театра оперы и балета, чрезвычайная отдаленность ближайших музыкальных вузов, находившихся в Свердловске и Москве. Первый секретарь Новосибирского обкома просил открыть консерваторию в Новосибирске с 1 октября 1945 года [11].

В свою очередь Молотов поручил рассмотрение этого вопроса Комитету по делам высшей школы при СНК СССР и Комитету по делам искусств. Руководители этих ведомств посчитали преждевременным создание Новосибирской консерватории и предложили открыть музыкальное училище [12]. Позиция ведомственных руководителей явилась сдерживающим фактором в развитии музыкального образования Сибири: среднее профессиональное учебное заведение начало функционировать в 1945 году, однако консерваторию в Новосибирске открыли только в 1956-м [13].

Алтайский лидер Н. И. Беляев просил в июне 1946 года министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова открыть энергетический факультет при машиностроительном институте в Барнауле. Мотив просьбы связывался с предусмотренным строительством новых предприятий – теплоэлектроцентрали, завода искусственного волокна, трансформаторного и судостроительного заводов, хлопчатобумажной фабрики и цело-

го ряда машиностроительных заводов [14]. Это предложение также не поддержали ввиду проведения подготовки энергетиков в Томском политехническом институте.

Большинство сибирских регионов испытывали острую нехватку в квалифицированных специалистах социальной сферы. Так, например, для Алтайского края острой проблемой в этот период являлся дефицит врачебных кадров. При средней обеспеченности по СССР в 6,2 врача на 10000 населения в Алтайском крае показатели находились на уровне 2,9 врача на ту же численность. Как отмечал Н. И. Беляев в письме А. А. Кузнецову, «несмотря на ежегодное пополнение врачами, положение мало меняется. Значительная часть прибывающих в Алтайский край по путевкам Министерства здравоохранения молодых врачей, в большинстве из центральных, западных и южных областей Союза, считают свое пребывание в крае временным и пользуются всеми возможными причинами и средствами, чтобы возвратиться к своим родным и в более благоприятные климатические условия» [15]. Алтайский крайком партии просил секретаря ЦК поддержать ходатайство об открытии в Барнауле в 1947–1948 годах медицинского института.

Однако эту идею тогда не реализовали. Спустя 6 лет, в апреле 1952 года, Беляев уведомляет министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова о крайне затруднительном положении Алтайского края с врачебными кадрами. Он просил о направлении на работу в Алтайский край в 1952 году не менее 400–500 врачей. В улучшении ситуации помогла тогдашний министр здравоохранения РСФСР М. Д. Ковригина. В письме Н. И. Беляеву она отмечала, что «Алтайский край является одним из двух краев Российской Федерации, не имеющих медицинского института, хотя по своей территории и перспективам развития он должен быть заинтересован в организации собственного центра медицинского образования и медицинской науки, каким является мединститут» [16]. Министерство здравоохранения считало целесообразным перевести в Барнаул Молотовский (Пермский) стоматологический институт с преобразованием его в медицинский вуз. Такой вариант Н. И. Беляев полностью одобрил и поддержал. Принципиальное решение о создании Алтайского медицинского вуза было принято.

В Тюменской области ощущалась потребность в создании сельскохозяйственного института. С просьбой о его создании в феврале 1950 года к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову обращался первый секретарь обкома И. И. Афонов [17]. Он напрямую связывал недостатки в руководстве сельским хозяйством с плохой обеспеченностью отрасли квалифицированными специалистами – агрономами, зоотехниками, ветеринарными врачами. Тюменский руководитель подчеркивал, что смежные регионы – Свердловская, Курганская, Омская области – имеют собственные сельхозинституты, однако их работа ограничивалась местными рамками. Афонов просил Маленкова дать указания Министерству высшего образования и Министерству сельского хозяйства СССР организовать в 1950 году в Тюмени сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами. Однако ходатайство первого секретаря обкома поддержано не было.

Первые секретари крайкомов и обкомов активно ставили перед вышестоящим руководством вопросы развития имевшихся вузовских учреждений. Требовалось добиться выделений немалых капиталовложений на создание и развитие необходимой инфраструктуры, строительство учебных и лабораторных корпусов.

Особо остро проблема строительства вузовских зданий стояла в этот период в Томске. Первый секретарь Томского обкома ВКП(б) А. В. Семин 22 января 1950 года информировал секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленко-

ва: «…сильно отстает развитие лабораторий и учебно-производственных кабинетов. Их мощность и состояние оборудования ни в коей мере не соответствуют требованиям учебного процесса и научно-исследовательской работы. В Томске нет Дома ученых, студенческого клуба, профессорско-преподавательский состав не обеспечен квартирами» [18]. Семин полагал, что Маленков даст необходимые указания всем министерствам и ведомствам, способным осуществить задуманное строительство.

В процессе согласования региональных и ведомственных интересов нельзя не отметить, что руководители наркоматов и отраслевых комитетов зачастую игнорировали социальные проблемы провинции. Каждый из ведомственных руководителей союзного уровня был в курсе материальных, жилищных, продовольственных проблем работников предприятий и учреждений на местах. Один из каналов получения информации наркоматами о ситуации в провинции был связан с направлением работниками жалоб и предложений. Разбирая сигналы из регионов, народные комиссары просили первых секретарей улучшить сложившееся положение.

Так, например, в октябре 1945 года первому секретарю Новосибирского обкома М. В. Кулагину направили письмо за подписью наркома земледелия СССР А. А. Андреева. Он сообщал, что из Новосибирской области «поступают многочисленные жалобы от агрономов, ветеринарных врачей и других специалистов сельского хозяйства. Жалуются люди на то, что они не могут купить ни обуви, ни одежды, а также продовольственных товаров» [19]. Андреев не предлагал помощи Новосибирску, но требовал от обкома скорейшей ликвидации товарного кризиса: «Если обком ВКП(б) внимательно отнесется к нуждам этих людей, то, безусловно, можно изыскать возможности выделения промышленных и продовольственных товаров за счет отпускаемых области фондов и местных ресурсов». Эта позиция вполне четко характеризует представления ведомственного начальства: о социально-бытовых проблемах населения Сибири должны заботиться прежде всего региональные партийные руководители.

В «послесталинский» период первые секретари крайкомов и обкомов партии попрежнему активно ходатайствуют перед ЦК КПСС об организации новых высших учебных заведений. Но в большинстве случаев инициируемые «снизу» проекты в первоначальных редакциях центральными инстанциями не поддерживались. Ощущалась потребность в значительном количестве технических специалистов, подготовка которых требовала значительных затрат.

Первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. И. Беляев в апреле 1955 года поставил вопрос о создании в Барнауле Алтайского государственного строительного института. Объективная потребность в квалифицированных кадрах инженеров подкреплялась согласием министра строительства предприятий металлургической и химической промышленности СССР Д. Я. Райзера помочь в создании учебно-лабораторной базы. Крайком КПСС в лице Беляева просил ЦК КПСС открыть институт с началом занятий 1 сентября 1955 года [20]. Впрочем, аргументация первого секретаря воспринята не была.

Каждый региональный лидер стремился действовать на опережение, добиться открытия вуза, не имевшего аналогов в соседних территориях. Первый секретарь Алтайского крайкома КПСС К. Г. Пысин в марте 1956 года обратился в ЦК КПСС с просьбой об организации и строительстве в городе Барнауле института текстильной и легкой промышленности. Просьба Пысина противоречила планам правительства – организацию вуза предполагалось начать в Новосибирске. Однако алтайский руководитель находит аргументы для пересмотра принятого решения:

«…руководствуясь решениями XX съезда КПСС о приближении вузов к производственной базе, целесообразно было бы строить институт текстильной и легкой промышленности не в г. Новосибирске, а в г. Барнауле. Это предложение поддерживают Министерства высшего образования СССР (т. Столетов) и текстильной промышленности СССР (т. Спорышев)» [21]. Но и в данном случае настойчивость Пысина не увенчалась успехом.

Такие письма, безусловно, влияли на появление разногласий в среде первых секретарей региональных парткомов. Попытки первых секретарей решить социальные проблемы территорий «за чужой счет» вызывало неприятие и даже протест у партийных руководителей соседних регионов.

Другая нарождавшаяся тенденция второй половины 1950-х годов состояла в том, что партийные руководители регионов с развитым научно-образовательным комплексом выражали несогласие по поводу открытия новых вузов в соседних краях и областях. В Сибири по этому поводу более всех протестовал первый секретарь Томского обкома КПСС В. А. Москвин. В записке Н. С. Хрущеву, датированной 28 сентября 1957 года, он писал: «Представляется весьма целесообразным прежде всего обеспечить нормальные условия работы при меньших общих капиталовложениях для старых вузов востока. За последние годы открыты медицинские институты в городах Кемерове и Барнауле, которые при остром недостатке научных кадров, при отсутствии клиник и лабораторий не в состоянии обеспечить необходимое качество подготовки врачей» [22]. Москвин выступал за увеличение финансирования Томского медицинского института, который можно было расширить «до размеров Кемеровского и Барнаульского институтов вместе взятых». Региональный лидер выражал недоумение по поводу проектов решений об открытии политехнического института в Барнауле и государственного университета в Новосибирске, поскольку это неизбежно сказывалось на сокращении финансирования соответствующих вузов Томска. Москвин пытался убедить Хрущева в необходимости усиления внимания к уже сложившимся центрам науки.

Записка Москвина дает хорошее представление о стиле и мотивах поведения региональных лидеров хрущевской «оттепели». Кадровая ротация первых секретарей по методу географических перебросок давала возможность высшему руководству страны не беспокоиться об угрозе регионального обособления и формирования политики местничества. Отработанный механизм перебросок позволял региональным руководителям выражать провинциальные интересы до тех пор, пока они находились у власти на вверенной территории. В этом отношении биография первого секретаря Томского обкома партии показательна. В обращении к Хрущеву в 1957 году Москвин критикует создание Кемеровского мединститута, в то время как в 1947–1950 годах он сам возглавлял Кемеровский облисполком и состоял членом бюро обкома ВКП(б). В то время глава исполкома горячо поддерживал решения конференции 1948 года по изучению производительных сил Кузбасса, где встал вопрос и о создании медицинского института в Кемерове.

Крайне неохотно в центральных органах решались вопросы по открытию учебных заведений социального профиля. Для восточносибирских областей крайне необходимым представлялось увеличение количества врачебных кадров. Их острый недостаток испытывала Бурят-Монгольская АССР. Поэтому не случайно обращение первого секретаря Бурят-Монгольского обкома КПСС А. У. Хахалова в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть вопрос об открытии в 1958 году в г. Улан-Удэ медицинского института приемом на I курс 200 человек [23]. Однако ходатайство Хахалова в Москве отклонили.

Аналогичная ситуация продолжала иметь место в Тюменской области. Несмотря на старания многих первых секретарей, решение вопроса не двигалось с мертвой точки. В декабре 1962 года партийный и советский руководители области Б. Е. Щербина и А. К. Протозанов вновь проинформировали центральные органы об этой проблеме. Они отмечали, что «обком КПСС и облисполком в течение пяти лет неоднократно обращались в Министерство здравоохранения РСФСР с предложением об открытии в городе Тюмени медицинского института для подготовки врачей, в том числе из контингентов коренных национальностей Севера» [24]. Авторы записки просили Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР решить положительно вопрос об открытии в 1963 году в г. Тюмени медицинского института.

В вопросах организации высших учебных заведений немалую роль играли академические учреждения. Создание научно-исследовательских институтов являлось серьезным мотивом для принятия решений об открытии университетов и институтов. Так, например, было с открытием Новосибирского государственного университета. Первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Б. Н. Кобелев в июле 1957 года обратился к министру высшего образования СССР В. П. Елютину с просьбой об открытии университета. Поскольку решение о создании Сибирского отделения Академии наук СССР было принято 18 мая 1957 года, организация университета представлялась региональному лидеру делом решенным. Учитывая основные научные направления организуемых институтов Сибирского отделения, Кобелев полагал открыть в университете механико-математический, физико-технический и биологический факультеты [25]. Постановлением Совета Министров СССР от 9 января 1958 года Новосибирский университет был создан [26].

Исследуемый период второй половины 1940-х – конца 1950-х годов, несмотря на выделяемые в историографии принципиально различные этапы внутриполитического развития («поздний сталинизм» и «хрущевская оттепель»), представляется целостным в отношении развития высшей школы. Общей тенденцией для регионов Сибири видится нарастание противоречий между интеллектуальным и индустриальным потенциалом, дисбаланс в обеспеченности кадрами для промышленности и сельского хозяйства, с одной стороны, и социальной сферы – с другой. Лоббирование региональными партийными лидерами инициатив по организации вузовских и академических учреждений на местах поддерживалось в исключительных случаях, когда обострение кадрового дефицита вынуждало ЦК партии и правительство разрешить создание новых учебных заведений. Игнорирование Центром перспективных инициатив по развитию высшей школы обостряло социальные противоречия в сибирских регионах, что в конечном итоге привело к системному кризису середины 1980-х годов.

Литература

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 4. Д. 81. Л. 29–30.
2. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 15. Д. 52. Л. 41–42.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 14. Д. 276. Л. 14–15.
4. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 272. Л. 198; История Сибири. Т. 5. – Л., 1969. – С. 281–282.

5. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Ч. I. – Омск, 2001. – С. 144.
6. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 427. Л. 122–124.
7. См.: Коновалов А. Б. Из истории академической науки в Кузбассе: неосуществленные проекты второй половины 40-х – начала 50-х годов // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы Всерос. науч. чтений. – Кемерово, 1999. – С. 121–124; Он же. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). – Кемерово, 2004. – С. 87–89.
8. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 40. Д. 115. Л. 195.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 400. Л. 127.
10. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6469. Л. 31а.
11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 12. Л. 219–220.
12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 7. Л. 116–117.
13. Новосибирск. Энциклопедия. – Новосибирск: Кн. изд-во, 2003. – С. 548, 595–596.
14. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 30. д. 57. Л. 66.
15. ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 32. Л. 23.
16. ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 103. Л. 82–83.
17. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 129. Л. 6–9.
18. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1151. Л. 3.
19. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 7. Л. 175.
20. ГААК. Ф. П-1. Оп. 98. Д. 30. Л. 77.
21. ГААК. Ф. П-1. Оп. 99. Д. 21. Л. 104–106.
22. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2528. Л. 251.
23. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6667. Л. 109–110.
24. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 160. Д. 82. Л. 158. Просьба оказала должное влияние. Медицинский институт в Тюмени открыли в 1963 году. См.: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 81. Л. 2; Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Часть II. «Оттепель» (март 1953–1964 гг.). – Омск, 2001. – С. 135.
25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 491. Л. 5.
26. Диканская Л. Д. Новосибирский государственный университет // Новосибирск. – Новосибирск: Кн. изд-во, 2003. – С. 612.

УДК 008

О. Н. Труевцева

МУЗЕИ СИБИРИ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Автор акцентирует внимание на исключительной роли музеев в сохранении наследия и интеграции культуры сибирских аборигенов в поликультурное пространство современного общества. Представлены уникальные и наиболее известные этнографические коллекции музеев Сибири.

Ключевые слова: музеи, этнокультурное наследие, объекты материального и нематериального наследия ЮНЕСКО, музеефикация.

O. N. Truevtseva

MUSEUMS OF SIBERIA AND PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS PEOPLES

The author focuses attention on an exclusive role of museums in preservation of heritage and integration of culture of the Siberian natives into polycultural space of modern society. In the article are presented the most known and unique ethnographic collections of Siberian museums.

Keywords: museums, ethnocultural heritage, objects of material and non-material heritage of UNESCO, muzeefikatsiya.

В настоящее время человечество вступает в принципиально новую постиндустриальную эпоху, характеризующуюся возникновением культуры гармоничной цивилизации, которая является важнейшим показателем устойчивого развития человечества, обеспечивает процветание всем нациям и народам.

Гармоничные межэтнические отношения в многонациональных государствах являются важнейшим фактором гармонизации общества. Основу для организации этого процесса составляет информация о каждом народе: история, национальные особенности культуры, традиции, культурное наследие.

Еще несколько десятилетий назад проблемы коренных народов находились вне поля научного и общественного интереса. В наши дни усилия всего мирового сообщества, правительств, неправительственных организаций и их отдельных представителей направлены на благо коренных народов и борьбу за их права. В последние десятилетия Организация объединенных наций (ООН), Европейский союз, неправительственные международные организации прилагают немалые усилия к тому, чтобы учесть интересы коренных народов, сохранить особенности их культуры, сориентировав внутреннюю политику на соблюдение принципов взаимоуважения, толерантности.

ООН объявила 1993 год Международным годом коренных народов мира. Через два года уже целое десятилетие (1995–2004 годы) было посвящено этим проблемам. В 2005 году Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2005–2014 годы годами II Международного десятилетия коренных народов мира. Главной целью этих десятилетий являлась необходимость обратить особое внимание мировой общественности на 300 млн. жителей планеты в более чем 70 странах мира, которых следует оберегать и рассматривать как малочисленные, коренные, включая народы Арктики, Южной Америки, Азии, Африки и Австралии [3].

В Сибири в перечень коренных малочисленных народов включены 40 народов, общей численностью 244 тыс. человек, проживающих в 28 субъектах [1]. Уязвимость традиционного образа жизни каждого из малочисленных народов Сибири делают особенно актуальной планомерную деятельность государства по сохранению их культурного наследия и традиционного образа жизни в природной среде, воспроизводство хозяйственной деятельности [2].

Утвержденная в феврале 2009 года. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации представляет собой государственный проект по защите прав малочисленных народов Севера. Концепция основана на глубоких знаниях современной ситуации в области традиционного природопользования, образования, здравоохранения, этнокультурного и социально-демографического развития коренных народов. Впервые в данной Концепции предусмотрена не только государственная поддержка коренных малочисленных народов, но и содействие мобилизации их внутренних ресурсов путем укрепления их

социально-экономического потенциала, сохранения исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Для достижения этих целей необходимо решение ряда задач, включая: развитие и модернизацию традиционных занятий; содействие самоорганизации; повышение возможностей доступа к образованию; снижение детской смертности и в целом существенное улучшение качества жизни малочисленных народов Севера; сохранение культурного наследия.

О сохранении культурного наследия коренных народов Сибири призваны заботиться музеи. В отличие от библиотек и архивов, музеи хранят весь спектр памятников истории и культуры: движимых, недвижимых, материальных, духовных, природных. Музеи неразрывно связаны с сохранением и воспроизводством историко-культурного наследия народов. На основе подлинных памятников и присущих музею форм коммуникации формируется объективное представление об этносе и его культуре, о проблемах взаимоотношения и взаимовлияния народов, их истории, традициях, обычаях, национально-психологических особенностях и формах их проявления. Музейные коллекции являются не только ценным информационным источником, раскрывающим взаимодействие культур народов, но и обладают мощным эмоциональным потенциалом воздействия на посетителей. Музейные работники представляют информацию не только более доступную для понимания различных категорий населения, но и влияющую на формирование ценностных ориентаций, формирующую толерантность и уважение к этническим культурам других народов.

Музеи Сибири имеют многолетний опыт по сохранению и представлению этнокультурного наследия. Однако современные процессы мирового развития заставляют музеи пересмотреть основные направления деятельности и привести их в соответствие с вызовом времени.

Богатый опыт представления культуры коренных малочисленных народов Сибири накоплен в Красноярском краевом краеведческом музее.

В 2001 году Красноярский краевой краеведческий музей представил посетителям новую комплексную экспозицию. Значительное место в новой экспозиции занимает тема «Этносы Сибири», раскрывающая материальную и духовную культуру 9 аборигенных этносов: энцев, ненцев, нганасан, кетов, селькупов, долган, эвенков, якутов, хакасов, проживающих на территории края в XVII – нач. XX веков. Экспозиция подчеркивает самобытность и своеобразие культурных традиций каждого народа [6].

Культуру шорцев, эвенков, ненцев, нганасан, тофалар представляет скомплектованная в 20–30 годы XX века коллекция этнографии коренного населения Сибири Новосибирского государственного краеведческого музея.

Эвенкийский окружной краеведческий музей славится коллекциями старинных украшений для оленя, музыкальных инструментов, шаманских амулетов, календарей эвенков и якутов. Таймырский окружной краеведческий музей располагает уникальной этнографической коллекцией одежды, предметов быта и религиозного культа нганасан – малого народа, проживающего в Долгано-Ненецком автономном округе. Этнографическая коллекция Ямальского районного музея насчитывает более 8 тыс. ед. хранения и состоит из пяти разделов: жилище, бытовые вещи, национальная одежда, детские игрушки, священные предметы [4]. Культура кумандинцев[2] наиболее

[2] По данным переписи населения 2002 года, численность кумандинцев составляла: в Алтайском крае – 1663 человека; в Республике Алтай – 931 человек; в Кемеровской области – 294 человека; в прочих регионах России – 226 человек. Всего по России – 3114 человек.

полно представлена в фондах Бийского краеведческого музея им. В. Бианки (Алтайский край). В 1997 году в Бийском краеведческом музее был открыт зал культуры и быта кумандинцев. Сотрудники музея не только представили традиционную культуру народа, но и отразили проблемы современного уровня жизни и состояния старожилов. Однако отсутствие свободных экспозиционных площадей и выставочных залов у музея не позволило сохранить посетителям уникальную коллекцию на более длительное время. Выставка была закрыта.

Коллекции по истории и культуре кумандинцев представлены также в фондах Красногорского краеведческого музея, муниципального учреждения культуры. Национальный музей Республики Алтай стал организатором серии мероприятий, посвященных возрождению культуры и традиций этого коренного малочисленного народа. Всероссийская научно-практическая конференция, этнографический праздник в селе Шунарак у подножия священной горы Кызыл Гая, выставки этнографического наследия вызвали живой интерес у представителей кумандинцев, а также народов-соседей.

Селькупы (малочисленный народ северо-западной Сибири) в настоящее время проживают на территории Томской и Тюменской областей, Ямало-ненецкого и Ханты-Мансийского АО, Красноярского края. Наиболее полная этнографическая коллекция о культуре и традициях селькупов Томской области была собрана журналистом и краеведом В. В. Рудольфом в 70–90-е годы XX века [5]. За пятнадцать лет работы в районе журналистом-краеведом была собрана уникальная коллекция, составившая основу музейного фонда Красноселькупского районного краеведческого музея Ямало-Ненецкого атономного округа [5, с. 58].

Ежегодно коренные народы Парабельского, Верхнекетского, Каргасокского, Александровского, Колпашевского районов Томской области встречаются в с. Парабель на международном этническом фестивале «Легенды Севера», организаторами которого являются и районные музеи. Местом проведения фестиваля выбрано Оськино озеро – священное место коренных народов. Эвенки, селькупы, ханты и манси, представляющие общины коренных народов Томской области, знакомят участников фестиваля с особенностями своей самобытной культуры, традициями и обычаями. Необходимо отметить, что более половины участников фестивалей – дети и юношество, многие из них на празднике впервые начинают идентифицировать себя с коренными народами Сибири, изучать свой родной язык и говорить на нем.

Наряду со всероссийскими программами в большинстве регионов Сибирского федерального округа осуществлялась реализация региональных целевых программ, направленных на обеспечение этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера.

Финансирование региональных проектов позволило провести модернизацию музейных экспозиций и выставок, создать новые музейные комплексы, включившие природное наследие коренных народов Сибири, приступить к реализации современной концепции развития музеев, основанной на принципе комплексного подхода к наследию, сохранению его материальной и нематериальной составляющих, в том числе природной среды, ландшафта.

Наиболее интересные проекты в новом тысячелетии были реализованы в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах Тюменской области, Иркутской и Кемеровской областях, Алтайском крае, Республике Алтай.

В Ямало-Ненецком автономном округе проживают представители трех национальностей, отнесенных к коренным малочисленным народам Севера: ненцы, ханты, селькупы.

Культура ямальских старожилов неразрывно связана с природой, тундрой и оленем. Поэтому главная задача музеев – показать удивительную способность этого народа: оставаясь самодостаточным и независимым, жить в суровых условиях Сибири в гармонии с природой и окружающей средой.

Парк-музей «Живун», занимающий площадь в 32 гектара, является филиалом Шурышкарского районного историко-краеведческого комплекса, который расположен в с. Мужи, являющемся исторически достоверной средой бытования хантов. На его территории реконструированы хантыйские этнографические объекты: лабаз, летняя изба, чум, представлены орудия охоты, транспортные средства, ритуальные предметы хантов. Музей является организатором народных праздников, фестивалей («Ворна хатл», «Лун кутуп хатл»), летних детских этнографических лагерей, национальных праздников («День оленевода», «День рыбака», «Вороний день»), которые привлекают внимание туристов.

На территории округа созданы и активно работают с посетителями и туристами еще 6 центров национальных культур, этнографический комплекс в поселке Горнокнязевск, геологический памятник природы «Харбейский».

Уникальные образцы этнической культуры ненцев, ханты, манси, селькупов собраны в музеях Ханты-Мансийского автономного округа. По инициативе известных угорских поэтов и писателей Ювана Шесталова и Еремея Айпина в 1987 году был основан этнографический музей-заповедник «Торум Маа» в Ханты-Мансийске. Он расположен под открытым небом в уникальной по своей красоте и своеобразию природно-ландшафтной среде. По жилым, хозяйственным и культовым строениям, расположенным на территории музея, посетитель может составить наглядное представление о богатстве и своеобразии духовной культуры и жизненного уклада обско-угорских народов, владевших тайнами гармоничного сосуществования с дикой природой в условиях сурового климата. Важно, что сотрудниками музея, экскурсоводами являются представители коренного народа ханты, что значительно обогащает национальный колорит представляемой информации. На территории музея проводятся традиционные медвежьи игрища и свадебные обряды народа ханты.

С бытом и образом жизни пимских ханты знакомит экомузей г. Лянтора. Хантыйский этнографический музей возник на территории древнего родового поселения семьи Востокиных в излучине реки Вачим-яун. Культура пимских ханты уникальна по своему диалекту, особенностям традиционного быта и уклада. О традиционной культуре, быте и хозяйственной деятельности ханты реки Пим рассказывают сами представители рода Востокиных. Сохранились родовые постройки: деревянные срубные избы, являющиеся сезонными жилищами; хозяйственные и священные лабазы на фигурных столбах; хозяйственные навесы; загоны для животных; хлебные печи и т. д.

Историко-культурный и экологический центр Мегион включает краеведческий музей в Мегионе и музейно-туристический комплекс «Югра». Прямо из стойбищ хантыйских оленеводов привезены почти все экспонаты парка музея под открытым небом. Музей представляет собой хантыйское стойбище, которое продолжает жить своей собственной жизнью рядом с поселком.

О принципах гармоничного сосуществования коренных народов Севера с окружающей природной средой рассказывает экспозиция Музея Мах-Сир Ях (музей рода Бобра). Музейные экспонаты воссоздают историческую и природную среду обитания рода Бобров аганских ханты.

Особого внимания заслуживает и работа этнографов и археологов универси-

тетов и музеев Кемеровской области, где с 1990 года осуществляется областная целевая программа по созданию в Кузбассе сети национальных экомузеев. В Кемеровском государственном университете создан и успешно работает Учебно-научный центр этноэкологических исследований Притомья. Региональная целевая программа была продолжена на 2008–2010 годы и получила название «Социально-экономическое развитие наций и народностей в Кемеровской области на 2008–2010 годы». Этнографические экомузеи Притомья: шорский «Тазгол», телеутский «Чолкой», «Тюльбергский городок» – стали подлинными хранителями материального, нематериального «живого» и природного наследия коренных народов Сибири.

Областная государственная социальная программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов в Иркутской области до 2011 года» способствовала продолжению работы по разработке и реализации концепции интегрированного музея, экомузеев в Иркутской области. Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы» представляет материальную и духовную культуру эвенков, тофалар. Тофалары – самый малочисленный из коренных народов Сибири. Общая численность населения составляет около 500 чел. В музее реконструировано тофаларское стойбище со всеми атрибутами традиционной жизни аборигенов.

Наиболее ярко идеи современной музеологии воплотились и в практической деятельности музея «Ангарская деревня».

Современная концепция развития музеев основана на реализации **комплексного подхода к наследию,** сохранении его материальной, нематериальной составляющих. Природная среда, ландшафт являются неотъемлемыми составляющими сохраняемого наследия.

Продолжается работа по разработке и реализации концепции интегрированного музея, экомузеев.

Таким образом, музеями Сибири накоплен значительный опыт по сохранению, воспроизводству и презентации культурного наследия коренных малочисленных народов Сибири. Однако, к сожалению, культура ряда коренных малочисленных народов не нашла отражения в музейных экспозициях и выставках. Это, с одной стороны, обусловлено недостатком средств для организации экспедиционных исследований и формирования коллекций. С другой стороны – еще более затратным является создание музеев под открытым небом, экомузеев. Многие музеи в силу отсутствия экспозиционных площадей не могут представить посетителям все богатство имеющихся коллекций. Музеи не имеют в штате профессиональных этнологов. Богатство культуры коренных народов до сих пор не нашло должного отражения в мультимедийных средствах, научных и популярных изданиях.

Очевидно, что решение этих вопросов невозможно осуществить в ближайшем будущем. Однако принципиально важно, что эти проблемы выявлены и ожидают своего решения.

Литература

1. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утвержден распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 года – № 536-р. // Мир коренных народов Живая Арктика: альманах ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – № 19. – 2006. – С. 39.
2. Конституция РФ (ст. 69, 71, 72); Федеральные законы от 30 апреля 1999, № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»; от 7 мая 2001 года № 49 ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»; от 20 июля 2000 года № 104 ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных

малочисленных народов»; Федеральный закон от 5 апреля 2009 года № 4 ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»; положения Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 года № 132-р); международные обязательства РФ в рамках выполнения положений Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств Совета Европы от 1 февраля 1995 года.

3. Коренные народы и международное сотрудничество // Библиотека коренных народов Севера. – Вып. № 11. – М., 2005. – С. 8.
4. Мифы и предания ненцев Ямала. – Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001. – С. 284.
5. Музейный компас Сибири: Ямало-Ненецкий автономный округ / под ред. О. Н. Труевцева. – Барнаул: АлтГАКИ, 2005. – С. 56–57.
6. Ярошевская В. М. Красноярский краевой краеведческий музей на рубеже двух веков. Опыт создания новых экспозиций // Музей и общество: материалы международной конференции. – Красноярск, 2002. – С. 26–27.

УДК 008

Л. А. Непомнящий

РОК-МУЗЫКА – СОВРЕМЕННЫЕ МИФЫ

В статье предпринята попытка поиска социокультурных оснований для исследования рок-мифологии. Рок-музыка определяется как новейшее явление в культурной жизни общества, которое не имеет общепризнанной оценки ученых, а общественные настроения, не отражая объективное положение вещей, порождают волну мифов о рок-музыке и рок-музыкантах.

Ключевые слова: рок-музыка, миф, авторский замысел, автор, исполнитель.

L. A. Nepomnyashchiy

ROCK-MUSIC – MODERN MYTHS

The article attempts to search for sociocultural reasons for the study of rock mythology. Rock music is defined as a new phenomenon in the cultural life of society, which has no generally accepted scientific estimates, and public sentiment does not reflect the objective situation, generate a wave of myths about rock music and rock musicians.

Keywords: rock music, myth, author's intent, author, artist.

В последние десятилетия наблюдается много разногласий по поводу рок-музыки. Несмотря на любовь миллионов людей к рок-музыке, некоторые утверждают, что рок-музыка, а также сами музыканты виноваты в трагедиях на концертах, суицидальных актах подростков, подверженных влиянию депрессивных текстов хэви-метал, и т. д. Считается, что между текстами и исполняемой музыкой, с одной стороны, и последствиями, приводящими к суициду, с другой стороны, есть прямая связь. Доказательством этому тезису могут служить и статьи в СМИ, обсуждение этих фактов среди поклонников музыкантов на интернет-форумах и в блогах. Музыковеды, хоть и осторожно, затрагивают тему влияния рок-музыки на изменение сознания слушателей, предполагая, что в природе и текстах музыки существует свой стиль, который определяет дискурсивные практики и проявляется в использовании определенных музыкальных знаков и символов, вызывая мистификации как авторов, так и их произведений. Анализ показывает, что

это больше мифы о стилистике рок-музыки и мифологизация рок-музыкантов и что существует прямая связь мифологии рок-музыки с онтологическими формами музыки вообще.

Проведенные в разных странах исследования рок-музыки в контексте современной культуры охватывают различные ее аспекты, но наиболее ожесточенные споры между музыковедами и поклонниками музыкантов разворачиваются в отношении смысла контекста песен, их истории и вовлеченности автора в смысл музыки и текста песен [12, с. 9]. Как правило, разговор ведется об авторских правах и плагиате, но в этих спорах нередко появляются размышления о влиянии социального контекста на мнение об авторе и его музыке. При этом в области музыковедения и музыкальной критики автор остается центральной фигурой как создатель произведения и символ той «силы», которая оказывает влияние на слушателя. Однако рок представляет собой синтез слова, музыки и сценического представления. Большинством исследователей доминантой этой триады признано слово, однако при анализе следует учитывать особенности других частей триады и специфику их взаимодействия. Еще в начале изучения рок-культуры исследователи Т. А. Снигирева и А. В. Снигирев охарактеризовали важные составляющие синтетического феномена: сценическую «маску» и музыку [7]. Система организации рок-музыки принципиально отличается от общей практики музыки, поэтому и в музыкальных, и в поэтических ее основаниях существуют свои структуры, которые, образно говоря, «расслаиваются» и требуют отдельного рассмотрения.

Чтобы оценить авторский замысел при создании музыкального произведения, традиционно изучается его творчество, художественная репутации стиля, в котором он работает, отдельной областью исследования является исполнитель и его участие в передаче авторского смысла музыкального произведения. В отношении же рок-музыки такой подход не является оправданным, поскольку автор и исполнитель в большинстве случаев выступают как одно лицо, воплощающее в произведении собственные системы ценностей. И даже если рок-произведение исполняется другим исполнителем, он практически не в состоянии изменить то звучание-значение, которое придал ему автор-исполнитель.

Музыка предстает особого рода мышлением и может быть охарактеризована как смысловоорганизованная художественная информация, выражение и восприятие которой завершается постигающим эстетическим переживанием. Интерпретируя А. Ф. Лосева, применительно к нашему объекту исследования, можно констатировать, что в музыке (рок-музыке в частности) объединяются идея и материя (музыка и исполнитель), что рок-музыка – это мысль и смысл, а не инобытие мысли, свое, а не иное, хотя и выражает особый – внутренний ракурс своего, по-особому экспрессивно развертывающийся в ином [3, с. 588].

Идея автономной содержательности музыки, впервые основательно высказанная Э. Гансликом, считавшим, что «красота музыкального произведения специфически музыкальна, то есть имманентна сочетаниям звуков безотносительно к внемузыкальному кругу идей», заложила тезис «чистого» музыкального искусства, отсутствие его связи с внешним миром и самим человеком. В свете теории само содержание музыки мыслится независимым от объективной действительности, чисто «символичным», условным. Научное истолкование музыкальный образ получает только в свете диалектической теории отражения, где человек интонирует о мире и о себе с помощью исторически сложившихся средств музыкальной выразительности, часто называемых музыкальным языком. Интонируемая музыкальная мысль всегда обличена в форму музыкального языка и от этого превращается в художе-

ственный язык – особый язык человеческого общения [4], дающий более глубокое осмысление мира, провоцирующий возникновение новых, комплексных представлений о человеке, как в психологическом, так и в социальном планах.

С другой стороны, по А. Ф. Лосеву, музыка – это чистый эстезис. Это потенциал жизни, проступающий в музыкальной мысли. Это мысль, а не звук. Музыкальное мышление – это не протяженность, длительность в становлении бытия, становление – сбывание – данность своего своему. «С этой точки зрения особого внимания заслуживает та особая слитность звуков, которая сопровождает музыку, – писал А. Ф. Лосев. – Сумма звуков всегда в музыке нечто неизмеримо большее, чем фактически присутствующие в этой сумме слагаемые. Кроме того, музыка неизменно движется и течет, меняется… Здесь слито все, но слито в своей какой-то нерасчленимой бытийственной сущности. Любой предмет – в музыке, и в то же время – никакой. Можно переживать, но нельзя отчетливо мыслить эти предметы» [2]. Музыкальная мысль, отражая историческую манеру мышления человека раскрывает типичные для определенного времени образы и эмоциональные состояния, организуя музыку, рождая новые формы из бесконечности многообразия смыслов, заставляя оформлять в музыкальную оболочку не столько факты, сколько интерпретации, преломляя объективное сквозь парадигму жанра и индивидуальное авторское восприятие, что делает очевидной актуальность изучения авторской интерпретации тематики в контексте мифотворчества. В этом смысле в рок-музыке произведения могут рассматриваться как некие «сценарии», которые открыты для интерпретации и переосмысления, где выражение эмоций автора и слушателя может кардинально различаться.

Показательны в этом плане оценки исследований западного музыкального искусства. Так, в статье Николаса Кука рассматриваются две противоположные позиции: первая – исполнитель может и должен интерпретировать музыку так, чтобы она стала понятной публике, вторая основывается на теории Леонарда Бернстайна, утверждающего, что исполнитель должен быть «смиренным перед композитором и никогда не должен вставать между музыкой и аудиторией, и все его усилия должны быть направлены на выявление смысла, заложенного композитором» [10]. В связи с этим оценивать музыкальное произведение с позиций рационализма достаточно проблематично. Оценка и создание идейной основы музыкального произведения выглядит как декструктивная деятельность по разрушению традиций исполнительского мастерства, выступает как своего рода подрыв творческого начала исполнителя. Но поскольку в современном мире в центре внимания находятся в основном исполнители, а не произведения, которые они исполняют, сами музыкальные произведения становятся фикциями, которые позволяют больше говорить об исполнителях и оценивать их мастерство.

Чтобы понять рок-музыку как некий продукт совместного творчества автора и исполнителя, следует обратиться к онтологическим истокам возникновения музыки. Рок-музыку часто сравнивают с религиозным ритуалом, в котором воплощается сакральная практика прямого и личного общения композитора со слушателем, где символически повторяется акт божественного творения. Теоретики музыки часто интерпретируют эмоциональный фон рок-музыки как создание единой авторской личности («группа»), соединяющей автора и исполнителя, забывая о воздействии продюсеров, менеджеров, СМИ и социальной мифологии общества. В этом случае художественная эмоция, становясь суммирующим результатом интуитивного мыслительного прорыва, через интерпретацию музыкальный мысли наделяется особым статусом, оформляясь как

миф, и поступает к реципиенту именно этим способом, что делает очевидной актуальность изучения авторской мысли в контексте мифотворчества.

Для создания собственной концепции музыки рок-музыканты пользуются методами, подобными тем, которые применялись при создании основ культуры. В этом смысле для нашего исследования представляют несомненный интерес рассуждения Вико о мифе как явлении культуры, поскольку он первый сделал миф объектом научного анализа и показал, что миф есть продукт особого типа познания. Именно эта идея позволяет увидеть возможные первопричины споров об авторстве в рок-музыке.

С точки зрения Вико, мифы не являются вымыслом, они есть изложение человеческой истории на первых ее этапах. Вико исходит из того, что человек имеет общую природу с животными, и поэтому изначально он воспринимает мир только через чувства. Первые люди, с его точки зрения, обладали неразвитым разумом и поэтому не могли познавать мир в собственном смысле этого слова. Не будучи способными постигать вещи в их сущности, они фантазировали, приписывая бесчувственным вещам чувства и страсти, создавали в своем воображении существа, которых не было в реальности. Таким образом, фантазия, воображение были первыми формами познания человека, только вступившего на путь совершенствования своего разума. Продуктом этой умственной деятельности и являются мифы. Мифы, считает Вико, не результат пустой забавы или развлечения. Они – исторические памятники, в которых в своеобразной форме запечатлены реальные события, пережитые нашими далекими предками. В них отражается характер народа, его мировосприятие и мироощущение [1].

Современная мифология, по мнению Никитиной О. Э., может получить лишь статус относительной, поскольку «всегда живет большим или меньшим приближением к абсолютной мифологии, незримо управляется ею и всегда абсолютизирует какой-нибудь один или несколько ее принципов» (А. Ф. Лосев). Современная мифология предполагает внедрение мифа, точнее отдельных его элементов, в немифологическую культурную ситуацию. При этом, в отличие от архаической мифологи, функционированию современных мифов способствуют в частности средства массовой информации, которые непосредственно воздействуют на стереотипы массового сознания. Мифологизирование выходит за рамки собственно художественного творчества [5].

Именно в мифе с самых истоков истории интенсивно культивируется такой способ мышления, при котором чувства, оставаясь открытыми, насыщаются существенным содержанием и становятся способными воплотиться в определенной форме, например, в музыке. Как результат в музыке проявляется не только размывание различий между звуком и смыслом, но и путаница ролей исполнителя и композитора. Текущее понимание музыкального произведения считается таким же правильным, как и то, что создавал ему композитор.

В современном мире теряется авторство музыкального произведения и каждое исполнение становится оригинальным и закрепляется как «авторское» за исполнителем, то есть нет одного произведения, а есть неограниченное количество онтологически эквивалентных экземпляров. Автором музыкального произведения становится коллектив исполнителей, независимо от того, как песня была фактически создана (например, U2 и REM). Появляется понятие «diffused authorship», объединяя круг авторов с ди-джеем [10]. Именно такое положение существует в современной популярной музыке, где реальная биография музыканта эстетизируется, дополняется вымышленными фактами, а иногда и вовсе заменяется биографической легендой. Личность исполнителя, его судьба ста-

новятся для аудитории не менее, а иногда и более, интересными, чем личности и судьбы героев его произведений. В рок-музыке все несколько иначе.

Леннон и Маккартни – два из самых известных авторов популярных произведений, теперь уже «классической» рок-музыки, которые смогли сохранить авторскую целостность, несмотря на очевидные влияния социальной мифологии. Они смогли избежать оценки по социологической теории общественной борьбы за власть и престиж, не были забыты, но и не позиционируются в качестве эталонов добродетели. Они не стали «гениями», но получили признание в обществе. Их жизнь обросла мифами и стала фоном, на котором стали возникать и новые мифы, и новые музыкальные произведения. Любой человек, знающий этих музыкантов, понимает, что они не создавали музыку в одиночестве, нет ничего таинственного в том, как они создавали свои работы. Независимо от этого их авторство не исчезает и занимает центральное место в любом исследовании рок-музыки.

Можно утверждать, что именно мифы «создают» музыку и музыкантов, закладывая в них смысла больше, чем общество может предположить. С этих позиций феномен Beatles как раз и состоит в том, что они обладали уникальными свойствами, которые стали именно онтологическими основаниями всей рок-музыки.

С одной стороны, они сохранили классическую музыкальную традицию песни – обращение к слушателю во втором лице, одновременно привнеся туда анонимность, позволяющую слушателю идентифицировать себя с рассказчиком, испытывать аналогичные чувства, о которых поется в песне и которые «мы» могли бы испытать. С другой стороны, Beatles ввели символику рок-музыки, позволяющую создавать комментарии к песне. В песнях стал появляться неоднозначный текст, отражающий реальный опыт конкретного автора, который воспринимался как сказка, но которая как пример может быть использована людьми в жизни. Персонажи песен стали образцами, которых слышали, на которых равнялись, которым завидовали и которых копировали. В произведениях Beatles чувства авторов, личности исполнителей и атрибуты символов, которые появляются в песнях, слились вместе, отражая социальные мифы публики тех лет.

Различия между тем, что подразумевает автор, и тем, что понимает слушатель, приводят именно к тем последствиям, что мы упоминали в начале статьи. Один из известных альбомов Beatles «Оркестр Клуба одиноких сердец сержанта Пеппера», как считают фанаты, просто нашпигован таинственными символами: в заглавной песне альбома Beatles представляют публике какого-то загадочного Билли Ширза, в композиции *A Day In The Life* («Один день из жизни») упоминается человек, который *blew his mind out in a car... didn't notice that the lights had changed... a crowd of people stood and stared. They'd seen his face before* («замечтался в машине... не заметил, что сменились огни светофора... толпа людей стояла и таращилась. Они видели это лицо раньше») и др. Эти символы были расшифрованы фанатами как указатели на смерть Пола Маккартни.

14 октября 1969 года, через два дня после того, как слух был пущен радиостанцией WKNR-FM, газета «Мичиган Дейли» вышла с обзором последнего битловского альбома «Эбби Роуд». Обзор, написанный Фредом Лабуром, был выполнен в форме некролога. Следуя теории мифа, можно предположить, что миф о смерти Пола Маккартни символически стал продолжением мифа о заговоре, связанным со смертью президента Джона Кеннеди. Именно наличие, изначальное предусмотрение направляющего эстетическое переживание остова – факта, и далее – на других смысловых уровнях – персонажа-героя и составила тот смысловой потенциал,

который быть понят, постигнут в процессе художественного переживания музыки альбома и удержал именно такой смысл. Вероятно, что общественные эмоции, не без участия самих Beatles, создали этот миф.

Другой миф Beatles связан с песней Am The Walrus («Я – Морж») из альбома Magical mystery tour («Волшебное таинственное путешествие»). Песня *I Am The Walrus* поется от первого лица. В тексте песни: Леннон поет: I *am he as you are he as you are me and we are all together* («Я – это он, как вы – это он, как вы – это я, и мы все вместе»), и в ней Маккартни предстает персонажем, а не подлинным выражением реального человека. Миф о смерти передается через необычный монолог, смикшированный в конце песни – несколько строчек Короля Лира Шекспира (Акт IV, Сцена VI), которые были добавлены к песне напрямую от радио, получающего радиопередачу пьесы на Би-би-си, Home Service (или, возможно, третью программу Би-би-си). Большая часть слышимого диалога, постепенно затухающая – смертельная сцена героя Освальда (включая слова: «О несвоевременная смерть! Смерть!»). Тем не менее, это не только текст песни, а выражение личности Леннона. В интервью журналу Playboy в 1980 году Леннон объяснил многое из песни: «Тогда мне было неясно, что Льюис Кэрролл комментировал капиталистическую и социальную систему. Я не осознал и частицы того, что он действительно подразумевал, как это делают люди с работами Beatles. Позже я пересмотрел это и понял, что морж был плохой парень в истории, а плотник был хороший парень. Я думал: “О, черт, я выбрал неправильного парня”. Я должен был сказать: “I am the carpenter” (“я – плотник”). Но это не было бы то же самое, не так ли? [Поет] “I am the carpenter…”» [8]. Но это было позже, а тогда, в 1967 году, широкое распространение среди фанатов приобрел слух, что «морж» (walrus) по-гречески означает «труп». Таким образом, песня Am The Walrus («Я – Морж») подразумевает «я – труп» [6].

Одновременно с традицией создания специфического биографического мифа рок-музыканты создали и символику музыкального языка, которая в некоторых случаях также способствует мифологизации их творчества. Так, в исследовании Д. Темперлея отмечается, что независимость гармонии и мелодии является онтологическим свойством рок-музыки [11]. По его мнению, это свойство впервые было отмечено в музыке начала Beatles. Когда это прозвучало, то казалось характерной особенностью блюза и никак не сочеталось с роком, но теперь это стало традицией и отличительной чертой рока.

Таким образом, тексты и музыка рока усложняют облик исполнителя, объединяя в одно целое персонажа музыкального произведения и реального исполнителя, тем самым формируя в общественном мнении мифологизированного героя. Распознать «слой автора», который в той или иной степени угадывается сквозь содержание и форму любого художественного произведения, в рок-музыке достаточно сложно. Авторская позиция проявляется в особом отношении автора к судьбе героев, в индивидуальном стиле, в намеренной трактовке образов. А исследование творчества популярных исполнителей рок-музыки, в частности Beatles, позволяет считать, что рок-музыканты в большинстве своем играют не для публики, а для самовыражения. Они не надеются получить известность и славу, которая последует, если их будут знать не как «звезд», а как реальных авторов. Поэтому системное изучение такого сложного явления, как рок-мифология возможно при исследовании всех аспектов художественной структуры рока как явления культуры (прагматического, концептуального и формо-содержательного) в их взаимодействии.

Литература

1. Джамбаттиста Вико. Теория и история культуры в персоналиях [Электронный ресурс]. – URL: http://ortlib.narod.ru/perso/perso030.htm
2. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики [Электронный ресурс]. – URL: http://astrologos.su/astrologos_library/Losev/Losev1_1_1_2.htm
3. Лосев А. Ф. Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. – 831 с.
4. Музыка и развитие личности [Электронный ресурс] // Fasola. – URL: http://fasola.info/index.php?c=33
5. Никитина О. Э. Биографический миф как литературоведческая проблема: на материале русского рока: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 309 с.
6. Паттерсон Р. Г. Пол Маккартни – история жертвоприношения. – М.: София, 1997. – 256 с. – С. 249.
7. Снигирева Т. А., Снигирев А. В. О некоторых чертах рок-поэзии как культурного феномена // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь, 1999. – Вып. 2. – С. 42–46.
8. I_Am_the_Walrus [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/I_Am_the_Walrus
9. Julien O. Sgt. Pepper and the Beatles : it was forty years ago today. Aldershot, Hampshire, England; Burlington, VT: Ashgate, 2008.
10. Nicholas Cook, ‘Between Process and Product: Music and / as Performance’ [Электронный ресурс] // Music Theory Online. 7/2 (2001). 6/2. – URL: http://www.mtosmt.org/issues/mto.01.7.2/mto.01.7.2.cook.html
11. Temperley D. The melodic-harmonic ‘divorce’ in rock // Popular Music. – 2007. – Vol. 26/2. – Cambridge University Press. – P. 323–342.
12. The Rock Canon: Canonical Values In The Reception Of Rock Albums. – Carys Wyn Jones, 2008. – 182 p.

УДК 39+008

А. М. Диянова, О. Н. Труевцева

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ СИБИРСКИХ ТАТАР МУЗЕЯМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена изучению процесса актуализации музеями Западной Сибири такой части нематериального культурного наследия, как традиционные религиозные верования сибирских татар. В ходе исследования экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности шести музеев в городах Томск, Новосибирск, Омск, Тюмень был сделан вывод о том, что данные музеи крайне слабо актуализируют традиционные религиозные верования сибирских татар. Автором выявлены причины подобной ситуации, которые можно сформулировать как ограниченность информационного потенциала (отсутствие научных статей, монографий, архивных материалов) и отсутствие взаимодействия между музеями и национальными культурными объединениями татар Западной Сибири в культурно-образовательной сфере.

Ключевые слова: актуализация, музеи Западной Сибири, традиционные религиозные верования, национальные культурные объединения, экспозиционно-выставочная деятельность, культурно-образовательная деятельность.

A. M. Diyanova, O. N. Truevtseva

THE ACTUALIZATION OF SIBERIAN TATARS' TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS BY WEST SIBERIA MUSEUMS

The article is devoted to the research of the process of non-material cultural heritage – Siberian Tatars' traditional beliefs actualization by west Siberia museums. While researching expositional and exhibitional, cultural and educational activity of 6 Siberian museums in cities Tomsk, Omsk, Novosibirsk, Tyumen the author made a conclusion that these museums actualized Siberian Tatars' traditional beliefs extremely poor. The author revealed the reasons that were at the bottom of the situation, such as the limited information on the topic (lack of scientific articles, monographs, archives stuffs). There is also deficiency of interaction and cooperation between West Siberian Tatars'museums and national-cultural societies in cultural-educational sphere.

Keywords: actualization, West Siberia museums, traditional religious beliefs, national-cultural societies, expositional and exhibitional activity, cultural-educational sphere.

Исторически музеи выступают как собиратели и хранители социально-значимой информации. В современных условиях особое значение приобретает их коммуникативная функция. При помощи музейной экспозиции, а также проводимых на ее основе форм культурно-образовательных деятельности (экскурсии, музейные уроки, праздники и пр.) происходит актуализация культурно-значимой информации и знакомство с ней музейной аудитории. Реалии современного общественного и культурного развития, испытывая на себе последствия глобализации, заставляют музеи в сложившихся условиях искать новые формы подачи материала, расширять сам спектр представляемых культурных процессов.

На рубеже XX–XXI веков возникла тенденция включения в сферу музейной деятельности объектов духовной составляющей культурного наследия или нематериального наследия. Работа музеев с данным видом источников сегодня сводится к проектированию выставок, отражающих отдельные аспекты традиционного мировоззрения народов, проведению в музее традиционных календарных праздников, иллюстрирующих национальные обряды и обычаи и т. д. Изучение знаково-символической составляющей музейных предметов, историко-культурного контекста их бытования в ходе научного исследования является еще одним направлением в этой области.

Одной из значимых составляющих нематериального культурного наследия выступают традиционные религиозные верования, представляющие собой важный элемент знаний о мире любого этноса. Несмотря на явный отход современного человека от традиций и ценностей своих предков и сужение сферы естественного бытования традиционной культуры, традиционные религиозные верования являются той частью мировоззрения, которая способствует поддержанию целостности этнической культуры, обеспечивает ее преемственность от поколения к поколению через комплексы символических действий и обрядов, соблюдение запретов и предписаний. В музеях традиционные религиозные верования представлены в виде материализованных форм духовной культуры – музейных предметов, сосредоточенных в фондах или организованных в экспозиционно-выставочное пространство музея. Актуализация данного проявления духовной культуры происходит посредством экспозиционно-выставочной и различных видов культурно-образовательной деятельности музеев (экскурсии, музейные уроки, музейные праздники и пр.).

В данной статье рассматривается процесс актуализации традиционных религиозных верований сибирских татар музеями Западной Сибири на современном этапе. Многовековые культурные, политические связи русского и татарского населения Западной Сибири придают значимость любым исследованиям в области межэтнических взаимоотношений, культурных контактов и самой культуры данного этноса. В этой связи актуальность приобретает исследование культурного наследия сибирских татар, сосредоточенного в музеях, в частности, такой его составляющей, как традиционные религиозные верования.

Традиционные религиозные верования часто трактуются как суеверия. Согласно толковому словарю В. И. Даля, – это верование во что-либо, вера в чудесное, сверхъестественное, в гадания, ворожбу, приметы, знамения [2]. Верования, или суеверия, представляют собой часть традиционной духовной культуры, которая, как правило, сопряжена с обрядово-практической деятельностью. Проявлениями традиционных верований можно считать магические обряды, тотемизм, веру в духов (анимизм), употребление оберегов и амулетов, шаманство, господствовавшие до появления религии. По отношению к современной доминирующей культуре сегодня они выступают пережитками, утратившими свое духовное значение, однако продолжают сохраняться на повседневном бытовом уровне.

Наиболее многочисленные этнографические коллекции по материальной и духовной культуре сибирских татар, включающие и предметы по религиозным верованиям, сосредоточены, прежде всего, в районах компактного проживания сибирских татар – в музеях Томской, Новосибирской, Омской и Тюменской областей. При этом одни из самых крупных музейных собраний по культуре и быту сибирских татар располагаются в областных краеведческих музеях – Томском областном краеведческом музее (ТОКМ), Новосибирском областном краеведческом музее (НОКМ), Омском государственном историко-краеведческом музее (ОГИКМ), «Музейном комплексе им. И. Я. Словцова» г. Тюмени – и двух университетских музеях – Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского), Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Получить информацию о процессе актуализации данными музеями традиционных религиозных верований сибирских татар помог экспертный репрезентативный опрос научных сотрудников [5].

Экспозиционная деятельность музея является тем фундаментом, на основе которого осуществляется процесс музейной коммуникации, музейные предметы, организованные в комплексы, представляют собой некий информационный текст, который воспринимается посетителем. В ходе этого процесса у музейного посетителя формируются культурные образы, складывается впечатление о ходе исторического развития или о его отдельных событиях. Полнота, целостность восприятия музейной экспозиции, будет зависеть от того, насколько точно и комплексно раскрыта информативность музейных предметов, выявлена и представлена заключенная в них знаково-символическая информация. Поэтому восприятие посетителем представленной в музее культурной модели напрямую связано с той информацией, которую он получает в ходе осмотра выставки и чтения этикетажа, а также экскурсий и других форм культурно-образовательной деятельности. Экспозиционная и культурно-образовательная сферы музейной деятельности, напрямую взаимосвязанные между собой, выполняют важную функцию актуализации культурного наследия, способствуя созданию целостного и достоверного культурного образа.

В результате анализа данных опроса было выяснено, что все исследуемые музеи в разной степени сохраняют культурное наследие сибирских татар. Однако можно констатировать – в силу того, что у ряда музеев отсутствует информационный ресурс по традиционным религиозным верованиям сибирских татар (научные статьи, монографии, архивные материалы), предметы татарской культуры лишь фрагментарно используются в экспозиционно-выставочной деятельности, причем, почти всегда знаково-символическая информация, заключенная в них, не раскрывается. Вследствие этого семантическая сторона предметов не освещается в этикетаже выставок, не фигурирует в экскурсиях. Только три из шести музеев имеют постоянный экспозиционный комплекс по сибирско-татарской культуре – МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, НОКМ, ОГИКМ. Остальные музеи располагают материальными предметами, но в экспозиции традиционная культура сибирских татар не находит своего отражения. За последние годы в нескольких музеях проводились выставки по традиционной духовной культуре сибирских татар, в ТОКМ (выставки «Томская мусульманская община», «Эстетика повседневности» в 2011 году), в «Музейном комплексе им. И. Я. Словцова» (последние проекты «Сибирский татарский дом», «Творчество народов Тюменской области» 1998 года), в МАЭС ТГУ (совместная выставка с Музеем истории г. Томска «Сибирские татары: от древности до современности» в 2010 году), в МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (выставка «Дорогу дай, дай добрый путь. Оберег в традиционной культуре сибирских татар» в 2008 году) [5, Л. 5]. Однако традиционные религиозные верования сибирских татар были представлены в выставочных проектах весьма фрагментарно. Исключение составляет выставка 2008 года «Дорогу дай, дай добрый путь. Оберег в традиционной культуре сибирских татар» в МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, которая была посвящена непосредственно мифологическим представлениям сибирских татар и подготовлена в рамках защиты дипломной работы автора данной публикации.

В ходе исследования форм актуализации традиционных религиозных верований посредством культурно-образовательной деятельности, все музеи были разделены на два типа. Первый тип – это музеи, использующие предметы, отражающие традиционные религиозные верования сибирских татар только в выставочной деятельности с проведением по организованным выставкам обзорных экскурсий. К нему относятся ТОКМ, НОКМ, МАЭС ТГУ, МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Второй тип – это музеи, использующие данные предметы в экспозиционно-выставочной деятельности, а также при подготовке культурно-образовательных мероприятий – праздников и музейных уроков. В эту группу вошел ОГИКМ, в этом музее существует регулярно действующая экспозиция «Азиатская Россия», «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова». При рассмотрении культурно-образовательной деятельности было выявлено, что экскурсии проводятся на базе постоянных экспозиций во всех музеях, которые ими обладают. Исходя из этого, можно указать на прямую зависимость между наличием экспозиционного или выставочного комплекса по традиционной духовной культуре сибирских татар и процессом актуализации традиционных религиозных верований через культурно-образовательную деятельность.

Значимую роль в процессе актуализации традиционных религиозных верований и формировании целостного образа татарского этноса в музее могут выполнять представители национальных культурных объединений сибирских татар (НКО), так как они являются непосредственными носителями

этнической культуры и национальных традиций. Музей, сосредоточивая подлинные оригинальные предметы прошлой действительности, позволяет спроектировать достоверную модель культуры, но наполнить эту модель живой традицией, этническим колоритом можно только при привлечении представителей НКО как носителей культуры. Приглашение к сотрудничеству представителей сибирских татар позволит оживить процесс музейной коммуникации, придать ему подлинностью, создать эффект погружения посетителя в национальную культурную традицию, показывая ее изнутри. Посетитель в подобной обстановке становится не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником событий, что способствует лучшему усвоению информации. Взаимодействие музеев с НКО сибирских татар, на наш взгляд, призвано решить задачу представления культуры сибирских татар во всей ее целостности.

Стоит отметить, что определенное сотрудничество между рядом музеев (три из изученных музеев) и НКО сибирских татар проводится, однако оно не носит системного характера и заключается, главным образом, в передаче предметов представителями НКО на хранение в фонды музеев и участии ряда фольклорных коллективов в крупных музейных мероприятиях, таких, как «День города», «Ночь в музее» и др. [5, Л. 7].

В последнее время в деятельности НКО выявилось новое направление – сбор предметов материальной культуры. Осознание необходимости представлять свою культуру через предметы, знакомить молодежь с культурой не только через праздники, фольклор, родной язык стало причиной появления проектов собственных музеев и выставочных комнат при НКО. Например, Отдел татарской культуры г. Тюмени в ДНК «Строитель» ведет сбор предметов (одежда, украшения, предметы декоративно-прикладного искусства) для формирования своего музея [6, Л. 1]. Объединение располагает небольшим помещением, в котором в витринах разложены предметы. Но какого-то определенного принципа расположения предметов по комплексам нет, этикетаж отсутствует.

Небольшие витрины с традиционными предметами татарской культуры имеются в «Центре татарской культуры г. Томска». Сам центр находится в здании памятника архитектуры «Особняк купца К. А. Хамитова», известном как «Дом Карим-бая». В интерьерах усадьбы расположены кабинет директора, методический кабинет, учебный класс, библиотека, в коридоре стоят витрины с предметами татарской культуры. К предметам (табагач – ухват для сковородки, подкова, железные инструменты – шило, гвозди, Коран, полотенце, рукописные молитвы на арабском, кружевные полотна, туфли, тюбетейки, сумочка, расшитая бисером, калфак), хотя и не ко всем, прилагаются этикетки с указанием названия предмета и времени его бытования. На основе этой небольшой выставки сотрудники центра проводят экскурсии и музейные уроки («В гостях у Каримбая», «Бабушкин сундучок», «Старинные предметы быта сибирских татар») [6, Л. 3].

Однако назвать эти комплексы предметов музеями можно лишь с большой долей условности. Зачастую сотрудники не могут определить, принадлежит ли тот или иной предмет к татарской культуре, как и для чего он использовался. Интуитивно собирая фрагменты культурной традиции, НКО сталкиваются с проблемой их интерпретации, так как не имеют ни информационных источников (научные статьи, монографии, архивные материалы), ни специалистов, которые смогли бы дать консультацию. На наш взгляд, помочь систематизировать имеющиеся в объединениях предметы могут музейные специалисты, это направление может стать еще одной сферой сотрудничества между музея-

ми и НКО в области сохранения и актуализации культурного наследия сибирских татар.

В этом отношении интересен опыт взаимодействия музейных учреждений, НКО сибирских татар и городских структур власти г. Омска, который привел к разработке в Омской области уникального для Западной Сибири проекта национальной деревни. Концепция реализации государственной национальной политики в Омской области, принятая в 2002 году с целью создания благоприятных условий для полноправного социального и национально-культурного развития представителей всех проживающих здесь наций и народностей, определяет одним из принципов национальной политики содействие развитию культур и языков народов, проживающих в Омской области, а также поддержку деятельности НКО как основной формы самоорганизации граждан для решения вопросов своей самобытности, традиций, языка, культуры, образования [4].

23 сентября 2009 года было принято распоряжение № 134. РП Правительства Омской области «О создании национально-культурного комплекса» [3, Л. 1], после чего началась активная работа по составлению проекта. Была сформирована рабочая группа, в которую вошли помимо представителей министерств омские ученые-этнографы и музееведы, представители НКО и традиционных конфессий. Основными задачами национально-культурного комплекса были обозначены знакомство жителей и гостей региона с историко-культурным наследием народов Омского Прииртышья, воспитание культуры межнационального общения, противодействие экстремизму, поддержка деятельности НКО Омской области в сфере сохранения национальных культур, а также развитие предпринимательства и малого бизнеса [3, Л. 2].

Общий план комплекса предусматривает проектирование восьми национальных подворий (русское, украинское, немецкое, татарское, белорусское, казахское, армянское, еврейское), которые будут располагаться вдоль главной дорожной оси и формировать тем самым главную планировочную структуру всего комплекса. Под каждый участок будет выделено 20 соток земли. При проектировании подворий будут учитываться этнографические особенности народов. Кроме восьми подворий планируется построить площадь для проведения массовых мероприятий на 3–5 тыс. человек с установкой крытой сцены, зрительный и выставочный залы, зал для проведения торжественных приемов, методический кабинет и библиотеку, студию звукозаписи, комнаты для НКО, учебных и творческих занятий, для хранения предметов, инструментов, костюмов, гараж [3, Л. 3].

Проект национально-культурного комплекса в Омской области призван выступить как своеобразный ответ глобализации в области культуры. Проблема сохранения нематериального культурного наследия сибирских татар будет решаться путем создания «живого» ансамбля, отражающего самобытность народа, который смогут посетить не только жители многонациональной Омской области, но и туристы из других регионов. Выставочное подворье станет местом, где будет представлена праздничная и повседневная культура, народные промыслы и традиционные хозяйственные занятия, одежда и украшения, обряды и верования – по сути, в комплексе будет происходить презентация жизни и культуры народов [1].

Проект выступает на данный момент единственным опытом осознания необходимости взаимодействия НКО, ученых-этнографов, музеев и власти. Только подобный тандем может привести к плодотворным результатам в области сохранения и актуализации нематериального культурного наследия.

Таким образом, после анализа проведенной экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности в данных музеях, можно констатировать, что традиционные религиозные верования сибирских татар практически не актуализируются, традиционная духовная культура данного этноса представлена лишь частично, что не позволяет получить целостное представление о культурном наследии и мировоззрении сибирских татар.

Первая причина заключается в том, что информационный потенциал имеющихся этнографических комплексов не раскрывается в полной мере. Знаково-символическая сторона предметов не фигурирует в экскурсиях, не отражается в этикетаже выставок. Во многом это связано с тем, что зачастую музеи, как показали результаты опроса, не имеют возможности привлекать к научному проектированию выставок архивные материалы, в их фондах и библиотеках часто отсутствуют научные журналы и монографии по традиционной культуре народов. Каталоги освещают только функциональное назначение музейных предметов, обходя стороной историко-культурный контекст бытования и семантику, связанную с предметами. Поэтому информация, сообщаемая в ходе экскурсий, фактически не освещает традиционные религиозные верования сибирских татар, препятствуя их актуализации. Отсутствие этнографической информации о предмете не позволяет расширять информационную сторону многих музейных предметов, и в итоге «молчащие» экспонаты представляются однопланово. Исходя из этого, можно указать на проблему ограниченности информационного потенциала музеев по традиционным религиозным верованиям сибирских татар.

С другой стороны, можно указать на недостаточную степень взаимодействия музеев и НКО Западной Сибири, проявляющуюся в слабом взаимообмене информацией и недостаточном привлечении к музейной деятельности представителей национальных объединений. Данное обстоятельство становится второй причиной, которая препятствует актуализации традиционных религиозных верований сибирских татар. В редких случаях (как, например, в г. Омске) музей (ОГИКМ) приглашает к сотрудничеству татарские объединения во время проведения крупных мероприятий (празднование «Дня города в Музее», «Ночи в музее»). Проблема отсутствия диалога между музеями и НКО приводит к тому, что имеющиеся ресурсы музеев остаются неосвоенными со стороны самого этноса сибирских татар. Отсутствие взаимодействия между данными учреждениями в культурно-образовательной сфере (в проведении национальных праздников, музейных уроков по культуре сибирских татар и пр.) приводит к невостребованности этнографических коллекций сибирских татар, их фрагментарному представлению.

При этом в данных музеях активно изучается и актуализируется культура русских. В ежегодном плане культурно-образовательной деятельности преобладает проведение традиционных русских народных праздников. Так, в ОГИКМ проводятся мероприятия, рассказывающие о культуре и верованиях русского народа: праздники «Святки», «Масленица», «Иван Купала», «Светлое воскресенье» (о пасхальных традициях), «День капусты», музейные уроки «Как хлеб на стол попал», «Русская изба», театрализованная экскурсия «Как на наши именины». В НОКМ в рамках программы «Живая старина» также проводятся календарные и обрядовые праздники «Рождество», «Масленица», «Пасха», «Кузьминки», тематические занятия «Посиделки» (о традициях труда и отдыха крестьян), «История русского костюма в Сибири», «Русские обычаи, традиции и праздники» [5, Л. 20]. Таким образом, музея-

ми Западной Сибири ведется работа в области трансляции нематериального культурного наследия, но духовная культура сибирских татар оказывается практически исключенной из этого процесса.

Отметим, что экспозиционно-выставочная и культурно-образовательная сферы деятельности напрямую зависят от степени научного исследования музейных предметов, в ходе которого раскрывается заключенная в них информация. Поэтому актуализация традиционных религиозных верований сибирских татар будет возможна только при условии проведения качественной интерпретации предметов и включении выявленной знаково-символической информации в проекты экспозиций и экскурсий. С другой стороны, совершенствование форм работы музеев Западной Сибири с духовной составляющей культурного наследия сибирских татар должно идти по пути привлечения к сотрудничеству представителей НКО сибирских татар. Проведение на базе музеев национальных праздников и иных форм актуализации традиционной духовной культуры сибирских татар будет способствовать ее сохранению, трансляции, а также сделает музейную деятельность в этом направлении востребованной.

Литература

1. Васильева С. Парк национального единения // Мои земляки. Национально-культурный журнал Омского Прииртышья. – 2011. – № 2. – С. 18.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. – М.: Мир книги, 2003. – Т. 11. – С. 334.
3. Интервью с начальником отдела по делам национальностей и религии Министерства культуры Омской области Л. А. Чикалиной // Архив кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма. П. 1. Л. 1–5.
4. Концепция реализации национальной государственной политики в Омской области // Селезнева И. А. Национально-культурные и религиозные организации Западной Сибири: учеб. пособие. – Омск, 2007. – С. 121.
5. Результаты опроса научных сотрудников музеев Западной Сибири // Архив кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма. П. 2. Л. 1–25.
6. Результаты опроса сотрудников национальных культурных объединений татар Западной Сибири // Архив кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма. П. 3. Л. 1–10.

УДК 391/395

А. П. Баснина

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ДЕТСКОЙ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ВЫЗЫВАНИЙ»)

Статья посвящена исследованию культуры детства в аспекте обрядового миромоделирования, восстанавливаемого на основе мифологических рассказов. Материалом для анализа являются записи рассказов о «вызывании» мифологических существ, записанные автором работы (2002–2009 годы). Культурологический код картины мира реконструируется на основе семантического исследования пространственно-временных моделей.

Ключевые слова: культура детства, картина мира, обряд.

A. P. Basnina

MYTHOLOGICAL WORLD IMAGE IN CHILDREN'S RITUAL CULTURE (ON THE MATERIAL "RECALLS")

The article is devoted to research of children's world modelling, which was restored from mythological stories. The records of interviews about mythological creatures, which had been recorded (2002–2009) by author of the article, are material for analysis. Culturologic code of world image was restored from semantic research of spatial and time models.

Keywords: children's culture, world image, rite.

В исследовании культуры детства отдельный интерес представляет изучение коллективных обрядово-игровых практик, во время которых ребенок формирует особое представление о мире. Данный культурный феномен тесным образом связан с системой фольклорных действий и верований, бытующих среди детей подросткового возраста. Сложность его исследования состоит в специфичной ситуации, которую А. А. Белик определил следующим образом: «детство – это особый мир, своеобразная культура в культуре, область, полная загадок и непознанных явлений. Это мир со своими правилами поведения, мир фантазии и игр, воспринимаемый как реальность» [1, с. 152]. Данная статья посвящена анализу мифологической картины мира, восстанавливаемой на основе детских рассказов о «вызываниях» мифологических персонажей: Пиковой Дамы, Гномов, Русалочек и др. Этот материал дает основание для реконструкции мифологической картины мира, актуализированной в детской среде, поскольку позволяет выявить мифологические архетипы, присущие детскому сознанию. Как отмечает С. А. Хазей, «детское мышление характеризуется такими чертами, как антропоморфизм, анимизм, дологизм, мистицизм, идентификация с миром природы» [2, с. 7], что создает основу для формирования особой мифологии и картины мира, репрезентирующейся в фольклорных текстах и обрядах.

Понятие «картина мира» возникает в трудах Л. Витгенштейна, который обосновал его через связь образа мира и языка [3]. Терминологическое определение данному явлению дает М. Хайдеггер в программной работе «Время картины мира» [4]. Согласно Хайдеггеру, взгляд на окружающую действительность как на картину возникает, когда человек становится способным к осмыслению своего «я» в отдельности от окружающего. Картина мира предполагает не растворение субъекта, его воспринимающего, в мироздании, а взгляд со стороны, предстояние миру, когда происходит не «вживание», а переживание вселенной, центром которой является само воспринимающее «я». В культурологии и истории культуры разработка данного понятия принадлежит А. Я. Гуревичу. Гуревич использует это понятие при описании менталитета средневекового человека, определяя его как «сетку координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [5, с. 25]. В исследованиях последнего времени обращается внимание на то, что картина мира определяется многими конкретно-историческими особенностями развития общества, но главное для ее формирования – «тип мышления (логическое или образно-целостное, или мифологическое)» [6, с. 102], таким образом, формируется научная, мифологическая, языковая и др. картины мира. А. Я. Флиер, например, пишет: «образы жизни и картины мира – это наиболее типичные, массово распространенные в сообществе устойчивые наборы, совокупности стандартов деятельности, взаимодействия, поведения, представлений, суждений и т. п.» [7, с. 65].

К изучению традиционной фольклорной картины мира (на материале фольклора взрослых) обращались А. К. Байбурин [8], Т. В. Цивьян [9] и др. В работе А. К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» дается следующее определение: «…картина мира, вырабатываемая в процессе взаимодействия с окружающей средой, является одновременно функцией самосознания, определением своего места и роли в этом мире» [8, с. 5]. Тем самым картина мира представляет собой полуосознанное или осознанное представление человека (или общества) о мире и своем месте в нем, зафиксированное в конкретных текстах культуры. Она формирует ценностные горизонты бытия и задает адекватную программу действий, поэтому соответствующее поведение человека и его возможные результаты являются реализацией знания о мироустройстве. Такими реализациями можно считать мифы, ритуалы, обряды, фольклор, памятники материальной культуры и др. Мифологическая картина мира построена на системе оппозиций: мир живых – потусторонний мир, левое – правое, верх – низ и др. Для ее реконструкции необходимо восстановить культурный код, ценностное ядро, формирующее модель мира.

Одними из репрезентантов детской мифологической картины мира являются детские рассказы о «вызываниях». С. Б. Борисов называет подобные обрядовые действия магическими практиками [10], имеющими важное значение в процессе социализации ребенка в детском коллективе. Суть «вызываний» состоит в следующем: ребенок в компании единомышленников посредством «ритуальных» слов и действий стремится «вызывать» из «иного» мира мифических персонажей (Гнома, Русалку, Пиковую Даму и др.). Для совершения данного «обряда» выбирается особое место (предпочтение отдается замкнутым темным локусам), используются специальные атрибуты (зеркало, нитка, съестная приманка и др.), заговорные формулы (например, «Пиковая Дама, приди!»). В детской культуре помимо самой практики «вызывания» актуализируются рассказы о ней, которые могут предшествовать «обряду», служить рефлексией по отношению к произошедшим действиям или бытовать совершенно самостоятельно. Эти рассказы представляют отдельный интерес для восстановления культурного кода мифологической картины мира ребенка. Автором статьи собрано более 200 текстов у информантов от 5 до 13 лет, а также у информантов 19–22 лет по их детским воспоминаниям.

В детских «вызываниях» отражается представление о дихотомичном мироустройстве, основанном на вере в сосуществование мира людей и мира потустороннего, «населенного» мифическими существами. Чтобы стало возможным взаимодействие между мирами, по представлениям детей, необходима определенная система действий. Данный процесс мотивируется с помощью аудиального кода – «вызывания». То есть участник детского обряда «зовет» мифологического персонажа из иного мира в мир реальный. Иногда в детской среде данное событие характеризуется как «колдовство». Выполняя ритуальные действия, участник «вызывания» представляет, что он способен разомкнуть границу между мирами, в результате чего мифический персонаж получает возможность материализоваться в мире людей.

В детской культуре «колдовство» расценивается как тайное знание, носителями которого являются дети постарше, они передают младшим свои представления о существовании «иного» мира, о правилах взаимодействия с его обитателями, о необходимых для «вызывания» условиях и действиях. Участие в обрядовой практике для ребенка связано с переживанием страха и приобщением к некой тайне. Все это наделяет ситуацию «вызывания» инициальными функциями.

В мифологической парадигме актуальны законы «зеркального отражения», когда потусторонний топос наделяется некоторыми признаками мира реального. В детских рассказах о «вызываниях» частотной характеристикой мифологических персонажей становятся те качества, которые свойственны детским пристрастиям и симпатиям. Отдельная группа рассказов вводит мотив «вызывания» персонажей при помощи сладкой приманки, а также об их своеобразном «детском» поведении.

Собранный материал дает основание для выявления следующих групп субъектов мифологических вызываний: персонажи, восходящие к традиционной несказочной прозе взрослых (Домовой, Водяной, Русалочка и др.); персонажи, восходящие к карточной символике (Пиковая Дама, Пиковый Валет, Червовая Дама и др.), кроме того, зафиксировано множество рассказов о «сладких» персонажах (Шоколадный Принц, Сладкоежка и др.), «Гномах» (Гном-Матерщинник, Гномик и др.), «Бабках» (Бабка-Монетница, Бабка-Жевачка и др.), нарисованных персонажах (страшилка, животное, Лесорубщик, Собачник и др.). Возможно, истоки представлений о мифологических субъектах последней группы следует искать в мультфильмах, кинофильмах, книгах, созданных для детей и активно ими переосмысленных и включенных в систему фольклорных знаний о мире: «В наше время, говоря об истоках многих явлений детского фольклора, необходимо учитывать не только школьные книги, но и весь огромный спектр массовой культуры от триллеров и боевиков до рекламных роликов и ежедневного телесериала о телепузиках и покемонах» [11, с. 12]. Максимально частотные образы, появляющиеся в рассказах о «вызываниях», а также проникающие в другие жанры детского фольклора: Домовой, Гном-Матерщинник и Пиковая Дама.

В каждой из названных групп объединяются мифологические существа, по представлению информантов, обладающие индивидуализированным именем и обусловленными этим именем характером, внешним обликом и поведением (Гном-Матерщинник матерится, Король Сладостей одаривает участников обряда сладостями, Бабка-Жвачка запутывает в волосах жевательную резинку и т. д.). Система образов, зафиксированных в детском обряде «вызываний», вписывается в оппозицию добро – зло, определяемую способностью мифологического существа принести пользу (исполнение желаний, одаривание сладостями и т. д.) или вред (написание нецензурных слов на стенах, убийство и др.). Взаимодействие с обитателями потустороннего мира регламентируется определенным этикетом. «Вызывающие», кроме соблюдения порядка действий в обряде (что гарантирует безопасность его проведения), должны также соблюдать определенные правила поведения: это может быть уважительное отношение к мифологическому персонажу, запрет подсматривать, запрет на смех, на присутствие взрослых и т. д.

Существенной характеристикой мифологической модели мира в «вызываниях» является система хронотопических оппозиций. Прежде всего, пространство делится на «свое», безопасное, и «чужое», функционально соотнесенное с потусторонним миром. Необходимо уточнить, что топос дома, воспринимаемый как относительно безопасное место в традиционном фольклоре, в детской картине мира способен становиться «чужим» в определенных условиях. В детском мировидении чувство безопасности связано с присутствием взрослых, поэтому «вызывания» могут происходить дома, но исключительно в детском коллективе. В записанных текстах вмешательство, например, родителей характеризуется в парадигме разрушительного воздействия на результат «обряда».

На основе рассказов информантов восстанавливается значимость обрядового локуса, который с обыденной точки зрения осмысляется как маргинальный, то есть занимающий пограничное положение между мирами, являющийся своеобразным «окном» в потусторонний мир. К подобным локусам относятся темные нежилые помещения: туалет, ванная комната, место под лестницей, подъезд; затемненная жилая комната; гаражи, парк или лес. Уличное пространство, в котором может совершаться «вызывание», также осмысливается как «страшное». Предпочтение отдается локусам, в которых дети скрыты от внимания взрослых [12, с. 51]. Например, лес или парк воспринимаются как «страшный» мир, принципиально иной, чем городской или даже деревенский. Он наполнен своей жизнью, неизвестной ребенку, а потому не только интересной, но и страшной. Этот мир не контролируется взрослыми, а значит не может быть безопасным.

В детских мифологических рассказах о «вызываниях» пространство осмысляется через отношения с «иной» реальностью и наполнено сегментами возможного соприкосновения двух миров. Данные точки пересечения воспринимаются детьми как локусы обитания и «вызывания» мифологических персонажей. В процессе обряда происходит, по представлениям участников этого события, размыкание границы между мирами. Информанты довольно часто говорят, что мифический персонаж проникает через «дырку», поэтому подобное появление обитателя потустороннего мира в детских рассказах обозначается словом «вышел»[3]. В детской мифологической картине мира отсутствует определенное месторасположение потустороннего пространства, оно существует всегда непосредственно рядом с ребенком. В роли границы между мирами может быть зеркало, лист бумаги, на котором нарисован мифический персонаж. Возможно материальное воплощение его прихода в мир людей. Например, при вызывании Пиковой Дамы частотен вариант прорисовки ступеней лестницы на зеркале (мифологический персонаж словно выходит из зазеркалья). При вызывании Гнома-Матерщинника используется нитка с завязанными на ней узелками. Узелки в этом случае представляют своего рода преграду, которая затрудняет и замедляет путь мифического существа[4]. В мировой мифологии нить (веревка) и лестница – символические эквиваленты пути-жизни. Связывая реальный и потусторонний миры, они обусловливают проникновение мифических существ в мир людей. Разрушение подобного хронотопа (например, стирание нарисованной на зеркале лестницы) – знак прерванного обряда, уничтожающий связь между мирами.

Пространство «вызываний» семантически соотнесено и со временем. Время в детской мифологической картине мира организуется оппозицией: день – ночь. Если дневное (светлое) время безопасно, не содержит неизвестного, тайного, страшного, то ночь, а именно темнота, связана с представлениями о возможной опасности (наиболее вредоносных мифологических персонажей «вызывают» именно в темное время суток). В этом случае наблюдаются некоторые отличия от традиционного фольклора. Если в несказочной прозе взрослых значимыми являются пограничные хроносы, осмысляемые как размыкание границы между мирами – полночь, полдень [13, с. 171],

[3] Ср. «Потом мы опять мыло новое положили, мыло прям чистое, им даже руки не мыли, и мы говорили три раза: “Мыльник, Мыльник, выходи”. Он вышел, и вдруг че-то «Бабах!» мы слышим, мы включили свет и смотрим: мыло упало, ничего нету» (Тильченко Юля, 13 лет, запись в с. Мазурово, 2008 г.).

[4] «Гном должен появиться, пройти, ругаясь, по нитке, запинаясь об узелки, и съесть конфету, которая лежит неподалеку» (Протасова Анастасия, 19 лет, по детским воспоминаниям, запись в г. Прокопьевск, 2004 г.).

то для детей ночное время представляется как пограничное, время возможного проникновения в реальный мир сверхъестественных сил. Подобную семантику ночное время получает в связи с темнотой, которая мыслится как проявление потустороннего мира. Таким образом, темпоральные характеристики воспринимаются, скорее, в пространственном аспекте: ночь – это темное пространство, распространяющееся на весь окружающий ребенка мир (например, ночью, но с включенным светом дети не боятся). Поэтому в «вызываниях» становится возможным моделирование ночного мира путем завешивания окон или проведения обряда в темных локусах: под лестницей, в подъезде, в ванной комнате и т. д. Хотя объективно такие «вызывания» приурочены к светлому времени суток.

Записанные фольклорные тексты позволяют говорить о том, что для детской мифологической картины мира в обряде «вызываний» более значимыми являются его пространственные характеристики, нежели временные. Картина мира, восстанавливаемая на основе детских рассказов о «вызываниях», дихотомична. Семиотически она включает в себя безопасный реальный мир и подразумеваемый потусторонний, населенный мифическими существами. Оба данных пространства отделены проницаемыми в определенных условиях границами. Потустороннее не имеет определенной локализации, известны лишь его характеристики (например, темнота). По представлениям детей, мифологические существа «живут» в непосредственной близости к человеку и при «вызывании» происходит их материализация или выход в реальность. В соответствии с представлениями о потустороннем мире осмысляются локусы окружающего пространства. С точки зрения временных характеристик, имеет значение циклическая смена дня и ночи и связь ночи с потусторонним миром. Мифологические персонажи в соотнесении с общекультурным контекстом часто представляют собой синтетические образы, формирующиеся под влиянием различных источников: традиционного русского и зарубежного фольклора, литературы для детей, мультипликационных и художественных фильмов и т. д. Происходит особого рода вовлечение реалий окружающей действительности в детскую культуру, когда информация, усвоенная ребенком в процессе познания себя и окружающей реальности, мифологизируется и органично встраивается в его представления о мире. Мифологическая картина мира ребенка определенным образом формирует его поведение в исключительных обстоятельствах. При этом обрядовые действия имеют целью аккумулирование и проверку знаний, воплощаемых в мифологических рассказах. Данные представления также определяют взаимодействие ребенка с детским коллективом, мифологический этикет и поведение при посещении и исследовании мест, связанных в его сознании с потусторонним миром. Кроме того, в обрядовых практиках происходит социализация участника «вызываний» в детском коллективе. Культурологический код детского обряда восходит к общемифологическим представлениям и архетипам, приобщение к которым соприродно инициальной модели поведения.

Литература

1. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: РГГУ, 1998. – 241 с.
2. Хазей С. А. Психология детской мифологии и фольклора (на материале исследования детей и подростков на территории Республики Беларусь): автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1998. – 20 с.

3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93–119.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 285 с.
6. Цветущая сложность: Разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 102.
7. Флиер А. Я. Культурогенез. – М.: РИК, 1995.– С. 65. – 128 с.
8. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
9. Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. – М.: Индрик, 1999. – 375 с.
10. Борисов С. Б. Мир русского девичества. 70–90 годы XX века. – М.: Ладомир, 2002. – 343 с.
11. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали…» (Игра, магия, миф в детской культуре). – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.
12. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999. – 288 с.
13. Криничная Н. А. Русская народная повествовательная проза. Истоки и полисемантизм образов: в 3 т. – Т. 1.: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». – СПб.: Наука, 2001. – 584 с.

УДК 008

Н. В. Суленёва

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МЕЛОДИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

В статье автор исследует специфику перенесения художественного текста на телевизионный экран. В глобальной системе замысла всей литературно-художественной программы презентация текста писателя становится важнейшей составляющей всей концепции замысла режиссера. Мелодика стихотворения, ритмообразующие факторы рождают новые смыслы и идеи при перекодировке письменного слова в видеослово.

Ключевые слова: поэтический текст, видеослово, кодификация, режиссерский постановочный дискурс, телевизионная версия, художественное вещание.

N. V. Sulenyova

VISUALIZATION OF MELODIC FORM OF POETIC WORKS ON TV SCREEN

In the article the author examines the specifics of transferring literary text to TV screen. In the global system of all the literary-artistic program presentation of the writer's text presentation becomes the most important component of all the conception of stage director's intention. Melodics of a poem, rhythm-forming factors give birth to new senses and ideas at recoding written message into video-message.

Keywords: poetic text, video-message, codification, director staging discourse, TV version, broadcast arts.

В мировую культуру, как и в культуру России, телевидение включено как сложный эстетический феномен, как продукт технического прогресса и интеллектуальный носитель времени. Телевидение осуществляет множество ролей и функций по вовлечению гражданина в процесс наблюдения, сопереживания, анализа действительности. В телевизионных художественных программах воздействие на аудиторию осуществляется, помимо всего разнообразия технологических процессов, посредством художественного слова, представляющего собой аудиовизуальный образ литературного произведения. Поэтическое слово, его звукопись, становятся приоритетными в программах художественного вещания, так как занимают в них значительное по объему место и соответствуют аудиовизуальным образным представлениям режиссера.

На сегодняшний день существует заметное противоречие между важным духовно-эстетическим влиянием на современное общество художественного телевидения, в частности звучащего литературного слова, и недостаточным научным интересом к такому феномену режиссерской деятельности, как интерпретация литературных произведений, их звуковая организация для создания телевизионной версии. Как показало исследование, интерпретация поэтических текстов на телеэкране не включена в сферу интересов ни практиков телевидения, ни журналистики, ни искусствоведами, ни культурологами. А ведь звучащее с экрана телевизоров художественное слово является одной из эстетических ценностей и имеет серьезное влияние на аудиторию телезрителей.

Специфика интерпретации художественного текста на телеэкране

Изучение природы постановочного дискурса в телевизионных программах художественного вещания, безусловно, связано со спецификой перенесения художественного текста на литературный экран. Постановочный дискурс на телевидении отличается от театрального и кинематографического по своей структуре, характеру и приемам. Он является важной составляющей, но все же одной из подсистем, в глобальной системе режиссерского замысла всей передачи. Он зависим от концепции всей передачи, он должен сочетаться с ее композицией, в которую входят: и монолог ведущего, и рассказ реальных участников жизни автора, и кадры из домашнего видеоархива, и постановочные блоки с участием актеров, и документальные кадры, отражающие эпоху и т. п.

Успехи современной техники глубоко затронули и сферу театра, кино, телевидения, породили новые формы удовлетворения прирожденных потребностей человека в зрелищах, тем самым текстовое пространство расширилось, для режиссера возникло новое пробуждение смыслов, слов-идей, являющихся проводниками между полюсами текст – зритель. Во всем – и особенно в поэзии – прослеживается новый, характерный для нашей эпохи принцип художественного построения, который можно обозначить как монтаж, соединение готовых элементов в некое целое. Это не механический, а творческий процесс, когда необходимо предвидеть, как будет функционировать целое.

Известно, что взаимодействие телевидения со знаковым фоном режиссуры театра и кинематографа выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования телевизионной версии художественного произведения. Основу создания телевизионного постановочного дискурса составляет репродуцирование в нем других кодов, знаков, присущих кинематографу и театру. Телевизионное произведение связывает между собой эти семантические векторы, и художественный

текст начинает выстраиваться как «мозаика из рядоположенных цитат, каждая из которых обладает своей непосредственной денотативной семантикой» [6, с. 423].

В процессе осмысления перекодировки текста автора в видеоверсию телережиссер словно движется в неком «круге» выразительных формообразующих средств поэтического произведения, в котором мелодика стиха понимается и как то основное, из чего состоит целое, и как его часть, но наиболее сложная для интерпретации.

Музыкальность поэтической формы

Анализируя интерпретацию поэтических текстов, экранизированных в проекте канала ГТРК «Культура» «Мелодия стиха» (2008–2009 годов), с точки зрения мелодической формы, обнаруживаешь, что наиболее ярким примером может послужить поэзия С. Есенина. К сожалению, в проекте не названы имена авторов программ, но их альянс с поэтом и чтецом-исполнителем явно дает о себе знать.

Музыка в стихах С. Есенина звучит так же мощно, как само содержание и является частью стилистики поэтических произведений. Поэтому неудивительно, что творчество С. Есенина песенно. Вопрос в том, может ли такой рациональный эстетический феномен, как телевидение сохранить и перевести в иное выразительное средство мелодику стиха великого поэта.

Как известно, в основе поэтического текста лежит парадигматический принцип. Слова соотносятся с некими внетекстовыми означаемыми (своего рода словарь). Поэтический текст творит мир заново, с нуля, с фундамента, по кирпичику. «Поэты – это люди, которые отрицают использование языка, – настаивал Ж.-П. Сартр. – Для поэтов слова – это естественные вещи, которые растут как трава и деревья». Ссылаясь на Сартра, мы стремимся подчеркнуть важность денотативного значения поэтических звуков, поэтической мелодии, поэтического ритма.

Говоря о создании телевизионного постановочного дискурса, побуждающего режиссера телевидения размышлять над читаемым или уже прочитанным текстом, мы хотели бы сослаться на модель диалогов Сократа. Классический сократический диалог, как известно, состоял из нескольких этапов. Он начинался с постановки проблемы, выраженной в виде вопроса, направляющего участников диалога на поиски ответа. Второй этап заключался в разрешении, снятии проблемы на уровне умственного развития участников беседы, которые предлагали варианты аргументированных ответов. Создавалась иллюзия решения проблемы. На третьем этапе сократического диалога проблемная ситуация воссоздавалась на новом, более сложном диалектическом витке.

Музыкальный звук, фраза, мелодия стихотворного произведения творит диалог со слушателем. Так и поэтическая мелодия в данной телеверсии выстраивает общение со слушателем на чувственном уровне, на уровне интуиции, «перебрасывая зрителя во Вселенский словарь» [2, с. 86].

Стихотворение С. Есенина «Хулиган» в цикле передач «Мелодия стиха» предложено телезрителю в исполнении известного артиста С. Безрукова. Яркость есенинского ритма в выбранном режиссером для телепроекта произведении выражается в перекрестной рифме с чередующимися мужской и женской клаузулами, в утяжеленной стопе – спондеем. Поэтический ритм задается исполнителем С. Безруковым как ритм барабанов вперемежку с ритмизированными выстрелами. Своеобразно то, что привычный для зрителей образ барабанов, обычно иллюстрируемый с помощью согласных звуков, в данной интерпретации преподносится за счет гласных, словно это звучащая дробь бунтующей души:

ДОждик мОкрыми метлами чИстит
ИвнякОвый помет по лугАм.
ПлЮйся, вЕтер, охапками лИстьев, –
Я такОй же, как ты хулигАн.

Диалектика поэтического текста, думается, проявляется в его статике, как молчаливом продукте речевой деятельности, и в его динамике, как в процессе его создания и воспроизведения. Телевизионный постановочный дискурс как объект обладает сложной внутренней структурой и внешними связями, реализующимися через ее планы и категории. Диалектика телевизионного постановочного дискурса – это интермедийное пространство, организуемое по ряду координат: автор – текст, читатель – текст, автор – читатель, текст – контекст. Этот факт позволяет безошибочно отдифференцировать специфические достояния телережиссуры, не нарушая глубины, метафизической неоднозначности поэтичности авторского текста.

Отметим: чем крупнее план, тем очевиднее его абстрагирующая, вневременная и внепространственная функция. Крупный план выступает в роли своего рода «переключателя», сигнализатора «изменения модальности повествования». «Крупным планом» С. Есенин подает мелодическую форму гласных. Режиссеру и исполнителю удалось услышать эту ревербирацию в тексте С. Есенина, звуковой отголосок мысли поэта, распространяющей звук на окружающее пространство.

Объемные гласные [Я, А, Е, О, Ю, Ы] подаются С. Безруковым как звон колокола-победителя и подкрепляются яркой работой камеры: от крупного кадра первых двух строк

Я люблЮ, когда сИние чАщи,
Как с тяжЕлой похОдкой волЫ

камера медленно уводит наше внимание на общий план. Увеличивая силу звука, постепенно повышая голос, актер создает иллюзию целого ансамбля колоколов:

ЖивотАми, листвОй хрипЯщими,
По колЕнкам марАют стволЫ.

Камера внимательно следит за изменением мелодики стиха, она то приближает исполнителя на средний план, то вновь отъезжает на крупный. В это время текст звучит уже как колокольный перезвон, в него добавляются раскаты согласного [Р] и легкие удары уверенного [Т]. Речевая партитура совпадает с партитурой колокольного перезвона, и эти знаки иллюстрируются телезрителю работой камеры.

Русь моя, деРевянная Русь!
Я один Твой певец и глашаТай.
ЗвеРиных сТихов моих гРусТь
Я коРмил Резедой и мяТой.

Хотелось бы отметить, что мелодия колокольного перезвона в звукописи «Хулигана» задается и плавным, раскачивающимся движением камеры вправо и влево, подхватывая интонационный рисунок исполнителя. Повышается голос на тексте «Русь моя» – камера снимает исполнителя, словно взмах руки дирижера, снизу вверх; «деревянная Русь», – понижает интонацию исполнитель – камера «уплывает вниз». На протяжении всего поэтического телепроизведения складывается замечательное трио поэта, телережиссера и исполнителя. Внешние выразителные средства в проекте «Мелодия стиха» на первый взгляд скупы: на молочном фоне на заднем плане, за исполнителем периодически, ненавязчиво возникает текст воплощаемого произведения. Актер словно парит в облачном пространстве, «соприкасаясь» с поэтической формой. Однако именно эта заданная форма позволяет С. Безрукову и оператору (исполь-

зуется только эффект изменения крупности плана в кадре) создать иллюзию колокольного звона, а зрительское воображение уже дорисовывает картины Руси с колокольнями, церквами, деревенскими дорогами и т. д.

Заключение

Монологический язык режиссера телевизионных художественных программ обретает реальность через герменевтический опыт осмысления текста и социального контекста, непрестанно продолжает интермедийно выражать себя средствами языка других видов и жанров искусства (музыка, театр, живопись, кино и т. п.), никогда «не начинающихся с нуля и никогда не замыкающихся на бесконечности», говоря словами Аристотеля из его «Практической философии». Выразительное средство поэтического произведения «мелодика» актуализирует интроспективное, внутреннее пространство поэтического произведения, связывает его с субъектом – исполнителем и создает новый мир – телеэкранное произведение.

Анализ и систематизация уже созданных на телевидении художественных программ выявили проблему по формированию условий для создания более качественных художественных программ, которые могли бы служить базой для обучения студентов профессии телевизионного режиссера. В связи с этим актуализируется проблема повышения профессионального мастерства телережиссера, основывающегося на совершенствовании системы подготовки режиссерских кадров для художественного телевидения, в частности в актуализации методов работы с литературным текстом.

Литература

1. Егоров В. В. На пути к информационному обществу. – М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, 2006. – 192 с.
2. Зеркала и лабиринты. Опыты текстового анализа: сб. ст. / сост.: Л. Б. Клюева, О. В. Чефанова. – М.: ВГИК, 2001. – 223 с.
3. Зись А. Я. Виды искусства. – М.: Знание, 1979. – 128 с.
4. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мира. – М.: Интрада, 1998. – 227 с.
5. Козинцев Г. М. Собр. соч.: в 5 т. / сост. В. Г. Козинцева, Я. Л. Бутовских. – Л.: Искусство, 1983. – Т. 3. – 502 с., портр.
6. Лукин В. А. Художественный текст. – М.: Ось – 89, 2005. – 560 с.
7. Рибо Т. Болезни личности. Опыт исследования творческого воображения. Психология чувств. – М.: Харвест, 2002. – 784 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ART STUDIES

УДК 73

T. Bayona

CHOREOGRAPHIC EDUCATION IN MALTA: A PERSONAL EXPERIENCE

This paper traces the introduction of ballet performances and education in Malta in the early of 20th century by Princess Nathalie Poutiatine, a Russian ballerina who settled in Malta and became my teacher and mentor. The author outlines the development of dance and dance education in Malta, starting from her own experience as a student, dancer, teacher and choreographer, with a focus on the evolution of dance pedagogy culminating in the introduction of Dance Studies leading to a Master's degree at the University of Malta two years ago.

Keywords: art, ballet, dance, choreography, choreographic education.

The Introduction of Ballet and Ballet Teaching in Malta

Classical ballet was introduced in Malta in the early 20th century by a Russian émigré, Princess Nathalie Poutiatine.

Princess Nathalie was born in St. Petersburg in 1904, the only daughter of the Noble Olga Zelenoy and Prince Paul Poutiatine, the last in line of the aristocratic Poutiatine family. The homes of the Poutiatines and the Zelenoys had, for many generations, been visited regularly by artists, writers, composers, poets, scientists as well as military and diplomatic personalities. Tchaikovsky frequently visited Nathalie's maternal grandmother's home. This environment in the homes of both parents, and later in their matrimonial home, instilled in the young Nathalie a great love and appreciation for every expression of beauty and the arts.

At the age of seven she started piano lessons under the guidance of Monsieur Richter, himself a pupil of Alexander Konstantinovich Glazounov. She also took up art lessons. Natalie received her first ballet lessons privately at her home by Madame Tamara Krasavina, a leading ballerina of the Maryinski Theatre in St Petersburg. She was later placed under the tuition of Felia Dubrovskaya who later became a famous ballerina working with Serge Diaghelev.

The events of 1917 forced the Poutiatine family to leave Russia for Costanza in Roumania, then to Constantinople and finally to Malta where they stayed for two years. It was during this short stay that Nathalie met her future husband, Edgar Tabone, the son of a distinguished Maltese family. After this short Maltese sojourn, Nathalie, now aged 17, settled with her parents in Paris, where she resumed her pianistic studies at the Conservatoire de Paris under Santiago Riéra who was himself a disciple of Chopin. Although she loved music, her greatest ambition was to express herself artistically through dance and joined dance classes given by Anna Pavlova's partner, Laurent Novikov. Later she studied for seven years under the guidance of Liubov Egorova, one of the most renowned

teachers at the time in Paris. Nathalie Poutiatine also studied with Serge Lifar, Solange Schwarz and Lucienne Lambale of the Grand Opera and auditioned successfully for Anna Pavlova's company which was about to tour America. She also attended classes by Olga Preobrajenska, one of St Petersburg's best loved ballerinas who was also living in Paris at the time [1].

While in Paris she stayed in contact with Edgar Tabone, married him in 1927 and settled with him in Malta. At that time the Island was essentially the home base of the Mediterranean Fleet of the British Navy. This fact determined the daily life of most of its inhabitants, not only economically and socially – because directly or indirectly the livelihood of most of Malta's inhabitants depended on it – and politically – because their national interests were considered subordinate to the strategic interests of the British Empire in Southern Europe and the Mediterranean – but also culturally. Such a context cannot be expected to stimulate much cultural ferment, innovation and creativity and yet Natalie Poutiatine found that the Maltese were great music lovers. The Royal Opera House in the capital city, Valletta, was built in 1866 by the English architect Edward Middleton Barry who had also designed the Royal Opera House in London's Covent Garden. Unfortunately this opera house was destroyed by Nazi and Fascist bombs in World War II and was never rebuilt. Malta's Royal Opera House hosted mainly operas imported from nearby Italy but classical ballet performances and ballet education were still unknown. A great deal of encouragement from family and friends persuaded Princess Nathalie to start teaching ballet. Her classes became very popular and by 1939 she had her own ballet school built to her specifications. Never forgetting her beloved homeland, she named the building *Otrada*. Its main studio had the same dimensions as those of the stage of the Royal Opera House where Princess Poutiatine began giving the first full ballet performances in Malta [2].

This was the beginning of ballet and ballet education in Malta. Princess Poutiatine carried on the teaching of ballet with great dedication for many years and under her rigorous guidance the art continued to flourish in Malta. Her influence is still felt today because of the powerful aesthetic heritage she left us.

During the last century the development of dance was vibrant and rapid; moving from an educational hobby to a more vocational training and professional art form.

Princess Poutiatine gave numerous performances, lectures and demonstrations. Her role was decisive to the establishment of the dance as an art form in Malta and, as importantly, to the cultivation of a dedicated and increasingly discerning audience. In her last years she continued to teach and direct classes in close collaboration with me.

My Personal Experience as a Student, Dancer, Teacher and Choreographer

At this point you will pardon me for adopting an autobiographical narrative mode. I am very proud and grateful for having had the good fortune to start learning ballet under the dedicated and rigorous guidance of Princess Nathalie. My recollections of the Princess go back to when I was five years old and commenced my ballet training at her Academy of Ballet. Her classes were always full of imagery. She would impart not just the brilliance of technique, but would stress upon the quality of movement and its musicality. Temperament was essential. Linear beauty and – as a reflection of her own cultural background – the ethereal quality of the romantic period, were perhaps the two things she imparted to us most of all. She would often refer to the stern discipline of her own teachers and slow progress was not tolerated. *Manage and* virtuoso pirouettes were among her favourites to finish a class. She had extraordinary knowledge of Grecian art and oriental movement. Her great spirituality was continuously infused in her work. We were taught how to appreciate the spiritual and intellectual values in life, these same

principles we encouraged within the Academy – good character formation with a sound artistic and intellectual development.

After spending 12 years training in classical ballet with Princess Poutiatine, I continued my studies in London and followed a 4 year full time vocational course in choreography and teaching. In 1965 I returned to Malta to open the first ballet school teaching the Enrico Cecchetti method with a graded system of examinations leading to a fellowship with the Imperial Society of Teachers of Dancing, London. In her later years she asked me to take over her Academy. The time was an opportune moment for me to expand as my school was becoming bigger. It was also an honour to take over the direction of this prestigious Academy. The amalgamation of our two Academies took place in 1981 and the studio became known as Tanya Bayona – Princess Poutiatine Academy of Ballet. My four years at Nesta Brooking Choreographic School in London, a pioneer institution of choreography education during the 60s and the 70s, were decisive in my formation as a choreographer and teacher. We were taught the importance of concept, development, spatial design, and contrast of movement, dynamics and music appreciation. We were encouraged to read poetry and mythology but above all to be inspired by the reality of everyday life. These principles remained central in my development as a choreographer and I have attempted to impart the same principles to my students over the years.

Dance and Dance Education in Malta Today

To understand better the evolution of dance and dance education in Malta one must take into consideration its historic, demographic and social development. Malta is the largest of three islands forming a small archipelago in the centre of the Mediterranean. Malta's land territory covers just 316 square kilometers and, with a population of 420, 000 inhabitants, is one of the smallest states and one of the most densely populated countries in the world. Malta's strategic geographical position at the crossroads of the Mediterranean was exploited, amongst others, by the Phoenicians, Romans, Byzantines, Arabs, Normans, Angevins, Aragonese, the Knights of St John, the French and finally the British between 1800 and 1964. It became a Republic in 1974. Malta's economic dependence on foreign military bases continued until 1979 when the last British forces left the Island. Meanwhile Malta had started to diversify its economy by developing its tourist and industrial potential and, later, by becoming an important financial services centre. Decades of sustained export-led economic growth made possible higher standards of living, a generous welfare state, relatively high levels of employment and the further development of education. In these conditions we could not but witness a gradual, though not always constant, development of culture and the arts. It must be said that Malta's education system is essentially built around British models with the English language as a language of instruction. Malta's University, founded in the 17th century, is the oldest outside Britain in what used to be the British Empire. In 2004 Malta became a member of the European Union. With this socio / economic progress obtained over the past years more families could afford to send their children to private dance schools. It must be pointed out that to date there are no dance classes at primary and secondary level in our public schools. Malta's membership in the European Union gave our dance students, dancers and teachers free and total to a 27 nation bloc with a market of over 500 million people creating a vast new window of opportunities. Last December the European Commission announced plans to launch the world's largest ever cultural funding programme, with €1. 8bn allocated for visual and performing arts, film, music, literature and architecture. The commission's Creative Europe project plans to release the money between 2014

and 2020. If the scheme is approved late 2012, an estimated 300, 000 artists are due to receive funding [3]. The European Union also subsidises tripartite cultural activities, including dance performances, seminars and student exchanges.

Dance education in Malta has grown to professional standards. Today there are 28 private dance schools in Malta employing 60 professional teachers who teach ballet, Spanish, jazz, hip hop and other disciplines to around 5, 000 students. There are several young performing groups and dance companies developing within these Academies. Professional teachers are recognized by our government and schools operate after obtaining a license from the Ministry of education. Our teaching qualifications are affiliated to international teaching bodies in England such as The Imperial Society of Teachers of Dancing, The Royal Academy of Dancing, British Theatre Dance Association, British Ballet Organisation, and the Spanish Dance Society. The two major pedagogies taught in Malta are the Enrico Cecchetti Method and The Royal Academy of Dancing with annual visits by their respective examiners.

On the initiative of some dedicated dance teachers, children and adults with special needs are benefitting from dance therapy. The Department of Psychology at the University of Malta regularly invites dance therapists for seminars. Choreographic education at university level was introduced in Malta two years ago. This is the highest level of academic dance education in Malta. A Department of Dance within the Mediterranean Institute of the University of Malta was established in 2010. Before, our young choreographers emerged from the private dance schools that encouraged and stimulated their students to create through a rich knowledge of dance discipline and music together with the influence of visiting choreographers and numerous workshops. The Dance Council, Malta, a member of CID UNESCO, which was established in 1995, was instrumental in promoting the teaching of choreography by organising a number of workshops under the guidance of international choreographers and by obtaining scholarships for Maltese dance students to learn chorography abroad.

The University of Malta is offering a three-year, full-time day course leading to a Bachelors in Dance Studies (Honours). The Masters in Performance Studies (Dance) is a two-year, part- time course which is offered bi-annually. The Bachelors in Dance Studies Honours three-year programme synthesises theory and practice in such ways that theory underpins practice and practice illuminates theory. It is designed to produce graduates with skills and understandings in choreography, pedagogy and technology, through practical workshops, lectures and seminars. We aim to cultivate a community of dance artist practitioners and dance scholars who wish to pursue careers in Dance-related fields: performance, education, community dance and management. The Master in Performance Studies (Dance) Preparatory Course focuses specifically on Study skills hence seeks to develop and hone students' knowledge of the History of Dance and Dance Theories to the end of preparing students for the commitment of postgraduate study. The course is offered on-line so that both local and European students can access this preparatory education before joining the Master in Performance Studies (Dance).

The Masters in Performance Studies (Dance) integrates theoretical approaches with artistic practices, focussing on the education of concepts, theories and principles in support of creative processes. The programme will attract practitioners in the Performing Arts and related Dance fields who wish to further develop their skills and knowledge within an applied and socio-analytic framework. To support existing career structures, the course is delivered in part-time mode where intensive two-week blocks are interspersed with independent study supported by a virtual learning environment.

It is the intention of the University that this programme marks the first step towards the formation of dancers and choreographers with special focus on the use of technology. In addition, it would give the host country, Malta, the possibility of cultivating its own community of dance scholars and dance artist practitioners.

Academic staff is drawn from the UK, Holland, Germany and Malta. The Programme Director is Prof. Joanne Butterworth, formerly of the Research Centre for Dance, University of Leeds, UK and of Fontys University of Applied Sciences, Tilburg, and The Netherlands [4].

Some concluding remarks: women, the dance and emancipation

This is not a conclusion. I have called these remarks – concluding remarks simply because they come at the end of my lecture and of this paper. They are thoughts about the relevance of the dance in my country.

Jill Green, in her fascinating article *"Emancipatory Pedagogy?: Women's Bodies and the Creative Process in Dance"* writes of her experience and her experiments in attempting to emancipate the female dancer from certain models that are imposed on them by society. I am convinced, and I hope that my own long experience as a dancer and as a teacher of choreography justifies the confidence with which I express this view, that if – on the one hand – the dance cannot be isolated from its social context and therefore woman's condition in society is reflected in her condition as a woman in the dance, it is also true that – on the other hand – the dance can be a powerful tool for women to liberate themselves from the subordinate role that society continues to impose on them even in those societies were women appear to be most emancipated.

The female dancer is in a unique position to understand the way society attempts to mould the female body to serve interests over which she has little or no control. Teaching dance to young women – and not only to those who dream of becoming great dancers – can therefore be a powerful tool to encourage them to understand that the way we move and the way we appear should be nobody's business but our own [5].

Bibliography

1. Remembering Princess Nathalie Poutiatine by Tanya Bayona // A Journey Through the Centuries – Historical Discoveries in Russo-Maltese Relations / compiled and edited by Elizaveta Zolina. – P. 412–415. – ISBN 999932 – 637 – 1–0 (Hardback).
2. Olga my Mother, by Nathalie Poutiatine: Gulf Publishings Ltd, 1982.
3. European Union proposes world's largest ever cultural funding programme by Gareth Harris [Электронный ресурс] // The Art Newspaper. – 2011. – 21 December. – URL: www. theartnewspaper. com
4. Department of Dance – Mediterranean Institute University of Malta [Электронный ресурс]. – URL: www.um.edu.mt
5. Jill Greem – Emancipatory Pedagogy?: Women's Bodies and the Creative Process in Dance, Frontiers // A Journal of Women Studies. – Vol. 21. – No. 3, Identity and the Academy(2000). – P. 124–140.

Т. Байона

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА МАЛЬТЕ: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Автор статьи описывает историю становления балета и хореографического образования на Мальте в начале XX века. Основоположником хореографической школы стала принцесса Натали Путятина, русская балерина, впоследствии ставшая учителем и наставником Тани Байона. В статье рассматриваются этапы развития хореографического образования на Мальте: от первых танцевальных студий до магистратуры по хореографии, открытой в Мальтийском университете в 2010 году.

Ключевые слова: искусство, балет, танец, хореография, хореографическое образование.

Классический балет появился на Мальте в начале XX века благодаря русской эмигрантке Принцессе Натали Путятиной.

Натали Путятина родилась в Санкт-Петербурге в 1904 году в семье знаменитой Ольги Зеленой и князя Павла Путятина, последнего из аристократической семьи Путятиных. Известные художники, писатели, композиторы, поэты, ученые, а также офицеры и дипломаты посещали дом Путятина и Зеленой. Атмосфера, в которой росла Натали, не могла не вызвать любовь к искусству. В возрасте семи лет она брала уроки фортепиано у Рихтера. Первые уроки балета ей преподала Тамара Карасавина, ведущая балерина Мариинского театра в Санкт-Петербурге.

События 1917 года заставили семью Путятиных уехать из России в Румынию, затем в Константинополь и, наконец, на Мальту, где они прожили два года. В возрасте 17 лет Натали вместе с родителями уезжает в Париж, где продолжает свое обучение игре на фортепиано в Парижской консерватории под руководством Сантьяго Рьера. Несомненно, она любила музыку, но ее величайшим желанием было выразить себя через танец. И Натали стала посещать класс Лаврентия Новикова, партнера знаменитой Анны Павловой, а затем класс Ольги Преображенской, любимой петербуржцами балерины, которая в то время проживала в Париже.

В 1927 году Натали Путятина выходит замуж за Эдгара Табэуна и уезжает жить на Мальту. В то время классический балет и хореографическое образование были неизвестны на Мальте. Под влиянием семьи и друзей Принцесса Натали Путятина начала давать уроки балета. Они стали очень популярными, и к 1939 году она организовала свою собственную балетную школу, которую назвала «Отрада».

Принцесса Путятина дала огромное количество выступлений, лекций и спектаклей. Ее вклад в формирование танца как формы искусства велик, а роль в воспитании преданной и проницательной публики на Мальте значительна. Последние свои годы она руководила Академией Балета совместно с автором данной статьи, Таней Байона.

Знакомство Тани Байона с Принцессой состоялось, когда Таня стала посещать уроки в Академии Балета. Автор статьи вспоминает, что Натали Путятина, прежде всего, учила своих учеников любить и уважать духовные и интеллектуальные ценности, которые и формируют характер артиста.

После 12 лет обучения классическому балету у Натали Путятиной Таня продолжила свое образование в Лондоне. В 1965 году Таня вернулась на Мальту, чтобы открыть первую балетную школу, обучающую по методу Энрике Чекетти, с системой оценок за экзамены, и подготавливающую к сотрудничеству с Лондонским Королевским Обществом Учителей Танцев. В свои последние годы жизни Натали Путятина попросила Таню возглавить Академию Танцев. Несомненно, для Тани было честью стать руководителем этой престижной Академии. Слияние двух школ произошло в 1981 году, и студия стала известна как Академия Балета Тани Байона и Принцессы Натали Путятиной. Преподаватели Академии учат своих студентов любить музыку, понимать важность профессионального развития, учитывать организацию пространства, контраст в движениях, динамику. Таня поощряет в студентах тягу к поэзии и мифологии, но прежде всего учит черпать вдохновение из повседневной жизни. Все, что сформировало ее как профессионального хореографа, она пытается донести до своих студентов.

В настоящее время хореографическое образование на Мальте достигло профессиональных стандартов. Сегодня в 28 частных школах Мальты работает 60 профессионалов, обучающих балету, испанским танцам,

джазу, хип-хопу и другим дисциплинам. Общее количество студентов составляет около 5000 человек. В стенах Академий совершенствуют свои навыки различные танцевальные коллективы. Педагоги могут работать в школах после получения лицензии от Министерства образования. Преподаватели школ являются членами международных обществ Англии – таких, как Императорское общество Учителей Танца, Королевская Академия Танца, Британская Ассоциация Театра Танца, Британская Балетная Организация и Испанское Танцевальное Общество. Преподавание хореографии ведется в соответствии с двумя основными педагогическими направлениями: по методу Энрике Чекетти и методу Королевской Академии Танца. Ежегодно на экзамены приезжают уважаемые представители этих направлений.

По инициативе учителей танцев проводятся регулярные семинары по танцевальной терапии для людей с ограниченными возможностями.

В 2010 году в Университете Мальты была открыта кафедра танца. Это самый высокий уровень хореографического образования на Мальте. На кафедре работают преподаватели из Великобритании, Голландии, Германии и Мальты. Университет предлагает трехлетний курс дневного обучения, по окончании которого студент получает степень бакалавра хореографии. После двух лет заочного обучения студент получает степень магистра хореографии. Обучение направлено на синтезирование теории и практики. По окончании курса бакалавр приобретает навыки, необходимые для работы в качестве хореографа и педагога. Программа по магистратуре интегрирует теоретический и практический подходы, акцентируя внимание студентов на изучении концепций, теории и истории хореографии. Магистратура рассчитана на уже работающих молодых людей, поэтому курс заочный, состоящий из интенсивных двухнедельных блоков, самостоятельной подготовки и on-line занятий.

Роль женщины-танцовщицы в обществе уникальна. Только женщина способна противостоять обществу, которое пытается заставить женщин служить ему. А обучение танцам молодых женщин способствует развитию их уверенности в том, что как они движутся, как выступают, касается только их и больше никого.

(Перевод О. В. Ртищевой)

УДК 359.858(091);379.8(091)

Л. Н. Дорогова

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

В статье рассматриваются особенности культурной жизни страны в 30-е – начале 40-х годов XX века, характер политических событий, влиявших на развитие профессионального и самодеятельного творчества, на общее мироощущение в разных слоях населения, создание творческих союзов, организация культурного шефства, смотров и конкурсов. Введение занятий по военной подготовке в творческих коллективах страны, господствующие настроения в разных слоях населения в преддверии войны.

Ключевые слова: учреждения культуры, руководство культурными учреждениями страны, политика в области культуры, народное и профессиональное творчество, шефство, конкурсы и смотры, военная подготовка в творческих коллективах.

L. N. Dorogova

DOMESTIC INSTITUTION OF CULTURE TO THE GREAT PATRIOTIC WAR

Features of cultural life in the 30s and early 40s of the twentieth century, The nature of political events that influenced the development of professional and amateur art, the general perception of the world in different segments of the population, creative unions, organization of cultural patronage, shows and competitions. The introduction of classes in military training in the creative teams of the country, the dominant mood in the different segments of the population on the eve of the war.

Keywords: Cultural institutions, the management of cultural institutions in the country, cultural policy, national and professional work, patronage, contests, parades, military training in creative teams.

Тема Великой Отечественной войны всегда привлекала внимание простых людей – патриотов своей страны, ученых, художников. В последние годы она стала привлекать к себе пристальное внимание политиков, обеспокоенных рядом обстоятельств: отсутствием значимой социальной идеи, сплачивающей разные слои населения; искаженным пониманием подрастающим поколением истории Отечества, в связи с изучением ее по пособиям, изданным фондом Сореса; распространением нацистских настроений среди определенной части отечественной молодежи. Материалы, хранящиеся в архивах, в фондах библиотек, дают возможность сравнить современное моральное, политическое, духовно-нравственное состояние общества с тем, которое наблюдалось в последние десятилетия перед войной. Более того, на фоне современной политики, не богатой идеями патриотизма и нравственного служения обществу, снижения роли просветительства и деятельности общественных организаций по сплочению разных слоев населения, обеднения форм организационно-досуговой деятельности учреждений культуры, равно как и сокращения их численности (особенно в малых городах и сельских местностях), освещение духовных устремлений, форм жизнедеятельности народных масс перед Великой Отечественной войной может быть полезным с точки зрения обогащения опыта работы современных культурно-досуговых учреждений.

Под учреждениями культуры в данной статье понимается совокупность организаций разных направлений деятельности и разных уровней подчинения, относящихся к сферам искусства, образования, культурно-досуговой практики.

Как и в наши дни, перед Великой Отечественной войной забота об организации культурной жизни страны была делом разных ведомств. Руководство учреждениями культуры до 1936 года было возложено на Наркомпрос, затем на Комитет по делам искусств, который подчинялся Управлению агитации и пропаганды ВКП(б). Вопросы кинопроизводства и кинопроката с 1938 года находились в ведении Комитета по делам кинематографии при Совете народных комиссаров СССР. Огромную роль в организации, руководстве культурной жизнью фабрик, заводов, учреждений, учебных заведений при них играли соответствующие профсоюзные организации. Эти задачи выполнял культмассовый сектор профсоюзных комитетов. Он должен был отвечать за организацию клубной работы, деятельность профсоюзных библиотек, музеев заводов и фабрик, пионерских лагерей, баз отдыха предприятий, организацию смотров и конкурсов, культурного шефства, агитационных мероприятий силами работников предприятий и учреждений и др.

В предвоенное пятилетие было положено начало мрачным репрессивным действиям органов НКВД, «чисткам» в партийных организациях, ужесточением цензурной полити-

ки, начавшейся депортацией отдельных национальностей с территорий приграничных районов, имевших трагические последствия для тысяч советских людей. Следует иметь в виду, что репрессивные действия органов НКВД не освещались прессой, не получали широкой огласки.

Если рассматривать особенности руководства сферой культуры в целом в рассматриваемый период, то обращают на себя внимание следующие факты: стремление с помощью учреждений культуры и проводимых культурных мероприятий содействовать сплочению разных профессиональных групп и населения в целом; формированию оптимистических умонастроений, уверенности в завтрашнем дне; созданию четкой, устойчивой, управляемой административной системы в сфере культуры. Для реализации этих целей создавались соответствующие идеологические, организационные и материальные условия. Они включали в себя меры по объединению творческих работников страны, созданию материальной базы для успешной работы творческих союзов, стремление поставить их на службу воспитательной, образовательной, политической работе, проводимой в стране. Вводилась в практику система шефства, содействуя тем самым росту солидарности и взаимной осведомленности о состоянии дел в разных профессиональных группах и формированию общего чувства причастности к происходящим в стране переменам. С 1935 года регулярно проводились в масштабах страны многочисленные соревнования, смотры, конкурсы, фестивали, привлекая все больше и больше участников.

После 1932 года, когда было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», стали организационно оформляться творческие союзы – добровольные общественные организации, объединяющие представителей художественно-творческой интеллигенции страны. Они должны были заменить огромное число различных разрозненных ассоциаций, группировок, объединявших представителей творческой интеллигенции для устройства выставок, изданий журналов, собственных литературных произведений, проведения каких-либо мероприятий. Подобные объединения были, как правило, недолговечны и основывались на разных идейно-художественных и стилевых принципах. В противоположность существовавшей практике «групповщины», как в те годы называли всякие спонтанно возникающие объединения граждан, после 1932 года постепенно творческие силы стали объединяться под новыми лозунгами. В этом же году «Русское театральное общество» (созданное еще до революции) было преобразовано во Всероссийское театральное общество. В 1934 году был создан Союз писателей СССР; в 1937 году – Союз архитекторов. Перед войной в 1939 году начал работу организационный комитет Союза композиторов. В ведение творческих союзов передавались издательства, журналы, базы отдыха, здания Домов творчества, решались вопросы социально-бытового обслуживания. Вместе с тем активизировалась борьба с формализмом, на страницах газет публиковались резкие, критические статьи, осуждавшие новаторство композиторов, художников. По-новому стала протекать выставочная деятельность: чаще стали открываться персональные выставки художников из разных городов РСФСР, в 1938 и 1940 годах прошли большие тематические выставки «Индустрия социализма», участниками которой было большое число художников, выставка, посвященная «XX-летию РККА». Архитектура 1930-х годов продемонстрировала новые подходы к стилевому решению общественных зданий.

Мощным фактором, содействующим достижению поставленных целей, организованности в деятельности учреждений культуры, была партийно-комсомольской принадлежность руководящей прослойки

в учреждениях культуры. Партийный долг и партийная дисциплина в тот период были мощными рычагами управления, критериями надежности, качества работы и исполнительности. Это важно учесть в связи с отсутствием на тот период достаточного числа профессионально-подготовленных руководителей как культурно-просветительских организаций, так и учреждений культуры (кинопроизводства, театров, издательств, музеев, художественно-образовательных учреждений и т. п.). В отличие от современной мотивации, господствующей среди подавляющей части управленческого аппарата, в эти годы назначение на ту или иную должность, как правило, не влекло за собой предстоящего обогащения и всегда граничило с возможностью попасть под репрессии, что и произошло с первыми руководителями многих ведомств в 1937 году.

По меркам сегодняшнего времени невелика была как материальная база учреждений культуры, так и их обеспеченность. Следует принять во внимание, что в рассматриваемый период иными были границы страны и численность населения вместе с населением тех республик, которые после 90-х годов XX века отделились от РСФСР, примерно 175 млн человек, а с населением Западной Украины и Западной Белоруссии – 183 млн человек [1].

Финансовое обеспечение учреждений культуры перед войной по статистическим отчетам разных лет с 1939 по 1941 год выглядело следующим образом. Расходы на социально-культурные нужды в первой пятилетке были равны 2,5 млрд руб.; во второй – около 3 млрд руб. В 1940 году они составляли уже свыше 4 млрд руб. Если общие расходы бюджета за первые две пятилетки выросли в 16 раз, то на социально-культурные нужды – более чем в 20 раз [2].

Как во всякое другое время, на культурную жизнь предвоенного десятилетия оказывали влияние разнонаправленные по своей природе тенденции. Наряду с процессами централизации управления учреждениями культуры, приведением к единообразию форм их деятельности, введением отчетности и контроля со стороны различных органов власти, повсеместно на ежедневную жизнь не только сел, но и больших и малых городов оказывали влияние идейно-нравственные, духовные факторы, питающие истоки жизнеспособности народа. Во-первых, это тот жизненный оптимизм массы сельских и городских жителей, который все-таки преобладал над настороженностью и пессимизмом, приписываемый атмосфере того времени современными средствами массовой информации, некоторыми деятелями искусства, отдельными учеными. Жизненный оптимизм был свойствен значительному пласту традиционной культуры, который сохранялся в среде многочисленных народов и народностей нашей страны, разных по численности и идентифицировавших себя с тем самоназванием, которое веками существовало в этой среде. Жизнь этих народов и народностей характеризовалась еще сохраняющейся многоукладностью их быта. Преобладающее большинство населения в последнее десятилетие перед войной жило в сельской местности. Согласно данным 1939 года, в сельской местности перед войной проживало 67,2 % населения страны, 32,8 % составляли городские жители. В некоторых областях процент городских жителей не достигал и десяти процентов от общего числа жителей. Так, в Курской области городские жители составляли 9 %, Рязанской – 9,7 %, в Мордовской АССР – 6,9 % [3].

Предвоенные годы – это годы очень высоких темпов индустриального строительства, а следовательно, и оттока крестьян на эти стройки, что означало не только увеличение численности городского населения, но и строительство новых поселений городского типа, создаваемых вокруг строящихся заводских объектов, расширения границ городов.

Городское население за 12 лет с 1926 по 1939 годы выросло с 26,3 млн человек до 55,9 млн человек, то есть более чем в 2 раза [4]. То были высокие темпы прироста городского населения, которых не знала ни одна страна Запада. Соединенным Штатам понадобилось для этого 30 лет, а Англии для удвоения своего городского населения потребовалось 70 лет [5]. Но та часть сельских жителей, которая переселялась в города, не сразу могла освоить ценности городской культуры. Она сохраняла привычные для нее формы времяпрепровождения, культурных предпочтений, более связывая их с клубной деятельностью либо по месту работы (на заводах, фабриках), либо предпочитая известные с периода деревенского детства формы досуга и развлечений по месту жительства. Поэтому городские дворы, дворы общежитий были в известном смысле местами, куда переносились традиционные посиделки, песни под гармонь и танцы. При общежитиях домовые комитеты организовывали красные уголки, в которых проводились разные культурные мероприятия. Известно, что на полную культурную адаптацию к новым условиям жизни, принятие новых культурных норм (посещение театров, картинных галерей, музеев и т. п.) требуется жизнь трех поколений.

Для традиционного пласта культурной жизни, сохранявшегося в те годы в сельских местностях, были более привычны фольклорные формы творчества. Этнографические экспедиции, работавшие в разных районах страны, привозили и публиковали материалы исследований, многочисленные записи сюжетов, зафиксированные со слов сказителей, деревенских жителей, рабочих на лесоповалах, фабриках. Для традиционной культуры характерно умение импровизировать, вносить элементы разрядки, острословия. Отсутствие ложной стыдливости, неприхотливость условий для творчества, открытость, готовность делиться умением – характерные черты поведения человека сельской местности. Обращает на себя внимание обилие былинной героической и военной тематики, широко распространенной в те годы в устном литературном, музыкальном творчестве жителей северных деревень, Зауралья, Сибири, Дальнего Востока. Они продолжали хранить и обогащать былинный эпос, солдатские песни, героические сказания о революции и Гражданской войне. Все это можно было услышать в солдатских казармах, на смотрах художественной самодеятельности в избах-читальнях, клубах сел и воинских частей, домах крестьян. Героико-былинный репертуар продолжал сохранять все важнейшие элементы эпоса: имена богатырей, сюжеты, связанные с Ильей Муромцем, Ильей и Идолищем, Ильей и Калин-царем, Микулой Селяниновичем, Василием и Софьей и др. В иных районах встречалось до 300 вариантов одного былинного сюжета. Многовариантность – свидетельство того, что эта форма народного творчества была жива. Она находилась в постоянном обращении, пополнялась новыми деталями. Отношение к былине как к свойскому, повседневному занятию, включение ее в будничную жизнь глухих деревень, порождало и своеобразную «свободу обращения» с теми или иными сюжетами, при этом ученые-фольклористы отказывались иногда от записей «непристойных пародий на известные тексты». Фольклорные тексты от очень коротких в форме пословиц, поговорок, устойчивых сокращений слов, украшавших речь, до длинных сказов, рассчитанных на несколько вечеров подряд, сопровождали праздники, перерывы на обед во время сельскохозяйственных, заготовительных работ на лесоповалах. Новые явления и события жизни обрабатывались и включались в канву былин. Так, например, один из вариантов былины включал сюжет, в котором Илья Муромец видит самолетики. Онежской экспедицией АН СССР накануне войны были записаны от разных сказителей и исполнителей

не только былины, но и исторические песни XVI–XVII веков. При этом ученые констатировали факт, что былинные образы, воплощавшие идею борьбы за справедливость и свободу Родины, были воспроизведены сказителями творчески осмысленно, в традициях народного искусства. Они сохраняли народные представления о морали и требования этики.

В этот период продолжал сохраняться в народе достаточно сильный накал революционного оптимизма, высокий уровень социальных надежд и ожиданий лучшего будущего. Не приходится сомневаться в искренности поэтического творчества простых людей, посвящавших свои песни и стихи руководителям партии и правительства, с их именами связывались успехи мирной жизни, надежды на будущее. Все это отражалось на разных уровнях художественного сознания, в разных формах художественной практики народа. Сохранилось множество изданных в эти годы сборников народных песен, записанных в разных уголках страны, о революции, событиях Гражданской войны, жизни руководителей государства, военачальниках. Героями героических народных песен были реальные и вымышленные люди, легендарные полководцы, воюющие по разные стороны фронтов. С одной стороны – Буденный, Ворошилов, Щорс, Чапаев и др. С другой – Колчак, Деникин и др. В районах Куйбышева и Саратова в 1937 году было записано более 400 устных рассказов о героической дивизии Чапаева, в том числе и о якобы чудесном спасении самого Чапаева. Традиция создания народом песен о жизни руководителей государства распространялась на многие имена. Вскоре после смерти С. М. Кирова и С. Орджоникидзе вышли книги песен и стихов о них. Ленинская тематики устного поэтического и песенного творчества начала развиваться уже после 1924 года. Песни о Ленине пели дети в школах, клубах молодежь, женщины, собравшиеся вечером в одной избе прясть и вышивать. «Пели они протяжно и грустно в два голоса, припев пелся громче…», – замечает собиратель песен. Песни ленинского цикла пели на Урале, Кавказе, в Сибири, в Поволжье, Карелии, на Украине. Множество народных песен и стихов складывалось о Сталине [6].

Широчайшее распространение в народной среде имели частушки, в которых фиксировались политические события, общественные настроения, критика начальства, моменты личной жизни. Они посвящались и переменам в жизни села, оборонной тематике. В отличие от сегодняшней оценки службы в армии, господствующей как в общественной, так и в молодежной среде, в народном сознании предвоенного времени Красная Армия была армией народной, своей армией. «Пашем, сеем и бороним, / Помним замыслы врагов / И готовим к обороне / Ворошиловских стрелков»; «В голубом пространстве неба / Ветер гонит облака / Собирайтеся ребята / Служить в нашу РККА»; «Параход пары пускает / Вниз по Волге он бежит, / Собирайтеся ребята / В Красну Армию служить»; «На горе стоит скамейка, / под горой скамеечка, / Мой милок красноармеец, / Я красноармеечка»; «Не держи ты, милый мой / Нос особо круто, / Вот посмотришь завтра я / Прыгну с парашюта».

Повседневные события в разных областях жизни, отношение к ним также фиксировалось в формах частушек. «В небе звездочка погасла, / Тает ночка лунная. / Мы открыли детски ясли, / Пусть живут коммуною»; «При колхозах дедка мой / стал культурным на диво, / С бабкой лазает по крыше / Ставит себе радио»; «Критикуй, не критикуй, / Не боюсь я критики. / Все равно не перебьешь / Меня по политике»; «Бога нет, царя не надо, / И без них нам хорошо, / Мы теперь иконами / Покрываем молоко»; «Нынче праздник невеселый / Плачет поп и понамарь: / Церковь отдали под школу, / Колокольню – под фонарь» [7].

Для формирования единого культурного пространства на территории огромной страны крайне важны были меры по донесению официальной и культурной информации в самые отдаленные уголки страны. В связи с этим большое значение имела ускоренная радиофикация. Пока еще не шла речь о том, чтобы в каждом доме или избе имелся «громкоговоритель» или радио. Вначале необходимо было радиофицировать государственные учреждения городов, сел, колхозов, поселков городского типа, в том числе и клубы, которые служили местом, где чаще всего собирались люди. Всего по стране процент клубов, имевших такие установки в 1939 году, был равен 31,4 %, в том числе 28,3 % клубов на селе [8]. По жанрам вещания первое место с середины 30-х годов продолжало занимать художественное вещание (музыкальные передачи). Оно занимало больше половины эфирного времени из 10 412 часов – 5 983 часа по центральному радиовещанию и по местному из 99 299 часов – 64 070 часов [9]. Огромное культурно-воспитательное значение придавалось трансляции музыкальной классики, театральных постановок, романсов. Для исполнения романсов, русских народных песен привлекались артисты Большого театра. Без преувеличения можно сказать, что песни времен Гражданской войны передавались не только по радио, они пелись людьми от мала до велика на торжественных мероприятиях в клубах, во время праздничных шествий-демонстраций, во время домашних застолий. В числе популярных патриотических песен были: песни братьев Покрасс «По военной дороге», «То не тучи грозовые – облака», «Если завтра война», «Три танкиста»; М. Блантера «Партизан Железняк»; Л. Книппера «Катюша», «Полюшко-Поле»; В. Белого «Орленок» и др. Многие из этих песен перешагнули через границы нашей страны: их пели бойцы интернациональных бригад в Испании.

В жизнь сел и городов в этот период входил активно кинематограф, которому придавалось огромное значение не только как средству информации, но и как эффективному средству воспитания патриотизма. Перед войной шла быстрая кинофикация страны. К началу войны в стране действовало 16 киностудий, киностудии имелись в каждой союзной республике. С 1934 по 1939 годы в 31 раз возросло число звуковых киноустановок в стране [10]. Число киноустановок на 1939 год составляло 30 919 (без узкопленочных), а общее количество звуковых киноустановок в этом году достигло 16 771. В пересчете на количество зрителей получалось: на 10 тыс. зрителей по 2 киноустановки [11]. На начало 1939 года процент кинофицированных районных центров (только районных центров!) составлял по республикам: РСФСР – 74,0 %, УССР – 88,6 %; БССР – 100 % [12].

Увеличивались тиражи кинокартин, некоторые превышали тысячу экземпляров (Чапаев – 1846 экз.; «Ленин в Октябре» – 1721; «Петр I» – первая серия – 1625 экз. и т. п.) [13]. К началу 1937 года не было в армии ни одного гарнизона без звуковой киноустановки. В среднем в год один красноармеец посещал кино 72 раза [14]. Это намного превышало посещаемость фильмов в городах и селах. Среднестатистический житель нашей страны посещал кино лишь 3 раза в год (на 100 жителей – в среднем 343 посещения) [15].

Преобладающей темой в фильмах довоенного времени была героика гражданской войны, революции, войны в Испании (фильмы «Щорс» А. Довженко; «Тринадцать» М. Ромма; «На границе» – А. Иванова; «Летчики» – Ю. Райзмана; «Трактористы» – И. Пырьева; «Мы из Кронштадта» – Е. Дзигана). Особый успех среди всех слоев населения имел фильм «Чапаев» братьев Васильевых, который ходили смотреть по не-

сколько раз, а солдаты посещали киносеансы целыми подразделениями.

Распространению книг и знакомству с классической литературой придавалось огромное значение. К 1939 году в стране насчитывалось 77 590 массовых библиотек (включая клубные) с общим количеством книг 146 803 тыс. экз. (на 10 тыс. жителей имелось 5 массовых библиотек с фондом книг 8 612) [16].

Эта суммарная цифра уменьшается в зависимости от удаленности от центра республики или страны. Так, в Киргизии на 100 жителей в селе насчитывалось всего лишь 16 книг, в Таджикистане – 11. Самое большое число книг на 100 жителей – 49 книг – имели села Украины [17]. Задача привить любовь к чтению решалась разными путями: устраивались громкие читки, собравшимся вечером в клубе по очереди читали желающие выступить в этой роли; книги разносили по избам в отдаленные деревни; главы из книг читались по местному радио. Существовала очередность на получение книги в библиотеке. Наряду с книгой чтение газет также становилось предметом заботы клубных работников, которые делали обзоры событий, опубликованных в газетах. Комсомольцы рассказывали о содержании газет, посещая дома колхозников. С пропагандой книги были связаны такие форм работы, как читательские конференции, беседы, иллюстрированные рассказы, вечера, дни и недели книги, встречи с писателями. «Живая газета», литературный суд, служили не только пропаганде книги, но и целям патриотического, нравственного воспитания, также как театрализованные доклады, литературные монтажи, циклы художественно-иллюстрированных вечеров.

В эти годы были созданы выдающиеся литературные произведения, посвященные героике Гражданской войны и мирных трудовых будней, индустриальному строительству, коллективизации: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Хождение по мукам» А. Толстого и многие другие.

Театральная жизнь в предвоенное время еще продолжала сохранять тот творческий заряд, который характеризовался историками этого вида искусства как «всеобщая театрализация Республики». Потребность в театральном творчестве была велика как в городской, так и сельской среде. В театральной самодеятельности участвовали многие тысячи любителей. Всего в 1939 году в стране насчитывалось 908 профессиональных и передвижных колхозно-совхозных театров. Театры в этот период играли на 40 национальных языках. Из общего числа театров в 208 передвижных или колхозно-совхозных театрах наряду с профессионалами работали любители театрального искусства [18]. В связи с «Положением о колхозно-совхозных театрах» они должны были сыграть 20 спектаклей в месяц [19]. При этом количество колхозно-совхозных театров было разным как в республиках, так и областях. Иногда оно не превышало в среднем 4–6 театров. В Казахстане их было 6, в Башкирской АССР – 10; в Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской, Западно-Сибирской и некоторых других областях работало по 5 таких театров [20]. Следует иметь в виду, что в стране в 1939 году насчитывалось: 922 города, 1448 городских поселков и 2 370 городских пунктов [21].

Колхозно-совхозные театры работали на языках разных народов, населявших республики. Так, например, на Украине работало 34 передвижных колхозно-совхозных театра. Из них 25 играли на украинском языке, 4 – на русском, 2 – на еврейском, 1 – на немецком, 1 – на греческом и 1 – на болгарском [22].

Анализ репертуара профессиональных и передвижных театров, призванных обслуживать население больших и малых городов, сельских местностей, показал следующее.

В обзоре репертуара театров СССР 1936–1937 годов приводились данные по 120 крупнейшим русским и национальным театрам периферии. Всего в них на 10.01.1937 было показано 194 пьесы разных авторов. При этом отмечалось резкое сокращение количества названий по сравнению с прошедшими годами. В 1933–1934 годах на 255 театров приходилось 655 названий пьес; в 1934–1935 годах на 67 театров – 153 названия; в 1937–1938 годах на 120 театров – 80 названий [23]. В 1936–1938 годах в 147 колхозно-совхозных театрах, то есть театрах, обслуживающих сельские местности, маленькие города и населенные пункты, пьесы группировались следующим образом: классика – 29,2 % от всех пьес; колхозная тематика – 4,7 %; быт и мораль – 10,2 %; социалистическое строительство – 10,2 %; оборонная тематика и Гражданская война – 9,5 %; национальная проблематика – 9,5 %; историко-революционные пьесы – 0,2 %; антирелигиозные – 0,3 %, разные – 8,9 % [24]. Приведенный пример свидетельствует о том, что проблематика Гражданской войны, революции и оборонная проблематика уступала место классике. Причина была в том, что в этот период развертывалась репрессивная политика; если автор современной пьесы подвергался репрессиям, то его пьесы снимались с постановки. Поэтому работа с классикой оказывалась менее опасной с политической точки зрения и менее затратной с экономической. Из-за «неблагонадежности авторов» только в 1937 году было снято с репертуара и запрещено 56 пьес [25]. Остановимся подробнее на посещаемости спектаклей колхозно-совхозных передвижных театров. На 100 жителей приходилось 12 посещений в целом по стране в год. Самое высокое (24 и 22) посещение регистрировалось в Туркмении, Армении и Киргизии. Менее всего спектакли передвижных театров посещали жители Грузии – 4 посещения в год [26]. В городе на 100 зрителей в среднем приходилось 116 посещений, то есть по одному посещению в год [27].

Клубная работа строилась на основе народной инициативы и самодеятельности. Клубы работали в союзе с государственными, общественными (профсоюзными, партийными, комсомольскими), колхозными организациями. Клубных учреждений перед войной насчитывалось 118 тыс. [28].

Сами жители давали название учреждениям клубного типа: красные уголки, красные яранги, красные юрты, избы-читальни, дома крестьянина, дома культуры, дворцы культуры, вагоны-клубы, агитпоезда, агитпароходы. В армии и на флоте создавались Дома офицеров, солдатские клубы, Дома флота. Для научной, инженерно-технической и художественной интеллигенции создавались Дома ученых, Дома научно-технического творчества, Дома литераторов, художников, архитекторов и т. п. Число клубных учреждений разного подчинения в 1939 году достигло 103 983 [29]. Свои клубы и библиотеки, а зачастую и музеи имели заводы и фабрики, крупные учреждения, дома отдыха, санатории, пионерские лагеря, воинские части. В масштабах страны была создана централизованная система организационного и методического управления клубной деятельностью, руководство которой осуществлялось как по линии административной (советской), так и партийной. За работу культурно-просветительных организаций отвечали отделы культуры исполкомов Советов депутатов трудящихся, районных, городских и областных комитетов партии. Таким образом, до войны была выстроена управленческая вертикаль работы с самыми популярными и народными учреждениями культуры.

Первичной формой работы повсеместно были разнообразные кружки: художественные (танцевальные, хоровые, театральные и т. п.), научно-технические, шахматные. Мас-

штабы деятельности кружков были самые разные: от десятка участников до нескольких сотен человек. В 1937 году было зарегистрировано почти 295 тыс. народных хоров с общим количеством участников 432 800 человек, народных оркестров и ансамблей народных инструментов – 24 470 при 210 900 участниках. К 1940 году число всех кружков достигло 110 тыс. [30]. В 1939 году в штат Красной армии были введены окружные ансамбли красноармейской песни и пляски, ансамбли были созданы на всех трех флотах (Балтийском, Тихоокеанском и Черноморском)[31].

Театральные самодеятельные кружки ставили пьесы, участвовали в смотрах, конкурсах, помогали решать задачи политического информирования. Этому содействовали также диспуты, дискуссии, митинги, демонстрации и агитдоклады, агитпробеги. Кружковцы выступали на предприятиях после рабочей смены, в обеденные перерывы. Разные формы вечеров использовались для организации отдыха, чествования стахановцев, клубные работники устраивали семейные вечера-чествования, посвященные ударному труду целых семейных династий. Вечера вопросов и ответов, вечера технической грамотности посвящались ударникам и победителям социалистического соревнования. «Летучие вечера» собирали рабочих в клубе после трудового дня. Библиотеки, музеи и клубы использовали разнообразные формы культурно-массовой и просветительной работы.

Учреждения культуры всех уровней были включены в шефскую работу. Шефство было одной из форм культурного развития, обмена информацией, сплочения коллективов, формирования единого социально-духовного пространства страны. В этой работе принимали участие как профессиональные творческие коллективы, так и самодеятельные клубные коллективы. Воинские части шефствовали над школами, колхозами, МТС, колхозы в свою очередь были шефами воинских частей. Театры, музеи, библиотеки, заводские коллективы, учебные заведения, различные государственные учреждения были включены в подобную работу.

Центрами просвещения и культурной информации помимо других учреждений культуры на селе были машино-тракторные станции. В штат МТС входили не только механизаторы, но и агрономы, и ветеринары. Шефские бригады нередко выбирали именно такие станции для устройства концертов, лекций или выставок картин, которые доставлялись из города для демонстрации на определенное время.

Соревновательность в деятельности учреждений культуры выражалась в проведении смотров, конкурсов, декад, месячников. Темпы проведения подобных мероприятий приобрели невиданный размах в 1935–1936 годах и стали снижаться после 1937 года. В деятельность по организации смотров и конкурсов включаются не только клубные организации, но и воинские части, заводы и фабрики, сельские местности через клубную самодеятельность.

В 1940 году учреждениям культуры было разослано предписание Комитета по делам искусств при СНК СССР с грифом «Не подлежит оглашению», в котором предписано было проводить начальную военную подготовку учащихся художественных учебных заведений, сотрудников консерваторий и театров. С артистами театров, студентами консерваторий, работниками клубов, библиотек, музеев проводились занятия, целью которых было обучение приемам обращения с оружием, с принципами устройства противогазов, поведением во время боевой тревоги, первой помощи пострадавшим. Отчеты с мест, хранящиеся в архиве, свидетельствуют о том, что занятия велись согласно графикам, которые вывешивались на досках объ-

явлений. Проведению военной подготовки творческих работников помогали члены оборонных и спортивных кружков, прикрепленные сотрудники военкоматов. В отчетах с сожалением констатируется, что ввиду отсутствия настоящего оружия занятия проходили с использованием деревянных макетов [32].

В сфере образования учреждения культуры продолжали участвовать в борьбе с неграмотностью в связи с тем, что Общество «Долой неграмотность» было распущено, а работа возложена на учреждения образования, клубы, и общественные организации, в том числе и на комсомол. В 1937 году во время встречи члена правительства Молотова В. М. с московскими художниками обсуждался вопрос о необходимости изменить систему художественного образования, которая не в состоянии обеспечивать подготовку художественных кадров, необходимых стране. В итоге был разработан проект приказа «О структуре художественного образования», заложивший основы той системы художественного образования, которая обеспечивала развитие данного направления в течение всего времени существования Советской власти. Были установлены три типа художественных учебных заведений: детские художественные школы, средние художественные училища, высшие художественные учебные заведения. При Академии художеств была создана аспирантура [33].

С 1939 года в государстве осуществлялся переход ко всеобщему 10-летнему образованию. Однако обучение в старших классах стало с 1940 года платным (300 руб. в год). Материальное состояние семей (они были в эти годы, как правило, многодетными) не позволяло подросткам продолжать обучение в старших классах. По школьной переписи количество учеников в 1938–1939 учебном году распределялось по группам классов неравномерно. Так, учащихся с 1-го по 4-й класс обучалось 17,7 тыс. человек; с 5 по 7 класс – 7,2 тыс.; с 8 по 10 класс – только 1,4 тыс. [34]. Поэтому в октябре 1940 года было по предложению И. В. Сталина принято постановление «О государственных трудовых резервах СССР». Оно решало двойную задачу: педагогическую и экономическую. Учреждалась единая централизованная система подготовки квалифицированной рабочей силы в ремесленных и железнодорожных училищах, школах фабрично-заводского обучения, а также распределения подготовленных кадров на предприятия. Было установлено двухлетнее обучение в ремесленных и железнодорожных училищах и шестимесячное – в школах ФЗО, готовящих рабочих массовых профессий. Государство полностью приняло на себя заботу о материальном обеспечении учащихся (питание, обмундирование, снабжение учебной литературой, учебными пособиями и общежитиями). ВЦСПС приняло постановление «О порядке обслуживания домами отдыха, пионерскими лагерями и санаториями учащихся ремесленных железнодорожных училищ и школ ФЗО». На начало 1941 года система Трудовых резервов имела 1550 учебных заведений, в том числе 622 ремесленных, 122 железнодорожных училища, 806 школ ФЗО. Первый выпуск школ дал народному хозяйству 250 тыс. обученных рабочих [35]. С момента открытия производственных учебных заведений в их стенах налаживались занятия художественной самодеятельностью, спортом, начальной военной подготовкой.

Для повышения ответственности и роли преподавателей в учебном процессе СНК установил с 1934 года ученые степени и звания.

В предвоенные годы шел процесс разработки письменности для народов, ранее ее не имевших. Была создана письменность для саамов, нанайцев, удэгейцев, кетов и ряда других народностей. К созданию письменно-

стей, переводов литературы, учебников на языки малочисленных народностей, населявших разные регионы страны, были привлечены педагоги-лингвисты и студенты из вузов. Письменность была создана для 25 языков народов Севера, языков многочисленных народов Кавказа, 42 языков народов Сибири. Формирование слоя грамотных людей в среде малочисленных народов, издание учебников, художественной литературы, создание местной печати позволило уже до войны сформировать слой национальной интеллигенции малочисленных народов. В 1939 году в стране издавалась литература более чем на 93 языках народов, в том числе на языках малочисленных народов: еврейско-таджикском, шунганском, лакском, табасаранском, марийски-луговом и марийско-горном, греческом, латгальском, татском и многих других. До революции на этих языках литература не издавалась [36].

Осуществлялось профессиональное образование представителей малых народов Севера в Хабаровске, Иркутске, Томске, в Ленинграде (Институт народов Севера), в которых готовились кадры для организации национальных школ. В 1941 году состоялось впервые присуждение Сталинских премий 1 и 2-й степеней. Среди лауреатов были названы имена Н. Мясковского, Ю. Шапорина, Д. Шостаковича, которые были удостоены премии первой степени. Премии второй степени были присуждены – А. Гаджибекову, Г. Киладзе, Л. Ревуцкому, А. Хачатуряну.

Представляется, что приведенные в статье отдельные факты, связанные с деятельностью учреждений культуры страны перед Великой Отечественной войной, свидетельствуют о том, что успех будущей победы закладывался много раньше, чем началась война. Многочисленные архивные, исторические, художественные источники, относящиеся к годам, предшествующим войне, содержат материалы, подтверждающие целенаправленную работу как партийных и советских органов, так и творческих коллективов по формированию устойчивых мировоззренческих позиций, художественно-эстетических норм творчества, нравственно-патриотических качеств разных слоев творческой интеллигенции, подготовке их к возможному участию в обороне страны. Они служат доказательством того, что воля к сопротивлению как составляющая будущей победы формировалась целенаправленно, с опережением событий. Более того, нашему народу было, что защищать в той жестокой войне.

Литература

1. Сулькевич С. Население СССР. – Л., 1939. – С. 3.
2. Расходы на социально-культурные мероприя по единому госбюджету СССР. – М., 1939. – С. 9; Страна Советов за 50 лет: сб. стат. материалов. – М., 1967. – С. 4.
3. Сулькевич С. И. Указ. соч.
4. Там же. – С. 12.
5. Там же. – С. 13.
6. См.: Волжский фольклор. – М., 1937; Сказители из разных мест Сибири. – Иркутск, 1928; Мирер С., Боровик В. Революция. Устные рассказы уральских рабочих. – М., 1931; Сидельников В. и Крупянская В. Устное поэтическое творчество о Чапаеве // Литературный критик. – 1936. – № 12; Любимый Серго. Стихи и песни об Орджоникидзе. – М., 1937; Ленин-Сталин. Калмыцкие песни и стихи. Калмгосиздат. – Элиста, 1939; Шираз О. Наше счастье. Письма в стихах к Сталину. – Ереван, 1939; Киров в поэзии: сб. стихов, переводов, поэм. – Киров, 1936; Сидельников В. М. Красноармейский фольклор. – М., 1938; Былины М. С. Крюковой: в 2 т. – М., 1939, 1941 и др.

7. Цит. по: Сидельников В. М. Красноармейский фольклор. – М., 1938. – С. 16.
8. Культурное строительство СССР: стат. сб. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. – С. 167.
9. Там же. – С. 196.
10. Там же. – С. 192.
11. Там же. – С. 193.
12. Там же.
13. Подобед И. Н. Культурно-просветительная работа в Советских вооруженных силах в годы мирного социалистического строительства (1921–1941 годов). – Львов, 1975. – С. 44.
14. Культурное строительство в СССР: стат. сб. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. – С. 30.
15. Там же. – С. 167.
16. Там же. – С. 30.
17. Там же.
18. ЦГАЛИ. Дело 962. Опись 7. Ед. хран. 164. – С. 15.
19. Там же.
20. Там же.
21. Сулькевич С. Население СССР. – М., 1939. – С. 12, 13.
22. ЦГАЛИ. Дело 962. Опись 7. Ед. хран. 164. – С. 15.
23. ЦГАЛИ. Фонд 962. Опись 7. Дело 210. – С. 55.
24. ЦГАЛИ. Фонд 962. Опись 7. Ед. хран. 210. – С. 42–44.
25. Советская культура в реконструктивный период 1928–1941 годов. – М., 1978. – С. 62.
26. ЦГАЛИ. Фонд 962. Опись 7. Ед. хран. 164. – С. 15–16.
27. Там же. – С. 30.
28. Культурное строительство СССР: стат. сб. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. – С. 32.
29. Там же.
30. История советской музыки. – Т. II. – С. 215.
31. Красная Звезда. – 1939. – 11 января.
32. ЦГАЛИ. Фонд 963. Опись 4. Док. 24. – С. 30.
33. Там же. – С. 35.
34. Богданов И. М. Статистика культуры. – М., 1950. – С. 16.
35. Профессиональное образование. – 2000. – № 9. – С. 70.
36. Культурное строительство СССР. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. см. 16. – С. 208, 215.

УДК 18.41.45

Е. А. Минаев

МУЗЫКА В КОНТЕКСТЕ СЦЕНИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

В статье отражены основные координаты участия музыкального искусства в драматическом спектакле как звучащей мысле-формы, определена система звуковой драматургии спектакля, приведены примеры из «мусических» античных театральных представлений, показана роль присутствия в них музыки.

Ключевые слова: музыка, драматургия спектакля, звучащая мысле-форма, античные представления.

E. A. Minaev

MUSIC IN THE CONTEXT OF THE STAGE

This paper describes the basic coordinates the participation of music in a dramatic performance as a sounding thought-forms, defined by a sound system of drama play, examples of the “musicheskih” ancient theater, the role of presence in their music.

Keywords: music, dramatic play, sounding the thought-form, the ancient view.

Музыкальное звучание окружает человека буквально с первых мгновений его жизни. Порой кажется, что присутствие музыкальных звуков, ритмов, мелодий становится тотально избыточным, возникает ощущение, особенно в условиях современных информационных технологий, что музыка доминирует в обществе как явление, подменяя слова, мысли, придавая им особый, событийный эмоциональный окрас. В этом смысле театр также не стоит в стороне от тенденций информационно-художественного развития общества, музыка все в большей степени становится фактором драматического действа, внося свое неповторимое эмоциональное звучание.

Сразу определимся: термин «музыкальное оформление» не отражает всего участия музыки в создании театрального спектакля, ее роли в драматургии сценического развития. И все-таки данный термин существует в практике театральной жизни, прежде всего, потому, что взаимоотношения музыкального материала и драматургии сценического развития имеют свою историю и свою специфику.

Мистерия, действо, зрелище, театральный спектакль – все они включали и включают в себя музыку как равную, как необходимую, а порой, подобно тому, как в опере, и наиважнейшую часть самого событийного явления. Конечно, степени соучастия музыки в театральном спектакле могут быть различны, но музыка присутствует всегда, служа основным целям создаваемого художественного события. От древнегреческой драмы до современных площадных представлений всякое зрелищное предприятие нуждается в каком-то, пусть даже самом ограниченном, звуковом, музыкальном оформлении. Это закон, отражающий природу сценического искусства, так как *ТЕАТР* – прежде всего *ЗВУЧАЩЕЕ СЛОВО*, облаченное в драматургическую форму его реализации, посредством разыгрываемого актерами на сцене действа. Слово без звука – это уже совсем другой, не театральный жанр, скорее, может быть, книга или сценарий, или что-то еще. Даже бессловесный, «немой» театр пантомимы обязательно предполагает звуковое оформление. Но музыка от этого не умаляется, не становится падчерицей театра. Нет, она на своих могучих крыльях поднимает эмоциональный тонус спектакля, в конце концов помогая достижению основной цели театрального действа. Можно смело утверждать, что *Театральное Слово* – это всегда есть что-то *особое*: особенный звук, особенная интонация, особенное консонантное или диссонантное его звучание по отношению к смыслу спектакля, что в конечном итоге напрямую влияет на успех всего предприятия. Таким образом, термин «музыкальное оформление» есть лишь дань бытующей традиции о роли музыки в спектакле, но не более того.

Театра «внемузыкального», то есть не сопряженного с какими-либо звуками, без выраженной интонационной и ритмической составляющей, вообще не существует. И дело здесь не только в присутствии или отсутствии музыки как таковой, как непосредственной участницы спектакля. Театраль-

но-художественный акт включает в себя наряду со всеми своими атрибутами – режиссурой, игрой актеров, декорациями, световым и пространственным решением и многим другим – также и театральный звонок, а если это театр на открытом пространстве, то крики зазывал и другое множество различных сопутствующих компонентов. Спектакль всегда есть действие *синергетическое*, сочетающее многие информационные потоки самого разного толка, в том числе даже шум зрительского зала, негромкие приветствия перед началом пьесы, легкие покашливания и раздражающий стук падающих номерков. Все это в какой-то степени входит в «дыхание» театрального зала как естественный фон «настройки» в ожидании представления, воспринимается актерами и аудиторией частью общей звучащей атмосферы спектакля. Хорошо известно, как трудно играть актерам перед пустующим залом. Музыка, а более широко – звук, всегда есть часть художественного действа, является полноправным партнером всякого зрелища, иногда играя в нем едва ли не главенствующую роль. Не преувеличивая, можно сказать, что и в тех спектаклях, где полностью отсутствует всякое звучание каких-либо музыкальных эпизодов «вживую» или записи, несомненно, постановщиками и актерами учитываются малейшие звуковые проявления, сопровождающие спектакль.

Музыка, выступая как синтезирующий компонент, а нередко и как главенствующее действующее лицо художественного события, непосредственная участница зрелищ с давних времен. Известно, что театральные представления возникли в древности и описаны еще Аристотелем, который определил их закономерные связи с музыкальным искусством, их генетические связи с народными хоровыми и хороводными *мусическими* действами, основанными на синтезе искусств. Синтетическая, скорее, даже *синергетическая* природа театрального спектакля, включающая в себя элементы едва ли не всех видов искусств, с тех пор практически не изменилась, как не изменилась и особая *консолидирующая* роль звукового, музыкального оформления в создании драматургического пространства.

Отмечая роль музыкального искусства в театральном спектакле, его особое значение, мы имеем в виду, прежде всего, свойство музыки создавать единое эмоционально-информационное поле, то есть состояние общего сопереживания участников спектакля. При этом персонификация «зрителей» как отделенной от самого зрелища категории участников действа, функционально отличной от событийной канвы сценической мистерии, выделение этой группы происходило далеко не сразу, а постепенно по мере развития сценического искусства [7].

Хоры и хороводы на свадебных ритуалах, в которых участвовали множество людей в качестве окружающих действо зрителей, зафиксированы в Илиаде [5]. Примеры из античной поэзии обладают особой, магнетической силой, видимо, идущей от энергетики самих хороводных действ. Приблизившись вплотную взглядом к этим историческим источникам, мы убеждаемся в точности и правоте Аристотеля, указавшего на роль запевал в возникновении древнегреческого театра: «Как и комедия, возникнув первоначально из импровизаций: [трагедия] – от запевал дифирамба, [комедия – от запевал] фаллических песен, какие и теперь еще в обычае во многих городах...» [1, с. 649–650].

Особо необходимо сказать о платоновском понимании театральных действ в связи с познанием их *целостности* как явлении особого феномена *мусического*, комплексного искусства – песенного, танцевального, словесно-сюжетного, объединяющего не только певцов, танцоров, но также и зрителей, иначе говоря, всех участников празд-

ничного обряда в единое «*мусическое», информационно-художественное действо*.

Люди с давних времен чувствовали наличие внутренней, когнитивной связи между духовным становлением человеческих сообществ и функциональной значимостью магических мистерий, с этими «пратеатральными», сакрального характера представлениями, где последние были естественным продолжением и выражением собственной человеческой природы. Платон прямо говорит о связи человеческой «природы и свойств» с его этическим состоянием. В понимании древних греков, боги под главенством Аполлона, Муз и Диониса из жалости даровали людям их празднества. Другими словами, искусство, в основе которого лежит природная, данная только человеку, способность к совместному звуковому и ритмическому взаимодействию, есть выражение его способности к осознанию собственного бытия. Платон рассматривает священные песнопения, пляски как действа, которые оказываются реальным осуществлением дарованной богами способности к творческому взаимодействию путем погружения в создаваемый во время художественного акта искусственный мир звуков и пластики движений. При этом возникает, по Платону, «*чувство порядка»,* ощущение законов человеческого общественного единения, совместного *события*. «Те же самые боги, что даровали нам согласованные способности ощущать и производить ритм, гармонию, подарили людям и сопряженное с этим чувство наслаждения». В понимании древних, гедонистическая функцию искусства была изначала божественным даром небес. При помощи этого чувства боги «движут нами и предводительствуют нашими хороводами, когда мы сплетаемся друг с другом в песнях и плясках» [8, с. 336].

Данное понимание искусства, и музыки в частности, прежде всего важно в связи с ее ролью в решении сценических задач спектакля. И здесь именно ритм, как основа всякого действа, всякого процесса, становится определяющим в феномене музыкального компонента спектакля. Не только действия запевал, но именно все информационно-полевые механизмы хоровода как информационно-полевого феномена были восприняты и многократно усилены древнегреческим театром, в котором роль музыки и *певчески экспрессивного слова* получила дальнейшее историческое развитие и по существу была определяющей, составляла некий стержень, на который «нанизываются» все разделы трагедии. Аристотель назвал все части трагедии относительно звучащей в ней музыки, отметив ее сквозную роль: «Части же составляющие, на которые трагедия разделяется по объему, таковы: пролог, эписодий, эксод и хоровая часть, а в ней парод и стасим. Это части, общие всем трагедиям, а в некоторых есть еще особенные – песни со сцены и коммосы. Пролог есть часть трагедии для хорового парода; эписодий – целая часть трагедии между целыми хоровыми песнями; эксод – целая часть трагедии, за которою уже нет хоровой песни; а из хоровых песен парод есть первая целая речь хора, стасим – хоровая песня без анапестов и трохеев, а коммос – общий плач хора и со сцены» [2, с. 658]. Заканчивается труд Аристотеля «Поэтика» специальным рассуждением о роли музыки в трагедии: «А во всем остальном трагедия лучше прежде всего потому, что в ней есть все то же, что в эпопее, но, сверх того, немалую часть ее составляют зрелище и музыка, благодаря которой удовольствие особенно наглядно» [3, с. 679].

Полевое действие музыки и звучащего слова в греческой трагедии усиливалось и концентрировалось специальной акустикой театральных комплексов, законы которой были подсказаны древним греческим архитекторам самими горными ландшафтами: ведь многие греческие театры, включающие многотысячные толпы, располагались на ес-

тественных раковино-образных склонах гор, где множество народа, толпы, равномерно размещенные на вогнутых поверхностях амфитеатров, из горизонтально расплывчатых и рассредоточенных, слабо действующих информационно-полевых образований, скрепляемых круговыми и циклическими формами хороводов, превращались в сферически консолидированные информационно-полевые структуры человеческих эмоциональных сообществ, достигавших высокой степени полевого единства, кульминационной зоной которого был описанный Аристотелем *катарсис*.

Амфитеатр, архитектура театральных комплексов, вмещавших тысячи людей, особые круговые расположения мест делали древнегреческий амфитеатр акустическим феноменом, где не только было хорошо слышно всем (о чем давно известно), но, благодаря круговым формам расположения зрителей-слушателей, достигался новый уровень единения, полевой эффект звука и восприятия, полевая эмоция, не известная плоскостным формам размещения информации, усиливавшая все ощущения восприятия искусства и вызывавшая эмоциональное перерождение – катарсис.

Античные архитекторы хорошо овладели секретами акустики, глубоко изучили законы волнообразного, кругового распространения звука (трактат Ветрувия «Об архитектуре» и др.). Круговое движение звука, инициируемого хором, священнослужителем, актером, распространяющееся в хороводе, в амфитеатре, у языческого жертвенника, создавало естественное звуковое поле, усиливавшееся в массах зрителей и участников обряда, действовало как музыкально-информационное поле, увеличивало эффект участия и восприятия музыкальной информации по принципу раковины, воронки, звуковой спирали. Подтверждение такого акустического действия архитектурной и соответственно звуковой воронки можно найти и в наши дни – на тех же сценических площадках Древней Греции, что сохранились до сих пор. Интересно, например, обратиться к невольному свидетельству журналиста об акустике античного театра в Афинах, где довелось играть ансамблю студентов Московской консерватории под руководством Святослава Рихтера: «Раннее утро. Недолгая ночная прохлада едва остудила накаленные солнцем каменные скамьи античного театра в Афинах. В основании г р а н д и о з н о й в о р о н к и (разрядка наша), *вмещающей семь тысяч людей, столь же грандиозная эстрада* (выделено нами). Репетиция начинается в пять утра. Это единственное время, когда солнце, едва взошедшее, дает возможность спокойно работать. Спокойно? Вряд ли это слово подходит для характеристики состояния музыкантов ансамбля, только вчера приехавших в столицу Греции для участия в концертах фестиваля искусств. Волнует все. Необычность обстановки, нетленная в веках красота античной архитектуры, особая голубизна неба, неповторимо гармонирующая с белым мрамором Акрополя. Наконец, заботят и чисто практические вопросы: как в этом невиданном по масштабу театре, на открытом воздухе, будет звучать камерный оркестр? Слышны ли будут soli отдельных инструментов? Как соотнесутся градации динамики фортепиано, скрипки, tutti оркестра?... По ходу репетиции Святослав Теофилович сам подымается на верхний ярус театра, чтобы и оттуда послушать оркестр. *Акустика отличная. Тончайшие pianissimo флейты звучит так же выразительно, как и мощное fortissimo медных инструментов* (выделено нами). <...> Античный театр гудит эхом взволнованных возгласов слушателей» [4, с. 80–81].

Как видим, акустика древнегреческих амфитеатров содержала в себе тайну воздействия древнегреческой трагедии, вели-

чественного музыкально-драматургического действа, создававшего напряженное информационное поле, усиливавшееся воронкообразным расположением рядов и стен театральной чаши, оказывающего потрясающее души воздействие и объединяющего сознание зрителей в едином полевом напряжении.

Подобное раскрытие действа с участием музыки было характерно в жизни разных народов. В какой-то степени данные размышления перекликаются с мыслями китайского философа Конфуция, который считал музыкальные гимны важнейшим и обязательным компонентом по упорядочению придворной и более широко – общественной жизни государства в целом [6].

Наличие развитой церемониальной процедуры древние мыслители обоснованно считали значимым элементом жизни государства, где едва ли ни наиважнейшей была музыка. В этом смысле традиции создания музыкальных гимнов имеют глубокие, социально обоснованные корни в общей системе устроительства государственного порядка и в целом общественной жизни народов. Гимн как часть общественного церемониального события был необходим для создания единого «*мусического*» воздействия на эмоциональное состояние его участников, приводя всех в единое нравственное состояние. Создание *гимнических* песен основывалось, в первую очередь, на интуитивном использовании древними авторами полевых законов распространения информации.

Л. Н. Толстой в одном из своих произведений рассуждает: «В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними что хочет. И главное, чтобы этим гипнотизером был первый попавшийся безнравственный человек» [9, с. 324].

Стратегическое решение спектакля, его драматургии включает в себя множество необходимых компонентов, каждый из которых играет свою оркестровую партию, подобно тому как в симфонии каждый инструмент вносит собственное звучание, свою консонантную или диссонансную окраску. Все соучастники спектакля служат задаче раскрытия общей идеи сценического действа. При этом соотношение звука и слова, звука и света, звука и в целом режиссерского, постановочного, актерского решения спектакля могут быть совершенно различны, и в каждом отдельном случае индивидуальны. Музыка в спектакле всегда имеет программное содержание, тем самым, оказывая дополнительное психологическое воздействие на зрителя, участвуя наравне с другими компонентами спектакля в создании драматического события. Однако партию музыки автор сценария не прописывает в тексте, определяя ее в лучшем случае лишь контурно, или оставляя решение этой задачи музыкальному редактору. Но и композиторы нередко создают музыку к драматическому спектаклю, которая впоследствии становится «брендом» самого спектакля или начинает жить собственной сценической жизнью. Такие случаи нередки и не случайны, они подчеркивают значение музыкального оформления в постановочной практике театра. Достаточно вспомнить вальс А. И. Хачатуряна к спектаклю Лермонтова «Маскарад», где, по сути дела, композитор фактически создал звучащую *мысле-форму* спектакля, передав в музыке сущность всего драматургического действа.

Конечно, система координат *звук – драматургия* имеет множество вариантов парадигмы развития спектакля и в первую очередь – *звук – слово*, *звук – интонация,* но также и звук – световое решение, *звук – ассоциация*, как настройка зала, *звук – как* внепредметный или *абстрактный шум*, *звук – предваряющий* эмоциональную реакцию, *звук – продлевающий* психологическое

состояние героев, *звук – послесловие*, *звук – противоречие* усиливающее драматизм сцены, *звук – веха*, *звук – отбивка* одного эпизода от другого, в конце концов, *звук* – предельно *доминирующий*, каким он является нам в опере, где несет основную эмоционально-смысловую нагрузку спектакля.

Таким образом, музыка как фактор сценического решения спектакля в каждом случае имеет собственное звуковое определение, собственное место в спектакле, влияя на его общий алгоритм, позволяет усиливать или уменьшать градацию психологического воздействия на театрального зрителя.

Литература

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. / под ред. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; пер. М. Л. Каспарова. – М.: Мысль. 1983. – Т. 4. – С. 649–650.
2. Там же. – С. 658.
3. Там же. – С. 679.
4. Гайдамович Т. Встречи с мастером // Советская музыка. – 1980. – № 12. – С. 80–81.
5. Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. Н. Гнедича. – М., 1967.
6. Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995.
7. Макуренкова С. А. Европейская риторическая традиция: три пространства шекспировской метафоры: дис. … д-ра фил. наук. – М., 2004.
8. Платон. Законы. – С. 336.
9. Толстой Л. Н. Крейцерова соната. – М., 1958. – С. 324.

УДК 781.7:246.8

Г. Б. Сыченко

ФОРМИРОВАНИЕ РЕПЕРТУАРА И ПРОЦЕСС ПЕРЕДАЧИ ШАМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается проблема формирования шаманского ритуала, иерархия и статус участников шаманских обрядов. Автор статьи приходит к заключению о том, что в шаманских традициях Южной Сибири процесс передачи организован как зеркально-симметричное отражение концептуального и реального уровней.

Ключевые слова: устная передача музыкально-ритуальных традиций, шаманский репертуар, шаманское интонирование, шаманский текст.

G. B. Sychenko

A FORMATION OF A REPERTOIRE AND A PROCESS OF TRANSMISSION OF A SHAMANIC TRADITION IN SOUTHERN SIBERIA

A forming of a shamanic repertoire, a hierarchy of participants of shamanic rituals and their status are examined in the article. The author comes to the conclusion referring to the shamanic traditions in Southern Siberia about a process of a transmission which is organized as symmetrical reflection of the both conceptual and real levels.

Keywords: oral transmission, musical-ritual tradition, shamanic repertoire, shamanic intoning, shamanic text

В опубликованной недавно статье [4] в качестве инструмента описания шаманской традиции нами была предложена фундаментальная дихотомия «интонирование – текст»[5] (рис. 1), дальнейшее рассмотрение которой приводит к, быть может, неожиданному, но, тем не менее, закономерному вопросу: что именно интонируется в ходе шаманского обряда?

Интонирование → Текст

Рисунок 1

Очевидно, для того чтобы шаман мог что-то озвучить (проинтонировать), это «что-то» должно существовать заранее в его сознании. Значит текст существует еще до того, как начинается процесс его обнаружения (рис. 2).

(Текст) → Интонирование → Текст

Рисунок 2

Не возникает ли здесь некое противоречие с очевидно результирующим характером текстов в устных культурах?

Текст, действительно, существует в сознании шамана до начала ритуала, однако он является при этом результирующим членом дихотомии. В этом последнем качестве он представляет собой симультанное целое, которое появляется и существует в проявленном виде только во время ритуала, а затем исчезает.

К шаманским текстам можно применить понятие «эфемерное искусство», введенное итальянским антропологом Р. Мастроматтеи применительно к изобразительному искусству шаманов [11]. Озвученные в ходе ритуала тексты, так же как рисунки и ритуальные скульптурки, выполненные руками шаманов, живут только во время ритуала и по его окончании исчезают [10]. Мы полагаем, что **если эфемерное изобразительное искусство маркирует ритуальное пространство, то эфемерное музыкально-поэтическое искусство маркирует ритуальное время.**

Текст, тем не менее, «исчезает» не бесследно. В каждом последующем проведении ритуала он вновь и вновь обнаруживается в процессе интонирования. Оказывается, что дихотомия ИТ воспроизводится в ритуальной деятельности шамана бесконечное число раз (рис. 3).

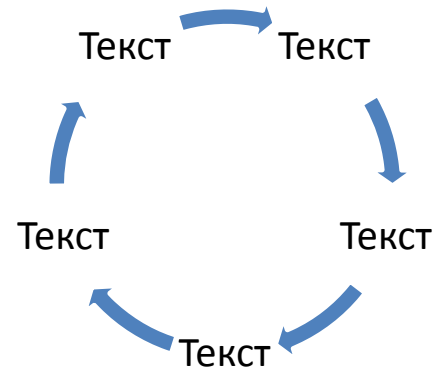

Рисунок 3

Это, разумеется, отнюдь не механическое воспроизведение одного и того же затверженного текста. В научной литературе зафиксированы различные типы шаманских ритуалов как в рамках одной и той же этнической традиции, так и от одного и того же шамана (см.: [2; 8; 12] и др.). Внимательный анализ опубликованных материалов позволяет сделать вывод, что при этом транслируются разные тексты, поэтому правильнее, вероятно, говорить не об одном тексте, а о **множестве текстов** или **шаманском репертуаре**, который существует в сознании шамана и актуализируется каждый раз в ходе проведения ритуалов (рис. 4).

[5] Здесь и далее под шаманским текстом мы понимаем произведения, возникающие в результате звуковой деятельности шамана в ходе проведения ритуала независимо от формы трансляции – вокальной, речевой, сигнальной, инструментальной.

(Тексты / Репертуар) → Интонирование → Текст

Рисунок 4

Поскольку каждый ритуал в определенной мере непредсказуем, можно предположить, что с каждым новым ритуалом происходит приращение шаманского репертуара. Таким образом, дихотомия «интонирование – текст», не утрачивая своей релевантности, значительно обогащается. В целом ее бытие в шаманской традиции можно представить в виде круговращения, при котором происходит прибавление репертуара (рис. 5).

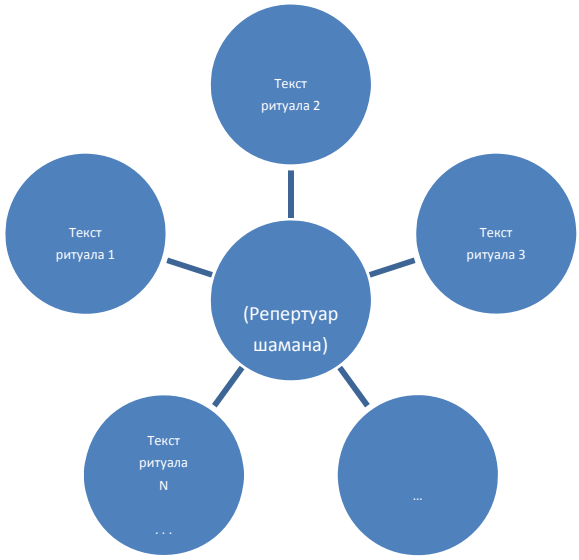

Рисунок 5

Выявленные особенности бытования дихотомии ИТ вызывают ряд новых, чрезвычайно важных вопросов: откуда берется, как формируется и передается шаманский репертуар?

Нам уже доводилось исследовать этот вопрос в связи со сравнением особенностей передачи устной традиции в эпической и шаманской субкультурах тюрков Южной Сибири [5; 14]. Главным отличием шаманской и эпической традиций на концептуальном уровне является то, что шаманский репертуар (шаманские тексты) – как слова, так и музыка – носителями традиции рассматривается как передаваемый непосредственно духами и получаемый шаманом не от других людей, а от самих духов.

Указанные культурные представления чрезвычайно устойчивы. Они подтверждаются и современными материалами. Так, большинство из тех шаманов и шаманок, с которыми нам и другим отечественным ученым довелось работать в последние десятилетия, основную часть своей жизни прожили в эпоху воинствующего атеизма. Они не только не имели бубнов и других заметных ритуальных атрибутов, не проходили обрядов посвящения в шаманы и т. д., но и вообще не имели возможности наблюдать шаманскую традицию и, таким образом, перенимать ее от других шаманов. Однако все они проходили этап так называемой «шаманской болезни», которая всегда интерпретируется как призвание духами[6], после чего начинали шаманить. Никаких затруднений в плане знания текстов ни один из информантов не испытывал[7].

Но одно дело – традиционные концепты, которые подчас весьма специфически интерпретируют факты культуры, а другое дело – реальная практика. На наш взгляд, в реальности дело обстоит несколько иначе, и шаманский репертуар, разумеется, каким-

[6] В статье [5] по досадному недоразумению вкралась ошибка: слово «призвание» неизвестным корректором по собственной инициативе (без согласования с автором статьи) было заменено на «признание», в результате чего сильно исказился смысл текста. Речь идет, конечно, о *призвании* шамана и эпического сказителя духами и божествами, а не о *признании* их таковыми.

[7] Разумеется, речь не идет о возможном в наши дни заимствовании информации из письменных источников – например, из научных публикаций шаманских материалов.

то образом передается от шамана к шаману. Означает ли это, что передача шаманского репертуара на самом деле осуществляется по воле и при помощи духов? Нам представляется, что нет. Процесс передачи текстов от человека к человеку, конечно, имеет место и в полных, и в редуцированных формах шаманской традиции[8].

В некоторых этнических культурах были зафиксированы официальные институты обучения шаманов, прохождения ими обрядов посвящения (до девяти обрядов в течение одной жизни). Это характерно, например, для Монголии[9] и соседних с ней регионов (Бурятии, Манчьжурии и др.) [1; 13]. В Южной Сибири существование подобных институтов достоверно не описано (см. более подробно [5; 14]). Однако независимо от наличия или отсутствия специальных институтов, устная передача шаманской традиции осуществляется, в том числе, при помощи описанной нами дихотомии «интонирование – текст».

Как мы уже отметили, по окончании ритуала в сознании присутствующих на камлании (а не только самого шамана) остается «нечто», некий образ прозвучавшего текста. Возникает вопрос, одинаков ли этот образ для всех участников обряда? Нам представляется, что его полнота, качество и подробность напрямую зависит от **статуса участников обряда**.

Всех присутствующих на обряде можно подразделить с этой точки зрения на **пять основных категорий** (рис. 6). Естественно, речь идет о традиции в ее полном объеме, в редуцированных формах шаманства остаются по крайне мере две – шаман и пациент. В отдельных случаях даже в нормальных условиях существования шаманской традиции могут проводиться ритуалы с участием только лишь одного шамана, когда его адресатом являются исключительно шаманские духи[10]. Это полностью согласуется с генеральной идеей шаманизма, которая заключается в способности шамана вступать в прямой контакт с «миром невидимых», а также подтверждает предложенную нами **типологию музыкально-обрядовых форм**, среди которых шаманские камлания мы относим к **нехрамовым персональным формам** [3, с. 84–86].

Само собой разумеется, что наиболее компетентным специалистом среди присутствующих на шаманских сеансах является сам шаман. Именно он полностью владеет шаманским репертуаром, извлекает из своей памяти необходимые в данный момент тексты и интонирует их. **Фигура шамана**, как представляется, **является необходимым и достаточным условием существования шаманской традиции**.

Следующие категории участников – **помощники и ученики шамана**. С точки зрения владения традицией, они существенно различаются. В частности, существующий во многих этнических культурах институт **по-**

---

[8] Что касается современных шаманов, или, как их называют, «шаманствующих» [6], то они, по нашему мнению, все-таки имели возможность наблюдать деятельность других шаманов, которая, как становится ясно, не прекращалась в Сибири даже в советское время. Однако она тщательно оберегалась от посторонних взглядов, и тенденция ее «скрывания» проявляется даже теперь.

[9] Мы наблюдали одну из современных шаманских «летних школ» в аймаке Дорнод во время экспедиции с Р. Мастроматтеи летом 2002 года [15]. Не беремся утверждать, что подобная форма обучения была традиционной, несомненно одно – среди монголов, бурят, эвенков действительно существовал традиционный институт обучения шаманскому «ремеслу» [1; 13].

[10] Как сообщала одна из наших информанток А. К. Абашева, когда она долго не камлает, духи приходят и «теребят» шамана, т. е. требуют проведения обряда. Тогда приходится готовить ритуальный напиток и проводить камлание только для них [18].

мощников предписывает данной категории **почти полное владение шаманским репертуаром**[11], тогда как **ученик может владеть им в разной степени**, в том числе и в небольшой, если это только начинающий овладевать шаманской традицией.

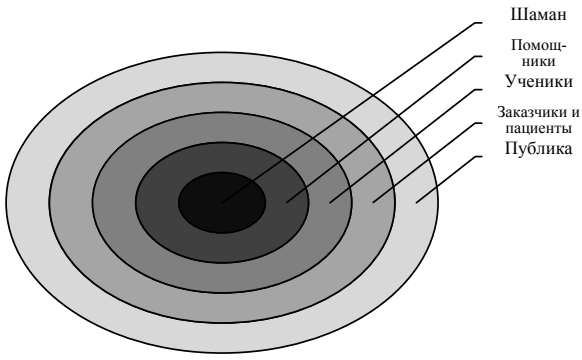

Рисунок 6

Затем следуют **заказчики ритуала**, в особенности собственно **пациенты**, и, наконец, **публика, присутствующая на шаманских сеансах**. Пациенты находятся внутри ритуального пространства, в отличие от заказчиков, которые, как и остальная публика, находятся вне него. Однако и пациентов, и заказчиков отличает от остальной аудитории непосредственная заинтересованность в результатах конкретного обряда, что позволяет предположить более внимательное отношение ко всему, что происходит в ходе обряда.

Таким образом, участники обряда выстраиваются в определенную иерархию (рис. 6). Само собой разумеется, что **чем дальше от центра данной иерархической системы, тем слабее владение шаманским репертуаром**. В сознании аудитории шаманских сеансов шаманские тексты остаются в виде неясного размытого образа. Многими авторами отмечалось, что соплеменникам шаманов тексты их речитаций кажутся непонятными и загадочными. В крайнем случае, как отмечал Г. Маскаринец, они воспринимаются как некая абракадабра, непостижимая для простых смертных [9, с. 4–6].

Однако дело тут не только и не столько в сложности понимания шаманских текстов непосвященной аудиторией. Более глубокая причина заключается в том, что тот, кто не имеет отношения к шаманской деятельности, и **не стремится понимать шаманские тексты, которые предназначены не для людей, а для духов.** Таким образом, **специфический адресат шаманских обрядов** не только **влияет на содержание и выразительные особенности текста**, но **и накладывает отпечаток на восприятие этих текстов обычными людьми**.

Обратим внимание, что среди присутствующих на шаманском обряде людей выделяется явная или неявная **категория учеников шамана – потенциальных шаманов**. Это та категория участников обряда, которая непосредственно заинтересована в успешном овладении шаманским репертуаром. Несмотря на то, что **на концептуальном уровне адресатом шаманских текстов являются духи, в реальности они предназначены и для перенимающих шаманскую традицию** (рис. 7).

Духи

↗

Шаман: <u>(Тексты) → Интонирование → Текст</u> …

↘

Люди (ученики, будущие шаманы)

Рисунок 7

Данное положение может иметь универсальный характер и подтверждается на материале разных региональных шаманских традиций. Так, наблюдая и записывая шаманские сеансы в Непале [16; 17], я обратила

[11] Быть может, за исключением некоторых сугубо секретных формул.

внимание на участие в ритуалах совсем маленьких детей. В 2000 году на целительском сеансе в Боднатхе, проводимом шаманом Кулу-бомбо, принадлежащим к этнической группе йолмо[12], присутствовал его внук 5–6 лет. Мальчик не просто внимательно наблюдал за своим дедушкой – в перерывах между разделами сеанса он брал в руки бубен и начинал на нем играть, выстукивая шаманские ритмы. Это не было обычным детским баловством, ребенок выглядел радостным, но серьезным, а окружающие относились к происходящему весьма одобрительно [16].

В этом же году на фотографиях, сделанных во время шаманского ритуала Шер Бахадура Ламы в тамангской деревне Чап, запечатлен маленький, 3–4-летний сын шамана, который всю ночь просидел возле отца, не смыкая глаз и внимательно наблюдая за происходящим. Ребенок был необычайно внимательным, буквально впитывающим информацию [Там же]. В 2003 году мы с Р. Мастроматтеи вновь посетили шамана [17]. Он провел для нас шаманский сеанс, который был снят на видеокамеру. Лалит Кумар, который уже начал ходить в школу, во время паузы в ходе камлания, точно так же как и внук Кулу-бомбо, брал в руки бубен и не просто играл на нем, но и пробовал исполнять песнопения. Взрослые молодые шаманы поправляли его и подсказывали слова, если мальчик сбивался. Все это носило характер серьезной игры. Вполне возможно, что именно таким образом исподволь, с самого раннего детства и происходит процесс овладения шаманским репертуаром.

Оказывается, весь процесс получения, воспроизводства и передачи шаманского репертуара имеет двойственное бытие в шаманской традиции. Как уже отмечалось, считается, что тексты получаются шаманом от духов и для них же исполняются. То есть на концептуальном уровне весь этот механизм связан с нематериальным миром, шаманскими патронажными силами. В реальности же шаман усваивает тексты от других шаманов и затем передает их своим ученикам – новым потенциальным шаманам.

Таким образом, **реальный уровень передачи шаманской традиции является точным зеркально-симметричным отражением ее концептуального уровня** (рис. 8).

Концептуальный уровень

Духи Духи

↘ ↗

Шаман: <u>(Тексты) → Интонирование → Текст</u> …

↗ ↘

Другие шаманы Другие шаманы

Реальный уровень

Рисунок 8

Насколько нам известно, подобное устройство свойственно только шаманским традициям – по крайней мере, в южносибирских культурах.

[12] О музыке шаманского обряда йолмо (или шерпов Хеламбу) см. [7].

Литература

1. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1989.
2. Попов А. А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа (Тексты) / сост. и ред. пер. Р. И. Бравина, подг. якут. текстов В. В. Илларионов, отв. ред. Ч. М. Таксами. – Новосибирск: Наука, 2006.
3. Сыченко Г. Б. К проблеме типологии музыкально-обрядовых форм // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика. – Новосибирск: НГК, 2004. – С. 83–95.

4. Сыченко Г. Б. О способе бытования шаманской традиции и инструментах ее описания // Проблемы музыкальной науки. – 2011. – Вып. 1 (8). – С. 195–199.
5. Сыченко Г. Б. Специфика передачи устно-профессиональных традиций у тюрков Южной Сибири // PAX SONORIS: история и современность (Памяти М. А. Этингера). – Астрахань, 2009.– Вып II. – С. 35–40.
6. Функ Д. А., Харитонова В. И. «Шаманство» и «шаманизм»: к дифференциации понятий // Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики». – М., 1999. – Ч. 1. – С. 180–184.
7. Corrias S. Il rito sciamanico Sherpa (Helambu, Nepal) // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика: материалы международной научной конференции / отв. ред. Г. Б. Сыченко. – Новосибирск: Изд-во НГК, 2004. – С. 228–239.
8. Höfer A. A Recitation of the Tamang Shaman in Nepal. – Bonn: VGH Wissenschaftsverlag, 1994.
9. Maskarinec, Gregory G. The Rulings of the Night: An Ethnography of Nepalese Shaman Oral Texts. – Kathmandu: Mandala Book Point, 2000.
10. Mastromattei, Romano. Shamanic Art // Genauigkeit: Schöne Wissenschaft / ed. by Wolfgang Marschall, Paola von Wyss-Giacosa, Andreas Isler. – Bern: Benteli Verlags AG, 2007. – P. 201–202.
11. Mastromattei, Romano. L'effimera arte degli sciamani // Tempo e Forma nell'arte contemporanea. Atti del Convegno-esposizione internazionale. Cassino, 13 – 15 maggio 1996 / a cura di Brino Corà e Raffaele Bruno. – Cassino: Università degli studi di Cassino, 1997. – P. 231–233.
12. Nepalese Shaman Oral Texts / comp., ed., trans. by G. G. Maskarinec. – Cambridge; London: Harvard Univ. Press, 1998.
13. Shirokogoroff S. M. Psychomental Complex of the Tungus. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1935.
14. Sytchenko, Galina B. A Comparison of Oral Transmission of Epic and Shamanic Traditions amongst Turkic Peoples in Southern Siberia // Sacred Knowledge: Schools or Revelation. Master-Apprentice System of Oral Transmission in the music of the Turkic Speaking world / ed. by R. Sultanova. – Köln: Lambert Academic Publishing, 2009. – P. 97–106.
15. Полевой дневник экспедиции в Монголию Г. Б. Сыченко, 2002, архив автора.
16. Полевой дневник экспедиции в Непал Г. Б. Сыченко, 2000, архив автора.
17. Полевой дневник экспедиции в Непал Г. Б. Сыченко, 2003, архив автора.
18. Полевой дневник экспедиции в Турочакский район Республики Алтай Г. Б. Сыченко, 1985, архив автора.

УДК 781.7+378.878

М. Ю. Дубровская

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЯПОНИИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена проблематике японоведения – актуальной области современного этномузыкознания – в аспекте методологического осмысления насущной проблемы высшего музыкального образования. Анализ опыта комплексного изучения и преподавания музыкальной культуры Японии на материале учебного процесса ведущих консерваторий – МГК и НГК им. М. И. Глинки – вскрывает его созвучность геополитическим интересам РФ.

Ключевые слова: музыкальная культура Японии, японистическое музыкознание, российские музыкальные вузы, системность, методология.

M. Y. Dubrovskaya

JAPANESE MUSICAL CULTURE AS SUBJECT FOR STUDYING

The article is devoted to review of achievements of actual and actively developing sphere of Russian ethnomusicology – musical studying of Japan and to the statement of the important problem of domestic High musical education: the studying of accumulated experience of complex Japanese musical culture teaching. By means of analytical examination of history and methodology of the Course based on the issues of leading Russian Musical High Schools – Moscow State Conservatoire and Novosibirsk State Conservatoire it is obviously that the introduction of this Course to domestic High Education has geopolitical sense for Russia.

Keywords: Japanese musical culture, domestic Japanistic ethnomusicology, Russian musical High Schools, system, methodology.

Музыкальная культура Японии, несмотря на исторически недавнее, в период Мэйдзи (1868–1912), вхождение в мировое музыкальное пространство, уже более ста лет притягивает взоры европейских востоковедов, в том числе их российских коллег. Как справедливо трактует истоки этого явления Е. М. Дьяконова, представления о Японии органически входили в общее представление россиян о Востоке как обетованной земле, потерянном рае, «Индии духа» и т. д. Отсюда линия идеализации этой страны, в которой для русского наблюдателя с конца XIX – начала XX века все было пронизано искусством и артистизмом, что вполне соответствовало пришедшему из Европы (Франция, Германия, меньше Англия) восхищению японским искусством [1].

В наше время общепризнан вклад японской цивилизации в мировую культуру. Художественно-эстетическое (в том числе и музыкальное) наследие японцев оказало заметное воздействие на творческое формирование многих выдающихся создателей европейского искусства, представителей ряда радикальных и популярных художественных течений и групп второй половины XIX–XX веков: «Прерафаэлитское братство», импрессионисты, «Сецессион», «Мир искусства», поставангард, минимализм и др. Это писатели, поэты, критики и историки искусства – Эмиль Золя, Эдмон де Гонкур, Жозе Мариа де Эредиа, Джон Рескин, Уитлер Патер, Оскар Уайльд, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Николай Гумилев; художники – Эдуард Манэ, Клод Моне, Эдгар Дега, Винсент Ван Гог, Уильям Моррис, Джеймс Мак Нейл Уистлер, Обри Бердсли, Уолтер Крейн, Игорь Грабарь, Мстислав Добужинский, Эмиль Преториус, Густав Климт; кинорежиссер С. Эйзенштейн; композиторы – К. Дебюсси, Г. Малер, Б. Бриттен, Г. Кауэлл, Б. Роджерс, А. Хованесс, К. Штокхаузен, Дж. Кейдж, О. Мессиан, С. Райх, Ф. Гласс, М. М. Ипполитов-Иванов, И. Ф. Стравинский, А. Н. Черепнин, Д. Д. Шостакович, Б. И. Тищенко, С. А. Губайдуллина, М. Г. Богданов и др.

Российские литература и поэзия, музыка и театр, как известно, также весьма значительно повлияли на формирование нового литературно-поэтического, театрального и композиторского творчества Японии в начале XX века. В современную эпоху весьма очевидна политико-экономическая и геокультурная целесообразность, более того, насущная необходимость продолжения интегративных процессов между странами-соседями Россией и Японией, разделенных тремя войнами прошлого столетия. И самым прочным мостиком, как показывает опыт многолетней практической деятельности автора настоящей статьи, здесь служит популяризация высоких образцов национального искусства, а также исследования музыкально-художественного наследия народа-соседа. Не углубляясь

в причины ситуации, отметим, что на заре XXI века отечественные культура и искусство предпринимают нелегкие попытки хотя бы сохранять свои прежние позиции в Японии, не говоря уже об их приумножении. Напротив, японское культурное присутствие в РФ постепенно наращивается, чему в немалой степени – помимо внеправительственных организаций типа Японского Фонда и Международного общества исследований синто (МНОС) – способствуют ТВ и сети Интернет. При этом российская студенческая молодежь в наши дни за малым исключением судит о богатейшем художественном наследии Страны восходящего солнца лишь на основании рок- и поп-культуры, анимэ и манги.

В подобной ситуации злободневность научного поиска очевидна, так же как и анализ существующего отечественного опыта в деле изучения музыкальной культуры Японии. Методологический базис этого процесса составляют достижения отечественного японистического музыкознания, которое оформилось в качестве ветви российского музыкального востоковедения к середине 1970-х годов. За прошедшее время накоплено немало ценных и продуктивных разработок в исследовании музыкальной культуры Японии. Они нашли отражение в кандидатских диссертациях В. И. Сисаури (Ленинград, 1975) и С. Б. Лупиноса (Москва, 1984), посвященных ранней инструментальной традиции *гагаку*; кандидатской и докторской диссертациях автора настоящей статьи (Москва, 1985; Новосибирск, 2005), исследовавшей музыку в традиционном театре Японии на материале Но и Кабуки, а также формирование японской композиторской школы и творческой деятельности ее основоположника – Ямады Косаку; кандидатских диссертациях М. В. Есиповой (Ташкент, 1988), сформулировавшей ряд сущностных черт традиционной японской музыки в контексте исторической эволюции основных принципов музыкальной организации; Е. В. Южаковой (Новосибирск, 2002), вскрывшей специфику музыкально-художественной системы японского театра Но; Н. И. Чабовской (Новосибирск, 2003), исследовавшей жанр *данмоно* сольной традиции исполнительства на *кото*; О. В. Жуковой (Новосибирск, 2005), Е. А. Снежковой (Новосибирск, 2007), посвященных творчеству ведущих японских композиторов второй половины XX века – Дана Икума и Такэмицу Тору. Отечественное этномузыкознание, таким образом, внесло определенный вклад в обширный свод фундаментальных трудов в сфере традиционной японской музыки ученых Западной Европы (позднее, США), и самой Японии, имеющий более чем столетнюю историю.

Как можно заметить, в начале XXI века российские исследования феноменов и персоналий музыкальной культуры Японии прошлого и настоящего сконцентрировались в г. Новосибирске, конкретнее, в Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М. И. Глинки. Показательна универсальность новосибирской школы японистического музыкознания: здесь разрабатывается проблематика наследия как канонической, так и динамической (композиторской) систем музыкального творчества Японии. Реализация последнего направления диктовалась назревшей необходимостью исследования процессов формирования и развития японской композиторской школы. Здесь бесспорен приоритет научных изысканий, проводимых в НГК (академии) им. М. И. Глинки, так как проблема изучения процессов становления в XX веке нового академического музыкального профессионализма сохраняет свою актуальность не только для российского, но и международного, в том числе японского, музыкознания. Японоведческие исследования в Новосибирской консерватории продолжаются и в настоящее время. Упомянем в этой связи находящуюся

в работе кандидатскую диссертацию аспирантки НГК им. М. И. Глинки С. В. Жуковской, выполняемую под руководством автора настоящей статьи и посвященную изучению музыкальной стороны ритуально-обрядового комплекса исконной религии японцев синто. Эта работа, вкупе со статьями М. Ю. Дубровской [2], ознаменовала рождение новой ветви российской музыкальной японистики – *музыкальной синтологии*.

Следует подчеркнуть, что столь последовательное и массированное изучение музыкальной культуры восточного соседа нашей страны – Японии – стало возможным благодаря целенаправленной новаторской исследовательской политике не только в научной деятельности специалистов ряда российских музыкальных вузов, но и в вузовском учебном процессе. В него постоянно внедряются результаты перспективных научных и методических разработок, осуществляемых российскими и зарубежными музыковедами-японоведами.

Кратко обобщим свои соображения по поводу этой инновации отечественного высшего музыкального образования.

Современное состояние высшего образования России, в том числе музыкально-академического, предоставляет возможности постепенно преодолевать свойственный отечественной высшей школе еще с советских времен европоцентризм и композитороцентризм. Включение в систему подготовки специалистов теоретического и, по возможности, практического знакомства с традициями и современными достижениями музыкально-художественных культур государств Азии, сопредельных с Россией, требует инновационной педагогической деятельности, ибо соответствующие курсы до настоящего времени не включены в нормативные учебные планы и программы ВШ. В число подобных «изгоев» высшего российского гуманитарного (в том числе музыкального, искусствоведческого, культурологического) образования долгое время входила музыкальная культура народа-соседа России – Японии. Собственно, и в наши дни лишь в некоторых ведущих творческих вузах и университетах России (в первую очередь, на востоковедческих кафедрах) включены в учебные планы и программы отдельные часы, посвященные японскому музыкально-художественному наследию.

Необходимость внедрения универсального знания иностранного языка и его культурного контекста в целях соблюдения своих геополитических и геокультурных интересов давно и своевременно осознали в большинстве научно-образовательных центров мира – Германии, Франции, Великобритании, США, Китае и др. Так, потребность изучения японской ментальности вызвала создание после Второй мировой войны специальных учебных подразделений (чаще всего факультетов университетов) для детального знакомства с музыкально-художественным наследием этого народа, где происходит не только изучение, но и практическое освоение различных жанров музыкального наследия японцев, например, музыки для *кото*, *сямисэна* и *сякухати*. Привлекает системность подобного востоковедческого образования, органично включающего языкознание, этномузыковедение, искусствоведение и культурологию. При этом изучение музыкальной культуры Японии проходит обычно в широком контексте дальневосточной метакультурной зоны. Такая образовательная база, вне всякого сомнения, способствует подготовке высококвалифицированных специалистов-востоковедов широкого профиля, в том числе научных кадров, досконально знающих избранную неевропейскую культурную традицию.

В качестве примера подобной плодотворной образовательной инициативы приведем функционирующую в Лондонском

университете Школу изучения внеевропейских культур (School of Oriental and African Studies), в которой студентами осваиваются в рамках соответствующих учебных курсов жанры традиционной музыки трех дальневосточных культур: **корейской** – *nongak/ p'ungmul* и *SamulNori,* в том числе вокальная музыка *minyo, p'ansori, kagok / sijo*, а также придворные ритуалы и религиозная музыка; **китайской** – инструментальные ансамбли, ритуальные контексты, оперы и повествовательные песни, элита инструментальных сольных традиции – *цинь* и *пипа*; **японской** – эксклюзивные традиции исполнительства на традиционных инструментах *сякухати* и *бива*, театральная музыка – Но, Кабуки и Бунраку, придворно-аристократическая оркестровая музыка *гагаку*, буддийская и синтоистская музыка [3].

В системе российского высшего образования соответствующие факультеты (институты) государственных университетов (например, ИСАА при МГУ, гуманитарные факультеты НГУ, НГТУ и др.), театральных институтов и ряда педагогических университетов (в частности, ИИГСО НГПУ) также довольно последовательно стремятся развивать традиции углубленного изучения культурологии восточных языков, в том числе японского. Одним из позитивных факторов этого процесса представляется введение в учебно-просветительские планы Ориент-центра кафедры востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета курса «История культуры и искусства Востока», ответственным редактором и одним из составителей которого выступила автор настоящей статьи [4]. Вместе с тем в отечественных музыкальных вузах стремление к симбиозу теории и практики в изучении и исследовании японской музыкальной культуры прослеживается в течение последних десятилетий, насколько известно, в деятельности лишь трех музыкальных и художественных вузов: МГК им. П. И. Чайковского, НГК (академии) им. М. И. Глинки и музыкального факультета ДВГАИ.

Давно назревшее обучение будущих российских специалистов-музыкантов началам познания сущностно-специфических черт музыкального наследия Востока, в частности японской художественной традиции стало возможным благодаря осуществлению инновационного прорыва в сфере включения в учебный процесс предметов, связанных с новыми для российских музыкальных вузов направлениями. Их обобщенно принято обозначать «музыка внеевропейских традиционных культур».

В Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского еще в 1980-е – первой половине 1990-х годов первые подобные курсы «Музыкальные культуры стран Азии, Африки, Австралии и Океании (вопросы истории, теории и методики изучения)» и «Музыкальные культуры мира» разработал и читал Дж. К. Михайлов. Продолжением этой традиции стал курс «История внеевропейских музыкальных культур», который преподается с 1995 года профессором кафедры истории зарубежной музыки МГК В. Н. Юнусовой. В опубликованной программе данного курса музыкальная культура Японии рассматривается в трех темах (5, 6 и 7-й) второго раздела «Музыкальная культура Дальнего Востока и Центральной Азии», не выделяясь, таким образом, в отдельный предмет [5]. Немаловажно, что разработка методологии научного познания феноменов внеевропейских музыкальных культур позволила доктору искусствоведения В. Н. Юнусовой возглавить такую динамично развивающуюся ветвь отечественного этномузыкознания, как музыкальное востоковедение.

Значительным подспорьем для углубленного и, что важно, практического освоения названного курса студентами Московской

консерватории стала с 1998 года деятельность Российско-японского центра музыкальной культуры при МГК им. П. И. Чайковского (руководитель – доцент М. В. Каратыгина). Организованный в ходе работы этого центра ансамбль японских музыкальных инструментов «*Ва-он*» («Японское звучание») является ядром фестивалей японской музыкальной культуры «*Нихон-но кокоро*» («Душа Японии»), которые ежегодно проводятся в концертных залах г. Москвы с 2000 года и пользуются заслуженным признанием слушателей – почитателей японской культуры. Осенью 2001 года в программе 2-го московского фестиваля «*Нихон-но кокоро*» приняли участие под руководством автора настоящей статьи также педагоги и студенты НГК им. М. И. Глинки – члены Центра японской музыкальной культуры при Новосибирской консерватории [6].

В данных фестивалях принимают участие как российские (в первую очередь, московские) музыканты, так и разнообразные японские ансамбли и исполнители, причем, не только сугубо музыкального искусства: сюда включается весь спектр традиционного художественного наследия японцев. В силу этого, а также благодаря тому, что московские ансамблисты играют на *кото*, *сямисэне*, *сякухати* и других популярных традиционных инструментах Японии, на данном примере можно говорить о системном погружении в японскую музыкально-художественную традицию.

В этом плане важными представляются методологические принципы и методические подходы, легшие в основу концепции курса в МГК. Во-первых, весь дидактический материал подразделяется на три периода: Древность, Средневековье и Новое время, хотя (это учитывается в конкретных разделах курса) принципы и границы периодизации неодинаковы в разных регионах мира. Во-вторых, в связи с этим в разделы курса включены варианты периодизации, принятые в тех или иных культурах, таким образом, учитывается, что региональная периодизация часто отличается от принятой в европейском музыкознании и ориентирована на внутренние исторические события. Это позволяет лектору сопоставлять бытующие различные точки восприятия музыкально-исторического процесса, особенно показательные для тех внеевропейских культур, которым до недавнего времени не был присущ исторический взгляд (в его линейном европейском понимании) на собственное прошлое. При этом в изложении материала курса преобладает исторический подход. Системный метод позволяет рассматривать каждую национальную внеевропейскую музыкальную культуру в контексте региональной и мировой культуры в целом. В целом курс формируется по региональному принципу и по конкретно выделенным странам. Третья позиция: интерпретированный в программе рассматриваемого курса комплексный подход обусловлен неразрывной связью музыкального мышления с национальной историей, литературой, мифологией, религией и мировоззрением. Им же определена значительная культурологическая составляющая в материале курса, наличие в нем данных искусствоведения, языкознания, религиоведения, философии и других смежных дисциплин. Наконец, методическое обоснование курса предусматривает следующее его построение: каждый раздел начинается с общеметодологических лекций и вводных тем, рассматривающих общие характеристики музыкальных культур.

Результатом плодотворной педагогической и научно-организационной деятельности специалистов-этномузыкологов Московской консерватории стали разработки новых научных направлений отечественного музыкального востоковедения, подготовка кандидатских и докторских диссертаций по соответствующей проблематике, регулярное

проведение международных конференций «Музыка народов мира» с публикаций их материалов.

С 1990-х годов вслед за МГК им. П. И. Чайковского этномузыковедческое направление начало развиваться также и в Сибири – на сформированной в Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки кафедре этномузыкознания (зав. кафедрой – доктор искусствоведения, профессор С. П. Галицкая). В отличие от курсов, читаемых в Московской консерватории, предмет «Традиционная музыка народов мира», разработанный и внедренный в учебный процесс НГК им. М. И. Глинки в 1990 году С. П. Галицкой, при аналогичном охвате тем и феноменов музыки народов мира не включает материал по современному музыкальному искусству внеевропейских культур в аспекте национального композиторского творчества. При этом в него добавлены разделы, посвященные традиционному музыкальному наследию христианства (католического, православного) средневековой Западной и Восточной Европы. Кроме того, структура курса предусматривает иной – в сравнении с МГК – принцип подразделения: по конфессиональному признаку (христианство, ислам, буддизм) и лишь во вторую очередь – по региональному.

С начала 1990-х годов на кафедре этномузыкознания Новосибирской консерватории читались также авторские курсы по отдельным внеевропейским музыкальным культурам. В их числе – разработанный автором настоящей статьи факультативный курс «Музыкальная культура Японии», читаемый в НГК с 1994 года. Опора на методологические принципы, откристаллизовавшиеся в российском общем японоведении (***принцип историзма***, ***цивилизационный*** и ***контекстуальный подходы***) определила концепцию курса. Она зиждется на признании самобытности «японского пути» музыкально-исторического развития при наличии в нем достаточно широкого среза общетипологических сходств с процессами и характером наследия в музыкальных культурах других стран Востока в прошлом и настоящем, что распространяется также на содержательные и структурно-выразительные свойства японской музыки.

Избрание в качестве ведущего принципа историко-стилевой преемственности в хронологической ретроспективе было обусловлено как устоявшимися подходами российской музыкально-исторической науки, так и установками традиционной японской историографии, органично воспринятой российским японоведением. Содержание курса постоянно пополняется результатами актуальных для международного музыкознания научных изысканий, проводимых в НГК (академии) им. М. И. Глинки [7], научно перспективными разработками японских и западных (европейских и американских) ученых.

Таким образом, данный курс представляет собой первый в отечественном музыковедении опыт обобщения, классификации и переизложения в учебных целях бытующей в настоящее время научной информации по основным темам истории музыкальной культуры Японии. Некоторые из лекций, посвященные отдельным жанрово-стилевым явлениям японской музыкальной культуры («*Синто* в традиционной музыкальной культуре Японии», «Музыкальный фольклор Японии», «Музыкально-художественная система *ногаку», «Гагаку* – придворная оркестровая музыка Японии», «Творчество Ямады Косаку (1886–1965) и других крупнейших японских композиторов первых поколений» и др.), носят историко-теоретический характер, в других («Типологические черты музыкальной культуры Японии», «Музыка театров Дзерури и Кабуки», «Пути развития японского композиторского творчества в период второй

половины XX века» и др.) интерпретируется историко-типологический подход, изложение третьих тем («Музыкально-художественная культура Древней Японии», «Эпохи *Асука* и *Нара* в истории музыкальной культуры Японии», «Музыкально-художественная культура эпохи *Хэйан*» и др.) использует музыкально-культурологические методы. Лекции обнимают основные вехи почти двухтысячелетнего исторического пути, пройденного японским музыкальным и музыкально-театральным искусством: от древности до XX века, от традиционного до композиторского творчества [8]. Тем самым составляется общее представление о специфике и направленности развития музыкально-художественной культуры Японии.

Продолжение изучения учебного материала осуществляется в НГК (академии) им. М. И. Глинки в классе по специальности автора настоящей статьи, на занятиях факультатива профессора кафедры народных инструментов А. В. Кугаевского (класс *кото)*, а также в классе заведующей кафедрой сольного пения – профессора З. З. Диденко, где происходит освоение шедевров японской песни-романса XX века.

На основании изложенного можно констатировать, что ряду флагманов российской высшей школы к настоящему времени удалось заложить основы исследования, инновационного комплексного преподавания и практического освоения японского музыкального наследия. Таким образом, изучение в РФ музыкальной культуры Японии как предмета науки и сегмента вузовского учебного процесса начинает обретать искомую целостность и системность.

Литература

1. Дьяконова Е. Японизм в русской культуре Серебряного века (конец XIX – начало XX века) [Электронный ресурс]. – URL: http://eastwest.rsuh.ru/binary/67096_56.1236344538.08547.doc. 15.04.2009 (дата обращения: 20.03.2012 года)
2. Дубровская М. Ю. Кагура и современная музыкальная жизнь японцев: к вопросу об этномузыковедческом исследовании феноменов синтоистского ритуала // Синто и японская культура: Труды VIII Международного симпозиума Международного научного общества исследователей синто. – М.: Макс Пресс, 2003. – С. 113–139; Она же. Феномен синтоистского ритуала кагура: к вопросу его отражения в творчестве композиторов Японии // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика: материалы Международной конференции / Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки; Римский университет «Тор Вергата». – Новосибирск, 2004. – С. 400–409.
3. School of Oriental and African Studies, University... – Educationindex [Электронный ресурс]. – URL: www.educationindex.ru/.../school-of-oriental-and-african-studies-university-of-london (дата обращения: 20. 09.2011 года).
4. История культуры и искусства Востока: программа курса / сост. и отв. ред. М. Ю. Дубровская. – Новосибирск, 2010. – 39 с.
5. История внеевропейских музыкальных культур: программа для студентов высших учебных заведений по специальности 070111 «Музыковедение» / сост. и науч. ред. В. Н. Юнусова. – М.; Казань, 2006. – С. 3–4.
6. Второй Московский Международный фестиваль японской музыки «Нихон-но кокоро» («Душа Японии»): буклет / ред.-сост. М. И. Каратыгина. – М., 2001. – 45 с.
7. Дубровская М. Ю. Музыка в традиционном театре Японии (на материале Но и Кабуки) // Япония: идеология, культура, литература. – М., 1989. – С. 83–88; Она же. Из истории формирования композиторской школы Японии: Ямада Косаку (1886–1965) // Вопросы музыкознания: сб. ст. / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 81–96; Она же.

Феномен Ямады Косаку (японские впечатления) // Сибирский музыкальный альманах, 2000 / Носиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2001. – С. 208–214; Она же. Об исторических предпосылках к формированию японской композиторской школы в культуре эпохи Мэйдзи // Теория и история культуры в вузовском образовании: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Хохлова, А. М. Фурсенко, Е. Б. Шерешевской / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – С. 122–129; Она же. Условия формирования и становления японской композиторской школы в культуре эпохи Мэйдзи // Музыка и время. – 2003. – Вып. 2. – С. 41–47; Она же. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX – первая половина XX века). – Новосибирск: Наука, 2004. – 570 с.; Она же. К изучению создания японской фортепианной литературы // Вестник НГУ. – 2011. – Т. 10, вып. 4. – С. 139–144; Жукова О. В. Три ко-ута Икума Дан // Интеллектуальный потенциал Сибири: сб. тезисов докладов межвузовской научной студенческой конференции. – Новосибирск: Изд-во НГАХА, 1996. – С. 53; Она же. О творчестве Икума Дан // Интеллектуальный потенциал Сибири: сб. тезисов докладов межвузовской научной студенческой конференции. – Новосибирск: Изд-во НГАХА, 1997. – С. 35; Плахова А. Ю. Мияги Мичио. «Хару-но уми» (черты стиля) // Вопросы музыкознания: сб ст. – Вып. 11. – Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки, 2006. – С. 155–184; Снежкова Е. А. Из истории развития японской композиторской школы второй половины XX века в контексте проблемы «Композитор и фольклор» // Наука и художественное образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию КГАМиТ (14–16 ноября 2003 года) / отв. ред. С. В. Гаврилова, О. Ю. Колпецкая. – Красноярск, 2003. – С. 269–280; Она же. Модель мира японцев в контексте своеобразия культуры Японии // Материалы II Международной научно-практической конференции (18–19 ноября 2004). – Т. 3. – Улан-Удэ, 2004. – С. 78–88; Она же. Такэмицу Тору: творческая самобытность как результат диалога культур // Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Кострома, 5–6 сентября 2006 / отв. ред. С. Н. Ваулина. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – С. 245–250; Чабовская Н. И. Рокудан: интонационное строение, формообразование // Проблемы музыкознания: ст. молодых музыковедов / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2000. – С. 48–53.

8. Дубровская М. Ю. Музыкальная культура Японии: авторская программа-конспект факультативного курса: учеб. б-ка. – Новосибирск: Изд. Новосибирской консерватории имени М. И. Глинки, 2007. – 53 с.; Она же. Музыкальная культура Японии: учеб. пособие: учеб. б-ка. – Новосибирск: Изд. Новосибирской консерватории имени М. И. Глинки, 2007. – 72 с.; Она же. Японская композиторская школа в период первой половины XX века: учеб. пособие: учеб. б-ка. – Новосибирск: Изд. Новосибирской консерватории имени М. И. Глинки, 2007. – 23 с.

УДК 18.41.45

А. В. Конотоп, Е. А. Минаев

МУЗЫКА В ХРАМОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье отражены основные смыслы музыкального искусства в храмовом пространстве, русское певческое искусство рассматривается как совершенное художественное, в том числе, и акустическое, воплощение духовно-творческих устремлений человека, реализация особой духовно-эмоциональной энергетики.

Ключевые слова: храмовое пространство, православие, русское певческое искусство, художественное сознание и акустика храма.

A. V. Konotop, E. A. Minaev

THE TEMPLE MUSIC IN THE SPACE

This paper describes the basic meanings of music in the temple area, the Russian art of singing is seen as a perfect work of art, including, and acoustic, the embodiment of the spiritual and creative aspirations of man, the implementation of special spiritual and emotional energy.

Keywords: temple space, Orthodoxy, Russian singing art, artistic consciousness and acoustics of the church.

Храмовое, в частности русское православное церковное искусство, – самостоятельная философская тема, связанная с богословием, историей и современной жизнью церквей. Эту проблему в данной статье мы, разумеется, не можем раскрыть в достаточной мере, но необходимость ее обозначения в основных критериях и положениях назрела. Государство за последние годы существенно изменило свою политику в отношении церкви. Изменилась и роль Русской православной церкви в жизни России. Церковь стала местом притяжения многих сотен тысяч верующих, вновь возродились церковные приходы, заново построены храмы. Тем самым храмовое пространство приобрело совсем иные масштабы, более профессионально зазвучало и церковное хоровое пение. Значительно возрос интерес к истокам монастырского музыкального наследия. Возникла новая традиция светского исполнения расшифрованных крюковых записей, сохранившихся скорее вопреки историческому разрушительному процессу. Воссоздаваемые древние рукописные монастырские песнопения входят в церковную службу отдельных храмов и монастырей [4].

Появилась литература, раскрывающая историю этих отношений на протяжении XX века [2]. Состоялись значительные акции, освещающие по-новому межконфессиональные связи церквей, полнее осознается роль церкви в позитивных процессах в культуре [9]. И в наше время вновь открыт и на должном философском уровне обсуждается вопрос о роли религиозного сознания в эволюции человечества. Это вопрос собственно об образе человека и Вселенной в совокупном человеческом сознании, в различных культурах [3, с. 3]. Механизмы культуры, по словам М. Эпштейна, связываются с **очищением, омовением человека на всех уровнях бытия**, и не случайно в высших уровнях понятий омовения и духовного очищения возникает «крещение» как обращение, возврат сознания к истинным смыслам. Храмовое пространство приобрело особое значение в жизни человека, став местом духовного очищения и наполнения подлинных ценностей и прерогатив жизни. В храмовом пространстве получили воплощение и развитие фактически все виды искусства, став средством выражения любви к Всевышнему, выражением духовного начала в сознании человека, создана целая система знаковых символом – этических, ритуальных, «гигиенически» очищающих пространство храма, в том числе и от внешнего хаоса, внешних «загрязняющих шумов» мира. «Тяга к самоочищению – основа всех религиозных культов и становящейся из них мирской культуры. Крещение – т. е. погружение человека в священную реку или купель, вода которых смывает с него греховную нечисть – главное таинство христианства» [20, с. 76].

Понимание культуры в современной культурологии все чаще рассматривается наряду с понятиями Высшего порядка, духовного совершенства, в соотношении понятий «культура» и «святыня» храмовая молитва приобретает важнейшее смысловое значение, определяя центр событийного процесса.

По словам Г. П. Федотова, «высочайший смысл культуры – богопознание и гимн Богу, раздвигающий храмовую молитву до пределов космоса» [14, с. 448].

В настоящее время развивается наука теменология, посвященная изучению храма и храмового искусства. Предложены обоснования для создания комплексных междисциплинарных и межконфессиональных исследований храмовой культуры во всех ее проявлениях, направлениях и во всей ее целостности. Основные принципы теменологии изложены в работах Ш. М. Шукурова [16]. В них Храм определяется как «неотъемлемо-центральный субъект целостного бытия культуры. Его функцией является интерпретация всех сфер, входящих в теолого-художественое сознание культуры и каждого отдельного человека» [17, с. 162]. Автор говорит о существовании идеального и единого познавательного пространства храмового действа, «внутри которого разворачивается динамичная конфигурация логически сопряженных между собой топосов, образующих в каждом отдельном случае смысловую и формальную систему значений. Познавательно-категориальная ценность храмового пространства, основанная на универсальной топологии смысла, служит основанием для возникновения широкого (а в идеале – бескрайнего) эпистемологического поля и интерпретационного механизма во всей толще этих культур. В этом смысле понять культуру можно только из недр Храма и в пределах динамики созданной им эпистемологической структуры категориальных значений» [18, с. 163].

Весь комплекс проблем, связанных с изучением и научным осознанием храма как центрального явления культуры, позволяет говорить о различных измерениях Храма: теологическом, личностном, литургическом, геометрическом, иконографическом. Можно рассматривать храм в эстетическом и богословском измерении (как воплощение абсолютной Красоты), поэтологическом (стихотворение как Храм), логоцентрическом (Храм как воплощение Слова и Храм как развернутая Книга Бытия) и во многих других измерениях: в поле компетенции теменологии вовлекаются важнейшие вопросы богословского, философско-мистического, искусствоведческого и филологического знания [19, с. 157].

В храме соединяются все виды искусств: храмовая архитектура, изобразительное искусство, поэзия и музыка, которые, объединяясь, переходят в плоскость единого драматической действа. «Тут все подчинено единой цели, верховному эффекту катарсиса этой музыкальной драмы, и поэтому все, соподчиненное тут друг другу, не существует, или, по крайней мере, ложно существует, взятое порознь» [15, с. 300]. К словам П. Флоренского добавим, что о храме можно говорить как об акустическом сооружении – резонаторе музыкального звука, где звукоизвлекающий орган – человеческий голос, а храм, с его формой купола, а также специальными голосниками – полыми емкостями в стенах, – составляет совершенное акустическое сооружение, резонаторный «сосуд» для пения.

Пространство храма представляет собой одно из самых совершенных акустических инструментов, придуманных человеком, оно действует как инструмент концентрации звука, «обыгрывается» различными формами освоения этого пространства общим хоровым, сольным, антифонным пением.

Антифон – это обмен возглашениями и ответами на них, звуковое взаимодействие между участниками действа, предполагающее их символическую пространственную разобщенность, символически и акустически преодолеваемую объединением звучания

в пространстве храма. Физическое пространство становится подобным пространству сакральному, объединяющему в высоте сознание людей, переносящемуся в измерение сакральности [10, с. 229–232]. В пространстве храма создается единое музыкально-информационное поле, «заряженное» высшими эмоциями.

Для холодных, более чем полгода заснеженных пространствах России, с разреженным населением, где, по словам П. Вяземского, «от мысли до мысли пять тысяч верст», пространство храма было поистине теплым пристанищем духовной жизни, где человек, защищенный от суровой природы, мыслью, пением и всем строем церковной уставной службы, воссоединялся с Всеобщим – даже если он был один, как святые отшельники Древней Руси, или с монашеской братией, или с людьми, окружавшими его в повседневной жизни, если он был мирянин, воин или князь. Храмовое пространство объединяло людей в противостоянии суровой природной среде, а богослужение в храме примиряло всех в единой мысли о мире, единой эмоции христианского восприятия мира. Катарсис богослужения, соборность, переживаемая в храме, – результат обобщающего волнового действия всего синтеза ощущений, эмоций, чувств и мыслей, порождаемых всем комплексом храмовых искусств.

Молитвенное пение представляет собой не прямую коммуникацию с Всевышним, но интуитивное движение души на единение с Вселенским. В текстах молитв – не только звуковой, но прежде всего – смысловой ритм, в котором молящийся «возносится» в горний мир, выходя из поглощающего ритма повседневности. Представляя собой традиционный, веками существующий текст, молитва в произнесении оформляется как собственный текст произносящего, а в хоровом, общем интонировании вбирает в себя интонацию духовного единения людей, интонацию всеобщности [8, с. 90]. В певческом искусстве храма в силу его акустических свойств выработалось особое отношение к звуку, неизвестное открытым пространствам – звуку человеческого голоса, обогащенному акустически, в котором реализуется одухотворенное дыхание молитвенного служения. Слушание звука в храме воспринимается как проявление человеческого «я», эмоционально и мысленно присоединяющегося к пению «небесных» сил [13, с. 135–140].

Храмовое искусство основано на информационном поле синтеза искусств, и музыкально-информационное поле православного пения – это основная составляющая, интонационно-ритмическая, звуковая определяющая часть этого единства. Помимо философских основ пения, направленности его к молитвенному созерцанию как основной движущей силы мелодического развития, **в певческом искусстве храма в силу его акустических свойств выработалось особое отношение к звуку, не известное открытым пространствам – звуку человеческого голоса, обогащенному акустически и облегченному артикуляционно, в котором движение души, дыхание, одухотворенность;** звуку, возвращающемуся к своему источнику произнесения, созерцаемому: слушание звука в храме воспринимается как проявление человеческого «я», присоединяющегося к пению всех небесных сил.

Информационное поле православного певческого искусства, при всей обрядово-стилистической монолитности, не было одномерным – оно состояло из нескольких информационных потоков – византийское, знаменное, кондакарное (домонгольский период); знаменое, путно-демественное; монодическое – многоголосное; строчное – партесное и т. д. Эти интонационно-информационные потоки не составляли стилистического про-

тивостояния, но естественно сочетались в культурно-историческом пространстве, взаимно влияя и взаимно развиваясь на основе почвенной интонационной культуры, также испытывающей влияние высоких стилей певческого искусства. Все вместе они составляли музыкально-информационное поле, соединяющее пространство культуры, пространство человеческого – индивидуального и национального бытия.

Тысячелетний фонд православного церковного пения представляет собой огромный, богатый по количеству дошедших до нас памятников, уникальный по своим музыкальным особенностям пласт певческого искусства. В XVIII–XIX веках церковь не расставалась со знаменным и всеми другими роспевами, она давала им новую жизнь в композиторских переложениях древней музыки; музыкальная сторона традиционной литургии получала в связи с этим новые импульсы художественности. Информационное поле музыкальной культуры, при всем разнообразии стилей и певческих школ, представляло единый информационный поток, впитывающий влияния и создающий творческое обновление.

С открытием духовно-музыкальных творений, принадлежавших перу известных композиторов и хоровых мастеров, имена которых скрыты в анонимной традиции певческого искусства, мы имеем возможность созерцать глубины творческого духа, доселе неведомые; постигать современную музыкальную культуру с позиций храмового измерения культуры; взыскивать прирастание духовности в композиторском творчестве и в нашей жизни. В наши дни заново переосмысливаются основы интонационного и тонального мышления древнего и нового искусства храмового пения, учения о ладах, о формообразовании, гармонических основах музыкального искусства.

Музыка христианской традиции – это вся совокупность музыкальных литургий христианского культа, в том числе – западный хорал, византийская и древнерусская монодия. Если для эпохи Средневековья музыка церкви, являясь доминантой в системе культуры, символизирует идеальную модель мира вообще, то в последующие времена доминантой становится светская музыка, а церковная уходит на периферию культуры, но в то же время составляет ее незримый духовный стержень. Христианская музыка продолжает развиваться вместе с церковью и видоизменяться в истории и в разных странах и локальных традициях.

Звук колокола, по представлениям древних, обозначал ось бытия, самый центр мироздания, выступая в качестве «мировой оси» между небесным и земным пространством. Здесь мы видим проявление идеи власти царства как источника информационного поля, инициируемого на уровне музыкального звучания, собирающего человеческую общность.

Информационное пространство колоколов охватывает не только реальное и сакральное пространство, но и представляет информационный поток истории, культуры, являя для слышащего не только собственно тембр и характер звучания колокольного звона в поле реального современного пространства, но и резонансное восприятие всего семантического комплекса музыкальной и культурной традиции. Голос колоколов – это голос предков, голос самой древнерусской культуры, поскольку те, что сохранились до наших дней, отлиты в древности и несут в своем звучании древнюю тайну информационного единства.

Проявление ритмики в храмовом пении лежит в основе постижения ментальности русского музыкального искусства в целом, где произошло некое резонансное слияние чувства вечности, соединение с интуитив-

ным ощущением целостности мира. Русская равнина, русский ландшафт, переживание бескрайности страны, усилившее литургическое переживание вечности, отсюда и более широкий характер русского ритма [12, с. 44–48]. К тому же, сказалась русская разряженность населения, отшельничество, противостояние природе порой в одиночку или малыми силами и, значит, большее упование на небеса. «Путь благочестивых размышлений предлежит и нам, музыкантам, музыковедам, ищущим в музыке истину и красоту» [6, с. 64]. Медушевский В. В., автор этих слов, напоминает нам, что «бесконечна мудрость христианской интонации, постигать ее глубины – дело музыкальной семиотики» [7, с. 56].

Рассматривая с православных позиций интонационность современного массового искусства, нельзя не сказать о духовном нивелировании музыкальных смыслов, о том, что в массовой, развлекательной культуре сегодня «свирепствует» агрессивность и духовная опустошенность. Музыка храмового пространства с его богатейшей, наработанной за многие столетия смысловой и интонационной заряженностью противостоит бездуховным веяниям времени, давая оплот для сохранения духовного единства российских народов. Вслед за В. Одоевским и в нашем веке о певческом храмовом искусстве можно сказать: «Мы имеем то, чем не может похвастаться ни один из европейских народов, священное песнопение в том самом виде, в каком употребляли его наши предки, по крайней мере за 700 лет» [11, с. 3]. Сейчас, благодаря исследованиям современных ученых, «ясно, что ему нет в мире ничего аналогичного по сумме характерных признаков – интонации, красоте напевов, свободе течения мелоса, координации мелодических строк, изысканности ритма, строгости, сдержанности чувства и вместе с тем глубокой проникновенности» [5, с. 62–63].

С открытием духовно-музыкальных творений, принадлежавших перу известных композиторов и хоровых мастеров, имена которых скрыты в анонимной традиции певческого искусства, мы имеем возможность созерцать глубины творческого духа, доселе неведомые; постигать современную музыкальную культуру с позиций храмового измерения культуры; взыскивать прирастание духовности в композиторском творчестве и в нашей жизни. В наши дни заново переосмысливаются основы интонационного и тонального мышления древнего и нового искусства храмового пения, учения о ладах, о формообразовании, гармонических основах музыкального искусства [1, с. 119].

Церковно-певческое пространство России составляет во всех ее регионах базовую основу современной культуры, что особенно важно в контексте значительных утрат в системе саморегулирующих механизмов самосознания общества. В наши дни налицо процессы поисков новой самоидентификации религиозных общностей, служащих опорой возрождения духовных ценностей культуры. Звучащее храмовое пространство все более воспринимается как место духовных традиций, константа духовного мира России.

Литература

1. Гуляницкая Н. «Велико незнанье России...»: проблемы теоретических курсов // Музыкальная Академия. – 1995. – № 3. – С. 119–121.
2. Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. – Paris: IMCA-press, 1996. – 368 с; Алексеев В. А. Государственно-церковные отношения. Содержание, характер, тенденции эволюции (на материалах отечественной истории послеоктябрьского (1917 год) периода XX века):

автореф. дис. … д-ра филос. наук. – М.: МГУ, 1994; Русское православие в советское время (1917–1991); Материалы и документы: в 2 кн. / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995; Медведев Н. В. Государство и церковь в России (1924–1934 годы): автореф. дис. … канд. ист. наук. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 1997.

3. Кедров К. А. Этико-антропный принцип в культуре: дис. … д-ра филос. наук в форме науч. докл. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 3.
4. Конотоп А. В. Русское строчное многоголосие XV–XVII веков. Текстология. Стиль. Культурный контекст. – М., 2005.
5. Конотоп А. В. Русское строчное многоголосие: Текстология, стиль, культурный контекст: автореф. дис. … д-ра искусствоведения. – М., 1996. – С. 62–63.
6. Медушевский В. В. Мысли о православной психологии музыки // Homo musicus: Альманах музыкальной психологии. – М.: МГК, 1994. – С. 48–74; См. также: Медушевский В. Религиозная природа музыкального слуха // Homo Musikus. 95: Альманах музыкальной психологии. – М.: МГК, 1995.
7. Медушевский В. В. Мысли о православной психологии музыки... – С. 56.
8. Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 90.
9. Одинцов М. И. Государство и церковь в России XX века. – М.: Луч, 1994. – 171 с.; Голубев Е. Н. Идеология и практика современных межконфессиональных молодежных движений: автореф. дис. … канд. филос. наук. – СПб.: ГПУ им. А. И. Герцена, 1996; Медведко С. В. Межконфессиональные отношения как диалог культур: автореф. дис. … канд. филос. наук. РАГС при Президенте РФ. – М., 1997.
10. Орлов Г. Древо музыки. – Вашингтон; СПб., 1992. – 408 с. – С. 229–232.
11. Одоевский В. Заметка о пении в приходских церквах // День. – 1864. – № 4. – С. 3.
12. Поспелова Р. Этнос ритма в музыке христианской традиции // Музыкальная культура православного мира: Традиции, теория, практика: Материалы международных научных конференций 1991–1994 гг. – М.: РАН им. Гнесиных, 1994. – С. 103–113; Медушевский В. Культура и культуроверие // Советская музыка. – 1990. – № 5. – С. 44–48.
13. Серегина Н. С. Сольфеджио для ангелов // Зеленый зал: альманах / сост. Ю. А. Смирнов-Несвицкий. – СПб.: РИИИ, 2008. – С. 135–140.
14. Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука. 1990. – С. 448.
15. Флоренский П. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. Иконостас. Избр. тр. по искусству / предисл., сост. А. Наследников. – СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – С. 300.
16. Шукуров Ш. М. Храм и храмовое сознание (к проблеме феноменологии архитектурного образа) // Вопросы искусствознания. – М., 1994. – Т. 1.
17. Шукуров Ш. М. Основы теменологии // Гуманитарная наука в России: Соровские лауреаты: мат-лы Всерос. конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук. – М., 1994. – С. 162.
18. Шукуров Ш. М. Основы теменологии... – С. 163.
19. Шукуров Ш. М. Основы теменологии... – С. 157.
20. Эпштейн М. Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры // Вопросы философии. – 1997. – № 5. – С. 76.

УДК 05.61.21

Г. Ф. Валеева-Сулейманова

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА КАК ТИПА ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выявляются два подхода в исследовании народного искусства: системно-структурный и культурно-генетический, позволяющие комплексно раскрыть особенности этногенеза татар и генезиса татарской культуры, сложившуюся специфику этнической функции в искусстве, типологию народного искусства в рамках общественно-исторических стадий, а также развитие художественной формы в искусстве. Как итог представлена обобщающая аналитическая таблица.

Ключевые слова: народное декоративное искусство, этническая культура, системно-структурный анализ, культурно-генетический анализ, методология

G. F. Valeeva-Suleymanova

METHODOLOGY IN STUDIES OF TATAR ART AS THE TYPE OF ETHNIC CULTURE

The article is devoted to the problem in the methodology of Tatar decorative art studies, concerning it as the part of Ethnic Culture. The author recognizes two approaches in the complex research of folk art: system-structural and cultural-genetic, which could expose the particular ethnogenesis of Tatars and genesis of Tatar Culture, specific ethnical function in art, the typology of folk art in the frame of historical evaluation stages and also the development of artistic forms. In conclusion summarized analytic table was introduced.

Keywords: folk art, decorative art, ethnic culture, system-structural method, cultural-genetic method, methodology.

Проблема методологии изучения этнических культур одна из самых сложных и всегда актуальных. Причина этого заключается, прежде всего, в системно-комплексном подходе к изучению этнической культуры методами таких наук, как история, археология, этнография и, естественно, искусствоведение. Изучение этнической культуры связано с определением ее истоков, раскрытием происхождения, этногенеза народа. В этом огромную роль играет материал традиционного искусства, которое является важнейшим этнокультурным источником. Методология изучения татарского народного искусства как типа этнической культуры выявляет два теоретических уровня. Первый – «системно-структурный» – создание целостной системы татарского искусства и выявление образующих эту систему частей. Второй уровень – культурно-генетический, связанный с проблемой этногенеза народа и генезиса этнической культуры, выявлением механизма преемственности традиций.

Объект нашего исследования – татарское народное искусство как система в свою очередь входит в более общую систему традиционной культуры и быта, в которой в качестве носителя этнической специфики предстает предметом исследования этнографии. Однако как самостоятельная система народное искусство является областью творческой деятельности с образными, стилевыми, технологическими функциональными особенностями, отражающими художественное мировоззрение народа, и в этом качестве оно предстает как предмет искусствоведения. При этом надо учитывать, что в народном декоративном искусстве воплощается синтез материальной и духовной культуры. И в этом аспекте справедливым следует

признать тезис о том, что «вся история искусства как наука неизменно остается в некотором русле этноискусствознанием. Этническая координата непременно входит в каркасную конструкцию историко-художественного описания» [1, с. 276]. В то же время этнография, по мнению исследователей, в отличие от искусствоведения, обращает внимание не на внутренние закономерности явлений, а на их внешние связи с другими частями культуры, на этнодифференциирующие и этноинтегрирующие функции [2, с. 7].

В современных исследованиях насущно необходимой и актуальной является комплексная методология изучения татарского народного искусства как художественного явления, отражающего в своем развитии этнические функции культуры как определенного типа. Основы этому направлению в изучении татарского народного искусства заложил первый в Поволжье доктор искусствоведения Ф. Х. Валеев [3], который исследовал народный орнамент и основные виды декоративного искусства через призму процессов и этапов этногенеза татар, путем раскрытия генезиса и эволюции художественной формы. Ему удалось преодолеть рамки узкоспециальных исследований, использовав в работах методы археологического, этнографического и общеисторического подхода к изучению народного искусства.

Комплексная методология в изучении татарского декоративного искусства позволяет преодолеть недостатки как сугубо этнографических исследований, исходящих лишь из бытования тех или иных произведений в крестьянской среде, зачастую игнорируя их атрибуцию, так и сугубо искусствоведческих, в которых, как правило, преобладают художественные критерии оценок и не в учитываются утилитарная и этническая функции.

Народное декоративное искусство относится как к сфере материальной, так и духовной культуры. Однако между искусством и материальной культурой складываются отношения, существенно отличные от взаимоотношений между духовной и материальной культурой, поскольку материальная культура составляет только внешнюю вещественно-предметную предпосылку искусства и не входит в качестве необходимого органического элемента в самую ткань художественного продукта.

Народное декоративное искусство запечатлевает в бытовых и особенно обрядовых предметах традиции духовной культуры этноса и является самостоятельной областью традиционной культуры. Его своеобразие заключается в двойственной природе – одновременно утилитарной и эстетической, и это наглядно выражено в формуле этого искусства – красота плюс польза. При выделении народного искусства из сферы материальной и духовной культур как явления их синтезирующего, его можно рассматривать в качестве целостной системы, находящейся во взаимодействии с другими элементами народной культуры и средой обитания этноса.

Система народного искусства представляет собой совокупность произведений, дифференциированных по структурным и функциональным свойствам. Среди функций выделяются эстетическая, утилитарная, обрядовая и собственно этническая функция [4, с. 44]. Последняя посредством действия закона сохранения коллективной традиции способствует преемственности этнической культуры.

Изучение татарского народного искусства в свете его этнической функции позволяет раскрыть генезис, развитие и трансформацию художественных традиций. Однако система татарского народного искусства является достаточно сложной и этниче-

ски многокомпонентной. Она включает искусство казанских татар, татар-мишарей, приуральских и сибирских татар, астраханских татар, татар-кряшен. Можно выделить и культуру смешанных этнических групп. Наиболее изученным, с точки зрения генезиса и преемственности художественной традиции, является искусство казанских татар, поскольку оно достигло высокого уровня развития в рамках ремесленного производства, в отдельных видах искусства (кожаная мозаика, золотое шитье) сложилось в народные художественные промыслы.

Своеобразие традиционного искусства с уходящими в древность корнями характерно для всех этнических групп татар. Как было подмечено многими исследователями, народное искусство является лучшим индикатором этнической общности, начиная с археологических культур. Изучение его с точки зрения этнической функции выявляет необходимость выделения из общей системы татарского народного искусства самостоятельных подсистем. В каждой из них выявляется генезис и эволюция собственной традиции. При рассмотрении системы татарского народного искусства в целом, нам необходимо оперировать суперэтническими ареальными культурными единицами, что характерно для современного этапа исследований, ставящих целью создание истории татарского народа, включая все его этнические группы.

Этническая целостность татарского народного искусства складывается из субэтнических локальных единиц, каждая из которых имеет собственные генетические и типологические параметры, выраженные в искусстве через генезис художественной формы. В этом плане должны быть подвергнуты критике исследования, в которых авторы механически объединяют в выстраиваемую ими типологию разные подсистемы этнической культуры (например, искусство казанских татар, татар-мишарей и татар-кряшен), пытаясь объединить разнопорядковые, с точки зрения генезиса, художественные формы. Это характерно для трудов этнографов, создавших труды по истории народного искусства.

Выявляя специфику искусства и культуры определенного этноса или этнической группы, приходиться учитывать два параметра. Первый связан с раскрытием неповторимых признаков или особой комбинации универсальных признаков, его можно назвать параметром этнического своеобразия искусства (например, отличия в искусстве казанских татар и татар-мишарей). Второй – с тем, как эти признаки повторяются во времени и пространстве развития этноса. Его можно соотнести с параметрами инвариантности или ядра этнической культуры.

При создании теоретической модели татарского народного искусства необходимо выявить внутрифункциональные связи в его системе, объединяющие вариативные признаки этнической группы в инвариантные признаки этноса. Они раскрываются в механизмах взаимодействия и освоения элементов искусства, например, относящихся к городской культуре татар XIX – начала XX веков.

Этнические признаки в искусстве раскрываются в закономерностях развития художественной формы на протяжении всех временных этапов, сформировавших исторические типы культуры: так называемый «традиционный» тип, соответствующий этапу племенной общности [5], «канонический» тип связан с фазой развития народности [6, с. 112–147], «динамический» тип соответствует периоду развития национальных общностей [7, с. 41–44].

Разные периоды развития классового общества порождают свои особые способы

художественного воплощения этнического начала. Например, в период «динамического» типа исторически сформировавшиеся высокопрофессиональные и массовые формы казанско-татарской культуры стали всеобщими и объединяющими для татар Волго-Уральского и Западно-Сибирского регионов. Этнические группы татар этих регионов, наряду с общенациональными формами, продолжали сохранять (в основном на селе) собственно этнические, фольклорные традиции. По сути дела общенациональная культура явилась частью так называемой «высокой» культуры (понятие введено американским ученым Э. Геллнером [8] для характеристики культуры индустриальной эпохи), которая получила развитие у татар со второй половины XIX века. На базе «высокой культуры» казанских татар формируется общенациональное искусство татарского народа. По своим основным параметрам эта культура несла в себе черты профессиональной культуры, характерной для наций с собственными институционально-государственными структурами управления. Становление ее было связано с развитием капитализма и буржуазных отношений в татарском обществе.

Со второй половины XIX века становление общенационального искусства происходило в так называемых стереотипных формах – под влиянием критерия массовости. Одной из общенациональных форм становится татарский костюм и его компоненты. Он обретает универсальность, общенациональные черты и развивается в городах, в местах компактного проживания татар. На селе фольклорные, традиционные формы одежды продолжали сохраняться, хотя и сюда проникали веяния городской моды.

Другой формой стереотипной национальной культуры становится комплекс татарского жилища, оформление его экстерьера и интерьера, а также каменная архитектура общественных и жилых зданий. Претерпевают изменения в сторону общенациональной специфики все виды традиционного искусства, связанные с капиталистическим производством, ремеслом и массовым выпуском продукции. Это относится к украшениям, металлической утвари, шамаилям, головным уборам и обуви, безворсовым коврам, тканям. Формируются общенациональная мода и стиль как показатель объединения татар на основе общности художественно-эстетических вкусов.

Таким образом, без исследования процессов формирования «высокой» (соответствующий ей термин «стереотипная») культуры в сфере художественного творчества не представляется возможным определить содержание общенациональной культуры татар.

Этнические функции в системе народного искусства также имеют специфику своего проявления. В них важную роль играют художественные традиции, преемственность которых позволяет создать эволюционную схему генезиса художественно-стилистических и технологических приемов, реконструировать архетипы форм и выявить этническое ядро или инвариант в наследовании традиций (например, в ювелирном искусстве, резьбе по камню, костюме и др.). Выявив механизмы преемственности возможно ретроспективно реконструировать развитие искусства в генетическом аспекте.

Исследование татарского народного искусства в свете генезиса этнической культуры и применение методологии комплексного подхода предполагают два метода: системно структурный и культурно-генетический (метод прогнозной ретроспекции). Соотнесение выбранных методов применительно к материалу исследования можно представить схематически в виде таблицы.

Таблица 1

Методология: комплексное типологическое исследование

I. Системно-структурный анализ	II. Культурно-генетический анализ
А. Традиционная (этническая) культура	1. Генезис, этапы развития
Б. Народное искусство	2. Выявление механизма преемственности традиции, диахронный анализ
В. Система видов народного искусства	3. Выявление типологических изменений в синхронном и диахронном аспектах
Г. Система произведения	4. Поэтапная модель эволюции
Д. Структура произведения	5. Анализ художественной формы

Литература

1. Бернштейн Б. М. Несколько соображений в связи с проблемой искусство и этнос // Советское искусствознание – 78. – Вып. 2. – М., 1979.
2. Арутюнов С. А. Народы и культуры (развитие и взаимодействие). – М., 1989.
3. Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. – Казань, 1969; Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1975; Народное декоративное искусство Татарстана. – Казань, 1985 и др.
4. Щедрина Г. К. Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры. – Л., 1987.
5. Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. – Дрезден; М., 1973.
6. Бернштейн Б. М. Традиция и канон: два парадокса // Советское искусствознание – 80. – Вып. 2. – М., 1981.
7. Каган М. С. Принципы построения историко-культурной типологии // Общественные науки. – 1976. – № 13.
8. Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991.

ПЕДАГОГИКА
PEDAGOGICS

УДК 004.91:347.7

Т. Н. Ивлева

ТЕХНОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПОРТФОЛИО В ПОДГОТОВКЕ МЕНЕДЖЕРОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются преимущества и возможности технологии электронного портфолио в подготовке менеджеров социально-культурной деятельности, анализируются подходы к определению понятий «портфолио» и «электронный портфолио», описывается опыт использования электронного портфолио в учебном процессе вуза.

Ключевые слова: портфолио, электронный портфолио, технология электронного портфолио, менеджмент, менеджер социально-культурной деятельности.

T. N. Ivleva

ELECTRONIC PORTFOLIO TEHNOLOGIES IN PREPARING MANAGERS FOR SOCIAL AND CULTURAL SPHERE

The article considers the advantages and possibilities for electronic portfolio technology in preparing managers for social and cultural sphere, analysis the approaches for defining the terms “portfolio” and “electronic portfolio”, describes experience of using electronic portfolio in higher education institutions.

Keywords: portfolio, electronic portfolio, electronic portfolio technology, management, manager of social and cultural sphere.

Необходимость модернизации высшего профессионального образования в современных условиях определяется тем, что «практика и работодатели не снижают, а наоборот, повышают требования к выпускникам высших учебных заведений и ко всем тем, кто претендует на должность менеджера. …Причем в настоящее время востребованы не просто документы о высшем или среднем профессиональном образовании, а их подтверждение в виде конкретных компетентностей, включающих практические умения, навыки и готовность их реализовать» [10, с. 3].

В. Чижикова в [13] справедливо отмечает, что в условиях жесткой конкуренции на рынке труда специалисту с традиционной социально-культурной вузовской подготовкой становится все труднее пробиваться в номенклатурную сферу своих профессиональных интересов. В настоящее время государственными образовательными стандартами высшего образования утверждены новые для вузов культуры специальности, в их числе «Социально-культурная деятельность» (СКД), специализация «Менеджмент СКД», которые требуют новых подходов реализации процесса подготовки менеджера, его профессионального и управленческого развития. Повышенные требования к профессионализму менеджера СКД и его

управленческой направленности пока не находят адекватной реализации в вузовской системе учебно-воспитательного процесса.

Процесс совершенствования подготовки будущих менеджеров СКД в условиях современного образования достаточно сложен и обусловлен многими факторами. Прежде всего, это обучение менеджменту как преимущественно практической деятельности, которая в значительной мере отличается от существующих процессов передачи знаний в традиционных областях естественных и гуманитарных наук. Это отличие касается главного – целей обучения. Основополагающая идея обучения менеджменту строится на утверждении, что управление – это скорее поведение, навыки и умения, чем просто знания [4, с. 94].

Одним из способов решения данной проблемы является использование технологии электронного портфолио в профессиональной подготовке менеджеров СКД. Применение технологии портфолио в процессе подготовки менеджеров позволяет формировать и развивать управленческие компетентности менеджера, ориентированные, прежде всего, на практику профессиональной управленческой деятельности; вызвать интерес к осознанному поиску и реализации потенциальных резервов личности каждого, кто пожелает посвятить себя этой профессии, суть которой – управление людьми.

Технология «портфолио» является компетентностно-ориентированной технологией, которая применяется в системе профильного образования и относится к педагогическим инновациям, обусловленным информатизацией образования. Анопченко Т. и др. отмечают, что для современной образовательной парадигмы характерны реализация принципов личностно ориентированного и деятельностного подходов. Применение технологии «портфолио» направлено на активизацию самостоятельной познавательной деятельности обучающихся, формирование у них ответственности за результаты собственного обучения, развитие навыков критического и творческого мышления, формирование навыков работы в группе, а также изменение роли преподавателя, который должен направлять и поддерживать познавательную деятельность обучающихся, а не служить для них единственным источником информации [1].

Портфолио происходит от английского (portfolio) – портфель или папка для документов. Анализ литературных источников и электронных ресурсов свидетельствует, что термин «портфолио» трактуется неоднозначно:

– это грамотно оформленный ***перечень работ***, выполненных каким-либо специалистом [2];

– ***комплект документов***, представляющий совокупность индивидуальных образовательных достижений студента [11];

– ***пакет документов*** в бумажном и/или электронном варианте, который отражает все достижения студента (как академические – учебные, так и личные) [7].

Сегодня словом «портфолио» называют набор документов специалиста, студента, учащегося, представляющих его умения, навыки и знания с лучших сторон. На наш взгляд, данный подход не дает полного представления о его сущности. Определение понятия «портфолио» как ***способа*** фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений, предложенное Т. А. Полиловой, представляется более обоснованным. Трудно не согласиться с мнением автора, что «портфолио» – это ***способ***, синонимами которого являются слова ***технология, методика, метод***. Такой подход наиболее точно отражают сущность данного понятия и позволяет рассматривать его в структуре технологий интенсивного обучения.

Термин «портфолио» давно знаком профессионалам из области искусства: многие

художники и сейчас, и в прежние века создавали портфолио своих творческих работ. В наш век высоких технологий портфолио дизайнеров, фотохудожников, модельных и рекламных агентств, творческих мастерских широко представлены в интернете. Портфолио фирм помогают продвигать на рынке предоставляемые фирмами услуги, способствуют поиску заказчиков и потребителей услуг.

Изучая этимологию термина «портфолио», автор справедливо отмечает, что для российской педагогики это новое слово. В словаре методических терминов это слово отсутствует. Слово «портфолио» обнаружится только в орфографическом словаре Российской академии наук. Слово «портфолио» не склоняется, словарь допускает использовать его в мужском и среднем роде [11].

«Портфолио» в школе начали применять в 1980-х годах в США, затем в Европе и Японии. В 1990-х годах эта методика получила распространение в российской системе образования: портфолио ученика, учителя, студента. В настоящее время появилось большое количество публикаций. посвященных теме применения портфолио в высшей школе, в том числе размещенных в интернете. На запрос «портфолио студента» в поисковой системе «Яндекс» выдается более 3 миллионов найденных страниц.

Анализ литературных источников, просмотр многочисленных сайтов свидетельствуют, что определение «электронное портфолио» также трактуется по-разному. Причина такого положения автору видится в многозначном смысле данного понятия. Так, А. Мосина и О. Ляшенко сущность понятия электронного портфолио трактуют как одну из форм интернет-поддержки профессиональной деятельности преподавателей [8].

Полилова Т. А. полагает, что электронное портфолио (веб-портфолио) – это интернет-сайт, который создается студентом или учащимся для демонстрации своих личных достижений [11].

Некоторые авторы под этим термином понимают набор документов, которые создаются на компьютере. Другими словами, электронное портфолио является аналогом привычного бумажного портфолио, выполненного в электронной форме [5].

Представляется, что данные трактовки не дают полного представления о сущности электронного портфолио. На наш взгляд, ***электронное портфолио*** – это технология фиксирования, накопления, анализа и самоанализа индивидуальных достижений студента в цифровом виде, которая позволяет обеспечить мониторинг формирования и развития профессиональных компетенций будущего менеджера СКД.

Модели содержания электронного портфолио студента также предлагаются разные варианты. Например, в «портфолио» студента включают такие разделы, как: успеваемость; сведения о курсовых и дипломных работах; освоение дополнительных образовательных программ; научно-исследовательская и проектная деятельность; участие в научно-практических конференциях; внеучебная активность студента [12].

Структуру портфолио студента, которую предлагает Л. Р. Лизунова, наряду с вышеуказанными разделами, выгодно отличает дифференциация профессиональных знаний, умений и навыков [6]. Вместе с тем, трудно согласиться с позицией автора, что уровень профессиональных знаний студента определяется только научно-исследовательской работой и самообразованием. Видимо, прежде всего, это показатели успеваемости студента.

Многие вузы используют более лаконичную модель, которая включает в себя три основные составляющие: портфолио документов, работ и отзывов [1; 11; 14].

Могилевкин Е. предлагает портфолио карьерного продвижения (ПКП) и рассма-

тривает его как современную технологию планирования и развития карьеры выпускников вузов [7]. На наш взгляд, ориентация портфолио только на планирование карьеры ограничивает возможности формирования разнообразных профессиональных компетенций студента, не позволяет влиять на его развитие в процессе обучения менеджменту, на практику управленческий деятельности в целом. Думается, что ПКП может быть разделом электронного портфолио, в котором отражены различные направления деятельности будущего менеджера СКД, реализуемые в рамках учебно-воспитательного процесса.

В нашем представлении ***технология электронного портфолио*** – это программа индивидуально-ориентированного профессионального развития студента (ПИОПРС), которая включает в себя фиксацию, накопление, анализ и самоанализ результатов реальных изменений и индивидуальных достижений в процессе обучения менеджменту. Применение электронного портфолио позволяет проводить мониторинг роста профессионального мастерства будущего менеджера СКД в процессе обучения.

В КемГУКИ на кафедре управления социальной сферой в рамках дисциплины «Основы менеджмента СКД» для студентов специализации «Менеджмент СКД» (бакалавр) мы используем электронное портфолио «ПИОПРС». Электронный вариант позволяет, с одной стороны, сохранять информацию, с другой – оперативно вносить в него все необходимые изменения и дополнения. Данный момент представляется важным, так как студенты могут работать с материалами электронного портфолио на протяжении всего периода обучения. Дисциплина «Основы менеджмента СКД» изучается в 1, 2 и 3-м семестрах, а дисциплина «Технологии менеджмента СКД» – в 4, 5 и 6-м семестрах. В 7-м и 8-м семестрах будут изучаться такие дисциплины, как «Арт-менеджмент», «Проектный менеджмент», «Стратегический менеджмент». Таким образом, у студентов появляется возможность формировать портфолио по результатам личного профессионального развития в течение всего периода обучения в вузе и в конечном итоге предъявить его работодателю. Соискатель на рынке труда, обладающий таким портфолио, будет выгодно отличаться от конкурентов, так как автора это характеризует как представителя новой волны работников, живущих в ногу с высокими технологиями [1].

Как известно, электронное портфолио не является аналогом привычного бумажного портфолио, выполненного в электронной форме. Еще раз подчеркнем, что обучение менеджменту предполагает научение практическим управленческим навыкам, которым можно научиться только в условиях имитируемой управленческой деятельности посредством использования интенсивных технологий (кейсы, тренинги и пр.), в том числе интерактивных, к которым относятся имитационные игры.

Модель содержания электронного портфолио, наряду с традиционными, включает в себя четыре раздела:

Раздел 1 – «Диагностический» – вносятся результаты анкетирования, тестирования и других диагностических методик по выявлению индивидуальных управленческих качеств студента, которые он заполняет на практических занятиях и самостоятельно.

Раздел 2 – «Результаты имитационных игр» – фиксируются видеозаписи имитационных моделей и результаты анализа поведения будущих менеджеров. Этот раздел электронного портфолио позволяет проводить мониторинг формирования и развития управленческого поведения студентов, степень проявления тех или иных менеджерских качеств, которые отмечаются в Диагностическом разделе.

Раздел 3 – «Самостоятельная работа студентов (внеаудиторная)» – отражает результаты работы с электронными учебниками; обучающими программами, которые позволяют студентам не только получать теоретические знания, но и закреплять и совершенствовать практические умения и навыки по изучаемой дисциплине; эссе; презентации и т. п.

Раздел 4 – «Технология планирования профессиональной карьеры» – включает результаты методики Э. Шейна «Якоря карьеры»; резюме; самопрезентацию; изложение о карьерном продвижении известного политика, менеджера или бизнесмена; план развития карьеры; эссе «Я и моя карьера».

Таким образом, электронное портфолио – это не только и не столько папка с бумажными документами в электронном варианте, а динамичная информация, которая позволяет провести в процессе обучения мониторинг формирования и развития управленческих качеств, творческих и исследовательских навыков студентов, умения решать проблемы.

На первом занятии студенты заполняют анкету, которая включает в себя следующие вопросы: «Почему выбрали КемГУКИ?», «Из каких источников узнали о вузе и о специализации “Менеджмент социально-культурной деятельности”?», «Какие дисциплины вы хотели бы изучать?», «Предполагаемое место работы после окончания вуза» и т. п. Полученные данные заносятся в «***Диагностический» раздел*** портфолио для того, чтобы студент мог увидеть в процессе обучения и после окончания вуза, насколько удовлетворены его ожидания и притязания. Кроме того, эта информация чрезвычайно полезна для преподавателя, так как она позволяет учитывать индивидуальные интересы студентов в учебном процессе. Например, из 12 опрошенных студентов группы МСКД-111 (бакалавр) четверть респондентов «хотели бы открыть свое дело», столько же хотели бы быть «менеджером фирмы» и столько же «поступить в магистратуру». По одному студенту отметили «ресторанный бизнес», «телевидение» и «пока не определился».

В зависимости от предполагаемого места работы преподаватель может подобрать соответствующие модели деловых игр, тренингов, заданий для самостоятельной работы.

Логическим продолжением полученной информации в наполнении электронного портфолио являются ***результаты методики «Мотивация обучения в вузе»*** (Т. И. Ильина). В ней имеются три шкалы:

- «приобретение знаний» – стремление к приобретению знаний, любознательность;
- «овладение профессией» – стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества;
- «получение диплома» – стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов.

Использованная нами методика позволяет выявить преобладание мотивов по вышеназванным шкалам. Преобладание мотивов по первым двум шкалам («приобретение знаний» и «овладение профессией») свидетельствует об адекватном выборе студентом профессии и удовлетворенности ею. Результаты опроса показали, что таких студентов в группе МСКД-111 чуть меньше половины – 5 человек из 12.

Студенты, нацеленные на получение знаний, характеризуются высокой регулярностью учебной деятельности, целеустремленностью, сильной волей и др. В данной группе у всех, за исключением одного (6 баллов), высокие показатели по этой шкале: 4 студента имеют максимально высокий показатель – 12,6 баллов, столько же – 9 баллов, 3 студента – 7,2 балла.

Те же, кто ориентирован на овладение профессией, часто проявляют избирательность и разделяют дисциплины на «нужные» и «не нужные» для их профессионального становления, что может сказываться на академической успеваемости. Высокие показатели по этой шкале имеет 5 студентов, средние – 3 студента, остальные – ниже среднего уровня.

Установка на получение диплома делает студента еще менее разборчивым в выборе средств на пути к его получению – нерегулярные занятия, «штурмовщина», шпаргалки и т. п. Максимальный балл по этой шкале имеют 2 студента (10 баллов), у всех остальных – выше среднего уровня. Низкие оценки по этой шкале никто не получил. Это свидетельствует о том, что студенты ориентированы на получение документа о высшем образовании.

Периодическое отслеживание результатов данной методики через наполнение содержания портфолио позволяет преподавателю отследить и влиять на динамику развития индивидуальных мотивационных ориентаций студентов.

В этот раздел заносятся результаты всех диагностических методик, которые студенты заполняют на практических занятий и в рамках самостоятельной работы. Например, «Потенциал менеджера» (А. Д. Ишков), «Методика определения сформированности ключевых компетенций» (Э. Э. Сыманюк, А. М. Павлова)) и др.

Важным составляющим электронного портфолио являются ***раздел 2 «Результаты имитационных игр».*** В процессе обучения менеджменту как преимущественно практической деятельности игровые технологии занимают доминантную позицию. Возможности и значение игр убедительно формулирует А. П. Панфилова: «Игра – это деятельность, которая направлена на развитие разнообразных умений и навыков, а в вузовском учебном процессе – на развитие профессиональных умений и навыков, саморазвитие и самокоррекцию личности, на развитие умений сотрудничества и взаимодействия; она формирует личностный и профессиональный потенциал обучаемого; развивает психологическую готовность к будущей деятельности, способствует адаптации, развивает уверенность в себе» [9, с. 17]. Имитационные игры проводятся с использованием видеотехники. Процесс игрового взаимодействия записывается на видеокамеру, что позволяет при просмотре более подробно провести анализ созданного студентами учебного материала в процессе игры и сохранить его в электронном портфолио. Например, по теме «Технология подготовки и разработки управленческих решений» мы проводим практические занятия с использованием имитационных игр «Полет на луну», «Выжить в пустыне» или «Кораблекрушение». Это игры для принятия решений в экстремальных ситуациях и определения лидеров. Игры проводится в строго регламентируемом режиме (15–25 минут), что является обязательным для такого рода блиц – игр [9, с. 16]. Методика игры предполагает на первом этапе принятие индивидуального решения по ранжированию предметов, предусмотренных условиями соответствующей игры, затем групповое решение по результатам обсуждения. Разница между количеством баллов по результату индивидуального решения и группового показывает, в какой степени студенту удалось повлиять на принятие командного решения. В портфолио фиксируется видеофрагмент игры в момент обсуждения решения и количество полученных баллов (разница между индивидуальным и групповым решением). Результаты всех игр, которые проводятся в процессе обучения, фиксируются в электронном портфолио. Динамика поведения

студентов в игровом общении позволяет провести мониторинг уровня развития управленческих навыков и умений будущих менеджеров.

Результаты самостоятельной работы студентов также отражаются в портфолио. Одно из направлений – это самостоятельное изучение учебного материала по электронным учебникам (например, «Основы менеджмента» Л. В. Плаховой, Т. М. Ануриной и др. и «Менеджмент организации» А. В. Тебеткина, Б. С. Касаева). В учебниках изложены основные положения современной теории и практики менеджмента. Структурно и содержательно учебники построены таким образом, что кроме текста используются видеоматериалы, глоссарий, примеры из дополнительной литературы, персоналии, интернет-ресурсы.

Студент может в интерактивном режиме провести самоконтроль с помощью тренировочных тестов. Повторять попытки найти верный ответ в режиме тренировочных тестов можно многократно, даются ссылки к соответствующим разделам текста. Завершить работу помогают контрольные тесты. В отличие от тренировочных, они не дают студенту информацию о том, какой ответ в каком задании является верным, но выставляют итоговую оценку по заданиям в целом с указанием неверных ответов. Эти оценки по каждой самостоятельно изученной теме заносятся в портфолио.

В раздел «Самостоятельная работа» входит работа с обучающими программами, которые позволяют студентам получать не только теоретические знания, но и закреплять и совершенствовать практические умения и навыки по изучаемой дисциплине.

В рамках самостоятельной работы студенты готовят эссе, рефераты, доклады с презентациями в Power Point, которые также включаются в модель электронного портфолио.

«Технология планирования профессиональной карьеры» – это четвертый раздел электронного портфолио. Необходимость включения этого раздела в портфолио объясняется тем, что индивидуальная карьера осуществляется как самоуправление. Студенты самостоятельно составляют резюме и готовят самопрезентацию, составляют план развития карьеры и эссе «Я и моя карьера» [7].

Целью плана развития карьеры является определение возможностей профессионального развития, которыми можно воспользоваться еще во время обучения, чтобы достичь личной готовности к карьере.

Технология электронного портфолио «Программа индивидуально-ориентированного профессионального развития студента» в результате регулярного обновления по всем разделам отражает профессиональные компетенции на каждом этапе обучения, позволяет фиксировать все достижения студента. Опыт применения электронного портфолио на основе использования интенсивных технологий обучения позволяет рассматривать процесс обучения как изменение поведения, приобретение навыков и умений студентами (а не просто получение знаний), что в свою очередь способствует формированию и развитию управленческих компетенций будущих менеджеров СКД.

Литература

1. Анопченко Т. Ю., Максимов В. А., Мошкин И. В. Составление индивидуального электронного портфолио в соответствии с кредитно-модульной системой обучения / Южный федеральный университет. – Ростов н/Д: Изд-во АкадемЛит, 2011. – 160 с.
2. Антропов С. Как сделать портфолио? Примеры и образцы портфолио [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kadrof.ru/st_pf. shtml (дата обращения 14.03.2012).

3. Буланов С., Гаврилин И. Создаем электронный портфолио: методические рекомендации по созданию портфолио = Create an portfolio. Methodical recommendations [Электронный ресурс]. – URL: http://novobr.org/professionalnoe-razvitie-pedagogov/80.html (дата обращения 02.01.12).
4. Громова Л. А., Егорова Е. В. «Кейс-стади» в обучении менеджменту // Вестник Балтийской педагогической академии. – 2006. – Вып. 72. – С. 93–110.
5. Краткая история идеи портфолио в обучении [Электронный ресурс] // Портфолиотека. – URL: http://portfolioteka.ru/publications/2/ (дата обращения 15.03.2012).
6. Лизунова Л. Р. Портфолио студента [Электронный ресурс]. – URL: http://www.logopunkt.ru/umm1.htm#start (дата обращения 15.03.2012).
7. Могилевкин Е. Портфолио карьерного продвижения как современная технология планирования и развития карьеры выпускников вузов [Электронный ресурс] // Управление персоналом. – 2006. – № 5. – URL: http://www.rhr.ru/index/find/what_is_interview/10504.html (дата обращения 15.03.2012).
8. Мосина А. В., Ляшенко О. С. Электронное портфолио преподавателя как форма интернет-поддержки преподавателя в магистратуре педагогического вуза [Электронный ресурс]. – URL: http://filippovatn. narod.ru/portfolio.htm. (дата обращения 08.03.2012).
9. Панфилова А. П. Динамика развития методов активного обучения и игрового моделирования // Вестник Балтийской педагогической академии. – 2006. – Вып. 72. – С. 14–32.
10. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2009. – 192 с.
11. Полилова Т. А. Концепция электронного портфолио [Электронный ресурс]. – URL: http://schools.keldysh.ru/courses / e-portfolio.htm (дата обращения 14.03.2012).
12. «Портфолио» студента Соликамского государственного педагогического института [Электронный ресурс] / Соликамский государственный педагогический институт. – URL: http://job.solgpi.ru/portfolio.htm (дата обращения: 14. 032012).
13. Чижикова Е. В. Формирование профессионально-управленческой направленности менеджеров социально-культурной деятельности в вузах культуры и искусств: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / МГУКИ. – М.: МГУКИ, 2004. – 23 с.
14. Что такое электронное портфолио и как его правильно составить? [Электронный ресурс]. – URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode= (дата обращения 08.01.12).

УДК 37

Н. Г. Смирнова

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается непрерывное образование как социально-педагогический процесс, обеспечивающий формирование общей культуры личности. Социально-педагогический процесс, интегрирующий педагогическую и социально-культурную деятельность, выступает в качестве социокультурного основания непрерывного образования, где культура является ядром его содержания на всех возрастных этапах. Значительное внимание уделяется педагогическому эксперименту в юношеском возрасте, аккумулирующему предшествующий социокультурный опыт формирующейся личности.

Ключевые слова: социально-педагогический процесс, непрерывное образование, общая культура, юношеский возраст, педагогическая и социально-культурная деятельность.

N. G. Smirnova

CONTINUOUS EDUCATION AS SOCIAL AND PEDAGOGICAL PROCESS OF SHAPING OF GENERAL CULTURE OF INDIVIDUAL

The article examines continuous education as social and pedagogical process which provides shaping of general culture of individual. Social and pedagogical process integrating pedagogical and social and cultural activities serves as the basis for continuous education where culture is considered to be the core content at all age stages. The author highlights pedagogical experiment in adolescence accumulating the preceding social and cultural experience of developing personality.

Keywords: social and pedagogical process, continuous education, general culture, adolescence, pedagogical and social and cultural activities.

Динамичность современного социума, реформирование общества неизбежно влекут изменения в сферах культуры и образования, смену образовательной парадигмы. В настоящее время стал очевидным подход к непрерывному образованию не как к педагогической, а как к социально-культурной сфере. Отмечается ощутимый сдвиг в системе целеполагания: знания, сохраняя свою значимость в образовательном процессе, перестают быть его конечной целью, зачастую рассматриваются в качестве условия формирования личности. В этой связи представляется правомерным понимать непрерывное образование как социально-педагогический процесс формирования общей культуры личности.

Системный подход позволяет определить социально-педагогический процесс как целостно реализующий цели и задачи воспитания и образования в условиях педагогических и социальных систем. Социально-педагогический процесс и его структурные компоненты (цель, задачи, содержание, формы, методы и средства) мы определяем в качестве социокультурного основания непрерывного образования, где культура выступает основным ядром его содержания на всех возрастных этапах. В таком случае содержание образования приобретает культурологическую направленность. Культура гуманизирует процесс социального взаимодействия, совершенствования продуктивной деятельности личности, обогащения ее нравственно-этического, художественно-эстетического опыта, расширяет границы «человека возможного» (М. К. Мамардашвили).

Социально-педагогический процесс, на наш взгляд, представляет собой, с одной стороны, самодвижение, постоянное изменение в силу динамичности современного социума, а с другой – это целенаправленный педагогический процесс, наполненный культурными смыслами формирования личности. Социально-педагогический процесс, оказывая на личность внешнее воздействие, в то же время не может не учитывать «внутренние» условия личности (С. Л. Рубинштейн). Такое соотношение внешнего воздействия и «внутренних» условий обеспечивает качественное преобразование личности, ее социального взаимодействия на основе ценностей культуры. Происходит движение педагогики «от задач социализации личности к задачам изменения качеств социального взаимодействия» (Н. Н. Ярошенко).

В современном изменяющемся социуме одной из приоритетных задач становится формирование общей культуры личности. В условиях социально-педагогического процесса личность вовлекается в различные виды деятельности (организационную, учебную, культурно-досуговую, воспитательную, творческую, художественную, исследовательскую), тем самым приобретается, совершенствуется, осваивается социокультурный

опыт, имеющий большое значение в формировании общей культуры личности.

Когерентность учебной и социально-культурной деятельности создает культурно-образовательное пространство, в котором раскрывается творческий потенциал личности. В настоящее время в образовательных учреждениях различного типа выдвигается особая миссия – обеспечение не только полноценного обучения, но и воспитания; создание условий в свободное от занятий время для творческой самореализации личности. В социальной, творческой активности проявляется общая культура личности, ее интеллектуальные, эмоционально-ценностные, деятельностные характеристики.

Считаем необходимым обратить внимание, что социально-культурная деятельность, будучи подсистемой непрерывного образования, в то же время постоянно «колеблется», изменяется под воздействием происходящих в обществе социокультурных процессов, то есть испытывает флуктуацию. В результате социально-культурная деятельность может приобретать целостные системные качественные характеристики, преобразовываться в самостоятельную систему, которая включает социализирующее воспитание, социальное взаимодействие, культурно-досуговую деятельность. Мы разделяем мнение Е. М. Клюско, что «культурно-досуговую деятельность целесообразно рассматривать как видовое по отношению к более общему, рядовому понятию “досуговая деятельность” (досуг) и обладающее в связи с этим всеми присущими ему признаками» (Цит. по: [1, с. 89]).

Развиваясь как самостоятельная система, путем диалектического отрицания, социально-культурная деятельность сохраняет элементы и структурные компоненты системы предшественницы. Известно, что культурно – досуговая деятельность направлена на освоение человеком мира культуры. Понятно, самым эффективным институтом культурно-досуговой деятельности является учреждение культуры. Однако учитывая, что в настоящее время досуг превратился в самоценную общественную сферу, нельзя недооценивать организацию культурно-досуговой деятельности в системе непрерывного образования, в стенах образовательных учреждений. Тем более, что гуманистическая направленность культурно-досуговой деятельности позволяет рассматривать ее как органическую часть всего социально-педагогического процесса «…досуг становится все более регламентируемым и контролируемым типом деятельности и наполняется все более разнообразными формами» [1, с. 89].

Как мы уже знаем, социально-педагогический процесс оказывает на личность внешнее воздействие, которая так или иначе выражает свое отношение к этим влияниям в процессе общения. В формировании общей культуры личности внешнее воздействие необходимо, так как «стихийное общение никогда не реализует себя полностью в качестве культурогенного фактора» [2, с. 216]. В то же время должна быть «золотая середина», так как «слишком энергичное воздействие ограничивает возможности саморегуляции межличностных коммуникаций» [2, с. 216].

В общеобразовательном учреждении, согласно организационной структуры досуговой группы, превалирует группа – коллектив. В коллективе система влияний со стороны руководителя (педагога) принимается членами коллектива благодаря внутренней мотивации, потребности заниматься любимым делом. В результате внешние требования переводятся на уровень личностных значений, личностного смысла. Поэтому, на наш взгляд, актуальность приобретает взаимодействие педагогических и социально-культурных технологий в формировании общей культуры личности.

Единицей анализа формирования социально-педагогической модели формирования общей культуры личности нами выбран юношеский возраст. Согласно педагогической возрастной периодизации, этот возраст соответствует старшеклассникам общеобразовательных школ, учащимся учреждений начального профессионального образования и студентам первого курса колледжей. Подвижность хронологических границ этого возраста отмечают отечественные ученые (Л. И. Божович, А. В. Запорожец, И. С. Кон, А. В. Петровский, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин и др.). Вместе с тем, большинство ученых определяют два этапа юности – ранний (15–17 лет) и собственно юность, который включает в себя протяженность периода от 17 до 21 года.

Для апробации социально-педагогической модели формирования общей культуры личности юношеский возраст выбран нами не случайно, поскольку это один из возрастов в развитии личности, когда аккумулируется весь предшествующий ее социокультурный опыт. Главное новообразование в этом возрасте – открытие «я», развитие рефлексии, осознание собственной индивидуальности, «врастание» в различные сферы жизнедеятельности; дифференцируются отношения с педагогом, он воспринимается только в том случае, если способен быть советчиком, другом.

Формирование общей культуры личности в юношеском возрасте состоит в том, чтобы, включив личность в самостоятельную учебную, внеучебную, проектную, исследовательскую, творческую, культурно-досуговую деятельность, связанных, прежде всего, с гуманизацией отношений, овладением гуманитарными, культурологическими знаниями, осуществить процесс рефлексивного управления, развивающего у юношества способность к самоуправлению своей целесообразной культурной, творческой, художественно-эстетической деятельностью. Формирование общей культуры понимается нами как самоизменение, выступает как процесс деятельного присвоения и реализации сущностных сил личности.

В констатирующем эксперименте нами была поставлена задача выявить представления юношества об общей культуре, оценить уровень собственной общей культуры. В процессе экспериментальной работы нами, кроме общей цели, разрабатывались посредствующие цели, характеризующие социальную активность юношества. Кроме того, текущие цели отражали специфику деятельности студентов колледжей, учащихся учреждений начального профессионального образования, школьников.

Безусловно, активная социальная позиция, участие в культурных процессах требуют осмысленных действий, которые отражают уровень знаний о культуре, соответствующее поведение, эмоционально-ценностное отношение к окружающему, творческо-преобразующую деятельность.

Вполне понятно, что поскольку человек – деятельностное существо, то для его развития решающее значение имеет изменение характера деятельности, когда деятельность приобретает творческий характер, превращается в самодеятельность. Личность в таком случае становится способна к предметному творчеству, органически сочетающемуся с творческими формами своего общения, когда сознательно организованное сотрудничество, социальное взаимодействие логически приводит к результату – личность стремится к самоформированию. «Человек выступает как субъект собственной деятельности, собственного формирования и изменения» [3, с. 21].

При разработке уровней формирования общей культуры личности нами учитывался спиралеобразный ход движения

культуры как процесса обогащения, совершенствования своей предметной деятельности, общения и художественного творчества (М. С. Каган).

Уровень общей культуры – это, прежде всего, результат выбора деятельности, где личность проявляет свою активность, предпочтений юношества, разновидность интересов и потребностей, индивидуальный тип пребывания в социокультурном окружении, рефлексия, способность к самооценке своего уровня общей культуры.

В педагогическом эксперименте одной из целей была диагностика представлений юношества об общей культуре. Экспресс-опрос (зондаж), проведенный в гимназиях № 25, 32, 24 городов Кемерово, Новокузнецк, Междуреченск, женской гимназии с. Елыкаево Кемеровской области, учреждении начального профессионального образования № 14 г. Ленинск-Кузнецкий, в колледжах культуры и искусств (г. Минусинск Красноярского края, г. Новосибирск), всего 497 респондентов, показал, что настоящий собственный уровень общей культуры юношество «скорее не устраивает, чем устраивает» – 30,1 % (абс. ч. 150), «скорее да, чем нет» – 26, 1 % (абс. ч. 130), «вполне устраивает» – 22,1 % (абс. ч. 110), «трудно сказать» – 18,1 % (абс. ч. 90), «нет, совершенно не устраивает» – 4 % (абс. ч. 20). Как видим, юношество довольно критично относится к своему уровню общей культуры, только пятую часть опрошенных устраивает собственная общая культура. Хотели бы повысить общую культуру 40,2 % (абс. ч. 200), не задумывались над этим 50,3 % (абс. ч. 250).

Оценивают свой уровень общей культуры как высокий 6 % (абс. ч. 30), средний – 34,2 % (абс. ч. 170), низкий – 59,7 % (абс. ч. 297).

На вопрос «Что нужно сделать, на ваш взгляд, чтобы повысить интерес общества, личности к проблеме общей культуры?» были вполне конкретные ответы-суждения: «Понизить цены на билеты в театры, на выставки», «Больше антипропаганды вредных привычек», «Нужна программа на уровне государства», «Больше познавательных мероприятий для молодежи», «Меньше рекламы табачных изделий, пива», «Увеличить количество молодежных спектаклей, отражающих эту проблему», «Качественно улучшить телевизионные программы», «Чаще вовлекать молодежь в культурные процессы», «Строить молодежные театры», «В музеях, на выставках отражать проблему общей культуры в целом и молодежи в частности», «Организовывать дискуссии на эту тему не только в стенах гимназии, но и на уровне города, чтобы можно было «услышать голос» сверстников из гимназий, других учебных заведений, а не только одноклассников».

В рамках одной статьи не представляется возможным представить весь экспериментальный материал; резюмируя, можно отметить, что проблема общей культуры личности близка учащейся молодежи и разработанная нами социально-педагогическая модель формирования общей культуры личности, ее уровни и показатели имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. В определении уровней (высокий, средний, низкий) общей культуры личности нами учитывались такие критерии, как когнитивный (познавательно-смысловой), эмоционально-ценностный, деятельностно-творческий (самодеятельностный).

Консеквентность общей культуры юношества, объективируется в нравственно-этическом, художественно-эстетическом опыте, в социальной активности, социальном взаимодействии, художественном творчестве. Творчество становится способом бытия культуры.

Литература

1. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учебник для студентов вузов культуры и искусств. – М.: Издат. дом МГУКИ, 2007. – С. 89.
2. Стрельцов Ю. А., Стрельцова Е. Ю. Педагогика досуга: учеб. пособие. – М.: МГУКИ, 2008. – С. 216.
3. Философско-психологические проблемы развития образования / под ред. В. В. Давыдова; Российская Академия образования. – М.: ИНТОР, 1994. – С. 21.

УДК 316.774

Е. Ф. Черняк

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ

В работе рассмотрены средства позиционирования вузов культуры и искусств, способы взаимодействия со средствами массовой информации; выделены корпоративные СМИ вуза, целью которых является передача целевым группам общественности миссии, философии и стратегии развития организации; описаны возможности Интернет для формирования имиджа вуза.

Ключевые слова: коммуникативная среда, средства массовой информации, позиционирование, имидж, корпоративный сайт, коммуникационная стратегия организации.

E. F. Chernyak

FORMATION OF THE UNIVERSITY COMMUNICATIVE ENVIRONMENT

In operation means of positioning of higher education institutions of culture and arts, interaction methods with mass media are considered; the corporate mass media which purpose is transmission to target groups of the public of mission, philosophy and strategy of development of the organization are selected; possibilities of the new communicative environment – the Internet, for formation of image of higher education institution are described.

Keywords: communicative environment, mass media, positioning, image, corporate site, communication strategy of the organization.

Возросшая роль коммуникативных взаимодействий в функционировании и развитии вуза выдвигает на первый план проблему управления коммуникациями как внутри организации, так и между организацией и ее средой, с целью проведения оптимально благоприятных для организации коммуникационных процессов. Эффективные коммуникации на практике являются основным необходимым условием успешного достижения стоящих перед организацией целей.

Эволюция понятия «коммуникация» применительно к организации привела к самому широкому пониманию этого явления – от средства передачи информации до условия функционирования организации.

Вольтон Д. выделяет три аспекта коммуникации: «В действительности коммуникация имеет три грани. Самая заметная и приносящая удовлетворение – это технологии. Самое трудное, наиболее сложно поддающееся дешифровке и управлению – это сторона культурная. Наиболее многообещающая, с колоссальным развитием обменов и технологий – сторона экономическая» [2, с. 8].

Коммуникацию можно рассматривать как форму деятельности, осуществляемую людьми, которая проявляется в обмене ин-

формацией, взаимовлиянии, взаимопереживании и взаимопонимании партнеров. Она характеризует общение как двухстороннюю деятельность людей, предполагающую взаимосвязь между ними, сопереживание и обмен эмоциями. Коммуникация может решать разные задачи: обмен информацией, выражение отношения людей друг к другу, взаимное влияние, сострадание и взаимное понимание.

На этапе перехода к информационному обществу на первый план выдвигаются уже не проблемы дальнейшей технизации общества, а проблемы его интеллектуализации, внедрения новых социальных технологий, основанных на эффективном использовании главного стратегического ресурса общества – знаний.

Учитывая, что современная стратегия модернизации отечественного образования направлена на развитие ключевых компетенций в интеллектуальной, общественно-политической, коммуникационной и информационной сферах, возникает необходимость создания собственной коммуникативной среды. Мы будем рассматривать формирование этой среды средствами массмедиа.

Одним из первых медиатеоретиков является канадский ученый и публицист Герберт Маршалл Маклюэн. Он посвятил свою работу анализу коммуникативных каналов в культуре, исследовал повседневную жизнь человека в информационном обществе, созданном новейшими средствами массовой информации и один из первых использовал термин «media», который применялся для обозначения различных средств коммуникации.

За понятием «медиа» стоит сложная и разнообразная совокупность структур и видов деятельности, каждая со своим собственным способом коммуникации, своей экономикой, своими границами и своей аудиторией. Это не только средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся и транслируются культурные коды.

В Кемеровском государственном университете культуры и искусств информационную политику осуществляет отдел по связям с общественностью и СМИ, сотрудники которого инициируют информационный поток посредством пресс-релизов, межличностного обмена, созданием специальных событий для прессы. Задача специалистов – сконструировать образ, точно попадающий в ментальность определенных целевых группы.

Университет позиционирует себя как региональный центр науки, образования, инноваций, культуры и социальной активности. Поэтому PR-стратегия вуза зиждется на трех главных принципах:

- повышение открытости и прозрачности действий КемГУКИ;
- информирование различных аудиторий (внутренние и внешние группы общественности) об учебной, научной и творческой деятельности КемГУКИ и приоритетных проектов Министерства культуры, Администрации Кемеровской области и г. Кемерово;
- формирование команды активных участников и взаимодействие с ними в поле культурной политики.

Целенаправленное воздействие на ценности, суждения, оценки, мнение и поведение людей осуществляется, прежде всего, посредством управления информационными потоками, генерируемыми в медиасреде. Выстраивая их в определенную систему, можно добиться исключительных результатов по позиционированию вуза, укреплению его авторитета и репутации.

При формировании оптимальной коммуникативной среды средствами массмедиа учитывается наличие ограничений в прохождении послания от отправителя к адресату. Это уровень доверия к источнику информации, определенные характеристики отправителя, внешней среды, получателя,

целевой аудитории. Поэтому любая информация проходит стадию кодирования – это процесс представления идеи коммуникации, передаваемая адресату информации в виде текстов, символов и образов.

Коммуникативное пространство университета существует не только на основе производства и распространения образов, но и на взаимообмене «информацией» и «интересов». С одной стороны, аудитория воспринимает сообщения, которые имеют отношение к ним лично, с другой стороны, производство медиапродукции не только ориентируется на интерес публики, но и побуждается их определенными интересами.

Важнейшая характеристика в коммуникативном процессе – выбор канала коммуникации. При этом в качестве канала выступают:

- каналы неформальной коммуникации – межличностное общение, слухи и т. д.;
- каналы так называемой «долгой» коммуникации – художественная литература, кинематографическое творчество;
- средства массовой информации – печать, радио, телевидение, Интернет и т. д.

Остановимся подробнее на взаимодействии со СМИ, так как именно они являются наиболее эффективным каналом по степени коммуникативного воздействия вследствие их оперативности, широкого охвата аудитории и возможностей установления обратной связи.

Взаимодействие со СМИ предполагает интенсивность информационного аудиовизуального потока: ТВ, кино, видео, компьютерная графика, Интернет.

Медиасообщество само по себе является целевой аудиторией – не случайно оно называет себя четвертой властью. Поэтому, какой бы проект мы ни начинали и какую бы стратегию коммуникаций ни выстраивали, надо делать превью, т. е. создавать интерес к ожидаемому событию. Предосмотр (превью) может быть специально организованным знакомством журналистов с конкретным творческим коллективом вуза, экспозицией, выставкой, проектом, намеченным к открытию. В ходе предосмотра журналисты получают исчерпывающие информационные материалы о предстоящем событии, берут интервью, проводят фото и видеосъемку. Интерес к мероприятию вуза может вызвать личное общение с редакторами и журналистами и качественный пресс-релиз.

За 2010/2011 учебный год отделом по связям с общественностью вуза в СМИ было отправлено 3 544 пресс-релиза. По итогам рассылки в печатных СМИ было опубликовано 83 заметки и статьи в таких изданиях, как: «МК в Кузбассе», «Аргументы и факты в Кузбассе» «Кузбасс», «Кемерово», «Комсомольская правда» и др. В эфире телеканалов «Мой город», «ТВ-Мост» и «СТС-Кузбасс» вышло 69 сюжетов, на радио – 27.

Только за период с сентября 2010 года по июнь 2011 года была оказана информационная поддержка 185 наиболее значимым мероприятиям вуза, что на 89 больше, чем в 2009–2010 годах.

К сфере ответственности отдела PR вуза относится не только распространение в СМИ пресс-релизов о деятельности организации, но оперативный сбор и анализ уже опубликованных или вышедших в эфир телевидения и радио материалов, имеющих отношение к организации (мониторинг СМИ).

Укрепляют идеологию организации, развивают ее индивидуальный стиль и традиции, повышают уровень доверия и интереса со стороны потребителей, внутренней и внешней общественности корпоративные СМИ, задача которых – благоприятное и разностороннее освещение деятельности предприятия «изнутри». Это один из способов завоевать собственный сегмент медиарынка, передать целевым группам общественности миссию, философию и стратегию развития организации.

В 2009 году в ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» создана и успешно осуществляет свою деятельность телевизионная студия, которая формирует положительный имидж и престиж университета как регионального центра подготовки специалистов высшей квалификации в области культуры, искусства и образования, повышает уровень профессионального мастерства студентов университета.

Телевизионная студия работает над созданием ежемесячной программы «АРТ-класс» (для городского телеканала «Мой город») и еженедельной программой «АРТерия» (для трансляции в вузе). Ее передачи рассказывают о творческой жизни университета: это студенческие весны, фестивали первокурсников «Прорыв», концертная деятельность коллективов, недели театрального искусства, гастрольная, благотворительная деятельность – такая, как акция «Сделаем мир ярче», международные творческие проекты «С Любовью к городу», «Пасхальный фестиваль» и др. В объективе камер научная жизнь вуза: научно-практические конференции с международным участием и студенческие конференции, круглые столы и мастер-классы.

Реализация проекта телестудия КемГУКИ направлена на привлечение внимания широкой зрительской аудитории к интересам и проблемам Университета; на создание творческой группы студентов, которые получат ценный опыт взаимодействия с профессиональными журналистами, операторами, режиссерами, продюсерами.

Не только каналом и средствам, но и средой коммуникации стал Интернет. От других СМИ его отличают: интерактивность, глобальность, сиблимированность, возможность онлайновой корректировки информации. Кроме этого данный вид коммуникации масштабируем, возможен ее взрывной рост в онлайновом режиме. Особое доверие к всемирной сети возникает за счет «эффекта присутствия», коммуникативной открытости Интернет. Информационную и эмоциональную насыщенность обеспечивают гипертекстовые возможности и комплексная мультимедийная фиксация сообщений.

Мир электронного общения имеет недолгую и одновременно яркую историю. В работах Н. Лумана, М. Кастельса, М. Маклюэна, Дж. Семпси, А. Турена, Ю. Хабермаса, У. Эко и многих других современных исследователей социум представлен как мир общения, в котором новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей друг с другом. При этом новой коммуникативной средой стала Всемирная компьютерная сеть, а необходимым условием позиционирования себя с медийном пространстве становится создание собственного корпоративного сайта.

В КемГУКИ существует официальный сайт www.kemguki.ru, оперативность и интерактивность которого несомненна. Его новостные и тематические системы способствуют оперативному достижению положительной публичной известности. О постоянном внимании к деятельности вуза говорит тот факт, что за период с 2010 по 2011 годы общее количество посетителей официального сайта составило 153 808 человек, из них уникальных 114 007 и постоянных 39 801. Всего же за этот период посетителями сайта вуза было просмотрено 3 938 937 страниц.

Информация, опубликованная на сайте вуза, достоверная и качественная. Анализируя звонки, электронные письма от СМИ, сотрудники отдела PR получают представление о том, какие темы сегодня являются актуальными. Отвечая на вопросы региональных СМИ, как бы «обкатывается» технология подачи информации в публичном пространстве. Это своего рода репетиция, не сопряженная с PR-рисками.

Следует учитывать тот факт, что структура и характер интернет-информации существенно отличается от характера и структуры обычной информации для печатных СМИ. Во-первых, здесь представлены все виды коммуникации (массовая, специализированная, межличностная, интраперсональная), тогда как в СМИ практически отсутствует межличностная и интраперсональная коммуникация. Во-вторых, в мультимедийном мире в том или ином виде присутствуют все традиционные средства коммуникации: видеоконференция, ICQ, броузер, мета-поиск, online-голосование, форум, чат и другие типы интернет-общения, которые не только воспроизводят все известные формы общения, но и предлагают принципиально новые.

Формирование университетской коммуникативной среды средствами массмедиа – это не просто дань современным тенденциям, это эффективное средство повышения привлекательности образовательного учреждения в глазах потенциальных студентов и фактор, влияющий на активизацию совместной деятельности с партнерами образовательного учреждения, возможность привлечения дополнительных средств в рамки финансирования образовательного процесса.

Литература

1. Алешина И. В. Паблик Рилейшнз для менеджеров и маркетеров. – М.: Тандем, Гном-Пресс, 1997. – 255 с.
2. Вольтон Д. Информация не значит коммуникация: пер. с фр. / отв. ред. К. Г. Сальберг-Вачнадзе. – М.: Полпред – Справочники, 2010. – 34 с
3. Дагаева Е. А. Внутренние Public Relations вуза // Высшее образование в России. – 2009. – № 10. – С. 157–159.
4. Максимова Г. П. Медиавоспитание в высшей профессиональной школе. – Ростов: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 2006. – 180 с.
5. Макарова Е. А., Мурыгина Т. В. Формирование успешного бренда вуза средствами Public Relations // PR в России: образование, тенденции, международный опыт: тезисы докладов и выступлений III Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2006. – С. 75.
6. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 34–52 .

УДК 37

С. В. Буцык

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ НА ФАКУЛЬТЕТАХ ИСКУССТВ

Статья посвящена актуальным проблемам использования информационно-коммуникационных технологий в подготовке специалистов сферы искусств. Автор предлагает модель подготовки бакалавров и магистров на основе междисциплинарного взаимодействия кафедр. В качестве примера приводится опыт реализации модели в Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Ключевые слова: образование, искусство, информатика, информационно-коммуникационные технологии.

S. V. Butsyk

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL BACKGROUND OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY IN TEACHING STUDENTS THE FACULTY OF ARTS

The article is devoted to actual problems of information and communication technologies in education in the arts. The author proposes a model of bachelor's and master's degrees on the basis of interdisciplinary departments. As an example the experience of implementing the model in the Chelyabinsk State Academy of Culture and the Arts.

Keywords: education, art, information science, ICT.

Изучение вопросов по данной проблематике весьма актуально, поскольку именно сегодня в сфере искусств скрыт значительный потенциал использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Более того, на наш взгляд, этот потенциал применительно к российской образовательной практике по так называемым «творческим» направлениям можно объективно отнести к инновационному, причем, как в методике обучения, так и в будущей профессиональной деятельности выпускников. Имеется богатый зарубежный и некоторый отечественный опыт использования новейших информационных 3D-технологий в дизайне интерьера и экстерьера, шоу-программах, театральных и хореографических постановках, что переводит многие известные нам музыкальные, графические редакторы в разряд традиционных средств.

В то же время можно с уверенностью говорить о недостаточном внимании к использованию ИКТ в образовательном процессе российских вузов указанной сферы. Так, в многопрофильных учебных заведениях культуры и искусств значительно больший объем дисциплин, связанных с ИКТ, предусмотрен на гуманитарных направлениях или направлениях культуры [1]. В сфере искусств этот аспект нередко переводится на второй план, причем как управленческими структурами вуза, так и самими факультетами искусств. Если и происходит некий «толчок» к внедрению ИКТ в обучении на факультете искусств, то это происходит скорее локально, по инициативе отдельного педагога, и дальнейшее развитие процесса в значительной степени зависит от его инициативы и настойчивости, нежели от организации учебного процесса «сверху».

В 2011/12 учебном году с внедрением образовательных стандартов третьего поколения (ФГОС ВПО) у вузов появилась уникальная возможность. Она связана с тем, что новые стандарты подготовки бакалавров и магистров, благодаря своей объемной вариативной составляющей (не менее 50 % общего объема учебных дисциплин вуз выбирает по собственному усмотрению) имеют достаточно возможностей для реализации системных общевузовских принципов внедрения ИКТ на факультетах искусств.

В качестве примера приведем опыт Челябинской государственной академии культуры и искусств по разработке опытной модели развития ИКТ в указанной сфере. Модель можно условно разбить на 3 блока:

1) обучение бакалавров сферы искусств;

2) обучение магистров сферы искусств;

3) взаимодействие факультетов искусств с направлением «Прикладная информатика» (см. рис. 1).

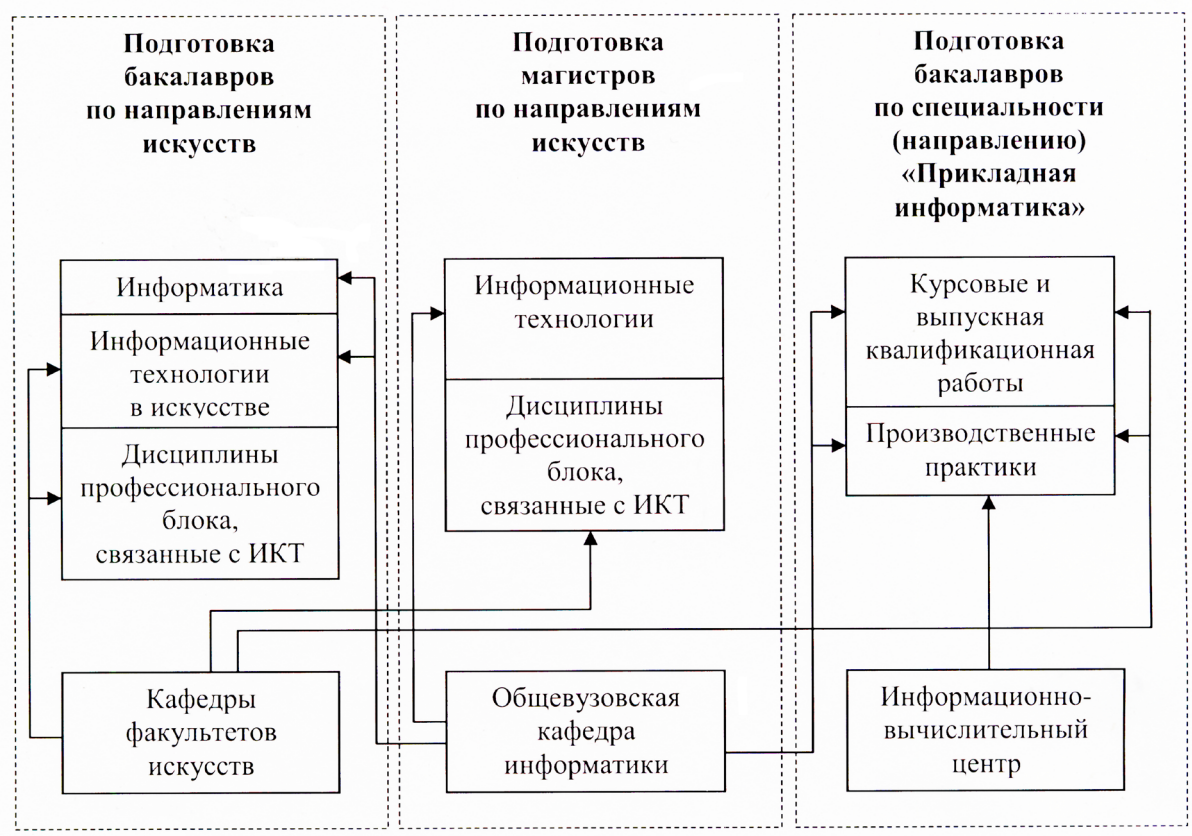

Рисунок 1. Модель развития информационно-коммуникационных технологий в высшем образовании в сфере искусств

Первый блок модели, связанный с подготовкой бакалавров, условно разбивается на две части: А и Б. Часть А представлена дисциплиной «Информатика и информационные технологии в искусстве», которая сопровождается (полностью или частично) общевузовской кафедрой информатики. Она унифицирована по объему: 4 зачетные единицы (1 пара аудиторных занятий в неделю) + 1 зачетная единица для проведения экзамена. Дисциплина включена в рабочие учебные программы по всем соответствующим направлениям в третьем и четвертом семестрах. По содержанию она разбита на два модуля:

A_1 – базовый (основы работы с операционной системой, текстом, графикой, анимацией, подготовка презентаций и т. п.);

A_2 – предпрофессиональный, предполагающий знакомство с новыми технологиями в соответствующей сфере искусств, изучение организационных, технологических, психологических и других особенностей их использования.

Часть Б составляют профессиональные дисциплины (одна или несколько), связанные с ИКТ. Они сопровождаются выпускающей кафедрой факультета искусств и могут проводиться в период с 4-го по 7-й семестры. Гибкость реализации первого блока заключается в том, что промежуточная составляющая, в зависимости от кадрового потенциала, может обеспечиваться как общевузовской, так и выпускающей кафедрой или ими совместно. Возможные варианты организации обучения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Варианты реализации первого блока модели

№ п/п	Обозначение	Описание
1.	А+Б	базовый и предпрофессиональный модули (А1+А2) полностью сопровождаются общевузовской кафедрой информатики; рекомендуется при наличии на кафедре преподавателя, владеющего (в достаточной степени) спецификой соответствующего направления сферы искусств
2.	А1+Б	модуль А2 сопровождается кафедрой факультета искусств, фактически обеспечивая переход к профессиональной части; рекомендуется при отсутствии на общевузовской кафедре преподавателя, владеющего (в достаточной степени) спецификой соответствующего направления сферы искусств
3.	А1+А2/ Б1+Б2	промежуточный (предпрофессиональный) модуль сопровождается совместно общевузовской и выпускающей кафедрами; данный вариант может быть рекомендован в качестве экспериментального с целью определения более эффективного варианта организации обучения ИКТ на факультете искусств в последующие периоды

Текущая организационно-методическая ситуация подготовки магистров выглядит сложнее. Проблема во многом связана с относительной новизной (для российского образования в сфере искусств) перехода от традиционных 5-летних программ к системе бакалавр-магистр (4+2 года). Как следствие, сохраняющаяся до сих пор неопределенность в выборе основного «стержня». Чему отдавать предпочтение при обучении магистрантов: научно-исследовательской или художественно-творческой деятельности? Какова должна быть степень овладения ими психологией и педагогикой высшей школы, методикой преподавания дисциплин профессионального блока? Эти и другие подобные вопросы сегодня могут быть актуальны не только по направлениям искусств, но и по группе «Культура и искусство» в целом.

В этой связи особенно важным представляется овладение компетенциями, связанными с эффективным применением новых информационных технологий для решения профессиональных задач и педагогической деятельности.

В Челябинской государственной академии культуры и искусств при подготовке магистров направлений искусств дисциплина «Информационные технологии» проводится в течение первого и второго семестров. Целевой вектор данной дисциплины ориентирован на использование современных информационных технологий в науке, творчестве и образовании, включая дистанционные образовательные технологии. В частности, магистрантами изучаются:

- современные сервисы сети Интернет (Google docs, социальные сети, вики, блоги, твиттер и т. п.);
- Microsoft Office Communicator и Live Meeting – для организации совместной работы;
- Microsoft Sharepoint – для разработки совместных веб-ресурсов;
- Windows Live – для разработки графических и мультимедийных материалов и пр.

Реализация указанной дисциплины, безусловно, требует постоянного мониторинга современных тенденций высшего образования в сфере искусств, уточнений содержательного наполнения отдельных тем, а также ежегодного обсуждения полученных результатов кафедрой информатики совмест-

но с факультетами искусств. Кроме того, разработанные подходы к содержанию могут быть применены и к аналогичным дисциплинам других направлений группы «Культура и искусство»: «Социально-культурная деятельность», «Библиотечно-информационная деятельность», «Народная художественная культура», «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство» и т. д.

Третий блок модели связан с взаимодействием факультетов искусств и кафедры информатики в рамках обучения студентов специальности (направления подготовки) «Прикладная информатика». Такое взаимодействие может осуществляться при выполнении студентами-информатиками курсовых и выпускных квалификационных работ, а также в процессе организации производственной практики (см. табл. 2).

Таблица 2

Виды учебной деятельности студентов, обучающихся по специальности (направлению подготовки) «Прикладная информатика»

№ п/п	Вид работы	Подготовка специалистов	Подготовка бакалавров
1.	Курсовая работа по дисциплине «Высокоуровневые методы информатики и программирования»	6-й семестр	6-й семестр
2.	Курсовая работа по дисциплине «Проектирование информационных систем»	8-й семестр	7-й семестр
3.	Производственная практика	8-й семестр	-
4.	Производственная (преддипломная) практика	10-й семестр	8-й семестр
5.	Выпускная квалификационная работа	В рамках итоговой аттестации	В рамках итоговой аттестации

Тематика курсовых и квалификационной работ студентов, обучающихся по специальности (направлению подготовки) «Прикладная информатика», обычно связана с созданием цифровых образовательных ресурсов для дисциплин искусств, а преподаватели данных дисциплин фактически выступают в роли соруководителей. При этом при создании крупного образовательного проекта студент может реализовывать его на всех этапах обучения, и при необходимости базой производственной практики студента может выступить информационно-вычислительный центр вуза (см. рис. 1).

Подобная консолидация всех возможных ресурсов позволяет за несколько лет создавать достаточно качественные продукты, которые затем можно использовать преподавателям факультетов искусств на своих занятиях по дисциплинам профессионального цикла. Отметим, что каждое из электронных изданий, реализуемое для дисциплин сферы искусств, на наш взгляд, обладает специфи-

кой, которая может выражаться в особенностях технологического, организационного или методического характера. При разработке содержательного наполнения учебника основной акцент обычно делается на представлении информации в виде иллюстраций, графики, аудио- и видеороликов.

В качестве примеров работ, созданных в Челябинской государственной академии культуры и искусств, можно привести электронные учебники для студентов хореографического факультета. Так, дисциплина «Мастерство хореографа», теоретическая по своей направленности, состоит из двух разделов: основы мастерства хореографа и теоретические основы композиции танца. Электронный учебник по этой дисциплине практически в каждом параграфе содержит, наряду с текстовой информацией, графику и видеоролики.

Организационно-методическая специфика электронного учебника по дисциплине «Народно-сценический танец» связана с ее значительной практической ориентированностью. Поэтому вся теория состоит из небольшого организационно-методического раздела, а основное содержание учебника занимает практика. При этом видеороликами поддерживается не просто занятие в целом, а каждый танцевальный элемент: battement; battement fondu; battement developpe; zapateado; pas tortille; flic-flac; упражнение для бедра в один темп; комбинация на трюковые прыжки; присядки и др.

Описанные нами направления внедрения ИКТ в процесс обучения студентов факультетов искусств затрагивают вопросы подготовки бакалавров, магистров и междисциплинарного взаимодействия кафедр. В то же время представленная модель является достаточно динамичной и может быть уточнена, дополнена и адаптирована для решения других образовательных задач.

Так, например, в Челябинской государственной академии культуры и искусств начало реализации в магистратуре дисциплины «Информационные технологии» совпало с необходимостью исполнения приказа Министерства культуры № 926 от 9 сентября 2011 года. Данный приказ предписывал руководителям высших учебных заведений, претендующим на получение контрольных цифр приема слушателей, обеспечить создание необходимых условий для организации повышения квалификации по следующим направлениям:

- актуальные вопросы модернизации высшего образования в сфере культуры и искусства в России, включая переход на двухуровневое образование и введение федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения;
- современные технологии в образовании;
- информатизация в области образования и т. п. [4].

Необходимость выполнения этого приказа в Челябинской государственной академии культуры и искусств послужила мощным стимулом для разработки новых программ повышения квалификации. Так, в октябре-ноябре 2011 г. на базе подхода, предложенного для магистрантов, была разработана и реализована новая программа курсов повышения квалификации «Информационно-коммуникационные технологии в области образования, культуры и искусств» [3]. Она рассчитана на преподавателей высших и средних специальных учебных заведений, а также руководителей и специалистов в области библиотечного и музейного дела.

Цель программы – способствовать формированию навыков решения проблем, возникающих в сфере профессиональной деятельности, посредством использования информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, содействовать пони-

манию необходимости выстраивания своей профессиональной деятельности в соответствии с задачами развития информационного общества в России. Достижение поставленной цели обеспечивалось путем формирования знаний в области мировых тенденций и стратегий развития информационного общества, «электронного развития» сферы образования, культуры и искусств; умений работы с сетевыми информационными технологиями; навыков работы с прикладными программными продуктами общего и специального назначения, применения средств и систем компьютерных коммуникаций.

Структура курса делится на базовый и специализированный блоки. Специализированная часть состоит из общей темы и профильного модуля, необходимого для переподготовки специалистов конкретной сферы культуры и искусств. Подобный подход к структуре курса повышения квалификации в определенной степени повторяет принципы и модель развития информационно-коммуникационных технологий в высшем образовании, описанные нами в данной статье. Эта программа может быть трансформирована для других направлений сферы культуры и искусств.

Литература

1. Буцык С. В. Информатизация вузов культуры и искусств: анализ текущего состояния: монография / С. В. Буцык; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 131 с.
2. Буцык С. В. Особенности формирования информационно-коммуникационной среды обучения в вузе культуры и искусств // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». – 2011. – № 23. – С. 49–52.
3. Информационно-коммуникационные технологии в области образования, культуры и искусств: рабочая программа курсов повышения квалификации / С. В. Буцык, А. С. Крестников, А. В. Лушникова, И. Ю. Матвеева, Н. Н. Штолер; Челяб. гос. академия культуры и искусств. – Челябинск, 2011. – 19 с.
4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации № 926 от 9 сентября 2011 г. «О контрольных цифрах приема слушателей в федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего и дополнительного профессионального образования, подведомственные Министерству культуры Российской Федерации в 2011 году» [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения 03.03.2012).

УДК 37

Н. Ю. Косенко, Н. М. Слаутина

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются противоречия профессионального развития личности, которые могут быть разрешены на этапе последипломного образования. Исходя из выявленных противоречий, предлагаются направления совершенствования деятельности учреждения повышения квалификации и переподготовки кадров.

Ключевые слова: профессиональное развитие личности, противоречия профессионального развития, последипломное образование.

N. Y. Kosenko, N. M. Slautina

CONFLICTS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY IN MODERN CONDITIONS OF POSTGRADUATE EDUCATION

The article deals with the contradictions of professional development of personality, which can be resolved at the stage of post-graduate education. The directions are given to improve training and retraining of personnel, based on the identified differences.

Keywords: personal professional development, contradictions of professional development, post-graduate education.

Непрерывность является ведущей чертой современного образования, так как именно она определяет направления, содержание и результаты профессионального развития личности в быстроменяющихся условиях.

С общенаучных позиций такая характеристика, как непрерывность изначально присуща любому процессу развития. Профессиональное развитие личности изучается различными науками, так как является комплексной, междисциплинарной проблемой.

Современная организация последипломного образования базируется на аксиоме, согласно которой «профессиональное развитие работника уже немыслимо без его личностного развития, его развития как индивидуальности, без разработки новых средства, форм, методов обучения. В связи с расширением возрастных границ обучающихся актуализируется роль новых педагогических дисциплин – андрологии, андрогогики, акмеологии» [2, с. 83–84].

Ретроспективный анализ литературы по проблеме профессионального развития личности позволил нам определить следующие теоретические подходы к ее исследованию:

- теория Д. Холланда, согласно которой профессиональное развитие зависит от определения самим индивидом своего профессионального типа, от соответствия этому типу выбранной профессии, от квалификационного уровня данного человека;
- теория Э. Гринцберга, У. Джейда, согласно которой выделяются последовательные фазы профессионального развития на основе перевода индивидуальных импульсов в содержательно оформленное профессиональное желание;
- концепция Д. Сьюпера, состоящая из следующих положений:
- определение способностей, интересов и свойств личности;
- пригодность на этой основе человека к ряду профессий, а каждой про фессии – ко многим людям;
- профессиональное развитие имеет ряд последовательных стадий и фаз; особенности этого развития определяются социально-экономическим уровнем родителей, свойствами индивида, его профессиональными возможностями и т. д.;
- на разных стадиях развитием можно управлять, влияя на формирование Я-концепции;
- профессиональное развитие состоит именно в формировании и реализации Я-концепции;
- взаимодействие Я-концепции и реальности происходит в процессе выполнения профессиональных ролей, некоторые можно проигрывать в фантазиях, профконсультационной работе, а не только в реальной жизни;
- удовлетворенность работой зависит от того, в какой мере индивид находит адек-

ватные возможности для реализации своих способностей, интересов, свойств личности в различных профессиональных ситуациях, где в значительной степени определяется возможность играть ту роль, которая казалась подходящей на данной стадии профессионального развития.

Д. Сьюпер предложил ступенчатую модель профессионального развития, где фазы отличаются психологическими свойствами конкретного возраста [1].

«Личность изначально не является субъектом своей жизнедеятельности, но может обрести это особое качество в процессе своего развития. Чтобы личность смогла стать активным субъектом, должны быть выполнены следующие условия: успешное разрешение внутренних и внешних противоречий, обеспечение соответствия между личностью и деятельностью; оптимальная организация всех пространств своей жизненной активности (от эмоциональной саморегуляции до умения получать практические результаты в практической деятельности)» [2, с. 420].

С точки зрения теоретико-методологических основ нашего исследования, необходимо выделить, прежде всего, источники процесса профессионального развития личности.

Традиционно в качестве таких источников выступают противоречия. Мы считаем, что, если не определены противоречия профессионального развития личности, то невозможно обосновать этот процесс и место различных институтов (в том числе – системы образования) в управлении им.

Вместе с тем, следует помнить о том, что противоречия тогда служат источником развития, когда они разрешаются, то есть тогда, когда или доминирует одна из сторон противоречия, или когда создаются условия для сглаживания принципиальных отличий между двумя сторонами, или в некоторых других случаях. Но практически всегда должны быть созданы определенные условия, особенно в случае управляемых процессов, как это имеет место в обучении.

Сформулируем основные противоречия профессионального развития личности в современных условиях, имеющие отношения к послевузовскому образованию:

- между требованиями к профессиональной деятельности со стороны общества и должностными инструкциями;
- между государственными образовательными стандартами и потребностями работодателей;
- между потребностями профессиональных сообществ в стандартах деятельности и отсутствием принятых профессиональных стандартов;
- между принципами и методами разработки государственных образовательных и профессиональных стандартов;
- между тактической направленностью образовательных программ повышения квалификации и переподготовки специалистов, востребованной работодателями, и стратегическими задачами развития различных сфер жизни общества.

Охарактеризуем подробнее каждое из выявленных нами противоречий. Первое противоречие обусловлено тем, что существующие тарифно-квалификационные материалы устарели, а новые еще не разработаны. Кроме того, нет общественной экспертизы проектов тарифно-квалификационных справочников и профессиональных стандартов. Исключение составляет только профессиональный стандарт кадрового менеджмента, в разработке которого принимали участие ученые и практики и который был одобрен Союзом кадровиков России. В связи с этим, как мы полагаем, в содержании деятельности учреждений послевузовского образования следует отразить работу по составлению

стандартов профессиональной деятельности (или региональный аспект, или стандарты профессиональной деятельности отдельных учреждений социокультурной сферы, образования и др.). Этим вопросам могут быть посвящены как отдельные спецкурсы, так и проектная деятельность обучающихся по заявке работодателей и их научно-исследовательская работа. Также мы видим перспективы и возможности научно-методической работы учреждения последипломного образования, выполняемой как индивидуальный или сетевой проект.

Второе противоречие – между государственными образовательными стандартами и потребностями работодателей – на практике проявляется в следующем. Во-первых, нет государственной, региональной, муниципальной и ведомственной политики в области образовательных стандартов последипломного образования. Кроме того, нет утвержденных форм участия работодателей в составлении этих стандартов. Мы предлагаем разработку вариантов участия работодателей в стандартизации программ повышения квалификации и переподготовки специалистов.

Что касается третьего из выявленных нами противоречий профессионального развития личности – между принципами и методами разработки государственных образовательных и профессиональных стандартов – то, с одной стороны, оно не является сдерживающим профессиональное развитие фактором, так как образовательные и профессиональные стандарты не должны быть идентичны. С другой стороны, проблемы сопряжения указанных стандартов назывались в числе ключевых в современном образования такими авторами, как В. И. Байденко, Ю. Г. Татур, Э. Ф. Зеер и др., а также обсуждались на Советах ректоров РФ. Данное противоречие может решаться в условиях последипломного образования в единстве с предыдущим, охарактеризованным в данной статье.

Противоречие между потребностями профессиональных сообществ в стандартах деятельности и отсутствием принятых профессиональных стандартов возникает из-за недооценки важности профессиональных стандартов профессиональными сообществами и по причине неразвитости самих этих сообществ. В целях повышения результативности повышения квалификации и переподготовки специалистов учреждение последипломного образования может инициировать взаимодействие с профессиональными, творческими союзами и другими институтами гражданского общества по разработке и принятию профессиональных стандартов.

Последнее из выявленных нами противоречий прямо связано с противоречием внутри образования как социального института: между тем, что оно должно одновременно и передавать опыт и культуру от поколения к поколению, и осуществлять опережающее обучение, обеспечивающее выпускников основой для решения проблем, которые будут возникать и которые в большинстве случаев невозможно предвидеть заранее. В этой связи возрастает роль стратегического менеджмента как в деятельности самих учреждений и организаций, так и в деятельности учреждений, осуществляющих переподготовку и повышение квалификации их сотрудников. Анализ практики показывает нам, что большинство руководителей учреждений социальной сферы выбирают те программы повышения квалификации и переподготовки, которые позволяют их сотрудникам решать оперативные и тактические задачи функционирования и развития организации. Следовательно, одним из направлений совершенствования деятельности учреждения последипломного образования является взаимодействие

с работодателями и социальное партнерство с органами муниципальной, региональной и федеральной власти в целях приведения в соответствие реализующихся программ и стратегических задач развития экономики, промышленности и социальной сферы.

Выявленные нами противоречия не исчерпывают всей совокупности противоречий профессионального развития личности. Как уже говорилось, они ограничены теми условиями, которые есть в учреждениях последипломного образования для их разрешения. Также имеют место в профессиональном развитии такие противоречия, как психологические, гендерные, возрастные и др. Мы специально определили только те противоречия, в разрешении которых достаточно самостоятельную роль играют образовательные учреждения, осуществляющие переподготовку и повышение квалификации. На основе теоретико-аналитического этапа своего исследования мы определяем следующие направления деятельности научно-учебного центра кадров культуры по разрешению противоречий профессионального развития личности обучающихся:

- методическая работа по согласованию образовательных и профессиональных стандартов, включая составление рекомендаций, программ, методик измерения и оценки результатов деятельности и др.;
- инициирование разработки региональных и территориальных стандартов деятельности в учреждениях культуры совместно с работодателями, органами власти, творческими союзами и др.;
- включение в образовательные программы стратегических задач развития культуры в стране и регионе, а также проектов и технологий, направленных на их решение;
- менеджмент профессионального развития обучающихся на основе активизации межсессионной работы, включая их проектную деятельность, бенчмаркинг учреждений культуры региона, профессиональное консультирование, координацию планов и др.

Литература

1. Каптерев А. И. Информатизация социокультурного пространства. – М.: Фаир-пресс, 2005. – 512 с.
2. Толочек В. А. Современная психология труда: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 479 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»).
3. Гуревич К. Л. Основные свойства нервной системы и профессиональная пригодность. – М.: Наука, 1970. – 272 с.
4. Зеер Э. Ф. Психология профессий. – Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – 336 с.

УДК 378

Н. М. Слаутина

БЕНЧМАРКИНГ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА В ОБЛАСТИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются теоретические основания бенчмаркинга в вузе. Бенчмаркинг рассматривается в системе деятельности вуза по совершенствованию качества образования. Методический аспект бенчмаркинга рассматривается в контексте реализации академической мобильности студентов на основе анализа качества образовательных программ различных вузов.

Ключевые слова: бенчмаркинг, качество образования, образовательные программы.

N. M. Slautina

BENCHMARKING AS A DESTINATION OF UNIVERSITY FOR THE QUALITY OF EDUCATION

The article discusses theoretical basis of benchmarking at the university. Benchmarking is seen in the activities of the university to improve the quality of education. Methodical aspect of benchmarking is considered in the context of the academic mobility of students based on quality educational programs of various universities.

Keywords: benchmarking, quality education, training programs.

Изменения, происходящие в современном обществе, обусловливают актуальность развития технологий управления. В полной мере сказанное относится к системе образования. Исследователи констатируют тот факт, что в управлении вузами все чаще используются, во-первых, зарубежные технологии и, во-вторых, технологии, которые разрабатывались и традиционно используются на предприятиях и в коммерческих структурах. Мы согласны с тем, что «практика последнего десятилетия во всех сферах жизни современного российского общества, в том числе и в образовании, показала недостаточную эффективность некритического заимствования западных моделей управления, их переноса в российскую действительность без предварительной адаптации» [1, с. 5].

В соответствии со сказанным, целью данной статьи является разработка и обоснование содержания и технологий бенчмаркинга как одного из направлений деятельности вуза культуры и искусств в области качества образования. Для достижения поставленной цели нами будут решены следующие задачи. Во-первых, надо выявить сущность бенчмаркинга. Во-вторых, необходимо рассмотреть место бенчмаркинга среди других направлений деятельности вуза в области качества образования. В-третьих, определить особенности бенчмаркинга в творческом вузе.

«Бенчмаркинг (англ. benchmarking) – метод современного менеджмента, с помощью которого компания проводит сравнение своей деятельности с практикой других компаний в целях осуществления конкретных изменений, позволяющих улучшить свою деятельность и повысить конкурентоспособность.

Название происходит от англ. слова benchmark, что в переводе означает «отметка уровня, репер», поэтому можно сказать, что бенчмаркинг – это процесс сравнения того, от чего принято отталкиваться, с неким эталоном, лидером в данной сфере деятельности. По смыслу – это изучение и заимствование передового опыта [1, с. 32].

На основании анализа литературы можно выявить следующие этапы развития бенчмаркинга:

- первая половина XX века, когда Г. Форд внедрил сборочный конвейер после знакомства с доставкой сырья на скотобойню в Чикаго;

- 70–80-е годы XX века, когда компания «Rank Xerox» усовершенствовала сбыт своей продукции на основе использования опыта компании по производству спортивных товаров Bean;

- 90-е годы XX века, когда о бенчмаркинге стали говорить как о новом направлении, появившемся на стыке менеджмента и маркетинга, которое служит реализации целей повышения конкурентоспособности и непрерывного улучшения качества на предприятии;

- первое десятилетие XXI века. Мы выделяем этот этап в связи с тем, что бенчмаркинг в данное время используется не только

на предприятиях и в коммерческих учреждениях, но и в организациях социальной сферы.

Выделенный нами последний этап в развитии бенчмаркинга актуализирует разработку методологии данной деятельности применительно к специфике различных организаций, в том числе – образовательных. Анализ литературы по проблематике бенчмаркинга позволяет, помимо цели, определить также его виды, принципы, методы. К видам бенчмаркинга относят: стратегический, операционный, процессно-ориентированный, проблемно-ориентированный, внутренний, внешний [3].

Принципами бенчмаркинга являются: лидирующая роль руководства; вовлечение сотрудников; системный подход; процессно-ориентированный подход; принятие решений, основанное на фактах и данных; ориентация на потребителя; постоянное улучшение. Как видно из приведенного перечня, эти принципы совпадают с принципами менеджмента качеств в различных системах качества, в том числе в системе ИСО.

Наконец, к методам бенчмаркинга относят экспертную оценку; статистические методы; формальную оценку по заданным критериям, системам оценки.

Можно предложить следующие основные характеристики бенчмаркинга: постоянное улучшение деятельности организации, внедрение процессного подхода, измерение и сравнение показателей. Как отмечает Е. А. Михайлова, «согласно концепции бенчмаркинга, любой бизнес-процесс должен быть промаркирован, то есть должен иметь несколько без труда распознаваемых точек, по которым можно, во-первых, определить, насколько успешно протекает бизнес-процесс, а соответственно, насколько успешно компания работает в данный момент, и, во-вторых, спланировать внедрение изменений, способных отслеживать будущие достижения компании в области совершенствования бизнес-процессов» [5, с. 128].

Как уже говорилось, основные характеристики бенчмаркинга соответствуют основным характеристикам менеджмента качества. Следовательно, бенчмаркинг можно рассматривать как одно из направлений деятельности вуза в области качества образования. Наряду с бенчмаркингом, этой же цели служат:

- всеобщий менеджмент качества (Total Quality Management – TQM);
- система сбалансированных показателей (Balanced Score Card – BSC);
- стандартизация менеджмента качества по версии ИСО 9000:2000 (ISO).

Таким образом, деятельность вуза по обеспечению качества образования может быть рассмотрена как система, одним из компонентов которой является бенчмаркинг. Анализ практики бенчмаркинга зарубежных вузов показал следующее. Во-первых, эта деятельность в вузах осуществляется преимущественно как проектная. По форме проекты могут быть сетевыми (с участием нескольких вузов) и индивидуальными (проводятся отдельным вузом). Во-вторых, они могут быть аналитическими (определяются перечни показателей, по которым следует проводить оценку качества) и диагностическими (применение процедур измерения и оценки выявленных показателей). В-третьих, бенчмаркинговые проекты могут проводиться вузом самостоятельно или с привлечением консалтинговых агентств.

На наш взгляд, цель бенчмаркинга в творческом вузе принципиально не отличается от общей цели бенчмаркинга. Что же касается проблем реализации этой деятельности, то ее, как нам представляется, достаточно полно охарактеризовала Е. А. Михайлова: «Среди людей творческих профессий сильна естественная антипатия к любому контролю над их деятельностью, в частности и к контролю над качеством. Считается, что конт-

роль подавляет творческие способности, прежде всего креативные, и что методы, позволяющие оценивать уровень качества, не могут быть внедрены в сферу деятельности, не относящуюся к разряду “производящих стиральные порошки”. По сути дела, в отношении труда инженеров, ученых, дизайнеров, журналистов, поваров, актеров и прочих представителей творческих профессий подобные высказывания не столь уж и безосновательны» [6, с. 124].

Творческие вузы (в частности, вузы культуры и искусств) принципиально отличаются не только от предприятий и коммерческих фирм, работающих с целью получения прибыли, но и от других вузов (технических и классических университетов, например). Мы считаем, что основное отличие состоит в том, что в вузе культуры и искусств сложнее руководствоваться в оценке процессов соображениями эффективности и производительности. Производительность связывается обычно с минимизацией затрат, эффективность же (в том числе социальная) связана с обеспечением, исходя из имеющейся ресурсной базы, качества предоставляемых продуктов и услуг.

Что касается продуктов и услуг, предоставляемых вузом культуры и искусств, то, очевидно, что подобрать критерии их оценки с позиций производительности и эффективности достаточно проблематично. Это не говорит о том, что таких показателей не может быть в принципе (в качестве рамочных могут выступать модели различных премий в области культуры и искусства, критерии оценки конкурсов, достижений творческих коллективов и др.).

Однако правомерно говорить и об эффективности системы управления творческим вузом. В этом смысле бенчмаркинг позволяет внедрять в эту деятельность различные проекты, направленные на повышение эффективности управления вузом на основе сравнения с вузом-конкурентом или вузом-партнером.

Процедура бенчмаркинга предполагает сбор данных, которые представляются в форме таблиц, матриц, коэффициентов и других видах. В этом случае важны не сами указанные значения для каждого вуза, а их расхождения. Рекомендации, содержащиеся в литературе по вопросу сравнения расхождений, заключаются в ответах на следующие вопросы:

- насколько велика разница между сравниваемыми показателями;
- что требуется в первую очередь для сокращения разрыва в показателях;
- сколько уйдет времени на сокращение/устранение разрыва;
- сколько средств уйдет на сокращение/устранение разрыва;
- каковы возможности для улучшения;
- как разработать программу изменений;
- как согласуется данная программа с общим планом деятельности вуза;
- как оценить достигнутые результаты.

Таким образом, бенчмаркинг в вузе может способствовать, наряду с другими направлениями деятельности, обеспечению качества образования. Также мы считаем, что на его основе можно осуществлять выбор образовательных программ для обучения студентов в рамках предусмотренной Болонским процессом академической мобильности.

Литература

1. Междисциплинарный словарь по менеджменту. – М.: Дело, 2005. – 256 с.
2. Салимова Т. А., Еналеева Ю. Р. Самооценка деятельности организации: учеб. пособие. – М.: Академический Проект, 2006. – 279 с.
3. Князев Е. А., Евдокимова Я. Ш. Бенчмаркинг для вузов: учеб.-метод. пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 208 с.

4. Михайлова Е. А. Основы бенчмаркинга: основные принципы концепции и планирование бенчмаркингового проекта // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 3. – С. 126–133.
5. Михайлова Е. А. Основы бенчмаркинга: использование методов бенчмаркинга и TQM в сфере творческого труда [Электронный ресурс] // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 6. – URL: http://www.dis.ru/manage/arhiv/2001/6/1.html
6. Михайлова Е. А. Основы бенчмаркинга: внутренний и сопоставительный анализ // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 4. – С. 121–133.

УДК 37

А. П. Панфилова

ИНСТРУМЕНТЫ ПРИНЯТИЯ МЕНЕДЖЕРАМИ КОЛЛЕКТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ОСНОВЕ МЕНТАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

В статье рассматривается необходимость менеджеров, в связи с внедрением партисипативного стиля, принимать коллективные управленческие решения, используя в качестве навигационной карты ментальную лестницу и разнообразные технологии и эвристические методы, являющиеся инструментами выработки и принятия коллективных решений проблем в социально-культурной сфере.

Ключевые слова: коллективное принятие решений, ментальная лестница, SWOT-, SMART – анализы, проблематизация, интеллект-карты, матрица, картирование, метод «Дельфи», «Мозговой штурм», критерии, альтернатива.

A. P. Panfilova

COLLECTIVE DECISION TOOLS OF EXECUTIVES MANAGEMENT DECISIONS BASED ON MENTAL STAIRS

The article discusses the need for managers in connection with the introduction of participatory style, to take collective management decisions, using the mental ladder as navigation map and a variety of technologies and heuristic methods, which are tools for development and collective decision-making problems in the socio-cultural sphere.

Keywords: collective decision-making, mental ladder, SWOT-, SMART- Analysis, problematization, intelligence-card matrix mapping, method of “Delphi,” “Brainstorm,” criteria alternative.

В рамках партисипативного стиля в мировой практике (европейские страны, США, Япония) с успехом используются принципы и методы коллективного решения проблем. В процессе групповой работы, как известно, используются в основном методы систематизированного поиска, психологической активизации творчества и методы, называемые «инструменты качества». Для каждого этапа процесса решения проблем в команде обычно предлагается использовать один или несколько различных методов, некоторые из них могут применяться на разных этапах принятия решения.

В профессиональной литературе методы принятия управленческих решений объединены в три группы: неформальные (эвристические), коллективные и количественные.

В данной статье будут рассмотрены в основном коллективные методы (эвристические и групповые).

Управленческая практика в социальной сфере свидетельствует о том, что при принятии и реализации решений определенная часть менеджеров, как правило, использует неформальные *(эвристические)* методы, которые чаще всего основаны на аналитических способностях лиц, принимающих эти решения. Это совокупность логических приемов и методики выбора разнообразных (в том числе оптимальных) решений менеджером, теоретическое сравнение альтернатив (когда лучшего решения нет, а можно выбрать лишь «из двух зол меньшее») с учетом накопленного опыта. Преимущество неформальных методов, базирующихся в основном на интуиции менеджера, на наш взгляд, в том, что они принимаются оперативно; недостатком же является то, что неформальные методы практически никого не защищают от выбора ошибочных (неэффективных) решений, поскольку интуиция может иногда подвести менеджера. Это, несомненно, скажется на эффективности деятельности организации и на ее конкурентоспособности, следовательно, здесь достаточно велика доля управленческого риска.

Как считают специалисты по проблеме, основным препятствием для принятия эффективного управленческого решения менеджерами в социальной сфере может оказаться недостаток понимания сути проблемы. Обычно любая проблема попадает либо под категорию «*четко сформулированной»,* либо под категорию *«нечетко сформулированной»,* как правило, это та, с аналогами которой менеджерам раньше не приходилось сталкиваться. Отсюда они ее не понимают, не знают и, соответственно, для нее у них нет готового управленческого решения. Практика менеджмента свидетельствует, что такие проблемы возникают вследствие определенной новизны, сложности либо неясности ситуации, а также в условиях экстремальности. Поэтому для того чтобы решить нечетко сформулированную проблему, прежде всего, требуется ее сформулировать всеми участниками коллективного принятия решения и представить в виде конкретной задачи, которую надо решить. Выявив суть проблемы, а также проанализировав ее причины, менеджеры смогут оценить задачу, которая перед ними стоит, и определить, на чем они должны сосредоточить свои усилия. Это важный момент в самом начале обсуждения возможных вариантов, и ему всегда нужно выделять достаточное количество времени, исходя из общего регламента и возможностей. При постановке целей и для того чтобы целенаправленно идти к ним, менеджерам целесообразно руководствоваться и эффективно применять при принятии управленческих решений ментальную лестницу (лестницу умозаключений Криса Арджириса).

Ментальная лестница – это эффективная модель, использование которой помогает менеджерам не только осваивать новую информацию, но и избегать ненужных споров с участниками коллективного принятия решений. К. Арджирис представил мышление человека во время решения проблемы как лестницу. У основания этой лестницы ведется наблюдение, после прохождения первых трех ступеней совершаются действия, и в конце предполагается «разбор полетов», то есть оценивается результат, с точки зрения поставленных целей, извлекаются уроки.

В результате наблюдений менеджер поднимается ***на первую ступеньку лестницы,*** отбирая имеющиеся данные, анализируя, вычленяя проблемы и ранжируя их (решает, что именно следует рассмотреть). В результате такого анализа осуществляется диагностика ситуации. Здесь работает в основном когнитивный интеллект менеджеров. Для анализа ситуации полезно использовать хорошо известный и широко применяемый на практике SWOT – анализ.

Матрица SWOT

Сильные стороны (внутренние характеристики организации)	Возможности (характеристики внешней среды, их положительное влияние)
Слабые стороны (внутренние характеристики организации)	Угрозы (характеристики внешней среды, их отрицательное влияние на организацию)

Как показывает практика, при анализе проблемы выявляется множество причин ее появления. Поэтому в первую очередь требуется определиться с тем, какие из причин наиболее сильно влияют на проблему. Если определение этих причин поддается количественному измерению (то есть можно собрать статистические данные о том, как часто эти причины проявляются, или можно определить материальные затраты (или убытки), вызываемые причиной и т. д.), то необходимо собрать дополнительные сведения, чтобы лучше представить картину происходящего. Четко определенные критерии сбора данных часто позволяют выявить новые (невидимые) причины рассматриваемой проблемы. С этой целью можно использовать матрицы: метод ПОРТЕРА и матрицу Анкоффа.

Метод ПОРТЕРА предполагает анализ 5 факторов:

- Уровень обостренности конкуренции между традиционными конкурентами.
- Появление новых конкурентов в исследуемой сфере.
- Уровень зависимости организации от покупателей, от клиентов.
- Уровень зависимости организации от поставщиков.
- Уровень угрозы со стороны товаров (услуг) заменителей.

Следующая технология, широко используемая на практике для принятия управленческих решений, – это ***матрица Анкоффа***, включающая 4 стратегии завоевания рынка.

Целевой рынок	***Проникновение на рынок*** (продажа товара/услуг/в большем объеме, большему количеству потребителей одной категории, при условии, что рынок не насыщен)	***Разработка продукта*** (развитие товара/услуг/, усовершенствование свойств, новый товар/услуга/, которому нет аналогов)
	Расширение рынка (поиск новых категорий потребителей и каналов распространения продукции)	***Диверсификация*** (новый товар/услуга/ на новом рынке и вовремя)
	Продукт	

На второй ступеньке ментальной лестницы определяется значение выбранных данных, происходит не только диагностика ситуации, но и проблематизация. Формулировки проблемы должны быть максимально точными и отражать особенности рассматриваемой проблемы. По масштабности данные формулировки не должны выходить за пределы возможностей и компетенций малых групп, участвующих в принятии решений, численность которых должна быть оптимальной (не более 5–9 человек). Как и в любой организации проблемы в деятельности менеджеров бывают большие и малые. Для того чтобы всесторонне рассмотреть проблемы, ранжировать их по степени значимости и срочности и найти их рациональное решение, можно применить матрицу «срочность-важность».

Матрица «срочность – важность»

Важные и срочные проблемы	Важные и несрочные проблемы
Срочные, но неважные проблемы	Несрочные и неважные проблемы

Очевидно, что проблема и потребность ее решения возникает тогда, когда появляет-

ся отклонение в системе управления и полученные организацией результаты не отвечают поставленным перед ней целям, а значит, некоторые аспекты ее деятельности требуют улучшения. Геродот заметил, что для принятия правильного решения нужно знать, какие есть еще. Отсюда, для решения проблемы требуется не единичное решение, а совокупность выборов, зачастую альтернативных, когда, как уже отмечалось выше, лучшего варианта нет и, к сожалению, можно выбрать лишь тот, где минусов меньше (например, «среди слепых и одноглазый король» или «на безрыбье и рак рыба»). Поэтому процесс решения проблемы, то есть выработки управленческого решения, целесообразно рассматривать как ряд последовательных этапов:

- возникновение проблемы,
- определение причин ее возникновения,
- диагностика проблемы,
- четкое определение проблемы в виде конкретной задачи,
- постановка цели по ее решению,
- формулировка ограничений и критериев для принятия решения,
- выявление вариантов или альтернатив,
- выбор наилучшего варианта решения (экспертиза или критика),
- процесс организации деятельности по реализации решения,
- реализация решения,
- оценка результатов и обратная связь.

Полезным, по свидетельству специалистов, для установления причин является инструмент – анализ коренной причины или ***метод 5 почему***. Он также известен, как карта «Почему? – Почему?» или «Пяти “Почему”?». Цель данного инструмента заключается в нахождении коренной причины рассматриваемой проблемы. Метод удобно использовать совместно с диаграммой причин и результатов. Для этого на диаграмме проводится анализ каждой идентифицированной причины. Для поиска решения нужно убедиться в том, что это действительно основная причина возникновения рассматриваемой проблемы, а не симптом и не повод для какой-нибудь другой проблемы, либо более глубокая причина проблемы более высокого уровня. Специалисты предлагают процедуру проведения анализа коренной причины осуществлять в следующей последовательности:

- определить отправную точку, то есть проблему или причину высокого уровня, предназначенную для последующего анализа;
- методом мозгового штурма определить причины, соответствующие уровню более низкому, чем уровень отправной точки;
- для каждой идентифицированной причины поставить вопрос: «*Почему* именно она служит причиной возникновения исходной проблемы?»;
- после каждого нового ответа на поставленный вопрос задавать его снова и снова до тех пор, пока никаких других ответов не останется. Возможно, это и будет одна из коренных причин проблемы. Как показывает практика принятия управленческого решения, обычно используется не более пяти «Почему?».

Если вопрос немного изменить и вместо слова «Почему?» поставить слова: «Каким образом?», то рассматриваемый метод уже можно будет использовать для отыскания наиболее эффективного способа решения проблемы. В управленческой деятельности этот анализ можно проводить по-разному, в том числе работу метода удобно представить графически, например, на каждую причину разработать «дерево цели». Далее следует четко сформулировать определение проблемы. Иногда это бывает ненужным (так как конкретная формулировка проблемы уже определена). Если же проблема только выявлена в процессе обсуждения, то

формулирование необходимо провести обязательно, так как неправильное понимание проблемы разными членами группы может спровоцировать неэффективные результаты ее решения. Сказанное свидетельствует, что анализ проблемы – это обязательный этап в процессе ее решения для любых вариантов предварительной постановки и формулирования проблемы. Анализ предполагает поиск первоисточников возникновения проблемы, рассмотрение всех причин, в том числе коренных, вызывающих ее появление, формулировку в виде противоречия между чем-то и чем-то.

Кроме того, здесь уже определяются конкретные цели и задачи деятельности, которую надо осуществить. Для грамотного формулирования целей менеджерам целесообразно использовать один из самых известных в современной практике управления инструментов по определению целей и задач – ***SMART-технологию***, то есть критерии, которым должны соответствовать поставленные цели. SMART – это аббревиатура, образованная первыми буквами английских слов, а само слово «smart» в переводе с английского означает «умный».

SMART-критерии

Specific	Конкретная	Цели должны быть предельно ясны и конкретны, чтобы все люди, вовлеченные в процесс их достижения, понимали, в чем они состоят
Measurable	Измеримая	В формулировке цели должны быть определены количественные показатели, по которым в конечном счете вы и будете видеть, достигли ли вы поставленной цели
Actionable	Активирующая	В формулировке цели должны быть определены действия, которые вы собираетесь предпринять

Продолжение таблицы

Relevant	Согласованная	Цели должны соотноситься с другими, более общими, а также со стратегическими целями и работать на их достижение
Time-bounded	Определенная во времени	В формулировке цели должен быть указан срок ее достижения

Практика свидетельствует, что иногда на основе собранной информации можно сразу сделать выводы о существующей ситуации. Когда это невозможно – нужно обязательно провести анализ данных. Лучший способ представления данных – визуальный, оформленный в виде построенных по результатам полученных данных графиков и диаграмм. Участникам групп по решению проблем можно воспользоваться удобными для коллективной работы методами: диаграммой Парето и гистограммами. *Диаграмма Парето* помогает определить, какие из имеющихся элементов проблемы оказывают наибольшее влияние на возникновение проблемы. *Гистограммы* дают возможность увидеть, стабильно ли протекает процесс или работает система, а также – в какой степени он подвержен вариабельности. Задачей данных инструментов является обнаружение в собранной информации определенных закономерностей, помогающих сделать выводы и принять эффективные решения.

Целесообразно также использовать визуальные *коллажи и фантазии, интеллект-карты (ментальные карты),* применяемые в тех случаях, когда проблемы и мнения участников коллективной выработки решения очень сложно сформулировать вербально, то есть словами. Ментальные карты мыслительного процесса – это еще один широко известный метод, использующий форму представления информации для структури-

рования мыслительного процесса. Эту технологию изобрел Тони Бьюзен. Карта наглядно отражает ассоциативные связи в мозге человека. ***Картирование мышления*** – это метод, который позволяет человеку справиться с информационным потоком, управлять им и структурировать его. Картирование создает возможности для лучшего использования возможностей мозга, поскольку оно позволяет:

- объединить информацию;
- отобразить взаимосвязи;
- визуализировать мысли.

На третьей ступеньке ментальной лестницы обобщаются эти значения и делаются предположения, генерируются новые идеи, выбирается окончательное решение. С этой целью используется конвергентный интеллект менеджеров. На данном этапе важно найти и рассмотреть все возможные варианты решения проблемы. Чем больше этих вариантов будет рассмотрено (путем экспертизы или критики), тем лучше. Одновременно следует определить ограничения для реализации решения в социально-культурной сфере (материальные возможности, наличие квалифицированных кадров, наличие острой конкуренции, законы и этические соображения и т. д.). Задача данного этапа – выявить наиболее реалистичные альтернативные решения проблемы.

Для сопоставления вариантов решений необходимо найти наиболее важные стандарты (или критерии), относительно которых можно измерить вероятные результаты реализации каждой возможной проблемы. Для поиска вариантов решений, менеджеры могут использовать методы, основанные на принципах генерирования идей, а именно: мозговой штурм, метод «бритвы Оккама», диаграмму родового сродства (метод Ки-Джей) и др. После того как определены все возможные варианты решений, необходимо их предварительно оценить. Для этого участникам коллективного решения проблем следует воспользоваться наиболее удобными методами-инструментами: *анализ силового поля* (применяется при рассмотрении проблемы как баланс двух противоположно направленных сил и факторы, содействующие решению и препятствующие решению проблемы), метод Дельфи, и др.

Как свидетельствует литература по проблеме, каждый из этих методов применяется для рассмотрения вариантов решения различных видов проблем. Кроме того, на этом этапе полезен *обмен мнениями*, который предназначен для конструктивного обсуждения вариантов решения проблем, когда участники распадаются на два противостоящих лагеря, каждый из которых твердо придерживается своего варианта решения. В авторской поисково-апробационной игре «ЗАПРОС» – защита проектов слушателей, описана технология, позволяющая эффективно отобрать наилучшее решение или идею («оптимисты» – ее защищающие, выявляющие плюсы, «пессимисты» – рассматривающие слабые стороны, противоречия, недостаточно проработанные предложения, «реалисты», учитывающие все плюсы и минусы, а также осуществляющие прогноз внедрения решения относительно реальной ситуации в организации). Использование такого подхода, например, на совещании, как правило, позволяет выявить лучший вариант управленческого решения.

На четвертой ступени ментальной лестницы менеджеры создают ментальные модели (или убеждения) на основе предположений. В то же время на этом этапе необходимо помнить о том, что главный принцип успешного решения проблемы – это опора на факты, а не на предположения. Следует оценить все оставшиеся варианты после предварительного обсуждения на предыдущем этапе, применив к ним одинаковые наиболее важные критерии. При анализе альтернатив следует учитывать такие критерии, как затраты на реализацию, срок осуществления

решения и его эффективность, а также влияние данного решения на дальнейшее развитие организации.

На пятой ступени ментальной лестницы, руководствуясь ментальными моделями, организуется процесс реализации решений, осуществляется инструктаж специалистов, совершаются конкретные управленческие действия и здесь уже включается дивергентный интеллект менеджера.

В процессе анализа проблемы участники группового принятия решений поднимаются вверх и спускаются вниз по ступеням ментальной лестницы. При этом, как показывает опыт, подниматься вверх гораздо легче, чем спускаться (в реальной жизни – наоборот). В самом деле, можно очень быстро взбежать по ступенькам и прийти к абстрактным умозаключениям, которые позволяют действовать более оперативно, однако результат принятых с такой скоростью решений на практике порой оставляет желать лучшего. Именно ментальные модели каждого человека определяют отбор данных при последующем наблюдении, еще более сужая круг вопросов, на которые нет ответов. Эту «*рефлексивную петлю» можно назвать мыслительной структурой*, она может лежать как в основе постановки целей, так и в основе алгоритма анализа проблемы.

Помимо широкого использования коллективных инструментов и методов обсуждения и принятия решений, следует также определить круг лиц, участников данной процедуры, привлекаемых к работе над реализацией управленческих решений в организации. Иногда с этой целью создается временный коллектив, в состав которого включаются, как правило, и руководители, и исполнители, но чаще всего – это руководители структурных подразделений. Главными критериями формирования такой группы являются профессиональная компетентность, способность решать творческие задачи, конструктивность мышления, инновационность и коммуникативная компетентность. Коллективные формы групповой работы могут быть разными: заседание, совещание, работа в комиссии, дискуссия, деловая игра, игровое проектирование и т. п.

На практике недостаточно часто используется, но может быть весьма успешным для коллективного принятия решений ***метод Дельфи***, получивший название от Дельфы, прославившегося жившими там мудрецами – предсказателями будущего. «Дельфи», «дельфийский метод», «метод дельфийского оракула» происходят от названия местечка греческого города Дельфы, где жили оракулы-прорицатели при храме бога Аполлона. Слово главного оракула принималось за истину в последней инстанции. Метод Дельфи в современном понимании – это процесс, в результате которого участники группы (или независимые эксперты) приходят к консенсусу относительно каких-то событий, не прибегая к дискуссии лицом к лицу. Метод «Дельфи» относится к эвристической технологии, однако у него совершенно иная специфика. Он был разработан сотрудниками американской фирмы «Рэнд корпорейшен» О. Холмером, Т. Гордоном и др. Цель метода – получение согласованной информации высокой степени достоверности от группы экспертов, то есть повышение степени достоверности коллективных экспертных оценок. Метод Дельфи способствует выработке независимости мышления членов группы, препятствует непосредственной конфронтации участников процесса и лишает их возможности отстаивать свои идеи. Кроме того, поиск решений проблемы данным методом позволяет учитывать мнение меньшинства, и в отдельных случаях оно может стать решающим.

При разработке метода была сделана попытка устранить противоречие, возникающее при организации работы группы экспертов. Так, если опрашивать их независимо друг от друга, то возможны отклонения в очень больших пределах, а если позволить экс-

пертам взаимодействовать, обмениваться мнениями в процессе работы, то это может привести к появлению оценок, навязанных авторитетом коллег. В методе «Дельфи» осуществляется процедура, обеспечивающая обмен информацией о доводах и ответах, без непосредственного взаимодействия экспертов друг с другом. Прямые дискуссии экспертов заменяются индивидуальными опросами, проходящими по определенной программе в несколько этапов. Это позволяет уменьшить влияние присущего экспертам конформизма, боязни спора с авторитетами, устранить возможные конфликтные ситуации, атмосферу эмоционального дискомфорта. Считается, что метод «Дельфи» наиболее применим, если к работе привлекаются эксперты, компетентные не по всей проблеме сложностей в социально-культурной сфере, а по их разнообразным составляющим. Последовательность проведения экспертизы по методу «Дельфи» следующая:

- формирование постоянной рабочей группы, обеспечивающей сбор и обобщение мнений экспертов;
- выбор необходимого для исследования количества и состава экспертов;
- составление анкеты, в которой указываются основной и вспомогательный вопросы, условия проведения экспертизы;
- проведение опросов экспертов согласно определенной методике;
- обобщение экспертных заключений и выдача рекомендаций по исследуемой проблеме.

Вопросы необходимо сформулировать таким образом, чтобы ответы на них обязательно давались в количественной форме, поскольку они должны подвергнуться статистической обработке. Полученные обобщенные ответы затем рассылаются каждому эксперту, которые могут в случае необходимости еще раз пересмотреть и уточнить свое заключение. Как правило, эта процедура повторяется несколько раз. Как свидетельствуют специалисты по данной технологии, наиболее часто для опроса экспертов используются следующие этапы.

1. *Уточнение объекта опроса* (модель объекта, список параметров модели, формулировка вопросов, состав группы экспертов) *и получение новых мнений,* рекомендаций, путей нового подхода к решаемой проблеме. На данном этапе используются вопросы открытого типа (на развитие: Что? Где? Как? Почему? Зачем?). Цель данного этапа – собрать всю объективную информацию об исследуемом предмете, процессе либо ситуации и выделить наиболее существенные характеристики и ограничения.

2. *Вероятностная оценка рабочей модели, ее характеристика, факторы*, *влияющие на нее* и т. п. На этом этапе, как правило, получают от эксперта всю информацию, необходимую для выработки решения, но эта информация в ряде случаев не может быть использована из-за несогласованности экспертных оценок.

3. *Согласование оценок экспертов.* В отличие от предыдущих этот этап может повторяться несколько раз, пока не будет достигнута достаточная согласованность мнений группы экспертов.

Результаты опроса обрабатываются и вновь доводятся до сведения всей группы экспертов с последующим пересмотром оценок. На практике достаточно, как правило, трех этапов для получения хорошо согласованных оценок экспертов.

Наиболее эффективным при групповой работе является обсуждение, основанное на принципах мозгового штурма (МШ). У мозгового штурма есть достаточно много разновидностей, большинство из них можно применять для решения профессиональных задач. Это: обратный, теневой и комбинированный мозговые штурмы, индивидуальный МШ, мозговой штурм на доске, в стиле «Соло», визуальный МШ, брейнрайтинг, МШ по-японски. Мозговой штурм или «мозговая

атака» (совместное генерирование новых идей и последующее принятие решений) – на практике это главный творческий метод, применяемый в группах. Если предстоит решить сложную проблему, собираются несколько менеджеров, которые предлагают любые решения определенной проблемы. Основное условие «мозгового штурма» – создание обстановки, максимально благоприятной для свободного генерирования идей: доброжелательно, без критики. Чтобы этого добиться, запрещается опровергать идею, какой бы на первый взгляд фантастической или примитивной она ни была. Все идеи записываются, а затем анализируются специалистами.

Существует много различных правил, необходимых для эффективного применения мозгового штурма. Однако несмотря на то, что метод хорошо прописан в литературе, следует заметить: в связи с тем, что процесс решения проблем осуществляется группой, важно определиться с правилами коллективного обсуждения. Кроме того, специалисты, использующие этот инструмент при групповом принятии решений, отмечают недостатки, которые мешают его эффективному использованию. Это, прежде всего, малое количество времени обсуждения или созревания идеи. Как показывает практика, на многих совещаниях менеджеров по принятию оперативных решений высказанная информация не всегда рассматривается как проблема, и решения зачастую принимаются без обстоятельного их обсуждения.

Следующая негативная тенденция связана с уровнем стабильности положения организации, в которой принимаются решения. Она оказывает непосредственное влияние на творческий подход к решению проблем, так как в устойчивых организациях нет потребности в принятии творческих решений. В них, как правило, менеджеры сталкиваются с одними и теми же проблемами (например, в технологии, реализации и т. д.). Опытные работники уже не раз решали эти проблемы в прошлом, и поэтому новые творческие решения не всегда одобряются и поддерживаются группой.

Таким образом, в связи с тем, что конкуренция в социально-культурной сфере, как и во всех других, усиливается, менеджерам, работающим в таких организациях, необходимо перестраиваться и осваивать самые разнообразные технологии и инструменты коллективного принятия решений на основе ментальной лестницы. Необходимо также обучаться созданию креативных команд и команд, занимающихся решением определенных проблем, а также сотрудничеству и партнерским отношениям, эффективным стратегиям и моделям взаимодействия.

Литература

1. Абчук В. А., Панфилова А. П. Менеджмент для педагогических специальностей. – М.: Академия, 2010.
2. Михненко П. А. Секреты эффективных бизнес-решений. Настольная книга для руководителей. – М.: НТ-Пресс, 2007.
3. Панфилова А. П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала. – СПб.: ИВЭСЭП, Общество «Знание», 2003.
4. Панфилова А. П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2007.
5. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. – 2-е изд. – М.: Академия, 2011.
6. Панфилова А. П. Компетентностный подход в развитии навыков коммуникации // Человек и образование. – № 4. – СПб.: Академический вестник ИОВ РАУ, 2011. – С. 29–34.

7. Рысев Н. Правильные управленческие решения. Поиск и принятие. – СПб.: Питер, 2004.
8. Самсонова М. В., Ефимов В. В. Технология и методы коллективного решения проблем: учеб. пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2003.
9. Miller Douglas. Brilliant Idea.Prentice Hall.2007 [Электронный ресурс]. – URL: www.cfin.ru/management/decision-science.htmlhttp://antorlov.chat.ru
10. http://antorlov.chat.ru

УДК 316.61(571.17)

А. И. Юдина

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В СИСТЕМЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА КАК ОСНОВА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема социализации молодежи через создание модели социально-культурной среды региона. «Социокультурная среда» сегодня становится ключевым понятием современного общества, наиболее точно характеризующим его культурную и духовную составляющую. В этой связи формирование и развитие социокультурной среды является важнейшим условием социализации личности, особенно в возрастной период жизни человека, когда происходит его становление, определение жизненных планов.

Ключевые слова: социализация, социально-культурная среда, молодежь, инфраструктура культуры.

A. I. Yudina

FORMATION OF THE SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT IN THE SYSTEM OF THE REGIONAL INFRASTRUCTURE AS THE BASIS OF YOUTH SOCIALIZATION

The article reflects the problem of youth socialization through creation of model of the social and cultural regional environment. “Social and cultural environment” is a key concept of a modern society, which characterizes its cultural and spiritual component. According to this factor, formation and development of social and cultural environment becomes the major condition of person’s socialization, especially during the age period of human life when there is its formation and definition of vital plans.

Keywords: socialization, social and cultural environment, youth, culture infrastructure.

Обращение к проблеме формирования социокультурной среды в системе инфраструктуры региона обусловлено современными условиями нестабильного социума, возникновением острой межкультурной и социальной напряженности в обществе. Смена ценностных ориентиров, произошедшая в последние десятилетия, привела к существенным изменениям межкультурных и социальных связей. Негативной тенденцией явилось падение духовной нравственности молодежи, семейных устоев, разрушение культурных традиций народа, как следствие – рост преступности в молодежной среде. Создание условий для позитивной социализации личности молодого поколения на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. Инфраструктура культуры в этой связи обладает огромным потенциалом для реализации задач социализации молодежи.

Цель нашего исследования – построение модели социокультурной среды в системе инфраструктуры культуры региона, позволяющей реализовать условия для позитивной социализации молодежи.

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к культуре. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р, культуре отводится «ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний». Причина исключительной роли культуры при переходе от сырьевой к инновационной экономике заключена в повышении профессиональных требований к кадрам, «включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества» [9].

«Социокультурная среда» сегодня становится ключевым понятием современного общества, наиболее точно характеризующим его культурную и духовную составляющую. В этой связи формирование и развитие социокультурной среды становится важнейшим условием социализации личности, особенно в возрастной период жизни человека, когда происходит становление, определение жизненных планов.

В своих научных исследованиях ученые Брижатова С. Б., Генова Н. М., Курбатов В. И., Курбатова О. В., Марков А. П., Бирженюк Г. М. и др. рассматривают понятие «социально-культурная среда». Анализ научной литературы позволил нам обобщить основные положения, изложенные вышеуказанными авторами [1, 2, 4, 6]. «Социокультурная среда» – это, во-первых, результат всей совокупности культурной деятельности общества – прошлой и настоящей (включая инфраструктуру организаций социально-культурной сферы, произведения искусства и т. п.); во-вторых, это институт приобщения граждан к нравственным ценностям, хранимым ею; в-третьих, это область творческой реализации духовного потенциала личности.

Таким образом, обобщив основные положения, изложенные в исследованиях ученых, мы можем сделать вывод о том, что понятие «социокультурная среда» тесно связано с понятием «социализация личности».

В самом общем виде социализация включает в себя освоение человеком культуры, опыта общественной жизни, социальных норм эффективного взаимодействия с другими людьми, видов деятельности, способов общения, познание окружающей социальной действительности. Следовательно, социализация – это генеральная линия превращения человека как индивида в личность.

Термин «социализация» стал употребляться в конце XIX – начале XX веков для обозначения процессов взаимодействия личности и общества, для характеристики вхождения человека в сложный мир социальных связей и отношений. Главным, на наш взгляд, современным отличием в понимании социализации личности является то, что в этом процессе человек не только усваивает социальный опыт, но и активно его воспроизводит.

Научной и методологической основой исследования проблемы социализации личности является философия. В работах Э. В. Ильенкова, М. С. Каган, Б. Д. Парыгина, С. С. Фролова и др. было показано влияние на личность общественных отношений, обозначен механизм социализации, проанализировано соотношение объективных (внешних) условий и субъективных (внутренних) факторов развития личности. В этом смысле прослеживается логическая связь философии и философии образования. На грани этих двух

подходов И. С. Коном была разработана своя концепция социализации личности. С его точки зрения, социализация обусловлена как социально-контролируемыми процессами и условиями, так и стихийными, спонтанными процессами. Данная концепция представляет большое значение для нашего исследования, так как инфраструктура социально-культурной сферы региона позволяет сделать процесс социализации молодежи социально-контролируемым и направить его в позитивное русло.

В этике изучен процесс присвоения индивидом социально-нравственного опыта, регулирующее воздействие норм, механизмов морального выбора (С. Ф. Анисимов, Л. М. Архангельский, А. И. Титаренко и др.).

Социология изучает соотношение процессов и институтов социализации в макросистеме, личностное начало проанализировано здесь в контексте социального, личность раскрыта через деятельность, представлена как действующий субъект социальных отношений (И. В. Бестужев – Лада, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, В. А. Ядов и др.).

В общей психологии изучаются механизмы деятельности в освоении нового опыта, в том числе на разных стадиях жизненного цикла (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, А. В. Бругилинский, Л. П. Буева, Л. С. Выготский, В. Н. Мясищев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, В. В. Столин и др.). В работах Л. И. Анциферовой, А. Г. Асмолова, Л. И. Божович, К. К. Платонова, В. Д. Шадрикова, Д. Б. Эльконина и др. была исследована структура личности, периодизация развития личности в онтогенезе, внутренняя динамика ее развития. Указанные работы служат методологическим и методическим ориентиром для реализации субъектно-деятельностного подхода в процессе социализации молодежи. Результатом реализации этого подхода является становление молодежи как субъектов деятельности. Понятие субъектности отражает определенную позицию личности и раскрывает ее характеристики применительно к условиям деятельности. Показателями субъекта деятельности являются: активность личности, сознательность, высокая самооценка, готовность к саморазвитию, ответственность. Эти характеристики не могут быть достигнуты, если не сформирована система инфраструктуры социально-культурной сферы региона, позволяющая создать условия для реализации потребностей молодежи и их общение в рамках этой деятельности.

Социализирующие функции непосредственного окружения и межличностных отношений изучают социальная психология и психология общения (А. А. Бодаев, А. Б. Добрович, А. И. Донцов, Я. Л. Коломинский, К. М. Левитан, Л. А. Петровская, А. В. Толстых и др.).

В педагогике разработка проблемы социализации личности связана, прежде всего, с именами Г. М. Андреевой, С. Г. Вершловского, А. В. Мудрика, В. С. Селивановой, В. А. Сластенина и др. В работах вышеуказанных авторов социализация показана как одна из важнейших системообразующих категорий современной педагогики. В отечественной педагогической теории социализированность определяется в контексте интерпретации категории «социальная интеграция». Начало такой традиции в общей педагогики восходит к работам В. А. Сластенина.

Для нашего исследования эта теория представляет наибольший интерес, так как формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры культуры региона является значимым потенциалом для социализации молодежи.

В работах В. А. Сластенина и его научно-педагогической школы четко определены сущностные характеристики социализации, ее цель и представлены основные механизмы.

Опираясь на интерпретации категории «социализация», которые приводят Т. Парсонс и Р. Мертон, В. А. Сластенин характеризует функциональное назначение социализации как процесса, обеспечивающего интеграцию личности в социальную систему общества.

Сущностный смысл социализации, по мнению Сластенина В. А. и его соавторов, раскрывается на пересечении теоретической интерпретации таких процессов, как адаптация, интеграция, саморазвитие и самореализация.

Анализ научной литературы приводит нас к выводу о том, что взгляды отечественных ученых на задачи, решаемые процессом социализации, разделились. Л. В. Байбородова, С. И. Гессен, М. И. Рожков считают, что в процессе социализации решаются две группы задач: социальной адаптации и социальной автономизации личности. Решение этих задач, по сути противоречивых и в то же время диалектически единых, существенно зависит от многих внешних и внутренних факторов. По мнению Л. В. Байбородовой и М. И. Рожкова [8], социальная адаптация предполагает активное приспособление индивида к условиям среды, а социальная автономизация – реализацию совокупности установок на себя, устойчивость в поведении и отношениях, которая соответствует представлению личности о себе, ее самооценке. Решение задач социальной адаптации и социальной автономизации регулируется кажущимися противоречивыми мотивами «Быть со всеми» и «Оставаться самим собой». Несомненно, результатом социализации человека также является социальная активность – реализуемая готовность к действиям, которая проявляется в сферах социальных отношений человека.

Несколько иначе подходит к классификации задач социализации другой исследователь данной проблемы А. В. Мудрик [7]. Он выделяет три группы задач социализации для каждого возраста: естественно-культурные, социально-культурные и социально-психологические.

Естественно-культурные задачи подразумевают достижение человеком на каждом возрастном этапе определенного уровня физического и сексуального развития, имеющих некоторые объективные и нормативные различия в тех или иных регионально-культурных условиях (различные темпы полового созревания, эталоны мужественности и женственности, различные этносы, регионы, возрастные и социальные группы и т. д.).

Социально-культурные задачи – познавательные, морально-нравственные, ценностно-смысловые специфичны для каждого возрастного этапа в конкретном социуме в определенный период его истории. Эти задачи объективно определяются обществом в целом, региональным и ближайшим окружением человека.

В соответствии с возрастными возможностями от него ждут приобщенности к определенному уровню общественной культуры, владения некоторой суммой знаний, умений, навыков, определенного уровня сформированности ценностей, участие в семейной жизни и производственно-экономической деятельности.

Социально-психологические задачи предполагают становление самосознания личности, ее самоопределение в актуальной жизни и на перспективу, самореализацию и самоутверждение, которые на каждом возрастном этапе имеют специфическое содержание.

Самосознание личности можно рассматривать как достижение ею в каждом возрасте определенной меры самопознания, наличие относительно целостной Я – концепции и определенного уровня самоуважения и самопринятия.

Самоопределение личности предполагает нахождение ею своей собственной позиции в различных сферах актуальной жизнеде-

ятельности и выработку будущих жизненных планов. Так, в младшем школьном возрасте ребенку необходимо найти индивидуально-приемлемую и одобряемую окружающими позицию в новой социальной ситуации – поступление в школу. В подростковом возрасте особое значение приобретает поиск позиции среди сверстников своего пола, что дополняется в ранней юности определением своей позиции в отношениях со сверстниками противоположного пола.

Самореализация предполагает удовлетворяющее человека проявление активности в значимых для него сферах жизнедеятельности и взаимоотношений, одобряемость значимыми для человека лицами. Так, в подростковом возрасте особое значение приобретает самореализация через достижение автономии от взрослых. Самореализация личности может иметь разнообразные формы: социально-ценные, социально-полезные, социально-приемлемые, а также асоциальные и антисоциальные.

Самоутверждение – достижение человеком субъективной удовлетворенности результатом и процессом самореализации.

Решение задач всех трех названных групп является объективной необходимостью для развития человека. Если какая-либо группа задач или существенные задачи какой-либо группы остаются не решенными на том или ином возрастном этапе, то это либо задерживает развитие человека, либо делает его неполным.

В своем исследовании мы рассматриваем социализацию личности возрастной категории «молодежь», так как именно эта социальная группа наиболее активна и в большей степени подвержена социальным процессам современного общества.

Целью нашего исследования является создание модели социокультурной среды в системе инфраструктуры культуры региона, позволяющей реализовать условия для позитивной социализации молодежи.

Следуя логике нашего исследования, необходимо выявить особенности социализации молодежи, отличающие ее от других общественных групп, а также определить психолого-педагогические, социально-культурные и организационные условия для позитивной социализации молодежи.

В отечественном обществознании долгое время молодежь не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа. Выделение такой группы не укладывалось в существовавшие представления о классовой структуре общества и противоречило официальной идеологической доктрине о его социально-политическом единстве.

Одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 году В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет». И. С. Коном в своих исследованиях дает более полное определение: «Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [3].

Сегодня ученые определяют молодежь как социально-демографическую группу общества от 14 до 30 лет, выделяемую на основе совокупности характеристик, особенно-

стей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе.

Молодежь характеризуется теми общественными отношениями и общественными формами, которые определяют ее как самостоятельную социально-демографическую группу. Особенности социализации молодежи обусловливаются специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Противоречия, возникающие внутри этого процесса, лежат в основе целого комплекса специфических молодежных проблем.

Для системы социализации молодежи в современном российском обществе наиболее приемлема культуроцентристская ориентация, направленная на социокультурное становление молодого поколения, исходя из его особенностей, интересов и жизненных целей, а также с учетом освоения традиций, ценностей и норм, присущих российской ментальности. Социализация молодежи – это объективный процесс ее вхождения в социальную сферу. Осуществление процесса социализации требует поисков и обоснования интегративного подхода применительно к социокультурной среде в системе инфраструктуры региона. Важную научно-практическую проблему представляет собой создание комплекса организационных, педагогических, психологических и социально-культурных условий, обеспечивающих эффективность процесса социализации этой возрастной группы.

Организационные условия включают:

- развитие инфраструктуры социально-культурной сферы региона;
- использования комплекса психолого-педагогических методик, направленных на формирование у молодежи опыта положительного поведения и адекватной самооценки;
- обучение молодежи техникам и процедурам самореализации и социальной безопасности личности;
- использование комплексной оценки эффективности педагогического сопровождения социализации молодежи.

К педагогическим условиям можно отнести:

- педагогическое сопровождение социализации молодежи;
- фасилитационную направленность деятельности педагога;
- ориентацию на успех и достижения;
- предоставление каждому молодому человеку возможности выбора своей роли, позиции, формы участия в деятельности и др.

К психологическим условиям относятся:

- соответствие содержания и методов работы особенностям различной возрастной категории молодежи, задачами развития на данном этапе жизни;
- укрепление положительного отношения к себе и к своему будущему у молодежи;
- формирование жизненных и профессиональных планов молодежи.

Социально-культурные условия:

- сохранение и актуализация культурного наследия;
- сохранение и развитие системы художественного образования;
- поддержка молодых дарований и развитие творческого потенциала молодежи;
- создание условий для доступа жителей города к информационным ресурсам;
- развитие и поддержка молодежных инициатив;
- создание условий для занятий любительским художественным творчеством, поддержание самодеятельной творческой ини-

циативы и социально-культурной активности молодежи.

На наш взгляд, для реализации всех вышеуказанных условий, обеспечивающих эффективность процесса социализации молодежи, необходимо создать модель социокультурной среды, которая будет внедрена через систему учреждений социально-культурной сферы и будет учитывать задачи социализации, поля жизнедеятельности человека, а также потенциал инфраструктуры региона.

По мнению Н. Н. Лавриновой, социокультурная среда отражает сущностные связи человека с социокультурным окружением. Она имеет набор устойчивых элементов – полей и соответствующих сфер жизнедеятельности, которые требуют анализа в процессе разработки социально-культурных программ. Поля и сферы жизнедеятельности имеют свою качественную характеристику и выступают как относительно самостоятельные друг от друга области деятельности и взаимодействия человека с предметным миром культуры и другими людьми, представленные соответствующими социальными институтами и учреждениями [5].

В рамках социокультурной среды можно выделить определенные компоненты – поля жизнедеятельности, которые одновременно могут выступать областями проектной деятельности или приоритетными направлениями социально-культурного проектирования социализации молодежи.

1. Культурно-историческое наследие.

2. Художественная среда обитания человека, обеспечивающая соответствующие формы его активности по освоению и развитию предметов и ценностей художественной культуры, качество его художественной жизни.

3. Социально-психологическая среда обитания, характеризующаяся межличностными отношениями ближайшего окружения.

4. Духовно-нравственная среда обитания – содержание духовно-нравственных ценностей, норм, идеалов, смыслов человеческой жизни.

5. Политическая среда обитания, характеризуется содержанием политической жизни, условиями и возможностью участия человека в общественно-политической деятельности.

6. Экологическая среда обитания – состояние природного окружения, а также ценностное и деятельностное самоопределение человека в природном мире.

При разработке модели социокультурной среды в системе инфраструктуры культуры региона, позволяющей реализовать условия для позитивной социализации молодежи, мы учитывали проблемы функционирования учреждений, соответствующих определенному полю социокультурной среды (рис. 1). Каждое социокультурное поле среды имеет соответствующие проблемы и ресурсы, которые представлены потенциалами (по каждому полю среды) и инфраструктурой, то есть учреждениями, выполняющими различные функции по формированию и реализации всех составляющих социализации личности.

В условиях конкретного региона в зависимости от характера и интенсивности проблем и имеющихся ресурсов те или иные составляющие социокультурной среды могут выступать в качестве приоритетных направлений культурной политики, а также позволяют реализовать педагогические, психологические, организационные и социально-культурные условия для социализации молодежи.

Таким образом, модель социокультурной среды выступает не только как упорядоченность инфраструктуры региона, а представляет собой приоритетные направления культурной политики региона, позволяющей направить процесс социализации молодежи в позитивное русло.

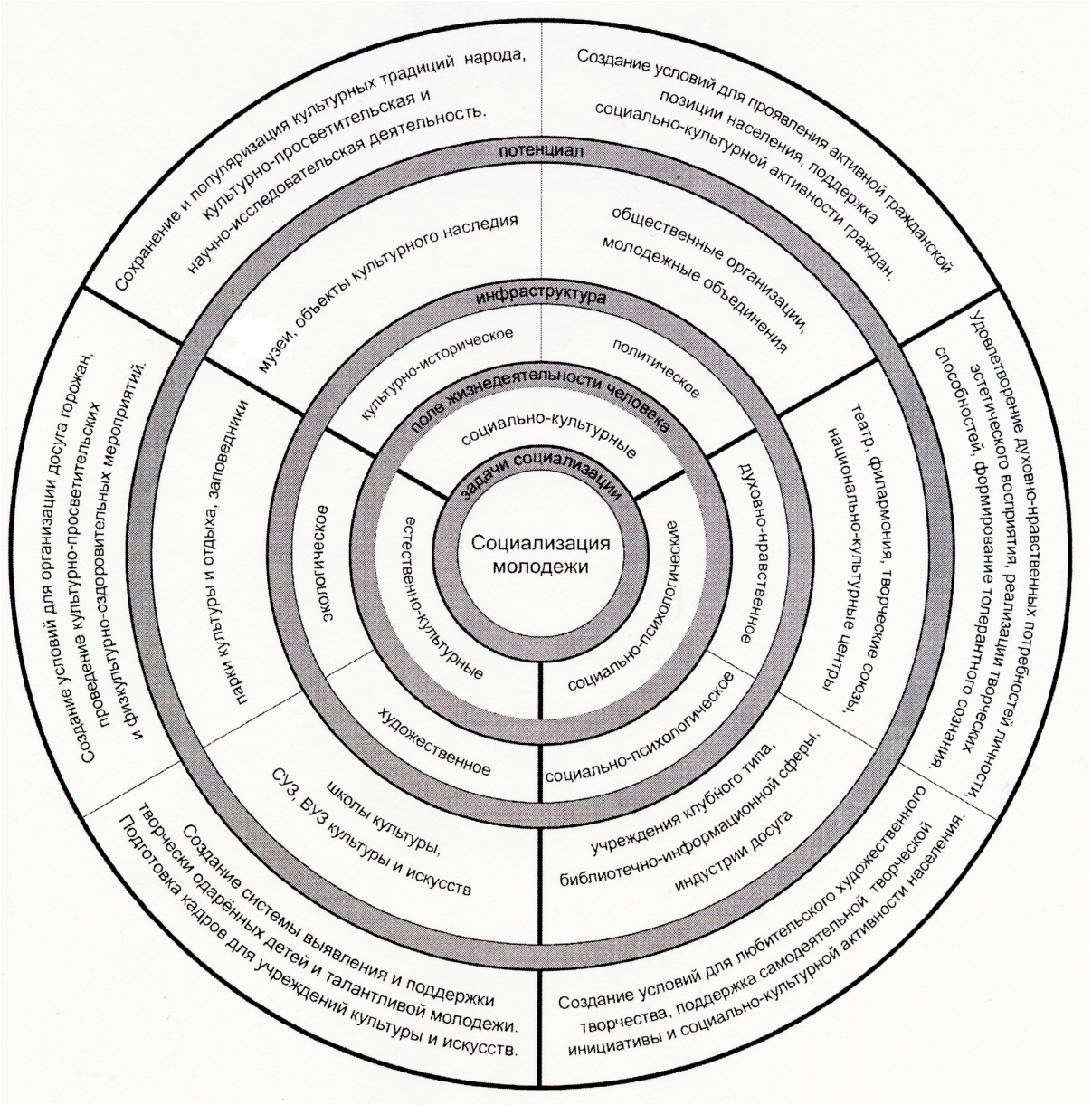

Рисунок 1. Модель социокультурной среды в аспекте социализации молодежи

Литература

1. Брижатова С. Б. Системообразующие основания разработки региональных программ социокультурнного развития в России. – М.: МГУКИ, 2001.
2. Генова Н. М. Культурная политика в системе инфраструктуры культуры региона: монография. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011.
3. Кон И. С. Социология личности. – М.: Просвещение, 1967.
4. Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001.

5. Лавринова Н. Н. Аналитика социокультурной ситуации (структура и проблемы проектирования) [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – № 2(17). – 2010. – ISSN 1990–4045.
6. Марков А. П., Бирженюк Г. М. Основы социокультурного проектирования: учеб. пособие, – СПб., 1997.
7. Мудрик, А. В. Социальная педагогика: учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. – 3-е изд. – М.: Академия, 2002. – 200 с.
8. Рожков, Л. И. Реализация толерантности школьников / Л. И. Рожков, Л. В. Байбородова, М. А. Ковальчук. – Ярославль: Академия развития, 1996. – 221 с.
9. Федеральная целевая программа «Культура России» на 2012–2016 гг.: оф. сайт Мин. культуры РФ.

УДК 37

О. Ю. Мацукевич

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В статье рассматриваются проблемы ресоциализации пожилых людей, обосновывается целесообразность применения технологического комплекса социально-культурной деятельности в оптимизации адаптационных процессов и развитии личностного потенциала пенсионеров.

Ключевые слова: ресоциализация, адаптация, пожилой человек, технологии социально-культурной деятельности.

O. Y. Matsukevich

SOCIO-CULTURAL RESOCIALIZATION OF SENIOR PEOPLE

In article problems of resocialisation of older persons are considered, the expediency of application of a technological complex of welfare activity in optimisation of adaptable processes and development of personal potential of pensioners is proved.

Keywords: resocialisation, adaptation, the elderly person, technologies of welfare activity.

Старение населения в мире приводит не только к увеличению удельного веса лиц старших возрастов на земле, но и к повышению их социальной значимости в обществе. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы о том, как вписываются пожилые люди в контекст современной действительности, в какой мере свойственные им жизненные представления согласуются с существующими социальными нормами. И как следствие – насколько они сумели воспринять изменившиеся нормы и ценности и как смогли адаптироваться к общественным переменам, происходящим на макро- и микроуровнях.

Однако если общемировые социально-демографические тенденции характеризуются расширением участия пожилых людей в жизни современного общества, то социальные изменения в России имеют прямо противоположную направленность – пожилые люди обретают самый низкий статус в социальной иерархии, превращаясь в наиболее дискриминируемую группу; они чаще других социальных групп подвергаются стигматизации, отражающей механизмы формирования негативного общественного мнения и прикрепления «ярлыков» к социальному статусу пожилого человека. В современном российском обществе получил распространение

эйджизм как дискриминация по возрастному признаку [5].

Результатом социальной депривации пожилых людей становится одиночество и отчуждение. Для пожилых людей характерны значительные изменения в жизненных условиях и обстановке, общественных и семейных ролях, характере социальных и дружеских контактов, что в итоге ведет к потере жизненных целей и смысла жизни. Интегрированная и дифференцированная оценка социальных и социально-психологических особенностей позволяет выявить преимущественную ориентацию лиц старшего возраста на внутренние переживания, неадекватное эмоциональное реагирование на ситуации социальной среды.

Возрастает необходимость понимания причин и последствий слабой адаптированности людей и возможностей ее преодоления. Необходимо понять, почему, несмотря на принципиальную обратимость, плохая адаптированность нередко имеет затяжную форму, в ряде случаев еще более ухудшается и может приводить к деструктивности в поведении и эмоциональном самочувствии [3].

Нередко сам факт плохой адаптированности остается неосознанным на социальном уровне. Это приводит к тому, что пожилые люди безуспешно пытаются воспроизводить неадекватные социальные отношения, которые слабо соотносятся с современными нормами.

Нерешенность всех этих проблем позволяет говорить о массовом характере слабой адаптированности людей пожилого возврата в современном социокультурном окружении, ибо последствием ее воспроизведения является широкое распространение деструктивных тенденций [4]. Фактически ресоциализация преследует цель ослабить выраженность их действий и реакций, уменьшить межличностные напряжения и обеспечить благоприятный фон для изменения социального самочувствия пенсионеров.

Думается, что в данном контексте следует говорить о необходимости ресоциализации пенсионеров, которая бы позволила им более успешно социально адаптироваться в современном обществе.

Ресоциализацией можно назвать процесс усвоения новых ролей, ценностей, знаний на каждом этапе жизни, таким образом, данное явление обусловливает усвоение новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных, устаревших или же в связи с переходом в принципиально иные социальные условия [1].

В определенной мере ресоциализации могут способствовать социальные и социально-культурные технологии, обеспечивающие повышение жизненного статуса пожилых людей, изменение их самооценки, помощь в адаптации к изменяющимся условиям. Данное утверждение подтверждается результатами, полученными автором в ходе многолетней разработки проблемам социально-культурной реабилитации и участия в научно-исследовательских проектах Министерства труда и социального развития в рамках Федеральной программы «Старшее поколение»: «Методические рекомендации по организации свободного времени и досуга граждан пожилого возраста, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания» (2002); «Социально-культурные ресурсы продления активной жизни пенсионеров» (2003) (См.: [2]), «Социокультурная работа с пожилыми людьми как хранителями общенационального культурного наследия» (2004) и др.

На наш взгляд, основная идея ресоциализации пенсионеров заключаются в следующем: человек должен делать все, что спо-

собствует улучшению его микросреды, и это в итоге будет способствовать его личностному росту. Для этого сначала ему необходимо создать вокруг себя особую микросоциокультурную среду, являющуюся промежуточной между ним и более широким социокультурным окружением. Концептуализацию такой микросреды можно представить себе следующим образом. По своей сути человек существо общественное, и его социально-адаптивное поведение характеризуется тем, что удовлетворение его потребностей не нарушает аналогичные возможности других. Это означает необходимость следования существующим нормам и правилам, что и обусловливает социально-культурную активность людей пенсионного возраста в современном мире.

В ходе исследования автором был зафиксирован интересный факт: опыт переживания одиночества пожилыми людьми во многом зависит от уровня образования. Полагаем, объяснить этот феномен можно ресурсным подходом к образованию, который приобретает все большую актуальность в последнее время. В рамках этого подхода образование рассматривается не только как процесс передачи знаний и фактор социализации, но и как ресурс индивида, который приносит ему определенные социальные вознаграждения.

По степени переживания одиночества мы различаем три типа одиночества: хроническое, ситуативное и преходящее. О хроническом одиночестве можно говорить тогда, когда индивид всегда чувствует себя одиноким; одиночество преследует человека независимо от времени суток, его включенности в социальное взаимодействие. Считаем, что данный тип переживания одиночества является патологическим и опасным; может характеризоваться различными деструкциями личности, например, суицидальным поведением. Ситуативное одиночество мы фиксировали тогда, когда человек часто ощущает себя одиноким, причем, указывая на трудность переживаемого состояния. Преходящее одиночество выражается в кратковременных приступах чувства одиночества. Такой тип одиночества не несет серьезных жизненных затруднений.

Анализ ответов респондентов показал, что переживания хронического одиночества становятся меньше от неполного среднего к высшему образованию. Среди пожилых людей с неполным средним образованием таких оказывается большинство (9 %), со средним общим – 7 %, со средним специальным – 3 %. Пожилые люди с высшим образованием указывают на то, что не испытывают хронического одиночества. Противоположная тенденция наблюдается относительно преходящего одиночества. Соответственно, можно предположить, что образование определяет миро- и самоощущение человека. Развитый в процессе обучения культурный и социальный потенциал помогает справляться с личностными переживаниями в старости.

В ходе исследования было также установлено, что люди с более высоким уровнем образования для избавления от своего одиночества используют активные, а респонденты с низким образовательным уровнем пассивные формы его преодоления. Также была зафиксирована обратная зависимость: чем ниже образование, тем в большей степени смотрят телевизор и ничего не предпринимают, чтобы справиться со своим одиночеством. Пожилые люди, имеющие неполное и среднее общее образование, пессимистичнее оценивают свое будущее, чем люди с высшим и средним специальным образованием: они чаще не строят планов на будущее, считают, что в их жизни произойдут изменения в худшую сторону.

Очевидно, что и коммуникативный потенциал людей с высшим образованием значительно выше, что проявляется в количественных и качественных характеристиках.

Следует отметить, что у большинства пожилых людей (62 %) круг постоянного общения очень узок (менее 5 человек). Однако было зафиксировано, что люди с высшим образованием (31 %) в большей степени, чем с неполным средним (10 %) постоянно контактируют с десятью и более людьми. На вопрос «Хотели бы Вы расширить круг своего общения?» 51 % респондентов с высшим образованием ответило положительно. Среди пожилых людей с неполным средним образованием таких, к примеру, оказалось всего 15 %.

Полагаем, что образование во многом обусловливает активность человека, которая сохраняется и в старости [6]. Причем по сравнению с респондентами более низкого уровня образования они в большей степени общаются с супругом (супругой), детьми, внуками, другими родственниками, друзьями и бывшими коллегами по работе и в меньшей – с соседями, социальным работником и почтальоном. Соответственно у пожилых людей с высоким уровнем образования (в прошлом инженеры, врачи, учителя и т. п.) крепкие семейные и дружеские отношения, и, напротив, у людей старшего возраста с низким потенциалом образования преобладают периферийные связи.

Таким образом, эмоциональный фон позитивной микросоциосреды стимулирует целенаправленное моделирование конструктивных отношений пожилого человека с его социальным окружением.

Так, например, подобная модель ресоциализации нашла свое отражение в деятельности Университета искусств третьего возраста, расположенного на базе выставочного зала «Ходынка» СЗАО г. Москвы, где главным принципом работы стали занятия творчеством. Программа обучения рассчитана на два года и предусматривает ознакомление слушателей, чей возраст варьируется от 55 до 85 лет, с практикой каждого изучаемого в университете вида искусств (литература, изобразительное искусство, сценическое искусство, музыка). Практика занятий предусматривает как индивидуальную, так и совместную деятельность (коллективное творчество, хоровое пение, участие в спектаклях).

Технологические особенности обусловливают особый темпоритм занятий, предполагающий быстрое переключение с одного вида деятельности на другой. Каждое занятие продолжается 30 минут и без перерыва переходит в следующий урок, причем физические виды деятельности сменяются интеллектуальными. Данная форма занятий создает положительный психофизический фон, дает возможность каждому участнику учебного процесса проявлять себя в том или ином виде творчества, раскрепощает и не переутомляет слушателей. Занятия каждого семестра завершаются художественным событием – отчетом студентов и преподавателей университета: выставкой индивидуальных и коллективных живописных работ, чтением стихов и прозы студентов, а также спектаклем.

Думается, что решение адаптационных процессов в пожилом возрасте будет более успешным, если в практике ресоциализации пенсионеров будут активно применяться образовательные модели на основе применения комплекса технологий социально-культурной деятельности [2], развивающие личностный потенциал, способный преодолевать трудность жизненных ситуаций, обусловленных старостью. Об этом свидетельствует отечественная практика ресоциализации пожилых людей, совершенствующая систему социально-культурных мероприятий для пенсионеров, привлечения их к активной деятельности, поиска путей развития социально-культурного потенциала пожилых людей как фактора созидания общества всех возрастов.

Литературы

1. Гидденс Э. Социология / Энтони Гидденс при участии Карен Бердсолл; пер. с англ. – 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., полн. перераб. и доп. – М.: URSS, 2005. – 629 с.
2. Красильников Ю. Д., Моздокова Ю. С., Мацукевич О. Ю. Социально-культурные технологии в процессе гериатрической реабилитации // Вестник МГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 95–108.
3. Осухова Н. Г. Человек в трудной жизненной ситуации: феноменология и психологическая помощь // Человек в трудной жизненной ситуации: мат-лы I и II науч.-практ. конф. 24 декабря 2003 г. и 8 декабря 2004 г. / под ред. Е. А. Петровой. – М.: Изд-во РГСУ, 2004. – С. 55–58.
4. Пожилые люди: социальная политика и развитие социальных услуг / сост.: Н. С. Дегаева, Г. В. Сабитова. – М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2003. – Вып. 4. – 192 с.
5. Хозина Ж. В. Сущность и понятие эйджизма как социокультурного феномена // Старшее поколение в пространстве и времени российской культуры: Дайджест исследований МГУКИ по проблемам социально-культурной деятельности пожилых людей. – М.: МГУКИ, 2003. – С. 58–67.
6. Ярошенко Н. Н. Ценностное содержание образования в сфере культуры и искусств: контекст межкультурного взаимодействия // Вестник МГУКИ. – М.: МГУКИ, 2011. – № 5. – С. 27–34.

УДК 37

Е. В. Милькова, И. В. Борзенкова

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Представлены понятие и сущность социально-педагогической адаптации, некоторые особенности ее в условиях интерактивного режима учреждения дополнительного образования, интерактивные методы в социально-педагогической адаптации старшеклассников.

Ключевые слова: адаптация, социально-педагогическая адаптация старшеклассников, интерактивный режим, интерактивные методы.

E. V. Milkova, I. V. Borzenkova

SOCIAL AND EDUCATIONAL ADAPTATION IN INTERACTIVE MODE OF HIGH SCHOOL STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTION OF ADDITIONAL EDUCATION FOR CHILDREN

The article presents the concept and nature of social and pedagogical adaptation, some features of it in interactive mode at institutions of additional education, interactive methods in the social and pedagogical adaptation of high school students

Keywords: adaptation, social and pedagogical adaptation of high school students, online, interactive methods.

В современном обществе образовательные учреждения стремятся в подготовке старшеклассников к самоопределению в жизни и профессии, выполняя не только свои основные функции, связанные с обучением и воспитанием, но также пытаются обеспечить и создать условия, которые позволяют формировать самостоятельную, адаптированную личность, готовую к выполнению различных социальных ролей и функций в обществе.

Дополнительное образование является неотъемлемой частью всего процесса образования старшеклассников. Учреждения дополнительного образования предоставляют каждому старшекласснику, опираясь на его способности, интересы, ценностные ориентации и субъективный опыт, возможность реализовать себя, цивилизованно представить и отстоять свою точку зрения, приспособиться к условиям различных ситуаций. Приспособление индивида к меняющимся условиям среды есть адаптация.

Выделяют следующие виды адаптации: социальная как приобщение к обществу, коллективу (М. А. Галогузова, Р. В. Овчарова, Е. И. Казакова, Л. В. Мардахаев и др.); биологическая как приспособление организма к меняющимся условиям среды (П. К. Анохин, И. П. Павлов, И. М. Сеченов и др.); психологическая – это приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями, мотивами и интересами (Б. Г. Ананьев, В. В. Антипов, З. Ф. Зеер, В. В. Константинов и др.); педагогическая (В. М. Дугинец, В. Л. Бозаджев, В. В. Лагерев, Р. Х. Махмутова, Л. А. Носова, М. Ф. Фатхуллин и др.).

Социальная адаптация детей – процесс и результат освоения ребенком новых для него социальных ролей и позиций, значимых для самого ребенка и его социального окружения – родителей, педагогов, сверстников, а также других людей, всего социума (Г. М. Коджаспирова).

Исходя из анализа научно-практической литературы, социально-педагогическая адаптация детей в учреждениях дополнительного образования – процесс активного приспособления ребенка к значимой деятельности, формирования социальных ценностей, усвоение норм и правил среды, исполнения социальных ролей и самореализации в ходе освоения дополнительных образовательных программ и получения дополнительных образовательных услуг (определение. – *Е. М.*).

Ведущим видом деятельности старшего подростка является общение. Интерес для старшеклассников представляет интенсивное общение через активные формы и способы, поэтому актуальным для проведения занятий и организации взаимодействия детей в УДО является интерактивный (диалоговый) режим.

При интерактивном режиме информационные потоки проникают в сознание, вызывают его активную деятельность и порождают обратный информационный поток, от воспитанника к педагогу. Информационные потоки, таким образом, или чередуются по направлению, или имеют двухсторонний (встречный) характер: один поток исходит от педагога, другой – от воспитанника (по В. В. Гузееву). Следует добавить о мощных информационных потоках, исходящих от воспитанника к воспитаннику, которые представляют собой часто не просто диадное, а поли-общение, что усложняет организацию коммуникативных связей между его субъектами, но позволяет получить богатый опыт взаимодействия между ними (примеч. автора. – *Е. М.*).

При этом исключается доминирование как одного выступающего, так и одного мнения над другим, что очень значимо для подросткового и юношеского возраста, когда давление расценивается как унижение достоинства. Здесь уместно сказать об интерактивных методах, которые учат критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях, общаться с другими людьми.

Определить интерактивные методы можно так. Быть интерактивным («Inter» –

это взаимный, «act» – действовать) – означает взаимодействовать, находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо. Интерактивные методы ориентированы на более широкое взаимодействие старшеклассников не только с педагогом, но и друг с другом и на доминирование активности обучающихся в процессе обучения и воспитания. Место педагога при использовании интерактивных методов в различных интерактивных формах работы сводится к направлению деятельности старшеклассников на достижение поставленных целей.

На современном этапе развития педагогики существует множество классификаций интерактивных методов, но на данный момент нет, ни одной достаточно полной классификации методов и представляются они авторами по-разному, например, табл. 1.

Таблица 1

Классификация интерактивных методов

Ф. И. О. авторов	Классификации интерактивных методов
Голант Е. Я.	по уровню активности учащихся
Анисимов О. С.	по степени мыслительной активности (традиционные, новые и новейшие: методы создания благоприятной атмосферы, организации коммуникации, методы организации обмена деятельностями, методы организации мыследеятельности, методы организации смыслотворчества)
Голубкова О. А. и Прилепо А. Ю.	дискуссионные методы, игровые методы, психологическая группа интерактивных методов

Окончание таблицы 1

Ф. И. О. авторов	Классификации интерактивных методов
Панина Т. С. и Вавилова Л. Н.	дискуссионные, игровые и тренинговые
Курышева Е. В.	на основании сред взаимодействия (в среде «ученик-ученик-учитель» – игровые и неигровые методы)

Интерактивный режим образовательного учреждения дополнительного образования детей, реализуемый через интерактивные методы, призван активизировать:

• индивидуальные умственные процессы старшеклассников;

• возбуждение внутреннего диалога старшеклассника;

• понимание информации, являющейся предметом обмена;

• индивидуализацию педагогического взаимодействия;

• вывод обучающегося на позицию субъекта обучения;

• достижение двухсторонней связи педагога и обучающегося.

В настоящее время ярко проявилось противоречие между возрастающей ролью и значимостью деятельности дополнительного образования по социально-педагогической адаптации старшеклассников учреждения дополнительного образования и недостаточной разработанностью и практической проверкой использования интерактивного режима взаимоотношений субъектов адаптационного процесса в условиях дополнительного образования. На основании этого педагогический коллектив МОУДОД «Дворец творчества детей и учащейся молодежи» г. Ленинск-Кузнецкого сформулировал проблему и на-

учный аппарат, которые легли в основу трехгодичной программы исследования на базе экспериментальной площадки «*Социально-педагогическая адаптация старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей*».

Проблема: Каковы методы социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей?

Цель: определение методов социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей.

Задачи:

1. Изучение и анализ сущности, структуры, содержания и проблем социально-педагогической адаптации старшеклассников в образовательном учреждении дополнительного образования детей на основе анализа психолого-педагогической литературы;

2. Определение методов социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме учреждения дополнительного образования с учетом возрастных особенностей старшеклассников;

3. Знакомство с опытом выявления и применения методов социальной адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей;

4. Разработка и экспериментальная проверка эффективных методов социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей.

Ожидаемые результаты исследования

• Изучение и использование условий повышения уровня социально-педагогической адаптации старшеклассников УДО;

• Овладение методами социально-педагогической адаптации старшеклассников УДО;

• Изучение и внедрение интерактивного режима образовательного учреждения дополнительного образования детей;

• Собственно разработка и экспериментальная проверка эффективных методов социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей;

• Анализ результатов эксперимента в работе круглого стола, семинаров, конференций различного уровня по проблеме социально-педагогической адаптации старшеклассников ОУДОД, в публикациях в профессиональных журналах.

Критерии оценки эффективности отслеживаемых результатов

На всех этапах исследовательской работы будет осуществляться мониторинг, основными направлениями которого являются следующие:

- интегративное – обеспечивает комплексную характеристику условий социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей;

- учебное – способствует овладению методами социально-педагогической адаптации старшеклассников УДО; знакомству и реализации интерактивного режима образовательного учреждения дополнительного образования детей;

- экспериментальное – обеспечивает поиск и разработку диагностических материалов и их апробацию в констатирующем эксперименте; на основе анализа результатов которого апробирование эффективных методов социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме

образовательного учреждения дополнительного образования детей;

- экспертное – характеризует особенности экспертизы программно- методического материала, способов, форм, средств, используемых в экспериментальной работе;

- информационно-методическое – позволяет оперативно освещать ход реализации задач эксперимента; разрабатывать памятки, рекомендации, указания.

Для реализации предполагаемого исследования в настоящее время разработана поэтапная работа, которая будет конкретизироваться в ежегодных планах на год.

1 этап – аналитико-проектировочный – изучение, анализ и обобщение теоретических основ по проблеме исследования. Разработка проекта программы эксперимента. Разработка и апробация нормативно-правовой, организационно-методической базы.

Подбор диагностических материалов, организация и проведение исследования. Корректирование программы эксперимента на основе анализа результатов исследования.

Погружение в массив теоретического материала для изучения основ социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей и знакомства с передовым педагогическим опытом по обозначенной проблеме в других ОУ ДОД.

2 этап – практический – организация и проведение промежуточного исследования с помощью того же диагностического инструментария на базе экспериментальной площадки.

На основе анализа результатов проведенного исследования в творческих объединениях детей определить индивидуальные темы исследования каждого педагога дополнительного образования и определить траекторию проведения ими мини-эксперимента.

Интерпретацию и обобщение результатов исследования отразить в докладах на конференциях, круглых столах, в публикациях различного уровня.

Разработка и реализация формирующего эксперимента по выявлению и апробации эффективных методов социально-педагогической адаптации старшеклассников в интерактивном режиме образовательного учреждения дополнительного образования детей.

3 этап – обобщающий, внедренческий – завершение формирующего эксперимента, анализ, обобщение опыта работы.

Проведение последнего исследования с помощью уже проверенного диагностического инструментария в творческих объединениях ОУ ДОД. Подведение итогов эксперимента. Формулирование практических рекомендаций для оптимизации педагогического процесса. Использование результатов педагогического исследования в профессиональной сфере. Распространение опыта.

Итак, методы социально-педагогической адаптации старшеклассников образовательного учреждения дополнительного образования детей в современных условиях требуют корректирования, поскольку совокупность их должна помочь старшекласснику в жизни выбрать для себя значимую деятельность с определенными ценностями, правилами и нормами, определить в ней свою позицию с выполнением социальных ролей, что потребует от него простраивания коммуникативных, перцептивных и интерактивных связей с социальным окружением, но и даст возможность самореализоваться, проверить свои силы в самостоятельной деятельности и поступках. В большей мере этому способствует педагогический процесс образовательного учреждения дополнительного образования детей, реализуемый в интерактивном режиме.

УДК 37(094)

О. В. Кузьмина

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СЦЕНАРНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЖИССЕРОВ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПРАЗДНИКОВ

В статье раскрываются основные смысловые аспекты формирования сценарной культуры режиссеров представлений и праздников, которые помогают будущим сценаристам при формировании особого сценарного мышления развить внимание, драматургическую логику, творческое воображение в работе над созданием художественно-целостного сценария.

Ключевые слова: сценарий, творческий процесс, художественный образ, замысел, конфликт, сценарное мышление, воображение, внимание, драматургическая логика.

O. V. Kuzmina

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL PROVISION IN REALIZATION OF COMPETENCE-BASED APPROACH AIMED AT FORMING THE SCRIPT CULTURE OF DIRECTORS OF THEATRE PERFORMANCES AND EVENTS

The article highlights basic semantic aspects of forming the script culture of directors of theatre performances and events which help future script writers form special script thinking, develop attention, dramaturgic logic and creative imagination during creation of a complete artistic script.

Keywords: script, creative process, artistic image, plan, conflict, script thinking, imagination, attention, dramaturgic logic.

В научной и образовательной среде активно обсуждается внедрение образовательных стандартов третьего поколения. Особое внимание уделяется компетентностному подходу, где практическая деятельность занимает один из значимых аспектов [2]. Практическая деятельность режиссеров театрализованных представлений и праздников тесно связана с работой над текстом, созданием художественного литературного сценария, поэтому учебно-практические занятия для студентов направления подготовки 071400 «Режиссура театрализованных представлений и праздников» являются основной частью их профессиональной подготовки. Следует особо подчеркнуть, что учебно-практические занятия по сценарному мастерству не обеспечены в достаточной степени учебно-методической литературой. Так, например, сборник упражнений по курсу «Сценарное мастерство» (приложение к программе), выпущенный еще в 1985 году в г. Челябинске, является единственным для работы на практических занятиях. Он и сегодня не потерял своей актуальности, но образовательные реформы ставят задачу обеспечения качественно новым учебно-методическим материалом. Поэтому разработка сборника упражнений для подготовки бакалавров по направлению 071400 «Режиссура театрализованных представлений и праздников» стала насущной необходимостью.

Любой вид художественной деятельности предполагает специфику восприятия окружающей действительности и обработки полученной информации. При этом эмоцио-

нальное воздействие на зрителя достигается художественной целостностью театрализованного представления, то есть посредством образа постановки. Таким образом, в процессе обучения студентам необходимо помочь выработать конфликтное, событийное восприятие действительности и соответствующее мышление, а также приобрести навыки образного решения театрализованных праздников.

Написание художественного *сценария* – это кропотливая творческая работа, требующая от студента особого подхода, особого сценарного мышления, которое формируется на протяжении всего периода обучения, а фундамент его закладывается уже на первых курсах. Творческий ум – это ум активный, пытливый, обнаруживающий проблемы там, где другие их не видят… Он особенный и должен отличаться остротой и меткостью письма, стилем и способом изложения материала, быть узнаваемым. Только тогда сценарии, которые создает сценарист, будут художественно целостными и представлять эстетическую ценность как произведение искусства.

Следует отметить, что создание сценария имеет основные направления процесса овладения сценарным мастерством. Среди них следует выделить: развитие творческой наблюдательности, необходимой для накопления и отбора как художественного, так и документального материала; формирование драматургического мышления, необходимого в сценарной работе для выстраивания сюжетной канвы и событийного ряда; развитие художественно-творческого воображения и фантазии, необходимых в сценарном творчестве при поиске образного решения. Эффективность этих основных направлений, стимулирующих сценарное творчество и формирующих навыки сценарного мастерства, обусловливаются, прежде всего, их совместимостью, стройностью, взаимосвязанностью, синхронностью. Поэтому практические занятия по предмету «Основы сценарного мастерства» направлены, в первую очередь, на развитие внимания, драматургической логики и творческого воображения. Исходя из выше изложенного, автор статьи выделяет в сборнике упражнений три раздела:

I. ***Упражнения на развитие внимания***, где термин *внимание* – это сосредоточение мыслей или слуха, зрения на чем-то. Упражнения направлены на накопление жизненного материала, на основе чего формируется будущий сценарий; выработку у студента умения четко определять свою цель и формировать задачи для ее реализации, не отвлекаясь на второстепенные детали, внятно мотивировать те или иные события, которые могут лечь в основу сценария праздничных форм.

II. ***Упражнения на развитие драматургической логики***. Под термином *драматургическая логика* понимается умение осознанно выстроить внутреннюю закономерность чего-нибудь: хода рассуждений, умозаключений, причинно-следственных отношений. Упражнения формируют у студента умение выстраивать сюжет, а также событийную последовательность. Развитие драматургической логики является основным методическим условием обучения основам сценарного мастерства. Студент должен научиться логически мыслить, выявлять общие и частные понятия, самостоятельно приходить к логическим умозаключениям. Драматургическая логика помогает студенту определить тему, цель, зону поиска как художественного, так и документального материала; разработать сценарный план, выбрать и разместить художественный и документальный материал в литературном сценарии.

III. ***Упражнения на развитие воображения***, где термин *воображение* – мысленное представление, воспроизведение кого-, чего-либо в уме [3]. Упражнения помогут студенту ярко и образно изложить материал на бумаге, а также оформить будущий сценарий. Цель воспитания у студента воображения заключается в том, чтобы студент мысленно представлял и воспроизводил что-то в сознании, мог без больших усилий сосредоточить внимание на невидимом объекте. Воображение помогает студенту при создании целостного художественного образа в сценарии.

Таким образом, творческие способности сценариста нуждаются в развитии, ежедневных тренировках ума с помощью творческих упражнений. Очень метко звучит высказывание Леонида Леонова в книге «Талант и труд»: «для того, чтобы писать хорошо, надо писать много». Поэтому сценарист, систематически занимаясь творческими упражнениями, постепенно переходя от простых к сложным, приобретает сценарные навыки: умение анализировать, систематизировать и синтезировать материал, прогнозировать поведение участников и аудитории.

Следует отметить, что создание сценария невозможно без творческого процесса. Шубин С. В. трактует *творчество* как деятельность, порождающую нечто новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью [4]. Творческий процесс состоит из накопленного жизненного опыта путем длительного наблюдения над явлениями жизни, тщательного их изучения и создания общего замысла, то есть отбора жизненного материала и определения своего отношения к нему с целью создания *художественного образа*.

Мейлах Б. С. делит творческий процесс на пять этапов:

- Интуитивное осознание замысла.
- Осознание цели замысла.
- Процесс накопления наблюдений.
- Выбор лучшего из возможных вариантов решения задач.
- Результат творческого процесса и его оценка [1].

Творческий процесс сценариста происходит на двух фиксируемых уровнях: неосознанном – интуитивном и осознаваемом – логическом. Осознанность и неосознанность психических моментов имеет в соответствии со степенью ясности сознания взаимообусловленные переходы одного в другой. Тем самым сценарист постепенно загружает свою память жизненными знаниями и наблюдениями, оставляя время на вынашивание замысла. Происходит переход неосознанного в осознанное. Этот переход можно поделить на следующие этапы:

1 этап: интуиция и желание; рождение замысла.

2 этап: знание и рассуждение; в процессе происходит выработка схемы и плана.

3 этап: совокупность умений, позволяющих конструктивно воплотить замысел.

Таким образом, сознательно накопленный, отобранный материал переходит в сознательный образ, соответствующий законам сценарной драматургической логики. В свою очередь, неосознанные формы высшей нервной деятельности в творческом процессе выступают способом переработки информации на эмоциональном уровне.

В процессе разработки *замысла* студент определяет *конфликт* всей постановки, отрабатывает *режиссерский прием*, устанавливает структуру сценария:

- пролог, основная часть (блоки, эпизоды), эпилог;
- завязка, развитие действия, кульминация, развязка, финал (композиционное построение);

- исходное событие, основное событие, центральное событие, главное событие, финальное событие (событийный ряд);

Затем проводится *идейно-тематический анализ* (где *тема* – проблема, поставленная самим сценаристом (автором); *идея* – авторская позиция относительно заявленных сторон конфликта; *сверхзадача* – фиксация идеи в сознании зрителя через конкретный результат). Здесь происходит сознательная стадия проверки замысла.

Прежде чем приступить непосредственно к написанию сценария, студент разрабатывает его сюжетную основу, характеры заявленных персонажей, тщательно отбирает и организует художественный и документальный материал, используя *приемы монтажа*. Написание художественного сценария – это кропотливый и творческий процесс, требующий от сценариста особого подхода, особого сценарного ума, который отличается остротой и меткостью письма, стилем и способом изложения материала. В процессе написания литературного сценария активную роль играет драматургическое мышление, которое сливается с творческим воображением сценариста и обеспечивает переработку информации в соответствии с сюжетно-образным решением будущего сценария. Поэтому систематически выполняя упражнения из сборника, можно развить и закрепить умения и навыки сценарного мастерства.

Кроме того, основные смысловые аспекты сборника упражнений формируют определенный уровень практических умений и навыков, которые впоследствии могут быть использованы непосредственно в сценарно-режессерской работе. Студенты должны уметь:

- в яркой художественной форме создать замысел будущего сценария;
- написать лаконичный, образный литературный сценарий;
- применять полученные знания в смежных учебных дисциплинах: режиссура театрализованных представлений и праздников; актерское мастерство; теория драмы.

Сборник упражнений рекомендуется использовать на учебно-практических занятиях в течение двух семестров, то есть на первом курсе обучения.

Таким образом, постоянная тренировка и комплекс творческих упражнений должны стать спутником студента в целях развития воображения, внимания и драматургической логики, а секреты сценарного мастерства могут быть достигнуты студентом только в процессе упорного труда.

Литература

1. Мейлах Б. С., Высочина Е. И. Новое в изучении художественного творчества. – М.: Наука, 1983. – С. 38.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1989. – 900 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 071400 «Режиссура театрализованных представлений и праздников» (квалификация (степень) «Бакалавр») от 17 января 2011 г. № 55 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образовании и науки Российской Федерации. – URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_11/prm55-1.pdf
4. Шубин С. В. Сценарное мастерство: учеб. пособие. – Омск, 1999. – С. 7.

ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY

УДК 1

Н. А. Волков, Т. А. Волкова

ВОЗМОЖНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ГЕНДЕРНО ЧУВСТВИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье раскрываются основы гендерно чувствительной политики, рассматривается канадский вариант ее практической реализации и обосновывается необходимость трансформации современной российской гендерно нейтральной политики.

Ключевые слова: гендерный анализ, гендерно чувствительные индикаторы, гендерное неравенство, гендерно чувствительная политика, гендерная статистика, комплексный подход к проблеме равенства полов.

N. A. Volkov, T. A. Volkova

OPPORTUNITIES AND MECHANISMS FOR GENDER-SENSITIVE POLICY

The article discovers the foundations of gender-sensitive policy and gives an example of the Canadian model of its practical realization, substantiates the necessity of transforming of modern Russian gender-neutral policy.

Keywords: gender analysis, gender-sensitive indicators, gender inequality, gender-sensitive policy, gender statistics, gender mainstreaming.

Социально-экономические и политические изменения последних двадцати лет затронули основы общественного устройства России и самые глубокие пласты повседневной жизни людей, их ценности, обыденные представления, нормы поведения и жизненные сценарии. Одним из важнейших направлений этого процесса стало изменение положения мужчин и женщин в обществе, представлений о взаимоотношениях полов в различных сферах общественной жизни.

Социальные трансформации открыли новые перспективы реализации прав и свобод человека. В то же время они потребовали от людей адаптационных возможностей, которые значительно отличаются у женщин и мужчин. Другими словами, проводимая сегодня политика, как правило, не учитывает последствия реформ для выделенных групп населения, то есть является гендерно нейтральной.

Россия декларировала гарантированность равных прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств в части 1 статьи 19 Конституции РФ. Однако сегодня есть все основания считать российское законодательство несовершенным, так как оно до сих пор является гендерно нейтральным. С. Поленина указывает на отсутствие в нем норм, обеспечивающих выравнивание возможностей мужчин и женщин в реализации принадлежащих им прав и свобод, что провозглашено Конституцией РФ. Российский закон четко гарантирует равные права, но во многих сферах отсутствует законода-

тельство (а следовательно, и механизмы), которое позволило бы женщинам и мужчинам реализовать равные возможности. Таким образом, важное положение Конституции РФ остается только на бумаге [4].

Условия жизни мужчин и женщин значительно отличаются друг от друга, в силу репродуктивной функции женщин и в силу ряда социокультурных особенностей и традиций. Вопрос не в наличии этих отличий, а в том, что они не должны негативно отражаться на условиях жизни женщин и мужчин, вести к дискриминации, соответствующим образом учитывались, что должно выражаться в равном распределении экономических, социальных и политических возможностей.

В течение последних десятилетий в Европе реализуются многочисленные проекты, которые позволяют формировать культуру равенства полов в обществе и грамотный подход к реализации прав человека де-факто. Главным достижением Европейского сообщества в деле претворения в жизнь гендерного равенства следует считать рекомендации Комитета Министров ЕС 1998 г. по внедрению во все сферы деятельности любых государственных и негосударственных органов стран Сообщества принципа комплексного подхода к гендерным проблемам (gender mainstreaming).

Суть комплексного подхода заключается в организации, совершенствовании и оценке процессов принятия решений (главным образом политических), с тем чтобы инкорпорировать проблематику равенства между женщинами и мужчинами во все области и на все уровни жизни государства и общества.

Такой комплексный подход означает необходимость учета интересов, как женщин, так и мужчин при решении любых политических, социальных, экономических, культурных, образовательных и иных вопросов. А это как раз то, чего не хватает российской действительности, как на уровне правосознания населения и должностных лиц, так и органов всех ветвей государственной власти, прежде всего, законодательной и исполнительной.

В данном комплексном подходе под равенством между мужчинами и женщинами понимают условия, при которых мужчины и женщины имеют не только равные права, но и равные возможности для реализации своих прав и потенциала в полной мере. Это значит, что люди обоего пола принимают равное участие в делах общества, имеют равное положение, независимость, ответственность во всех сферах общественной и частной жизни.

Принцип гендерного равенства подразумевает право отличаться, быть иным, чем представитель другого и своего же пола. Другими словами, принцип гендерного равенства на деле означает право быть собой и быть равным другим, которые тоже имеют право быть собой. При этом гендерное равенство, предполагая равноценность схожих и несхожих черт, присущих мужчинам и женщинам, не противоречит различию их гендерных ролей.

Инкорпорация комплексного подхода к проблеме равенства полов в национальную политику означает разработку правовой базы для решения проблемы, создание арбитража, комитетов, советов для преодоления дискриминации по признаку пола, открытие в каждом министерстве отделов, занятых вопросами равенства полов, ведение научно-исследовательской работы по гендерной проблематике, создание достоверной статистической базы, отражающей положение обоих полов.

С целью более достоверных прогнозов последствий принимаемых законов, государственных решений для положения женщин и мужчин в ходе реализации гендерно ориентированной политики целесообразно осуществлять гендерную экспертизу.

Разные культуры и общества, стремясь к гендерному равенству, следуют разными путями. Но при любом подходе равенство

предполагает, что женщины и мужчины свободны выбирать различные или сходные конечные результаты – в соответствии со своими личными предпочтениями и целями. В последние годы концепция комплексного подхода получила особое развитие в рамках деятельности различных европейских межправительственных и национальных организаций. Имеется значительный опыт по внедрению этой концепции в Норвегии, Швеции, Голландии, Дании, Финляндии. В русле реализации данной концепции представляется бесценным почти 50-летняя практическая деятельность государственных структур Канады, сумевших «сказку сделать былью».

Gender mainstreaming – комплексный подход к проблеме равенства полов – стал практикой реальной политики в Канаде с 1967 г. (то есть до официального оформления данной концепции в мировой теории и практике), когда начала работать «Королевская комиссия по изучению положения женщин» во главе с Флоренс Берд. Уже в 1970 году комиссия представила отчет по положению женщин в Парламент. В нем содержались 167 отдельных, подробных, продуманных рекомендаций, касавшихся условий экономической, общественной, политической и семейной жизни девушек и женщин Канады. В отчете рассматривались такие вопросы, как налоговая политика и образование, наличие несоответствий в «Законе об индейцах», здравоохранение и репродуктивные права, забота о детях и уголовное законодательство.

Весь опыт Комиссии с ее широкими полномочиями, публичными слушаниями, исследованиями и отчетом способствовал беспрецедентному росту активности женщин в общественной и политической жизни Канады. «Положение женщин» стало неизменным пунктом «повестки дня» всей политической и общественной жизни страны.

Дальнейшие меры были направлены на усиление федеральных механизмов, обеспечивающих равноправие полов: вступление в силу «Закона о положении женщин», учреждение постоянного парламентского комитета по проведению данного закона в жизнь, назначение на должность старшего Министра по вопросам положения женщин со всеми полномочиями, требование Генерального аудитора проводить проверку деятельности правительства по обеспечению равноправия женщин.

В 1976 году создается «Агентство по положению женщин Канады» – федеральное правительственное агентство, призванное содействовать равноправию полов и как можно более полному участию женщин в экономической, социальной, культурной и политической жизни страны.

Принятая в 1985 году «Канадская Хартия прав и свобод» подтвердила курс на достижение гендерного равенства: 15 (1) «Каждый человек равен перед законом и по закону и имеет право на равную защиту закона и равные блага от него без дискриминации, в особенности, без дискриминации по расе, национальности или этнической принадлежности, вероисповеданию, полу, возрасту, психическим или физическим недостаткам». И далее: 28 «Права и свободы, указанные в этой Хартии, гарантируются в равной степени лицам мужского и женского пола».

В 1990 году Правительственная рабочая группа по изучению барьеров в продвижении женщин по государственной службе представила отчет, в котором рекомендовала ряд мер по достижению более равномерного представительства женщин во всех профессиональных группах и на всех должностных уровнях государственной службы.

Эти меры должны быть нацелены на три аспекта равномерного представительства, где процесс поддается контролю и оценке: 1) устранение численного преобладания женского персонала на низших должностных ступенях государственной службы; 2) снижение концентрации специалистов-женщин

в ограниченных сферах профессиональной деятельности; 3) улучшение представительства женщин в высших эшелонах управления и в группе лиц, назначаемых так называемым «Королевским указом в Совете».

Далее были приняты новые меры по усилению принципов гендерного равноправия при найме на государственную службу, включая ряд поправок к «Закону о финансовой администрации»: законодательные поправки в целях улучшения пенсионного обеспечения государственных служащих на должностях, предполагающих частичную занятость (где большинство сотрудников – женщины); внедрение гибких графиков работы, а также предоставление госслужащим возможности повысить уровень знаний принципов недискриминационного подхода на курсах обучения, нацеленных на изменение представлений о взаимоотношении представителей различных групп населения на рабочих местах.

Результаты оказались ощутимыми: если в 1994 году процент женщин, работающих на федеральной государственной службе, составлял 45,5 %, то в 2000 году он вырос до 51,7 %. Процент женщин, занимающих должности в руководящей, научной и профессиональной категориях, вырос с 38,3 % в 1994 году до 50,5 % в 2000 году.

Следующий шаг канадского правительства – принятие Федерального плана достижения гендерного равенства на 1995–2000 годы. В плане сформулированы восемь приоритетных задач, которые напрямую связаны с двенадцатью важнейшими темами, содержащимися в «Пекинской платформе действий». Вот эти 8 задач:

1. Применение гендерно-дифференцированного анализа во всех федеральных министерствах и ведомствах.

2. Улучшение экономического положения женщин и укрепление их материальной независимости.

3. Улучшение физического и физиологического состояния женщин.

4. Снижение уровня насилия в обществе, особенно насилия по отношению к женщинам и детям.

5. Содействие гендерному равноправию во всех аспектах культурной жизни Канады.

6. Учет интересов женщин в вопросах управления.

7. Продвижение и поддержка принципов гендерного равноправия в мировом масштабе.

8. Претворение в жизнь принципов гендерного равноправия для сотрудников федеральных министерств и ведомств.

В рамках данного плана канадское правительство выступило с целым рядом инициатив: 1 июля 1998 года была введена система «Национальных пособий на ребенка»; в 1998 году в Федеральном бюджете была впервые упомянута роль домашнего хозяйства и ухода за нетрудоспособными членами семьи, т. е. было частично признано значение неоплачиваемой работы по дому, большую часть которой выполняют женщины; в 1997 году министрами, отвечающими за Агентство по положению женщин, были внедрены гендерно чувствительные индикаторы; и др.

Обратим особое внимание на значение для экономики неоплачиваемого женского труда (ведение домашнего хозяйства, уход за членами семьи, натуральное производство для нужд семьи и т. д.), которое впервые было выделено в Федеральном плане достижения гендерного равенства на 1995–2000 годы в Канаде. По оценкам ООН (1995 год), неоплачиваемый труд в целом составляет более 70 % общего мирового производства, а женщины в неоплачиваемой сфере составляют большинство [3].

Изучая бюджеты времени, исследователи смогли определить продолжительность и типы труда, которые выполняют мужчины и женщины в разных странах. ООН (1995 год)

установила, что во всех странах женщины работают дольше мужчин. По статистическим данным австралийских экспертов, 65 % неоплачиваемого труда приходится на женщин. Замужняя женщина тратит на работу по дому примерно 38 часов в неделю. И хотя неоплачиваемая работа по дому стоит около 237 млрд долларов в год (на 1995 год), она не признается частью общенационального производства [3].

Неоплачиваемый труд в домашнем хозяйстве имеет исключительно важное значение для экономики. По данным Э. Гидденса, в промышленно развитых странах в домашнем хозяйстве создается от 25 до 40 % национального богатства. Домашняя работа служит фундаментом национальной и международной экономики; от безвозмездных услуг домашнего хозяйства зависит существование огромной части активных трудовых ресурсов.

Исходя из этого, национальные системы некоторых стран пытаются внедрить измерение неоплачиваемого труда женщин в «спутниковые» национальные счета (Канада, Норвегия и Нидерланды).

«Невидимость» неоплачиваемого труда женщин в российских национальных статистиках приводит к игнорированию его важной роли в благосостоянии страны. Как следствие, его роль не учитывается и при разработке социальной и экономической национальной политики, которая опирается на ошибочные данные.

Большое место в Федеральном плане достижения гендерного равенства уделялось преодолению насилия в отношении женщин. Курс на пресечение бытового насилия был подтвержден еще раз в 1997 году с началом реализации третьей Целевой программы по борьбе с насилием в семье. Благодаря выделенным средствам на Программу улучшения приютов, убежища для женщин, пострадавших от жестокого обращения, были улучшены и стали соответствовать необходимым стандартам. С 1995 года благодаря этой программе были улучшены 3000 жилищных единиц в убежищах.

Как было уже указано выше, в рамках рассматриваемого Федерального плана были внедрены гендерно чувствительные индикаторы. Осуществление каких-либо преобразований в рамках гендерно ориентированной национальной политики невозможно без их использования. Это своеобразные указатели, использующие количественные и качественные показатели для суммирования гендерно значимых изменений, происходящих в обществе в течение определенного периода времени. Они – необходимая и полезная составляющая для измерения результатов деятельности государства, как в общих проектах, так и в специальных инициативах, осуществляемых в стране, которые нацелены на учет интересов обеих социально-половых групп населения.

Польза гендерных индикаторов обусловлена их способностью указывать на перемены в статусе и роли женщины и мужчины во времени и на степень реализации прав человека относительно каждого пола.

Необходимо отметить, что в мировой практике разработаны и широко используются при анализе достижения гендерного равенства специальные показатели. Это так называемые индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), и показатель расширения возможностей женщины (ПРВЖ) [5].

Первый отражает достижения в ожидаемой продолжительности жизни, достигнутом уровне образования и дохода с учетом гендерного неравенства. В 1998 году ООН (Отчет о развитии человека 2000) рассчитала ИРГФ для 143 стран. Первые пять мест в рейтинге заняли Канада, Норвегия, Австралия, США и Исландия. Российская Федерация оказалась на 54-м месте [5], что свидетельствует о менее справедливом распределении благ и общих достижений в области развития

человеческого потенциала между мужчинами и женщинами.

Второй индикатор отражает участие женщин в экономической, политической и производственной областях. В рамках ПРВЖ акцент делается на трех моментах:

- способность распоряжаться экономическими ресурсами, основанная на трудовом доходе;

- доступ к возможностям в области производства и участие в принятии решений в области экономики;

- доступ к возможностям в области политики и участие в принятии политических решений.

По данным ООН (1998 год), Канада и по этому показателю вошла в первую семерку стран наряду с североевропейскими странами.

В дополнение к Федеральному плану ряд провинций и территорий Канады выработали в рамках своей юрисдикции собственные планы по осуществлению «Пекинской платформы действий».

В контексте реализации Федерального плана достижения гендерного равенства можно рассматривать и принятый в 1996 году Закон о применения принципа справедливости в трудовых отношениях. Согласно ему, Канадская комиссия по правам человека уполномочена проводить проверку работодателей, дабы убедиться в соблюдении ими этого Закона. Комиссия обладает правом принуждения в тех случаях, когда законодательство нарушается. Особенно важно отметить, что это законодательство основано на принципах сотрудничества и убеждения. Высшие должностные лица несут ответственность за результаты проверки. Комиссия отслеживает деятельность работодателя и, в случае неэффективного выполнения рекомендаций, проводит дополнительную проверку. По результатам подобных проверок на 2000 год, уровень выполнения требуемых действий весьма высок – 91 % работодателей выполнили поставленные перед ними требования без принудительных акций.

Отследить реализацию предложенных мер невозможно без системы гендерной статистики и гендерно-дифференцированного анализа (ГДА), в связи с чем канадское правительство приняло на себя ряд обязательств:

- разработка инструментов и методологий гендерной статистики и ГДА;

- проведение информационных занятий с должностными лицами и руководящим составом по ГДА;

- поощрение обсуждений гендерных вопросов в политике путем диалога, «круглых столов», семинаров, симпозиумов и конференций с органами власти, женскими организациями и другими представителями негосударственных структур;

- развитие анализа политики в гендерном ракурсе в правительственных органах Канады и при поддержке соответствующих органов в других правительствах и международных организациях.

В качестве цели применения ГДА выдвигается принцип справедливости в отношении мужчин и женщин. Основные принципы ГДА: справедливый доступ (равные возможности), равное отношение (формальное равенство) и равенство результатов (существенное равенство).

В сентябре 2005 года создается Группа экспертов по вопросам подотчетности за соблюдение принципа гендерного равноправия с контрольными полномочиями.

Таким образом, начиная с 1967 года федеральное правительство Канады поддерживает распространение гендерного равенства, применяя целевые программы по применению принципа справедливости в трудовых отношениях в государственных организациях, а также развивая соответствующие общественные службы и программы, нацеленные на удовлетворение потребностей женщин и мужчин.

В Канаде политика гендерного равенства не просто декларирована де-юре, для ее практической реализации разработан и успешно применяется четкий механизм, благодаря которому в федеральном, государственном секторе Gender mainstreaming стал повседневной практикой. Разработана система мероприятий, позволяющая инкорпорировать комплексный подход к равноправию полов и в политику негосударственного сектора.

В Канаде считают, что проблем с реализацией принципа гендерного равенства еще очень много (например, включение в область гендерно чувствительной политики одиноких матерей, пожилых женщин, одиноких женщин, женщин с физическими или психическими недостатками, представительниц коренного населения, женщин небелой расы, иммигранток, женщин нетрадиционной сексуальной ориентации, однополых браков, вопросов усыновления/удочерения однополыми парами). Несмотря на это, для России уже имеющийся канадский опыт актуален более чем западноевропейский, так как у наших стран есть важные общие точки: федеративное устройство и многонациональный характер.

К сожалению, несмотря на множественные законодательные и правительственные акты, разнообразие структур, призванных решать проблемы равных прав мужчин и женщин в России, необходимо признать, что государственную политику в этой сфере определяет не столько принцип гендерного равенства, закрепленный действующей Конституцией, сколько прежний традиционный подход к реализации равноправия с акцентом на государственный патернализм и сложившийся в его русле концепт «улучшения положения женщин». Так, в России даже попытка принять Гендерную стратегию (2003 год) на законодательном уровне закончилась ничем [7].

Однако идеология и практика государственного протекционизма по отношению к женщине означает ее «социальную инвалидизацию» и ведет к воспроизводству патриархальной системы гендерных отношений. [2]. Мировой опыт показывает, что традиционная политика в этой области сегодня обязательно должна дополняться новой фундаментальной стратегией – комплексным подходом к проблеме равенства полов. Оба подхода – традиционный и комплексный – должны применяться параллельно. Поэтому изучение и целесообразное использование опыта реализации принципа равноправия полов в Канаде представляется актуальным и перспективным. При этом необходимо помнить, что концепция Gender mainstreaming в каждой стране должна быть тщательно истолкована и адаптирована с учетом местных условий.

Литература

1. Досина Н. В. Политическое участие граждан России на рубеже XX–XXI веков: гендерная стратегия: автореф. и дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2004. – 37 с.
2. Здравомыслова О. М. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09. 00. 11. – М., 2008. – 50 с.
3. Кесслер-Хэррис Э. Женский труд и социальный порядок // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 171–189.
4. Поленина С. Проблемы гендерного равенства: Доклад о соблюдении прав человека в Российской Федерации в 2004 году / Московская Хельсинская группа. – М., 2005. – 56 с.
5. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
6. Шведова Н. А. Гендерная стратегия России: статья // Выборы в России и российский выбор: материалы Третьего Всероссийского конгресса политологов. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 46–54.

УДК 1

Т. А. Волкова, В. И. Марков

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы специфики военного гуманизма и гуманистического воспитания и образования в военных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: гуманизм, военная среда, военное воспитание и образование.

T. A. Volkova, V. I. Markov

HUMANIZATION AND HUMANITARIZATION OF MILITARY EDUCATION

The article is devoted to the possibility and specific essence of humanism in military environment and to the problems of humanistic education in military educational institutions.

Keywords: humanism, military environment, military education.

Введение в курс данной проблематики предполагает уточнение применяемого авторами понятийного аппарата. Часто термины, употребленные в названии, применяются почти как синонимичные, и описание проблем гуманизации сводится к вопросам о роли гуманитарных наук в процессе обучения. Однако, на наш взгляд, это требует уточнения. Гуманизация определяется степенью проникновения принципов гуманизма во все аспекты и образовательного и воспитательного процесса в военных учебных заведениях. А гуманитаризация есть повышение роли гуманитаристики в образовании. Это, конечно, важнейший, но далеко не единственный элемент общих проблем гуманизации.

Однако тогда для внешнего военному миру сознания, особенно воспитанного на либерально-интеллигентском пафосе антимилитаризма, сама постановка вопроса о гуманизме военных кажется чуть ли не кощунственной. Ведь в узких рамках такого мировоззрения формирование военного сословия, касты и т. д. – это воспитание профессиональных убийц. Они рабски подчинены военной дисциплине, теряя всякую самостоятельность и личностную идентичность, действуют как автоматы в целях, противоположных всяческой культуре вообще и гуманизму тем более.

Следовательно, вопрос о самой возможности и специфическом характере гуманизма в военной среде далеко не простой и требует особого философско-мировоззренческого обоснования.

Прежде всего, – о типах гуманизма как такового. О различных типах гуманизма говорили давно, и еще несколько десятилетий назад эта тема служила одним из важнейших предметов идеологической борьбы. Нам хотелось бы заострить эту проблематику, указав на объективно обоснованное присутствие в истории не просто различных, а полярных вариантов гуманизма, связанных по своему генезису не с какими-то конкретными общественно-политическими течениями, а с гораздо более фундаментальными характеристиками человеческого бытия в истории.

В начале наших рассуждений попробуем оттолкнуться от одного исторического факта. В Древнем Риме преследования первых христиан основывались, помимо юридических и прочих аргументов, на том, что они воспринимались как… человеконенавистники. Идея, кажущаяся совершенно дикой с современных позиций, но имевшая свои основания, если вспомнить о том, с какой точки зрения идеи христианства понимались в таком странном ракурсе. Для развращенного Рима люди, пытавшиеся сохранить свою чисто-

ту, отделившиеся от порочного мира, а иногда и выступавшие со страстными обличениями действительно могли представляться человеконенавистниками. Ненавистниками по отношению к именно такому человеку и обществу.

В данном примере обе стороны опирались на свое понимание гуманности. В одном случае речь идет не только о признании человека греховным существом, но и о его праве на греховность, о принятии его таким и только таким, каков он есть. С другой же стороны, признание человека греховным сочетается с требованием его развития, совершенствования, возвышения над собой и собственной склонностью к греху.

Итак, приятие человека, каков он есть в наличном своем бытии, или же создание нового, более совершенного типа человека? Вот вопрос, разделяющий два полярных типа гуманизма. Вопреки обыденному мнению, второй вариант, как видим, свойствен не только различным «тоталитарным» учениям.

Нетрудно заметить, что за различным пониманием гуманизма стоит, прежде всего, антропософская проблематика – нетождественное понимание самого человека, образа человека, что так часто лежит в основе отличий любых социальных воззрений. В одном случае человек рассматривается как существо, находящееся в постоянном изменении и борении с миром и с самим собой. Существо, преодолевающее себя в этой борьбе и возвышающееся над самим собой, сметающее любые заранее установленные пределы и горизонты бытия. В другом мировоззрении человек рассматривается как существо законченное, ставшее, из чего вытекает логическая необходимость принять его таким, каков он есть, или же отречься от гуманности по отношению к нему. Может ли человек быть успокоен в самом себе? Или же его удел – вечная борьба, в том числе и внутреннее преодоление (джихад, христианство). Покой или же беспокойство составляют суть человека? Животная самоудовлетворенность бытием или вечное преодоление и «покой нам только снится»? Но надо помнить, что и в самом человеке сосуществуют два уровня, он и животное, и собственно человек. Отсюда эта внутренняя борьба, и наличие этих двух ипостасей, двух интенций бытия человека с необходимостью порождает два типа гуманизма.

С социально-философской точки зрения, речь, по сути, идет об объективном соотношении динамики и стабильности. Динамика развития требует принятия «мужского» типа гуманизма, а стабильность, отсутствие необходимости в данный момент мобилизации общества на решение исторических сверхзадач, предполагает возможность более либерального, «женского» варианта.

Из приведенных выше рассуждений явно следует, что в военной среде имеет право на существование только суровый «мужской» тип гуманизма, обусловленный рядом требований к личности, более соответствующий и самому составу этой среды и выполняемым ею общественным функциям.

Для нашего, преимущественно христианского по истокам культурного мира (хотя в данном вопросе и другие конфессии в основном согласны) вопрос о гуманизме носит специфический характер. Он должен быть соотносим не столько с абстрактными принципами гуманизма из различных международных документов современности, сколько с христианской традицией. Особенно с одной из центральных заповедей – «не убий». И разрешаем тоже, по возможности, он должен также в согласовании с общей исторической религиозной традицией.

Облегчает подступы к анализу тот факт, что по данному поводу имеются достаточные историко-философские основания. Имеются в виду дискуссии между сторонниками

абстрактно-христианского толкования этой заповеди (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский) и их критиками (К. Леонтьев, С. Франк, И. А. Ильин).

Прежде всего, надо разделить формулировку требований на уровне идеала и в применении к реальному, явно несовершенному миру и человеку.

Необходимо при этом учитывать специфику именно новозаветного понимания заповедей. Заповеди Христа, в отличие от Моисеевых, – это не просто декларации и запреты. Они гораздо более духовны и потому более радикальны. Они оцениваются не только, а иногда и не столько по деяниям, сколько по их мотивации, по сердечным устремлениям. В итоге они кажутся почти невыполнимыми, по сравнению с Моисеевыми, если их рассматривать в том же ключе. Но их отличие в том, что их сущность процессуальна. Оценивается не просто выполнение или нет, а сам процесс устремленности к идеалу, движение к нему со смирением и покаянием. И именно потому они вечны, их полная реализация в греховном мире и греховным человеком невозможна, но они, находясь на горизонте бытия, становятся ориентирами бесконечного движения к идеалу человека и человечества в целом.

Поэтому такие идеальные нормы нельзя понимать как обязательные к исполнению в полном объеме «здесь и сейчас». Важно постоянно иметь их в виду как цель и ориентир развития и стремиться к ним, согласуясь с греховностью человека и построенного им мира. Иначе они выглядят совершенно нереальными, утопичными, а значит, – в каком-то отношении бессмысленными. Чего стоит, например, пожелание мужчине не возжелать женщину в сердце своем. Совершенно утопичной с этих позиций выглядит и часто цитируемая мысль Достоевского о том, что никакой прогресс и мировая гармония не стоят слезинки ребенка. Ведь любой родитель на опыте знает, что без запретов, наказаний, а значит и слезинок невозможно никакое формирование полноценной личности. Справедливо критиковал на этот счет Достоевского и К. Леонтьев по поводу идеи о том, что суть России как культуры в ее всечеловечности, способности восприять и развить все чужое. Ведь, исходя из реальностей конкурирующего и враждующего мира, пока мы будем так все вбирать в себя, нас просто уничтожат, сотрут как особый культурный мир.

Напрямую с темой истолкования заповеди «не убий» в контексте страшных испытаний, выпавших на долю всего человечества и России в особенности в начале XX века, связана известная работа И. А. Ильина «О сопротивлению злу силою», которая, на наш взгляд, должна быть одной из основополагающих в мировоззренческо-воспитательном процессе для курсантов военных учебных заведений [1].

Истолковывая опыт Мировой и Гражданской войны, И. Ильин ищет духовные причины провала белого движения. И заодно опровергает инсинуации о якобы вообще недопустимости защищать силой свою правду. Основная проблема книги определена Ильиным так: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?» Автор приходит к выводам, что человек, не сопротивляющийся злу, рано или поздно приходит к необходимости уверить себя в том, что зло не является злом, и не сопротивляющийся злу сам уже зол.

Отдельные мысли И. Ильина как бы прямо вступают в полемику с некоторыми современными писаниями на эту тему. Он пишет, что сторонник «чистого» непротивления вместе со всем остальным человечеством пользуется плодами всей предшествующей борьбы со злом: всею своею

жизнью, безопасностью, возможностью трудиться и творить – он обязан усилиям, подвигам и страданиям тех, кто до него из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и воспитывал в нем животное, а также тех, кто ныне продолжает это дело. Именно благодаря тому, что находились люди, добровольно принимавшие на себя бремя активной борьбы со злодеями, эту, может быть, тягчайшую разновидность мирового бремени, – всем остальным людям открывалась возможность мирно трудиться, духовно творить и нравственно совершенствоваться. Сторонники «чистого» непротивления, пользуясь этими благами векового дуба, но, не усматривая того, что источник этих благ именно в нем, стали отдавать всю свою «добродетель» и свои досуги на то, чтобы подрыть его корни и повалить его. Внешние злодеяния христианин должен рассматривать как еще одно данное от Бога испытание, и уклоняться от них он не имеет права.

Истины ради, следует отметить, что эта работа А. Ильина была далеко неоднозначно воспринята в кругах эмиграции. Резко негативно отозвался о ней Н. Бердяев, заявивший в статье под названием «Кошмар злого добра», что книга есть болезненное поражение нашего времени и И. Ильин заразился ядом большевизма. Его поддержал Ю. Айхенвальд в статье «Злое добро». Этим тезисам вторила З. Гиппиус, обвиняя Ильина в «христианском натурализме», предании Царства Небесного ради устроения Царства Земного. Неожиданная помощь пришла из Русской духовной миссии в Иерусалиме, из писем архиепископа Анастасия Иерусалимского, который привел ряд аргументов по наиболее уязвимому аспекту работы И. Ильина – о христианском, богословском оправдании подобного подхода к проблеме военного гуманизма. Еще более усилил эту аргументация митрополит Антоний (Храповицкий), опровергнувший со ссылками на тексты Священного Писания большинство идей «полуграмотных друзей» христианства, путающих Моисея и Христа, различия в их подходе к подобным вопросам. Ведь и сам Господь предписывал за нарушение заповедей смертные кары, а по Иисусу Христу злословящий мать и отца своего «смертию да умрет» (ср. Исх. 20, 12; 21, 16). И об отношении к военной профессии митрополит Антоний приводит интересный факт: епископ Феофан Затворник на запрос одной своей корреспондентки, благословит ли он отдать сына в военную школу, согласно его желанию или (кажется) в инженеры, согласно желанию его матери, отвечал: пусть будет воином, это благородная и достойная служба вере и отечеству [2].

При всей дискуссионности поднятых И. Ильиным проблем, несомненно одно: книга эта вошла в золотой фонд русской философской мысли, и она, пожалуй, глубже других может служить основанием для дальнейшей научной работы, связанной с рассмотрением специфики военного гуманизма.

Несколько другой аспект нашей тематики развивает в своем труде «Неволя и величие солдата» французский поэт-романтик, писатель и в молодости профессиональный военный А. де Виньи (1797–1863) [3]. Ведь гуманизм может быть присущ только свободной личности. Может ли быть таковым военный, который кажется штатским, как уже упоминалось, военной машиной, рабом дисциплины. Романтик во всех своих поэтических и прозаических произведениях, де Виньи, считавший, что честь – это поэзия долга, воспевал добровольно принятую на себя неволю (дисциплину, суровые условия быта и жестокую правду войны) как высшее проявление человеческой свободы. Но именно только в том случае, если это не навязанное судьбой и обстоятельствами решение, а именно свободное решение самого человека. Ведь и культура в целом – это не только, а чаще и не столько свобода,

сколько налагание на себя уз, умения управлять собой ради неких целей и идеалов. С этой точки зрения, военный профессионал – отнюдь не раб, а человек, понявший и принявший суровую необходимость защиты отечества, родных и близких и свободно жертвующий собой, многими жизненными благами ради своих убеждений. Эта диалектика воли и неволи, свободы и добровольно принятой необходимости, возведена у де Виньи в ранг высшей этической ценности, ранг величия.

Таким образом, даже этот краткий обзор показывает, что проблематика специфического военного гуманизма имеет под собой достаточно давние теоретико-философские основы, может и должна стать интереснейшим и практически востребованным направлением философских и культурологических исследований. Это позволяет нам перейти к рассмотрению реально возникающих проблем в современном военном образовании в России.

Прежде всего, следует отметить, что иногда гуманизации военного образования противопоставляется деятельностный подход в обучении военного специалиста, который, якобы, может завершиться превращением его в высокообразованного убийцу, которому безразличны люди и окружающая его природа. Все это значительно затрудняет решение проблемы гуманизации военного образования, которое является только одним из факторов, определяющих гуманность офицеров. Уже поэтому требуются серьезные комплексные исследования, охватывающие весь спектр проблем формирования нравственных качеств офицера – гражданина своей страны.

В России, несмотря на реформирование системы военного образования, по-прежнему сохраняется недооценка гуманитарной составляющей военно-профессиональной подготовки командных и инженерных кадров. До минимума сокращено время на преподавание гуманитарных дисциплин. В военных академиях отводится 9–11 % общего учебного времени, в военных институтах – до 18 %. Сохраняется остаточный принцип учебно-методического обеспечения, планирования занятий, распределения учебной нагрузки кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин [6]. Вместе с тем недостаточно убедительным выглядит мнение о том, что сокращение объема учебных дисциплин гуманитарной направленности в пользу военных специальных дисциплин («милитаризация» военного образования) приводит к снижению уровня нравственной подготовки. Исторический опыт показывает, что внешние факторы (установки политического и военного руководства страны, отношение общества к армии и др.) могут оказывать определяющее влияние на формирование нравственного облика офицеров. Кроме того, следует признать, что изучение таких дисциплин, как философия, политология, социология, психология, педагогика, иностранный язык, к сожалению, зачастую рассматривается слушателями и курсантами как дополнительная нагрузка, напрямую не работающая на их профессиональную подготовку по специальности. Это, впрочем, общая проблема, затрагивающая преподавание общественных наук в вузах негуманитарной направленности.

Помимо повышения эффективности преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин, требуется принципиально усилить гуманитарную направленность оперативно-тактических, тактико-специальных, военно-технических дисциплин, т. е. в основу положить изучение не теории человеколюбия, а формирование человеколюбия в ходе всего процесса обучения. Другими словами, речь о формировании отношения к людям, построенного на любви к человеку, уважении к человеческому достоинству, которое должно «пронизывать»

изучение специальных военных дисциплин, а не выноситься за их пределы и тем более не противопоставляться им. Ведь именно в практической деятельности специалиста наиболее прочно усваиваются и закрепляются все основные навыки, в том числе – и навыки гуманного поведения.

Конечно, реализовать это далеко не просто. Принципиальные особенности, трудности и противоречия гуманизации военного образования в оперативно-тактической и тактико-специальной подготовке связаны с необходимостью формирования у военнослужащих знаний, умений и навыков, направленных на победу над врагом путем его разгрома, уничтожения или, по крайней мере, создания условий для навязывания ему своих требований, т. е. путем негуманных действий [5]. Командир в боевой обстановке вынужден подвергать опасности здоровье и даже жизнь подчиненных. Каким образом совместить с гуманностью приказ идти в атаку на противника или не делать «ни шагу назад» в обороне? Это задача творческая и не знающая стандартных решений.

Известно, что трактовка педагогики зачастую выстраивается по жесткой схеме модели «наполнительного» образования, которая предполагает наполнение курсанта чужим опытом. В некоторых пособиях даже заявляют, что нам нужны не интеллигенты, а интеллектуалы – люди, исповедующие прагматику. В военной педагогике на сегодняшний день имеют место яркие тенденции возврата к практике ориентации не столько на цели образования, сколько на преподавание отдельных учебных дисциплин как основы науки. В содержании воспитательно-образовательного процесса предпочтения отдаются «научению», но не развитию личности курсанта. Забота о формировании базовых знаний как основы подготовки военных специалистов становится самоцелью. Повторяется «предметоцентризм», положение, сложившееся в образовании к 1970-м годам, когда уже стал очевидным тупиковый характер такой ориентации [6]. От этого страдает вторая составляющая конечного результата военной педагогики – подготовка офицера-руководителя. Содержание основных педагогических категорий – воспитание, образование, развитие, социализация – заменяется техническими категориями: тренировкой, упражнением, формированием, что в конечном счете становится просто «натаскиванием» только на профессиональные качества [7].

Чтобы знание стало гуманитарным, вне зависимости от учебной дисциплины (технической, естественно-научной, гуманитарной), оно должно обрести личностный смысл. Педагогический процесс, построенный на гуманитарных основаниях, выдвигает задачу преобразования стандарта образования из безличной формы всеобщности в личную культуру учащегося.

Гуманитаризация позволяет расширить рамки «наполнительной» модели образования. В данном случае речь идет о культуре самого педагогического процесса (профессиональной педагогической культуре). Именно в ней можно увидеть уровень сотрудничества и готовность к взаимопомогающему поведению преподавателя и курсанта. В материалах педагогической литературы, в дискуссии на тему гуманитаризации образования обычно выделяют следующие проблемы:

- отсутствие в российской системе образования программ и эффективных методик ненасильственного решения конфликтов, развития критического мышления, позволяющих человеку формировать собственное, независимое от чужого мнения суждение;

- исторически сложившаяся в нашей стране традиция отчуждения педагогов от гуманистических ценностей, демократических педагогических технологий;

- методик воспитания чувства собственного достоинства и толерантного отношения к иным взглядам, обычаям, культурам;

- наполнение учебных планов новыми предметами гуманитарного цикла, по содержанию не соответствующих задачам образовательного процесса конкретного вуза.

А ведь в традициях российского военного образования некогда были заложены совсем другие основы. По Уставу 1766 года, преподавание гуманитарных дисциплин в военно-учебных заведениях было впервые признано необходимым элементом офицерской подготовки. Также впервые в преподавании преследовались сразу две основные цели: общеобразовательная и воспитательная, так как «весьма остерегаться должно, чтобы не сделать молодых людей военными куклами, а вперять им дух, благонравие, бодрость и охоту к наукам…». И в Уставе первого кадетского корпуса читаем: «Сделать добродетельными и благочестивыми воспитанников; привить им точное исполнение обязанностей, прочное усвоение учебных дисциплин, чувства долга, преданности государю, повиновение начальству, почтительность к родителям, уважение к старшим, любовь к ближним» [4].

Особое значение придают этим вопросам новации в общей жизни воинского сословия. Командиры подразделений все чаще в своей повседневной деятельности сталкиваются с солдатами, курсантами, исповедующими то или иное религиозное учение, от традиционных (православие) до новомодных (сайентология), поэтому знание основ религиоведения необходимо для индивидуальной работы с военнослужащими. С середины 90-х годов XX века взаимоотношения российской армии и Русской православной церкви приобрели устойчивый характер. В 1994 году было подписано совместное заявление о сотрудничестве, в апреле 1997 года его положения были подтверждены Министром обороны РФ и Патриархом Московским и всея Руси. Современному офицеру необходимо определить свои место и задачи в этой складывающейся системе духовно-нравственного воспитания воинов.

Актуальность изучению вопросов религии придает и современная военно-политическая ситуация в России и в мире. Наличие очагов локальных войн и конфликтов, волна террористических актов делают необходимым учитывать тот факт, что, по выводам военных психологов, в экстремальной и боевой обстановке религиозность военнослужащих возрастает и становится важным аспектом морально-психологического состояния личного состава. Да и самим этим локальным войнам, конфликтам, террористическим актам зачастую пытаются придать религиозную окраску.

Цель гуманитарной подготовки в военном вузе – дать офицеру определенную систему знаний о человеке и обществе, сформировать его мировоззрение, способность самостоятельно понимать, анализировать, критически оценивать современные политические, экономические, социальные, культурные явления и процессы. Важное место в реализации данной цели отводится культурологии.

Культурология как учебная дисциплина входит в блок гуманитарных дисциплин, изучение которых особенно актуализируется в сегодняшней России в связи с опасностью потери ее национальной идентичности, уникальности и самобытности. Еще большее значение освоение гуманитарных дисциплин, в том числе и культурологии, имеет для системы подготовки высококвалифицированных кадров Вооруженных сил РФ. Это связано не только со стремлением вернуть былой престиж человеку в погонах, когда офицеры как профессиональная группа в социальном (XVIII век), культурном, интеллектуальном (XIX век) плане стояли выше

любой другой социально-профессиональной группы населения в стране. Подготовка эрудированного, высококультурного офицера, который только и может считаться профессионалом и, следовательно, принести пользу армии, – это требование времени.

Особую актуальность приобретают при этом основы культурного развития. В частности – изучение русского языка и культуры речи. Сведение к минимуму гуманитарной и отсутствие языковой подготовки командных и инженерных военных кадров ведет к снижению уровня их профессионализма. Зачастую выпускники военных вузов вынуждены осуществлять свою профессиональную деятельность, не имея четких представлений о специфике общения как особого вида взаимодействия людей, его этических нормах, об особенностях грамотной речи, стилистике современного русского языка, правилах оформления служебных документов. Лишь на первый взгляд может показаться, что без всего этого можно обойтись. На самом же деле даже беглое знакомство с деятельностью выпускников ввузов убеждает в том, что низкая языковая подготовка является серьезной помехой в выполнении ими своих обязанностей.

Литература

1. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 5. – 220 с.
2. Антоний (Храповицкий), митрополит. О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» [Электронный ресурс]. – URL.: http://monarhist.net/content/o-knige-i-ilina-o-soprotivlenii-zlu-siloyu (25.03.2012).
3. Виньи А. де. Неволя и величие солдата. – Л.: Наука, 1968. – 192 с.
4. Алехин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века. – М.: ВУ, 2002. – 210 с.
5. Андреев В. Е. Вопросы педагогики в профессиональной деятельности офицера войск связи: учеб. пособие / В. Е. Андреев, С. А. Дочкин, Г. В. Воробьев, С. А. Костарев. – СПб.: Инфо-да, 2008. – 172 с.
6. Теория и практика воспитания военнослужащих: учеб. пособие. – М.: МО РФ, 2005. – 346 с.
7. Золоторевский С. В. Цели, задачи, направления военного образования: статья / С. В. Золоторевский, А. А. Поршнев, С. С. Семенов // Теоретические и практические аспекты модернизации высшего профессионального образования: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф.; Кемерово – 2008 / под общ. ред. Н. Э. Касаткиной. – Кемерово: КВВКУС, 2008. – С. 11–14.

УДК 215:008

Т. А. Шимчук, И. Ф. Петров

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКВЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В УСЛОВИЯХ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО МИРА

В статье анализируются основные социокультурные проблемы, с которыми сталкивается институт Церкви в современном постсекулярном мире. На основе анализа различных подходов западных и отечественных авторов выделяются особенности современной постсекулярной эпохи, которые открывают новые культурные возможности для «религиозного ренессанса».

Ключевые слова: постсекулярное общество, постмодерн, секуляризация

T. A. Shimchuk, I. F. Petrov

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS SOCIAL-CULTURAL INSTITUTE IN CONDITIONS OF POST-SECULAR WORLD

Peculiarities of modern post-secular epoch are emphasized in the article.

For this, the author analyses different approaches of Western and Russian authors. And the main features of modern post secular epoch show new possibilities for "religional Renaissance" and social ministry of Church. The basic problems that Church faces in post-secular world are analyzed in the article

Keywords: post-circular society, post-modern, modern postsecular epoch, secularization.

Как только ни называют нашу эпоху: «постсовременная», «постмодернистская», «постсекулярная», «постхристианская» – и каждый термин с приставкой «пост» несет свою смысловую нагрузку, раскрывая определенный аспект социокультурных процессов, протекающих в мире в эпоху глобализма. Смысл этих новых понятий пока остается не вполне ясным, поскольку разные авторы вкладывают в них различное содержание. Но все эти термины так или иначе связаны с религиозной сферой жизни современного общества. Возвращение в сферу общественного внимания, как в России, так и во всем мире, религиозной проблематики объясняется сегодня теми процессами, для обозначения которых и используются вышеперечисленные термины.

Постсовременность толкуют, прежде всего, как углубление кризиса. В данном контексте речь идет о кризисе институциональных форм религии. Само слово «кризис» в переводе с греческого языка означает «суд». Отечественный исследователь А. В. Гулыга увидел особенность «постсовременности» в том, что прошлое уже рассматривается не как предпосылка настоящего, а как своя непосредственная часть. Иными словами, постсовременное мышление актуализирует прошлое на более убедительном уровне [1, с. 18–19]. Это значит, что понятие «постсовременность» отражает не только углубление кризиса, но и стремление его преодолеть.

Американский теолог Томас К. Оден говорил о закате современности в Америке и в России, так как считал советский атеизм аналогом европейского и американского секуляризма. Современностью Оден считает период 1789–1989 годов. Следовательно, согласно Одену, постсовременность наступила в 1990 году. Выход для всех, считает американский теолог, состоит в возврате к классическому христианству, который он называет «постмодернистской ортодоксией» [2, с. 58–59]. Ортодоксия у него лишена конфессиональных различий и исключает всякие модернистские течения в католичестве или в протестантизме, приспосабливающие христианство к современности. Оден считает, что «культура уже начала возвратное движение к традиции» [2, с. 55].

Начало постсекулярной эпохи совпало с началом эпохи постмодерна. Следовательно, можно условно локализовать начало постмодерна во времени – это последняя четверть XX века. Как метко и остроумно замечает церковный публицист А. И. Кырлежев, «санитарная роль постмодерна» проявилась в том, что он «обезвредил квазирелигии модерна», и теперь «квазирелигиозное понятие "культуры" становится архаичным и замещается понятиями: "социокультурного" пространства / контекста и соответствующих "дискурсов"» [3].

Самым известным теоретиком «постсекулярного» исследователи считают немецкого философа Юргена Хабермаса. Философ, считающий себя, как и Макс Вебер, «лишенным религиозного слуха», вдруг (после 11 сентября 2001 года) потребовал от свет-

ского общества нового понимания религиозных убеждений, которые уже не есть просто реликты прошлого. Он предложил Церкви «соревнование». А в январе 2004 года в Мюнхене по приглашению Баварской Католической Академии состоялся диалог между интеллектуальными антиподами – одного из известнейших философов Ю. Хабермасом и в то время кардиналом Йозефом Ратцингером [4].

Для Ю. Хамбермаса постсекулярное призвано обозначить новую ситуацию, с которой столкнулись современные западные общества. Секуляризация достигла своего предела, принцип светскости утвердился бесповоротно, теперь пришло самое время создать сносные (постсекулярные) условия для представителей религиозных меньшинств (иными словами, нужды в секуляризме как антирелигиозной идеологии уже больше нет). Кроме того, переживающая кризис современность вполне может использовать религиозные традиции и содержащиеся в них смыслы для собственного укрепления [4, с. 70].

Прежде чем говорить о постсекулярном мире, попытаемся, опираясь на работы западных и отечественных авторов, выяснить, что представляет собой секуляризация. Началом эпохи секуляризации, набиравшей обороты, считается эпоха Нового времени. Проект модерна привел к окончательной победе прагматизма и рационализма, а сопровождавшая модерн секуляризация привела к тому, что религия – и как институт, и как мировоззрение – утратила свою роль и значение на уровне принятия решений в социально-политической и культурной сферах общества. Она оказалась вытесненной в сферу частной жизни и личных предпочтений человека, живущего в секулярном обществе. Сейчас для религиозных институтов сложилась уникальная ситуация, характеризуемая как «религиозный ренессанс».

О секуляризации в России написано не так много работ (хотя в советский период страна прошла, пожалуй, через самую жестокую и агрессивную секуляризацию). Эта тема привлекла внимание отечественных социологов, философов и церковных публицистов лишь в последнее десятилетие – после 2000 года, давшего повод для подведения своеобразных итогов того пути, который прошла Русская православная церковь в России к началу третьего тысячелетия. В 1990-е годы исследователи изучали и переводили монографии и статьи западных социологов религии, философов и теологов, написанные в основном еще в 60–70-е годы прошлого века.

Сегодня западные авторы признаются в ошибочности некоторых своих вчерашних прогнозов. Эти прогнозы касались роли религии и религиозности в современном мире. В то время им казалось, что секуляризация победила окончательно, необратимо вытеснив с арены истории религию и ее институты (например, так считал один из крупнейших и видных западных социологов П. Бергер). Постсекулярная эпоха – это эпоха «пирровой победы» секуляризма и приближение реванша религии – таков окончательный вывод одного из отечественных церковных публицистов А. И. Кырлежева [3]. Секуляризация – следствие, а не причина, коррелят религиозности. Она является своего рода «лакмусовой бумагой», проявляющей состояние религиозности на том или ином этапе развития общества.

Другой автор – отечественный исследователь Д. А. Узланер – рассматривает секуляризацию как социологическую категорию, характеризуя два основных подхода к объяснению феномена секуляризации, сложившиеся в западной социологии [5, с. 62]. По определению М. Вебера, секуляризация есть десакрализация, «расколдовывание

мира». Религия постепенно замещается наукой, автономной этикой, светской культурой, светской системой образования. Сторонники первого подхода понимают секуляризацию как естественный процесс старения и умирания религии, как следствие необратимого развития человеческого духа в сторону эмансипации от всех форм религиозности (философы Просвещения, О. Конт, К. Маркс, Б. Рассел, мечтавший о «религии без догм», Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Э. Фромм, Ж.-П. Сартр, Ю. Хабермас и др.). Такое понимание секуляризации находит живой отклик у представителей позитивизма, материализма, атеистического экзистенциализма и др.

У истоков другого подхода в объяснении сущности секуляризации стоят классики теории секуляризации – Б. Уилсон, Т. Парсонс и П. Бергер, Д. Мартин. Сторонники этого подхода считают, что секуляризация приводит не к умиранию религии, а к видоизменению ее социальных и культурных функций: происходит смещение религии из общественной сферы в область индивидуального бытия личности. Работы Питера Бергера были написаны в 1960-е годы. В 80-е годы представитель этого подхода в понимании секуляризации Карел Доббелер предложил анализировать секуляризацию на трех уровнях: макроуровень (социальный уровень), мезоуровень (организационный уровень) и микроуровень (индивидуальный уровень) [5, с. 65].

Таким образом, был сделан вывод о том, что функционирование общества, прошедшего секуляризацию, уже не зависит от религии, но при этом сохраняется значимость религии для отдельного индивида. К 90-м годам после долгих споров установился относительный консенсус по поводу того, что понимать под секуляризации.

Иными словами, речь уже не идет об исчезновении религии, она продолжает существовать на мезоуровне (уровень контактов, взаимодействия и сотрудничества между различными социальными и религиозными организациями; возникает «рынок религий», ставящий религиозные организации в ситуацию конкуренции) и на микроуровне (уровень значимости религиозных переживаний для отдельного индивида, религия становится частным делом гражданина). На макроуровне же секуляризация означает отделение религиозных организаций от государства и его институтов, падение влияния религии в обществе.

Таким образом, религия становится в процессе секуляризации одной из подсистем общества, утрачивая постепенно свои всеобъемлющие притязания на власть над остальными социальными подсистемами. Религиозные институты потеряли часть своих функций, сохранив лишь свою собственно религиозную функцию. Такие выводы содержатся в западных социологических исследованиях 1960-х годов [5, с. 65–66].

Но последующие события, происходившие в 1980–90-е годы, опровергли эти выводы. Оказалось, что в условиях современного мира религиозные организации способны играть активную роль, даже будучи лишенными каких-либо привилегий. Среди западных (а затем к ним присоединилась и часть отечественных) исследователей появилось сомнение: а была ли секуляризация как процесс? Отвергает секуляризацию и считает этот термин неправомерным и один из классиков западной социологии религии – Дэвид Мартин, который в 60-е годы, как и многие американские и европейские социологи, считал секуляризацию необратимым процессом.

Итак, в настоящее время как западные, так и отечественные исследователи полагают, что XX век характеризуется завершением процесса секуляризации общественной жизни. Религиозные институты в постсекулярную эпоху оказались в новых, уже «постсекулярных» условиях. Постмодерн уже не покушается на сакральную сферу жизни.

Разум отказался от позиции абсолютного авторитета и не претендует на спор с религией как истины «последней инстанции». Итоги секуляризации, как для Запада, так и для России к началу XX столетия, считает Н. А. Струве, примерно одинаковые. Внук П. Б. Струве, русского философа, историка и политика, являющийся в настоящее время главным основателем издательства «Русский Путь» и целой сети библиотек русского зарубежья от Иркутска до Смоленска, характеризуя состояние современной религиозности на Западе и в России, справедливо заметил, что «дехристианизация в России, где веру топтали в открытую, и на Западе, где процесс размывания христианства шел подспудно, привела к более-менее одинаковому итогу: в церковь ходят около 5 процентов населения» [6, с. 587].

Иными словами, пик противостояния светской (секулярной) и религиозной культур в современную эпоху пройден. Постсекулярная эпоха характеризуется иной религиозностью, нежели в Средние века или в XIX веке. По мнению ряда исследователей, постсекулярная эпоха – это эпоха безразличия и религиозного плюрализма. По словам А. И. Кырлежева, все лишается пафоса – в том числе и антирелигиозный пафос. Другой исследователь (А. Морозов) считает характерной особенностью современного состояния «высвобождение религиозности от трансцендентности», когда интерес к религии проявляется лишь как к форме культурной самоидентификации [7].

Радикальное изменение отношения к религии и Церкви требует осознания изменившейся ситуации в мире, новых исследовательских подходов, которые могли бы адекватно объяснить природу происходящих в религиозной сфере процессов. Пришло время для взвешенного и объективного анализа феномена религии и ее институтов в плане гармонизации религиозной сферы и грамотного управления духовными процессами в современном обществе. Это ставит новые задачи не только перед всем корпусом гуманитарных наук, занимающихся феноменом религии (философия религии, социология религии, культурология, религиоведение, история религии, психология религии), но и перед богословием, которое обязано творчески осмыслить положение Церкви в современном мире в эпоху глобализации.

Каково место христианской Церкви в современном обществе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить статус Церкви в обществе, а затем ее сущность и место в обществе.

Русское слово «церковь» означает «дом Божий». На греческом языке термин ekklesia означает «созвание», на еврейском – «собрание», то есть не только место для собрания верующих, но и общество людей, которые совершают богослужение, молитвы. Церковь – это сообщество тех, кто идет за Христом. В Церкви, как и во всяком человеческом обществе, различают невидимый дух и видимое тело.

В социальном пространстве Церковь выступает как добровольная общественная организация, преследующая свои цели и удовлетворяющая религиозные потребности граждан, обладающих свободой совести и религиозных убеждений, гарантированных Конституцией РФ. Церковь не политическая, а общественная организация.

А это «видимое тело» – общество верующих людей – сегодня включено в современное информационное общество. Подобная взаимосвязь, как отмечает Е. С. Яхонтова, актуализирует необходимость изучения Церкви как социокультурного института с позиций социологии и, добавим, культурологии [8, с. 21]. Социологический подход к исследованию Церкви как социального института

предполагает изучение ее с помощью эмпирических методов: функционирование института Церкви, ее социальные функции, взаимоотношения Церкви и государства, Церкви и гражданского общества, выявление причин конфликтов и т. д. Культурологический подход обнаруживает влияние Церкви на деятельность людей, их творчество, мировоззрение. Если социолог выявляет мотивацию человеческих действий, то культуролога интересуют результаты этих действий и отношений. Объединение двух подходов дает представление о Церкви как социокультурном институте.

Методологической основой для адекватного выявления сущности Церкви как духовного института, на наш взгляд, может служить творческое наследие русских религиозных мыслителей (А. Хомякова, И. Киреевского, В. Соловьева, С. Булгакова, С. Франка, Н. Бердяева, П. Флоренского). Для русских религиозных мыслителей, имевших личный духовный опыт и чуткость к явлениям иного порядка бытия, при сопоставлении материальной реальности и реальности духовной, «первичной» является духовная реальность в том смысле, что этот вид бытия более значителен и важен для человека, чем бытие эмпирическое. Человек может отстраниться от материального бытия, в известном смысле «закрыть глаза» на его отдельные формы проявления, отрешиться и даже потерять связь с ним, но никогда человек не сможет убежать от своего внутреннего мира, от реальности своего «я». Собственная «душа» для человека более важна, чем все богатства материального мира. Духовная реальность для русских философов «первична»: несомненна приоритетность ее для внутреннего духовного мира человека по сравнению с эмпирическим материальным бытием.

Иными словами, труды русских религиозных философов позволят применить адекватную методологию для раскрытия сакральной функции Церкви наряду с ее иными социальными функциями, раскрываемыми в западной и отечественной социологии религии.

Русские религиозные философы имели дерзновение различать Церковь Вселенскую (как мистическое тело Христово) и церковь земную, институциональную (историческую, по Бердяеву), о которой порой были невысокого мнения (К. Аксаков, В. Соловьев, Н. Бердяев, Д. Мережковский, В. В. Розанов). «Ни одна из исторических форм христианства, – пишет Н. А. Бердяев, – не была Вселенской Церковью, ни в одном из исторических вероисповеданий подлинное православие не завершилось, не исполнились обетования и пророчества» [9, с. 281].

Мы говорим о Церкви как о социокультурном институте (но сущность Церкви к ней не сводится). Категория «социальный институт» используется в качестве метода исследования многих сфер социальной действительности – семьи, образования, науки, религии. Социальный институт воспринимается как важный инструмент организации общественной жизни. Институциализация – это процесс обнаружения социальных институтов, определение и закрепление социальных норм, статусов, ролей. Сам термин «институт» связан в первую очередь с нормами – регуляторами социальных отношений.

Совершенствование социальных институтов происходит по пути переосмысления некоторых социальных связей, когда институт не уничтожается, но кардинально перестраивается, его механизм переналаживается. Это важно для понимания путей реформирования Церкви как социального института (этим проблемам был посвящен и Поместный Собор 1917–1918 годов, труды русских религиозных мыслителей, размышлявших о судьбах Православия в России). Но известные трагические события в истории страны прервали традицию, а проблемы остались и усу-

губились. О необходимости реформирования Церкви говорят и высшие церковные иерархи, но пока оно свелось лишь к переустройству структуры высшей церковной власти в РПЦ, которая последовала почти сразу после избрания митрополита Кирилла Патриархом Московским и всея Руси (апрель 2009 года).

На протяжении десятилетий высший аппарат церковной власти строился на основе биполярной системы вокруг двух высших должностных лиц и подчиненных им ведомств. Одним таким полюсом был Отдел внешних церковных связей (этот пост занимал 20 лет митрополит Кирилл), другим – Управляющий делами Московского Патриархата (митрополит Климент). Все остальные церковные институты распределялись между ними, тяготея либо к «министру иностранных дел» (Кириллу), либо к «министру внутренних дел» (Клименту).

В настоящее время решением Священного Синода эта биполярная система упразднена. Вместо нее создана жесткая централизованная система, «замыкающаяся» лично на Патриархе. Созданы новые ведомства, а функции прежних разделены между ними. Многофункциональный Отдел внешних церковных связей передал свои функции трем новым ведомствам, превращенным в самостоятельные церковные учреждения: отдел по связям Церкви и общества (в масштабах СНГ, кроме Грузии), который возглавил В. Чаплин; Секретариат по заграничным учреждениям при патриархе (во главе с епископом Марком), Отдел по взаимоотношениям с иностранными православными и иными церквями, государствами и общественными институтами «дальнего зарубежья» (его возглавил богослов, дипломат, композитор – Илларион) [10].

Синод принял также ряд новаторских решений в области информационной деятельности, создав Информационный отдел во главе с мирянином, церковным публицистом В. Легойдой. Создана комиссия по подготовке Межсоборного присутствия, которая объединила церковных интеллектуалов во главе с патриархом (своеобразный аналитический центр РПЦ), а также совсем новый орган – Церковно-общественный совет по защите от алкогольной угрозы.

Результаты этой церковной «перестройки» проявятся в ближайшие годы. К настоящему моменту (доклад патриарха Кирилла на архиерейском совещании от 2 февраля 2011 года) Русская православная церковь (МП) объединяет в своем составе увеличившееся число епархий, монастырей, духовенства (таблица: «РПЦ: статистические данные»). По данным таблицы заметна значительная динамика количественного роста структурных единиц и числа лиц духовного сана РПЦ, что позволило Патриарху сделать вывод о том, что эпоха «торжественного храмостроительства и парадных мероприятий» завершена, необходима «полноценная приходская деятельность и работа с пасомыми» [11]. Структуру современной РПЦ можно представить на схеме 1.

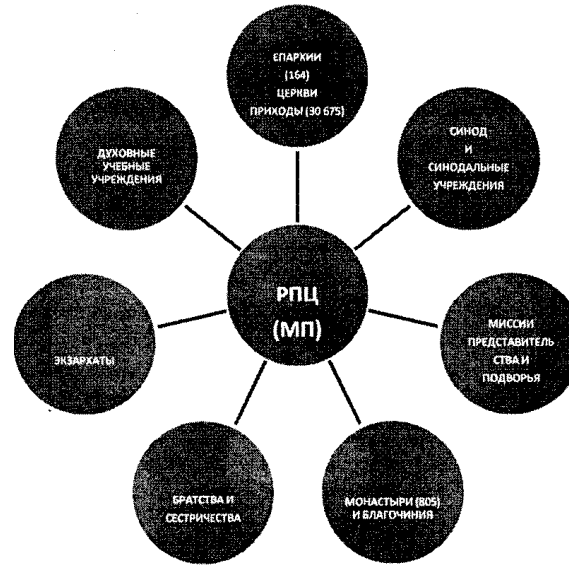

Схема 1. Структурные подразделения РПЦ

Таблица 1

РПЦ сегодня: статистические данные [11; 12, с. 70]

	1991	2003	2010	2011
Епархии	93	132	160	164
Епископы: правящие викарные	92	154	207	217
Приходы	12 000	16 350	30 142	30 675
Духовенство:	10 000	19 010	32 059	33 174
священники	-	15 605	28 434	29 324
диаконы	-	3 405	3 625	3 850
Монастыри:	117	635	788	805
мужские	-	312	386	398
женские	-	325	402	407

Как отмечал Н. А. Бердяев, выйти из религиозного кризиса невозможно «простой реставрацией старых форм религиозного сознания, подогреванием увядших чувств», ибо «старые формы износились и привели к кризису» [9, с. 24]. Исторические церкви слишком часто «оказывались погрешимыми, слишком в них было смешано Божеское с человеческим, и нет основания отождествлять мистические границы церкви с границами историческими» [9, с. 251]. Бердяев указывает на причину религиозного кризиса: «Инквизиторский соблазн внешним и вместе с тем абсолютным церковным авторитетом был куплен дорогой ценой, человечество сбилось с религиозного пути и по наше время не может на него стать» [9, с. 254].

Уровень религиозности россиян является одним из показателей роли и места Церкви как социокультурного института в современном российском обществе. В марте 2009 года сотрудники Левада-Центр провели исследование религиозности россиян за последние 20 лет [13]. При рассмотрении религиозности россиян бросается в глаза ее парадоксальность и противоречивость, отмечаемая многими исследователями. С одной стороны, данные социологических исследований за последние 20 лет фиксируют рост религиозности – по одним данным, 58 % респондентов заявляют о своей вере в Бога [14, с. 78], по другим (на основе этнического принципа, критически оцениваемого большинством исследователей) – 82 % русских (около 120 миллионов человек) называют себя православными [15].

С другой стороны, существует явление парадоксальной самоидентификации самих граждан России, в соответствии с которой выделяются две категории православных: православные верующие и православные неверующие. М. Мчедлова по итогам исследования Левада-Центра (март 2009 года) отмечает, что из 72 % назвавших себя православными, 14 % не верят в Бога [14, с. 79]. В основе этой парадоксальной ситуации лежит слияние этнической и культурной религиозности. Но культурная религиозность еще не есть сама религиозность.

Иными словами, конфессиональная принадлежность россиян играет скорее роль культурного идентификатора, нежели свидетельствует об уровне религиозности. Многие исследователи оспаривают значимость количественных методов выявления уровня религиозности в социологических исследованиях (А. Морозов, А. Кырлежев). Они предлагают свою типологию религиозного сознания в современной России, которая выглядит не менее убедительно, нежели результаты социологических исследований за последние 20 лет.

А. О. Морозов построил типологию современного религиозного сознания в России, исходя из мотивов людей, посещающих Церковь [16, с. 44]:

Схема 2. Типы «приходского сознания» (по А. О. Морозову)

Не менее интересную типологию внутрицерковного сознания предлагает церковный публицист А. И. Кырлежев уже с точки зрения «качества» религиозности [17, с. 53–54]:

Трудно сказать, какой из этих пяти типов религиозного сознания является наиболее адекватным. По логике авторов, таковым является «либеральное» – открытое к творческому богословскому осмыслению вызовов современной постсекулярной эпохи. Но и здесь требуются уточнения, так как «либерализация» в вопросах веры чревата обмирщением и выхолащиванием подлинного религиозного чувства, порождая своего рода процесс внутрицерковной секуляризации, который может вести как к восстановлению аутентичного (евангельского) религиозного сознания, так и к формальному (обмирщенному) типу религиозности (в пределе – к фарисейству).

Таким образом, обратная сторона религиозного плюрализма – отсутствие единства внутрицерковного сознания. Плюрализм, по П. Бергеру, порождает «кризис достоверности» религиозных институтов.

Интересен и феномен внутрицерковной секуляризации. Этот термин использует протоиерей В. В. Зеньковский в своем известном труде, посвященном истории русской философии [18, с. 60]. В исследовательской лите-

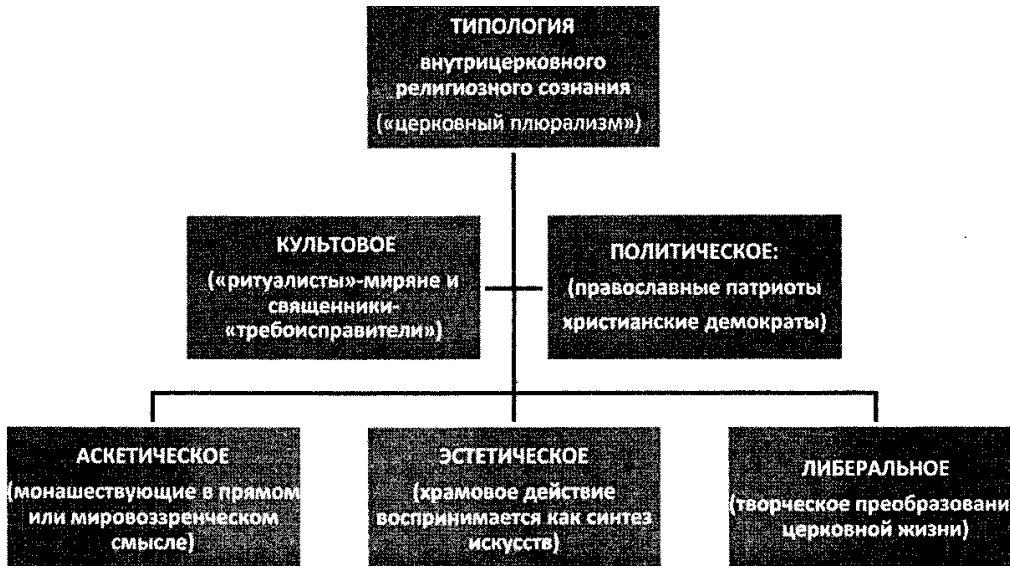

Схема 3. Типология внутрицерковного религиозного сознания в РПЦ (по А. И. Кырлежеву)

ратуре западных и отечественных авторов, посвященных проблемам секуляризации, этот феномен не анализируется. Предпринимаются попытки дать определение термина «секуляризация» [3; 5], выделяются этапы и модели секуляризации в истории человечества [7], периоды секуляризации в отечественной истории [19], рассматривается соотношение термина «секуляризация» с другими понятиями: дехристианизация и рехристианизация (Л. А. Андреева). Термин «секуляризация» анализируется исключительно как процесс, идущий за пределами религиозных институтов и в противостоянии им. Иной подход мы обнаруживаем у В. В. Зеньковского.

Согласно В. В. Зеньковскому, процесс секуляризации идет не только за пределами, но и в лоне Церкви. Под внутрицерковной секуляризацией он понимает новый путь церковной активности: «Этот путь ведет “внутрь”, к сосредоточенности на мистической стороне Церкви, – и отсюда рождается то, что мы называли “секуляризацией внутри церковного сознания”» [18, с. 60]. Сущность секуляризации, по Зеньковскому, составляет «дух свободы», который в XVIII веке в России веял в двух направлениях церковной мысли: с одной стороны, «Церковь начинает по-новому свободно относиться к государству, а с другой стороны, именно в силу этого, она открывает простор для церковной мысли». Здесь мы имеем первого представителя внецерковной религиозности в России – М. В. Ломоносова и первого представителя внутрицерковной религиозности – Г. С. Сковороду. В Европе этот дух свободы породил движение Реформации, которая и есть не что иное, как внутрицерковная секуляризация.

Таким образом, мы можем значительно расширить представление о секуляризации и выделить ее основные направления:

- секуляризация как дехристианизация (полный отказ от веры в трансцендентность), ведущая к возникновению светской (в пределе – атеистической) культуры;
- секуляризация как деклерикализация (отказ от институциональных форм религии, но не от веры);
- внутрицерковная секуляризация, открывающая новый путь церковной активности и обновления Церкви.

Дехристианизация и деклерикализация – это разные процессы, являющиеся следствием секуляризации. Одной из причин секуляризации можно признать, согласно Н. А. Бердяеву, ошибки исторической Церкви. Внутрицерковная секуляризация дает новый исторический шанс Церкви восстановить свою аутентичность, осуществить «перезагрузку» церковного самосознания, восстановить в своей чистоте мистический аспект ее служения миру, стать «самой собой».

В сакральной сфере религиозности все типологии теряют смысл – здесь человек лично предстоит Богу, а путь, которым он пришел к этому предстоянию, уже «снят» и не имеет значения. В контексте наших размышлений имеет значение только одно – помогла ли Церковь и ее служители человеку в этом продвижении в духовную сферу для личного диалога с Творцом. Если нет – это означает только одно: Церковь как социокультурный институт не выполняет своей роли в обществе.

Церковь строилась во времена апостольского христианства, отмечал о. А. Мень, «не на колоколах, не на колокольнях, не на иконах, не на пышных храмах, не на барочных алтарях, не на блестящих облачениях, не на премудром богословии – она строилась на общении людей в вере, молитве и взаимной помощи» [20, с. 40]. Россия стала страной массового атеизма, считал о. А. Мень, потому что «Церковь не выполняла той роли, которую Господь ей дал, – проповедь, свидетельство, присутствие» [20, с. 51]. Три аспекта (измерения) Церкви как духовного инсти-

тута, реализующего сакральную функцию, по А. И. Кырлежеву, составляют: вероучение (догматика), организованный культ, возглавляемый церковной иерархией, и специфический церковный духовный опыт [17, с. 65–66]. Но без усилий всех членов Церкви оживить церковный организм невозможно. Основная сакральная функция Церкви невозможна без восстановления активной жизни приходской общины, так как Церковь – это не только церковная иерархия, храмы, свечи и иконы.

Процесс восстановления Церкви как социального института в России еще не дошел до оживления жизни прихода – основной ячейки церковной жизни. Низким остается процент практикующих православие прихожан (2–4 % от общего числа называющих себя православными), большинство из которых составляют женщины пенсионного возраста. Были на Руси времена, когда церковная приходская община сама выбирала священника, заботилась о благосостоянии пастыря и его семьи. Церковные публицисты и исследователи отмечают отсутствие в современной РПЦ общинной жизни. Кризис институциональных форм религии находит свое выражение и «в непрояснении церковного отношения к современному миру, к тем социокультурным процессам, которые сегодня идут на Западе и на Востоке» (А. И. Кырлежев).

Таким образом, «постхристианство», соответствующее эпохе постмодерна, предполагает новое обретение и открытие веры и новое осмысление роли Церкви в современном постсекулярном мире, который уже не предполагает ни духовного, ни идеологического главенства Церкви. Это дает шанс Церкви стать самой собой. Яркий и бесстрашный (в оценке современного состояния и проблем Русской православной церкви и православного богословия) церковный публицист А. И. Кырлежев отмечает, что «Церковь прежде всего должна осуществить самоидентификацию, осознать и осмыслить себя как “только Церковь” помимо каких-либо связей с какими-либо государственными и или политическими институциями» [17, с. 157]. Православие в современной России востребовано как идеология, но эта востребованность не связана с религиозной верой, что является результатом секуляризации, пережитой Россией в XX веке.

Следовательно, судьба рехристианизации в современной России всецело зависит от позиции самой Церкви, которая в своей борьбе за влияние в российском государстве, за доминирование в идеологии, в своих внешнеполитических заботах не должны забывать о самом человеке [14, с. 83]. К таким выводам пришли исследователи, проводившие изучение уровня религиозности россиян в Левада-Центре в 2009 году. Н. А. Бердяев отмечал, что «универсальная, объективная и реальная религия, которой мы ждем, может быть связана только с утверждением личности» [9, с. 25–26]. Таковы реалии новой «постсекулярной» ситуации, в которой оказались религиозные институты как на Западе, так и в России.

Литература

1. Гулыга А. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 316 с.
2. Оден К. Томас. После модернизма. Что впереди? Теология и постмодернизм в XXI веке. – Минск, 2003. – 239 с.
3. Кырлежев А. И. Постсекулярная эпоха [Электронный ресурс] // Континент. – 2004. – № 12. – URL: http://magazines.mss.m/continen^ (дата обращения 12.11.2010).
4. Хабермас Ю., Ратценгер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2006. – 112 с.

5. Узланер Д. А. Секуляризация как социологическое понятие (по исследованиям западных социологов) // Социологические исследования. –2008. – № 8. – С. 62–67.
6. Струве Н. А. Православие и культура. – М.: Русский путь, 2000. – 632 с.
7. Морозов А. Четвертая секуляризация [Электронный ресурс]: Русский архипелаг. – URL: http://www.archipelag.ru/geoculture / religions / religio-sekulario/four-secularization/?version-foфrint (дата обращения 12.11.2010).
8. Яхонтова Е. С. Православная церковь как социальный институт в современном информационном пространстве. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2008. – 133 с.
9. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. – М.: Канон+, 1999. – 464 с.
10. Золотов А. Церковная «перестройка» [Электронный ресурс] // РИА. НОВОСТИ. – URL: http://www.rian.ru/religion/20090401/166693482.html
11. Доклад святейшего патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]: Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db / text / 1061651.html; Доклад святейшего патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]: Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL http://www.patriarchia.ru/db/text/1399993.html
12. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 656 с.
13. Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 2 (100). – С. 65–84.
14. Мчедлова М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. – 2009. – № 12 – С. 77–84.
15. Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность [Электронный ресурс] // Русский архипелаг. – URL: http://www.archipelag.m/authors/lunkin/?library-2043 (дата обращения 12 ноября 2010 г.).
16. Морозов А. О. Религия и политическая модернизация России: сб. ст. – М.: Ключ-С, 2004. – 120 с.
17. Кырлежев А. И. Власть Церкви. Публицистические статьи: 1994–2000. – М.: МЕДИАСОЮЗ, 20003. – 192 с.
18. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 кн. – Л.: ЭГО, 1991. – Кн. 1. – 222 с.
19. Андреева Л. А. Процесс рехристианизации в секуляризованном российском обществе // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 67–73.
20. Мень А. В. Домашние беседы о Христе и Церкви. – М.: Яхтсмен, 1995. – 96 с.

УДК 1

Т. А. Волкова, Н. А. Волков

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируется процесс реализации принципа гендерного равенства в современном российском обществе, его истоки, а также борьба женщин за равные права с мужчинами в экономике, совершенствовании законодательства и политической жизни.

Ключевые слова: права женщин, гендерное равенство, законодательство, органы государственной власти.

T. A.Volkova, N. A. Volkov

REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF GENDER EQUALITY IN MODERN RUSSIA

The article analyses processes of gender equality in the modern Russian society, its origins and women' s struggle for equal rights in economics, perfection of legislation and in political life.

Keywords: women's human rights, gender equality, legislation, government bodies.

Гендерное измерение прав человека в широком понимании – это признак развития гендерно чувствительной политико-правовой культуры, суть которого – учет интересов разных социально-половых групп общества. Оно включает взгляд в гендерной перспективе и комплексный подход при разработке, принятии, реализации, защите и мониторинге программ, законодательства, механизмов и институтов в системе прав человека в политической, социальной, экономической и культурной сферах [12, с. 196].

Адаптация женщин к новым условиям современного развития России связана с большими социальными и правовыми проблемами. Существование в менталитете большинства россиян патриархатных взглядов негативно отражается на стимулировании активной роли женщин в жизни общества.

Существующие национальные механизмы пока не способны обеспечить равные шансы для женщин и мужчин во всех сферах жизни. Несмотря на масштабные демократические изменения, произошедшие в конце XX – начале XXI века в России и существенно изменившие как положение женщин, так и отношение к ним со стороны общества, главные проблемы женщин – сочетание семейных и внесемейных, материнских и трудовых обязанностей, их активное участие в политической и социальной жизни остаются нерешенными.

По мнению ряда исследователей проблемы, «женский вопрос» – это и социальное положение женщины, ее место и роль в экономической, политической и культурной жизни, и проблема дискриминации (неравноправие полов, разная оплата труда, невозможность реализовать свои творческие и профессиональные возможности), и определение правового статуса, гендерная роль женщины в обществе и семье, и отстаивание права на одинаковое с мужчинами положение в обществе, на равные с ними социальные возможности. Это комплекс социальных проблем, включающий проблемы положения женщин в обществе и семье, охраны материнства и детства, путей освобождения женщины от различных форм угнетения [9].

Социальная дискриминация женщин (от латинского слова – discriminatio – различие) означает ограничение или лишение прав по признаку пола (или гендерному признаку) во всех сферах жизни общества: трудовой, социально-экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Социальная дискриминация ведет к снижению социального статуса женщины и является одной из форм насилия над ее личностью, и, следовательно, угрозой для ее безопасности.

Ряд авторов [4; 5; 13] сходятся во взглядах, признавая, что суть идеи равноправия мужчин и женщин, их равных возможностей, состоит в том, что по своему интеллектуальному и физическому потенциалу женщина ни в чем не уступает мужчине. Для нее не существует принципиально закрытых, недоступных сфер умственного и физического труда. Ни один закон не должен запрещать женщине заниматься тем или иным делом, осваивать ту или иную профессию. Ее святое право – полная свобода личного выбора видов и форм деятельности для ее самореализации. Такая постановка вопроса, разумеется, не означает,

что физиологические особенности женщин не могут ограничивать (иногда – временно) их профессиональные обязанности. Отсюда следует вывод, что равенство полов, не являясь абсолютным, может быть достаточно полным и всесторонним.

Хотя женщина и выполняет важнейшую для продолжения человеческого рода репродуктивную функцию, но, начиная с первобытного общества, это не давало ей никаких социальных преимуществ. Так, например, Л. В. Бабаева констатирует, что женские гражданские права вплоть до начала XX века были ущемлены [4]. Только в 1907 году закон разрешил женщинам распоряжаться своим заработком. Полное юридическое равноправие женщины получили накануне Второй мировой войны.

Как утверждает Л. Д. Бойченко [5], борьба за социальное равенство с мужчинами шла через отвоевывание женщинами права на труд рядом с мужчиной, на образование (доступ к высшему образованию женщины получили лишь в конце XIX века), на участие в выборах.

Значительно активизировалось движение за равенство мужчин и женщин в мире в 70–80-х годах XX столетия. И, конечно, современная социальная политика мирового сообщества также направлена на ликвидацию дискриминации женщин, облегчение их быта, освобождение времени на воспитание детей, продвижение женщин в структуры власти.

Особый интерес для нас представляет ситуация с соблюдением и защитой прав женщин в России.

Так, в крепостной России права и свободы личности вообще были ущемлены. Но еще в большей степени были ущемлены в правах женщины. В гражданском праве и имущественном наследии приоритет оставался за мужчинами. Семья была основана на авторитаризме. Все семейные вопросы решал глава семьи. Представительницы всех сословий не получали образования. Право женщин на труд было ограничено, оплачивался он на 30 % ниже мужского. Особенно тяжелым был труд крестьянок.

С отменой крепостного права, а затем с реформой образования в 1864 году женщины получили право на выбор трудоустройства, доступ к новым профессиям, право на грамотность. Однако классическое образование получало лишь высшее сословие.

Формирование элементов гражданского общества в начале XX века, деятельность прогрессивно мыслящей интеллигенции послужили импульсом для развития женского движения и формирования нового типа женщины: экономически независимой, самостоятельной, стремящейся к полезной деятельности. А это в свою очередь способствовало дальнейшему распространению идей о равноправии полов, полоролевой функции женщины в государстве и семье.

До 1917 года в России начали создаваться разнообразные по форме и содержанию союзы, клубы, движения, целью которых провозглашалось повышение роли женщины в обществе, защита ее интересов и прав.

Революция 1917 года, первые Конституции СССР и РСФСР утвердили равные права мужчины и женщины во всех сферах жизни – политической, гражданской, трудовой, образовательной, социальной. В 1918 году был созван Всероссийский съезд женщин, созданы женские отделы культурной, воспитательной, организационной работы; начала развиваться женская периодическая печать (журналы «Работница», «Крестьянка»), появились женские странички в центральных и местных газетах, стали издаваться серии книг и брошюр «Библиотечка для женщин».

Однако жесткий идеологический контроль свернул работу женского движения в России в 1930-е годы. Затем в течение 50 лет утверждалось, что у нас в стране женских проблем нет. Но в годы перестройки снова открыто заговорили об истинном положе-

нии женщины. Было принято много законодательных актов и льгот, которые, однако, ситуацию радикальным образом изменить не смогли [9].

Ряд современных исследователей утверждают, что и в настоящее время уровень развития женского движения крайне низок. Однако в качестве позитивных сдвигов можно отметить развитие феминологии, появление среди женщин политических лидеров, возможность независимой оценки истинного положения женщин, привлечение внимания науки, общественности, средств массовой информации к женскому вопросу. Общая цель женского движения сегодня – это борьба с явной и скрытой формой дискриминации женщин.

Важным направлением борьбы за соблюдение и защиту прав женщин в современных условиях является борьба за гендерное равенство в сфере труда. В современных социально-трудовых отношениях представляется актуальной проблема полового разделения труда, под которой понимается распределение занятий между женщинами и мужчинами, базирующихся на традициях и обычаях, формально и неформально закрепленных в практике и сознании людей. Во всем мире существуют сугубо мужские и сугубо женские профессии.

Несмотря на более быстрый, чем среди мужчин, рост уровня образования, большинство женщин по-прежнему испытывают ограничения профессиональных возможностей и заняты на традиционно «женской» работе (учителя, младшие медработники и т. п.), как правило, менее оплачиваемой. Отношение заработной платы женщин к заработкам мужчин остается одним из самых дискриминационных не только в России, но и среди развитых стран (за исключением Японии). Однако важным фактором ослабления дискриминации женщин в оплате труда может стать возрастание их образовательного уровня, что влечет за собой усиление позиций женщин на рынке труда и позволит им все чаще вторгаться в традиционно «мужские», более высокооплачиваемы сферы. В то же время некоторые факторы, способствующие росту трудовой занятости и укреплению позиций женщин в сфере труда, зачастую приводят к усилению их профессиональной сегрегации. Так, интенсивное развитие сферы услуг увеличивает использование труда женщин, одновременно ограничивая их деятельность весьма узким кругом профессий. Развитие новых видов деятельности, внедрение новых технологий и нетрадиционных форм организации труда позволяет шире использовать труд женщин, предоставляя им возможность работы на дому, неполный рабочий день, по гибкому графику. Но эти же факторы, ставшие поначалу весьма притягательными для женщин очень быстро обернулись для них лишением социальных льгот, страховых и прочих преимуществ, распространяющихся на полный рабочий день, а для некоторых – и социальной изоляции [9].

Как и многие другие общемировые тенденции, рост трудовой активности женщин, концентрация женской занятости в отраслях сферы услуг, формирование системы «привилегий» для работающих женщин и некоторые другие специфические для женского труда черты приобрели в России гротескный характер. Так, массовый приток женщин в общественное производство в послевоенные десятилетия привел к рекордно высокому в сравнении с другими странами уровню занятости российских женщин. При этом исключительной характеристикой женской занятости в России является чрезвычайно высокий образовательный уровень. Однако это не послужило для женщин лифтом экономической мобильности. Несмотря на законодательно закрепленное право на равную оплату за равный труд, работающие россиянки по оплате труда занимают

ущемленное положение – их заработная плата в среднем более чем на треть ниже, чем у мужчин.

В одной и той же отрасли занятости практически повсеместно в силу различий в профессиональном статусе и квалификационном уровне женщины, как правило, получают меньшую зарплату.

Ряд исследователей отмечает еще одну отличительную особенность занятости женщин России – гораздо более широкое, чем в других странах, использование их труда в отраслях материального производства, в том числе на работах, связанных с тяжелым и неквалифицированным трудом [8]. Среди работников промышленности, испытывающих в процессе труда физические перегрузки, каждый пятый – женщина. Почти половина работниц в промышленности трудится в тяжелых, вредных и особо тяжелых условиях.

Несмотря на запреты использования женского труда в ряде областей, считающихся особо вредными по медицинским соображениям, россиянки продолжают там работать, а так как запрет распространяется не только на занятость, но и на образование и профессиональную подготовку, позволяющую работать по этим специальностям, женщины работают здесь без соответствующей подготовки и квалификации и за меньшую зарплату.

Таким образом, можно прийти к выводу, что разработанные и принятые меры, которые создали для женщин множество привилегий и льгот в форме отпусков, пособий, а также ограничений занятости на вредных производствах, реализовывались весьма избирательно, а само их существование способствовало удлинению естественных периодов прерывания занятости, ограничению трудовой мобильности, профессионального и квалификационного роста работающих женщин, а также снижению возможностей реализации уже полученных ими знаний и приобретению опыта.

В условиях становления рынка труда в 1990-е годы эти льготы стали еще и препятствием для трудоустройства и сохранения места работы. Предприятиям, находящимся в стадии экономических преобразований, стало невыгодно, а зачастую просто не под силу брать на себя такую социальную ответственность. Таким образом, ст. 3 Трудового кодекса РФ хотя и провозглашает запрещение дискриминации в сфере труда, но механизм реализации этого принципа отсутствует. Фактически около трети руководителей предприятий различных форм собственности признают, что отдают предпочтение мужчинам, а на каждом шестом обследованном предприятии выявлены нарушения законодательства в отношении беременных женщин.

Оказавшись менее конкурентоспособными на рынке труда, женщины стали гораздо более интенсивно, чем мужчины лишаться рабочих мест. Рыночные отношения обнажили невидимые ранее формы дискриминации женского труда в России со всеми издержками сверхзанятости, несоответствия степени образованности уровню оплаты туда, концентрации на низкоквалифицированных работах, но вместе с тем перед женщинами разных возрастных групп открылись новые возможности использования их трудового потенциала. Хотя процесс преобразований в России способствовал более строгой дифференциации социальных и экономических ролей в зависимости от пола и возрождению призывов к патриархальности, в период 90-х годов среди россиянок возросло стремление совмещать домашние, семейные обязанности с работой вне дома

Таким образом, несмотря на особенно сложное положение, в котором находятся российские женщины, испытывающие специфические трудности в сфере труда (во многом повторяющие общемировые) и одновременно вынужденные адаптировать-

ся к принципиально новым экономическим и социальным отношениям, усиливается ориентация россиянок на общественное производство.

Антидискриминационные меры в отношении женщин в России дали, безусловно, положительные результаты, способствуя смягчению традиционных форм гендерного неравенства. Однако укоренившиеся подходы к общественной и экономической роли женщин изменить куда сложнее. Даже некоторые привилегии, разработанные во благо женщин, могут создать на практике опасность для возникновения действительного неравенства на рыке труда. Дискриминационная практика в отношении женского труда, имеющая столь длительную историю, претерпевая существенные ограничения, приобретает в новых условиях иные, гораздо более замаскированные формы [9].

Повышение экономической роли женщин в обществе, в семье, в самообеспечении не спасло их от нарастающих рисков снижения реальных доходов и надежности их источников, социальной незащищенности на рынке труда в связи с новыми формами занятости; от отсутствия рабочих мест, соответствующих их образовательной и профессиональной подготовке, от попадания в ряды бедноты, в том числе работающей.

В наиболее сложном положении в этих условиях оказались женщины пенсионного возраста, особенно те, кто не может продолжать трудовую деятельность и у которых нет иных, кроме пенсии, источников существования. Пенсии, полученные женщинами, так же как и заработки, в среднем меньше, чем у мужчин, а значительная часть россиянок пенсионного возраста получает минимальную пенсию. Ускоряющееся падение реальной стоимости пенсий, даже средние размеры которых не обеспечивают минимальных стандартов существования, ставит пенсионеров в неравноправное положение относительно лиц допенсионного возраста, реальные доходы которых сокращаются несколько медленнее и у которых объективно больше возможностей адаптироваться к новой экономической ситуации. Для многих женщин продолжение работы после выхода на пенсию стало суровой необходимостью и основным средством поддержания существования. В результате в России в первой половине 1990-х годов каждая десятая работающая женщина была пенсионного возраста, что существенно превышает трудовую активность женщин этой возрастной группы в других странах. Россиянки пенсионного возраста заняты преимущественно в госсекторе, либо выполняют высококвалифицированную, но малооплачиваемую работу врача, учителя, научного сотрудника, преподавателя вуза, музыкального работника; либо низкоквалифицированную и также малооплачиваемую работу уборщицы, вахтера, лаборантки и т. п.

С трудностями материального самообеспечения в последние годы столкнулись и самые юные представительницы женской части населения. Именно они составляют 3/4 выпускников школ, профессиональных технических учебных заведений, вузов, испытывающих сложности трудоустройства. Однако у данной категории женщин появились определенные надежды на расширение возможностей экономической самостоятельности в связи с развитием различных форм предпринимательства, самозанятости, включая семейно-домашние мероприятия. Мировой опыт показывает, что эта сфера деятельности обладает большой притягательной силой для женщин, не нашедших своего места на рынке труда. Уже к 1994 году по данным Госкомстата, среди предпринимателей, использующих наемный труд, было около 19 % женщин, среди совладельцев товариществ – 39 %, кооперативов – 23 %. По данным исследований, наиболее актив-

но в среде предпринимательства действуют россиянки зрелых возрастов, имеющие высшее (64 %) и среднее специальное (35 %) образование [6, с. 109].

В условиях возрастающих рисков на рынке труда, чисто символических размеров пенсий и пособий, обесценивания сбережений, реальная поддержка предпринимательской деятельности женщин в России могла бы не только помочь большему числу россиянок воспользоваться открывшимися возможностями и повысить свой социально-экономический статус, но и способствовала бы более полной реализации знаний и профессионального опыта женщин в масштабах общества.

Важным элементом решения любой проблемы является ее социально-правовое урегулирование и создание действенных механизмов по ее реализации. Поэтому второе направление работы по осуществлению принципа гендерного равенства в России, на наш взгляд, составляют законотворческая деятельность, а также правоприменительная практика по реализации принятых законов и созданию реально действующих механизмов, обеспечивающих защиту прав женщин.

Неотъемлемым направлением социальной политики любого государства является забота о соблюдении прав человека. Е. А. Лукашева отмечает, что на территории России действуют и российский, и международный механизмы защиты социально-экономических прав женщин [11]. Их обязаны реализовывать государственные органы и иные структуры по защите прав человека в экономической и социальной сферах.

Социально-правовая регламентация этой деятельности осуществлена в международных и в национальных нормативно-правовых актах. Конвенция ООН 1979 года «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» – основной международный документ, устанавливающий стандарты в области защиты индивидуальных и коллективных прав женщин [1]. Она четко сформулировала принципы равноправия мужчин и женщин. Это гарантии условий для всестороннего развития женщин, получения образования, равной оплаты за равный труд, взаимной ответственности мужчин и женщин за семью, воспитание детей, понимание материнства как социальной функции. Однако, к сожалению, с этим документом в России до сих пор мало кто знаком, а тем более – мало кто с ним работает непосредственно.

Основные принципы гендерного равенства отражены и в Конституции Российской Федерации [2], которая также говорит о том, что государство гарантирует гражданам отсутствие любой дискриминации, в том числе и по признаку пола. Мужчины и женщины имеют равные права и равные возможности для их реализации. Конституция предусматривает участие женщин в политике государства и в неправительственных организациях, одинаковые условия при выборе профессии, равные права при выходе на пенсию, по безработице, болезни, инвалидности, медицинском обслуживании, предоставлении платных услуг. Но эти конституционные положения требуют не только их провозглашения, но и конкретной детализации, конкретной реализации в современном российском законодательстве.

По инициативе ряда женских НПО, в том числе Движения женщин России, Государственной думой РФ 20 ноября 1997 года была утверждена «Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» [7], которая дает анализ состояния с правами женщин в России и содержит перечень законов, которые необходимо принять для выравнивания правового статуса лиц обоего пола.

Вместе с тем даже и без принятия новых законов, проблема гендерного равенства в современной России в значительной

степени могла бы быть решена при полной реализации уже существующих правовых актов, при полном совпадении правоприменительной практики с существующим законодательством.

Так, С. В. Поленина констатирует, что в России правовые нормы, касающиеся охраны здоровья женщин-матерей, преимущества по воспитанию детей впервые в полном объеме были сформулированы в Кодексе законов о труде Российской Федерации (КЗОТ РФ). Впоследствии все эти нормы нашли свое развитие и закрепление в новом Трудовом кодексе Российской Федерации [10].

Поленина С. В. также отмечает, что закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» предоставляет дополнительные гарантии занятости многодетным родителям с несовершеннолетними детьми, женщинам, воспитывающим детей дошкольного возраста, детей-инвалидов, нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы (дополнительные рабочие места, организация по обучению специальным программам и т. д.).

Далеко не всегда механизмы защиты прав, в том числе прав женщин (суд, прокуратура, государственная инспекция труда и институт Уполномоченного по правам человека), используют такой рычаг, как роль профсоюзов, правозащитных и женских общественных организаций которые, согласно ст. 27 Закона РФ «Об общественных объединениях», вправе представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях.

Отсюда вытекает и третье направление реализации принципа гендерного равенства в современном российском обществе. Это участие женщин в работе органов государственной власти и местного самоуправления. В России женщины составляют более половины населения страны. Но они явно недостаточно представлены в органах государственной власти. Так, например, в составе только что избранной Государственной думы Российской Федерации VI созыва из 450 депутатов только 61 депутат являются женщинами, что составляет всего 13,6 % [15]. Еще хуже обстоит ситуация с гендерным равенством в Совете Федерации РФ. По данным официального сайта Совета Федерации на январь 2012 года из 163 членов Совета Федерации РФ только 10 человек, или 6,1 %, являются женщинами [14].

Такое положение ненормально и препятствует отражению в законах интересов всех слоев населения, как во внутренней, так и во внешней деятельности государства.

Несколько лучше ситуация с гендерным равенством в новом для политической системы современного российского общества элементе – институте Уполномоченных по правам человека.

В настоящее время (на 1 января 2012 года) этот институт представляют Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (федеральный Уполномоченный) и 64 Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации (региональные уполномоченные) [16]. Кроме того, за всю очень короткую историю существования этого правозащитного института в политико-правовой системе России – с января 1994 года, то есть с момента назначения Государственной думой РФ С. А. Ковалева первым федеральным российским омбудсманом, и с декабря 1996 года – с момента назначения Государственным Собранием Республики Башкортостан Ч. Б. Газизова первым российским региональным Уполномоченным по правам человека, два федеральных и двадцать девять региональных Уполномоченных представляли этот институт, однако в силу ряда причин оставили эту деятельность.

Таким образом, институт российских Уполномоченных по правам человека насчитывает 96 человек: 3 федеральных (один действующий и два бывших) и 93 региональных (64 действующих и 29 бывших) [17].

На сегодняшний день из 64 действующих региональных уполномоченных по правам человека 17 омбудсменов являются женщинами и 47 человек – мужчины. В процентном отношении это составляет 26,6 % и 73,4 % соответственно. Из 29 региональных экс-уполномоченных всего четыре женщины (или 13,8 %) и 25 мужчин (86,2 %). И, наконец, все три федеральных уполномоченных по правам человека (или 100 %) – один ныне действующий и два бывших – мужчины.

Следовательно, из всех 96 российских уполномоченных по правам человека, и ныне действующих, и бывших, 21 человек (или 21,9 %) – это женщины и 75 человек (или 78,1 %) – мужчины.

Много это или мало? Учитывая равенство прав мужчин и женщин и недопустимость дискриминации по признаку пола, провозглашенные в Конституции Российской Федерации, наверное, этот показатель тоже недостаточен, тем более для института, как раз призванного защищать права всех социальных групп, в том числе и женщин. Однако сравнивая приведенные данные с аналогичными данными в других органах государственной власти, необходимо отметить значительное превосходство института Уполномоченных по правам человека над ними в гендерном отношении. Таким образом, анализ показывает, что на сегодняшний день представительство женщин в институте Уполномоченных по правам человека является достаточно высоким (почти 22 %) и характеризует этот институт как пример для других органов государственной власти в России.

4 марта 1993 года был принят Указ Президента РФ № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин», в котором главным признано обеспечение женщинам реального участия в деятельности государственных органов и общественных организаций [3]. При этом некоторые активисты женского движения в России предложили ввести временную меру правового характера – наличие квот (условно 30 % представительства лиц обоего пола в законодательных органах всех уровней Федерации и ее субъектов). Обязательным также предлагается квотирование по половому признаку списков кандидатов в депутаты, выдвигаемых политическими партиями и предвыборными блоками, а также включение норм об установке квот на занятие руководящих должностей лицами обоего пола в органах государственного управления в Закон о государственной службе.

Мы считаем, что процесс совершенствования государственного устройства, процесс реализации гендерного равенства и равноправия полов в органах государственной власти, наконец, процесс становления нового важнейшего государственного правозащитного института – института Уполномоченных по правам человека действительно требуют дальнейшего увеличения в них представительства женщин. Но это увеличение должно происходить не за счет искусственного регулирования этого процесса, а за счет повышения активности женщин в государственной деятельности, в государственном управлении в целом и в правозащитном движении в частности.

В целом же, на наш взгляд, правовая поддержка женщин в современной России действительно не в полной мере отвечает требованиям современного общества и требует коренных изменений.

Несмотря на формальное равноправие женщин и мужчин, во многих случаях необходимы активные действия, чтобы обеспечить провозглашенное равенство в действительности. Особое внимание к социальной и экономической роли женщин в периоды фун-

даментальных преобразований является непременным условием достижения устойчивого развития и повышения благосостояния в обществе.

В ближайшие годы актуальность «женского вопроса» будет по-прежнему сохраняться. Несмотря на значительный прогресс в данной области, в соблюдении прав женщин все еще существует множество проблем. Помимо необходимости реформирования правовой поддержки для претворения в жизнь многочисленных норм российского законодательства, запрещающих дискриминацию по признаку пола, нам недостает системы действенного контроля и надзора за их соблюдением, пока еще не в полной мере сложилась система государственных органов и общественных организаций по обеспечению полного соблюдения и защиты прав женщин в России.

Литература

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Основные международные договоры по правам человека / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Организация Объединенных наций. – Нью-Йорк; Женева, 2006. – С. 79–96.
2. Конституция Российской Федерации: Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2000.
3. Указ Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» от 4 марта 1993 г. № 337 // Российская газета. – 1993. – 16 марта.
4. Бабаева Л. В. Женщины: актуальные направления социальной политики (концептуальный подход к разработке Федеральной программы) // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 51–59.
5. Бойченко Л. Д. ООН и права женщин: история и современность // Права женщин в России. Законодательство и практика. – 2008. – № 2. – С. 17–21.
6. Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И. Феминология и гендерная политика: учебник. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. – 300 с.
7. Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин // Права женщин в России. – М., 1998. – № 1.
8. Мазин А. Л. Трудовая дискриминация // Трудовое право. – 2008. – № 7. – С. 86–90.
9. Поленина С. В. Гендерное равенство: Проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 269 с.
10. Поленина С. В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. – М.: Институт государства и права РАН, 2005. – 255 с.
11. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 560 с.
12. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2009. – 656 с.
13. Силласте Г. Г. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа / Г. Г. Силасте, Г. Ж. Кожамжарова // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 112–120.
14. Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ [Электронный ресурс]. – URL: http//www.council.gov.ru
15. Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания [Электронный ресурс]. – URL: РФ: http/www.duma.gov.ru
16. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http//www.ombudsmanrf.ru
17. Web-сайт Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия» Региональный омбудсман [Электронный ресурс]. – URL: http//www.ombu.ru

ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGY

УДК 821.161.1 Пушкин.06

Э. М. Афанасьева

ОНТОЛОГИЯ ИМЕНИ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА 1825–1830 ГОДОВ: «ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ» И «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»

На примере стихотворений А. С. Пушкина «Желание славы» и «Что в имени тебе моем?» исследуется авторская концепция онтологии имени. За основу берется феномен бытия имени как факт персонального мифа. Мотивы славы и памяти реализуют ретроспективную и перспективную модель самоопределения героя. Это формирует онтологические границы личностного бытия в художественном мире А. С. Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, лирика, онтология имени.

E. M. Afanasyeva

THE ONTOLOGY OF THE NAME IN LIRICS BY A. S. PUSHKIN (1825–1830): “THE WILLING OF FAME” AND “WHY DO YOU ASK ME FOR MY NAME?”

By the way of example based on poems by A. S. Pushkin “The willing of fame” and “Why do you ask me for my name?” the author's conception of the ontology of the name is studied. It is based on the objective reality phenomenon as a fact of personal myth. The motives of fame and memory give birth to both retrospective and perspective models of selfidentity. This creates the ontology borders of objective reality in the artistic world of Pushkin.

Keywords: Alexander Pushkin, lyrics, the ontology of name.

На протяжении всего творчества А. С. Пушкина очевидно стремление к осмыслению бытийной природы имени. В зрелой лирике этот процесс получает онтологический потенциал в контексте формируемой им самим темы, когда имя не вербализуется, но само по себе становится объектом лирической рефлексии. Минус-прием способствует актуализации мотива «моего имени», наиболее яркие образцы его воплощения – стихотворения «Желание славы» (1825) и «Что в имени тебе моем?» (1829/1830). Поэтическое освоение мотива осуществляется в диалоге с такими произведениями середины 1820 – начала 1830 года, как «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Полтава», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Моя родословная» и др.

Нужно признать, что поэтика имени и эстетическая природа его воплощения как в «Желание славы», так и в стихотворении «Что в имени тебе моем?» долгое время затенялась проблемой адресата. Биографический комментарий усложняет задачу понимания ценностной природы этих текстов, смещая акцент с художественного мира на культурно-биографический контекст. В пушкинистике первостепенным был вопрос о том, к кому

обращено стихотворение, в то время как в нем речь идет об имени самого субъекта эстетического события.

Начальный набросок «Желания славы» относится к периоду южной ссылки Пушкина, а окончательный вариант написан в Михайловском в 1825 году [1, с. 230]. Трижды при жизни поэта оно было опубликовано: в «Соревнователе просвещения и Благотворения» (1825) и в сборниках за 1826 и 1829 годы «Стихотворения А. Пушкина» [2, с. 1106]. Г. П. Макогоненко включил это произведение в контекст условного цикла 1823–1830 годов, объединенных любовным переживанием героя. Анализируя тексты, написанные в Михайловском, исследователь сделал любопытное замечание: «стихотворения… «Ненастный день потух…», «Сожженное письмо», «Желание славы», исполненные нежной любовью и тоской Поэта (героя стихотворения), не содержат никаких намеков на имя женщины и не нуждаются в какой-либо расшифровке. Но комментаторы закрепляют их за Воронцовой, произвольно адресуя ей выраженные в них чувства» [3, с. 79]. Речь идет о биографическом методе исследования, основанном на восстановлении имени возможного адресата. В контексте лирики желаний [4] «Желание славы» реализует знаковый мотивный комплекс «слава и имя», позволяющий говорить об онтологизации собственного имени в художественном мире Пушкина.

Номинативный комплекс «желание славы» в эстетике романтизма ориентирован на героический потенциал личности с исключительной судьбой. Именно такой фон осмысления проблемы заявлен в ранний период творчества в лицейском стихотворении «Князю А. М. Горчакову» 1814 года:

Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал,
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
(I, с. 39)

Дружеское послание написано в духе комплементарных пожеланий на именины, где представлены возможные варианты прогнозов благополучия. В данном случае формируется мотивный комплекс, конкретизирующий идею славы: героика (кровавый путь, битвы и победа) дополняется идеей призвания, символом которой становятся лавры и венки.

Слава как факт исполнения желаемого представлена в «Сцене из Фауста» (1825): «Желал ты славы – и добился, // Хотел влюбиться – и влюбился. // Ты с жизни взял возможну дань, // А был ли счастлив?» (II. I, с. 384). Это – пик реализации устремлений, за которым, однако, проступает внутренняя неудовлетворенность героя с демоническим сознанием. С 1824 года в контексте исследуемого мотивного комплекса выделяется стремление поэта к творческому признанию (ср. «Второе послание цензору»: «…славы автору желая от души, // Махни, мой друг, рукой и смело подпиши» (II. I, с. 327)).

В «Желании славы» происходит слияние мотива славы с онтологической природой имени, что придает особый смысл проблеме самореализации лирического героя. Ключевая проблема связана с первопричиной движения к славе. В. А. Грехнев заметил, что в стихотворении открывается «своего рода непредумышленный маскарад страстей, когда одно душевное движение прячется за другое, когда за одной страстью угадывается другая, еще не вступившая в поле зрения лирического субъекта: он чувствует, быть может, лишь ее отдаленный «гул», неизмеримо усиливающий душевное смятение» [5, с. 147].

Лирическое движение мысли в «Желании славы» провоцируется воспоминаниями о недавнем прошлом. Начальный эпизод – своего рода культурный код, закрепленный как в живописи, так и в литературной традиции: коленопреклоненный герой, взирающий на возлюбленную. Коленопреклонение, как факт благородного смирения, со времен рыцарства формирует культ дамы сердца, служение ей. Взгляд снизу вверх организует визуальный вектор, слитый с сакральной вертикалью.

Когда любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой кроленнопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя…
(II. I, с. 348)

Жест преклонения перед дамой сердца дополняется изящной деталью женского покровительства: «Когда склонив ко мне томительные взоры, // И руку на главу мне тихо наложив». Так дорисовывается зримо представляемая картина трогательной гармонии чувств. Безмолвное любование и упоение влюбленного («И я стесненное молчание хранил») оттеняется шепотом, в котором проскальзывают ревнивые нотки в вопросе героини: «Другую, как меня, скажи, любить не будешь?». Знаковый мотив начального фрагмента текста – мотив тишины («безмолвно», «шептала ты», «я стесненное молчание хранил»).

За разрушением гармоничной картины следует эмоциональный взрыв, что усиливает диссонанс:

А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда… И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдруг…
(II. I, с. 348)

Между прошлым и будущим возникает катастрофичность настоящего, идиллии сада сейчас противопоставлена безграничность пустыни:

…Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией застигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилося!…
(II. I, с. 348)

Кризисный момент осознания утраты гармонии порождает новое желание, которое становится фактом самоопределения, поиском и обретением себя, и что важно – своего имени, на очередном этапе жизни. Рефлективный потенциал вопросов: «Что я, где я?», – рожден стремлением самосознания в сложной ситуации, граничащей с отчаянием. Любопытно провести аналогию с концепцией К. Г. Юнга, который, исследуя феноменологию духа в сказке и проводя параллель между сказкой и сновидениями, анализирует возникновение вопросов: Кто? Где? Как? Почему? – в контексте знаний непосредственной ситуации и формирования ближайшей цели: «Результатом становится озарение и распутывание фатальных конфликтов» [6, с. 302]. По большому счету, измена возлюбленной в стихотворении Пушкина соотносима с «фатальным конфликтом» лирического героя с самим собой и с миром. Таким образом, концентрация ценностных моментов жизни в кризисный момент связана с переоценкой ценностей.

Стихотворение отражает одну из граней именного мифа Пушкина. Имя, насыщенное славой, становится, прежде всего, именем произносимым, звучащим. Оно актуализируется не только в сознании самого героя, но и окружающих. Сила грозовой метафоры врывается в молниеносность именного воплощения: лексические дублеты вторят громовым мотивам.

Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне…
(II. I, с. 348)

Устойчивое сочетание «поразить громом» растворяется в определении славы, восстанавливающей личностную цельность и неповторимость: «Твой слух был *поражен*», «чтоб громкою *молвою*…» (выделено мною. – *Э. А.*). Процесс самоопределения пушкинского героя встраивается в следующую событийную цепь: я для возлюбленной – кто я? – я для себя и я для других – я для возлюбленной. В этом процессе сущностная роль отводится проблеме имявоплощения, которая тесным образом связана с идеей миротворения. Если для архаичной мифологической модели свойственно представление о тождестве между именем и его носителем [7], то в данном случае мы наблюдаем авторский вариант насыщения имени сверхсмыслом через волевое усилие личности. Имя выступает не просто как номинация и идентификация личности, но и как отдельная категория, на которую личность может влиять. Процесс имявоплощения соотнесен с процессом насыщения славой, ориентирован на полюс восславления, хвалы, славословия. Мотивацией реализации желаемого становится творческий потенциал судьбы поэта. Лирический сюжет вводит двойной взгляд на славу. В начале стихотворения – равнодушие («Скучая суетным прозванием поэта»), в финале – томление желанием славы («Я новым для меня желанием томим»).

Сакрально-идиллическое пространство сада, где достаточно было шепота, чтобы быть услышанным, – это пространство воспоминаний о безвозвратной гармонии. В переломный для лирического героя момент создается ощущение разрушения мира, его опустошения. Сравнение этого состояния с состоянием путника, застигнутого молнией в пустыне, определяет идею выбора пути, выхода из темноты («все предо мной затмилося»). Хронотоп пустыни соотнесен в стихотворении с мотивом испытания. Подобный инициальный слом в «пустыне мрачной» с преображением сущностной природы героя присутствует в стихотворении «Пророк», написанном через год – в 1826 году. Хронотоп пустыни в «Желании славы» становится промежуточным между гармонией сада и всем миром, который уже в финале текста подчиняется воле лирического героя, наполняясь *его именем*. Теперь уже недостаточно шепота, вербальные мотивы усиливаются, распахнувшиеся горизонты наполняются «громкою молвою».

Можно отметить еще один важный момент переосмысления лирическим героем собственного положения в мире. Образ сада и гармонизация чувств описаны на фоне суетности света, в котором уже проявлена реакция окружающих на поэтический талант героя, но в начальном фрагменте она дана как внеценностное явление: «я вовсе не внимал // Жужжанью дальнему упреков и похвал». Между тем, слава формирует модель поэтической судьбы героя. В финале появляется волевой жест управления этим процессом. Желание славы побуждает новые устремления. Имя преодолевает время и пространство, оно само моделирует горизонты собственной актуализации. Значимым оказывается мотив круга: героиня в буквальном смысле оказывается в плену славного имени: «чтоб ты мною // Окружена была». Мироздание подчиняется единственной цели – ежечасно напоминать возлюбленной о разрушенной гармонии.

Контаминация мотивов любви и славы характерна для романтической эстетики. Желание славы во имя любви создавало основу самоутверждения поэта. Примером может послужить дневниковая запись

В. А. Жуковского в момент крушения надежды на брак с Машей Протасовой: «*Слава* имеет теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть – какой может быть не имела прежде! Ты будешь обо мне слышать! Честь моего имени, купленная ценою чистою, будет принадлежать тебе! Ты будешь радоваться ею и обещаю возвысить свое имя» [8] (выделено в первоисточнике. – *Э. А.*). Отметим важность соотнесения звукового фона идеи славы с насыщением имени сверхсмыслом. В дневниковой записи Жуковского реализована та же мотивация самоутверждения ради возлюбленной и идея имявоплощения, которые найдут отражение в «Желании славы» Пушкина.

В пушкинском тексте сталкиваются и осмысляются такие составляющие человеческого бытия, как *я – мое имя – моя судьба*. Каждая из личностных категорий этой триады имеет точки соприкосновения, а иногда полностью отождествляется с двумя другими, но, в то же время, формирует зону собственной исключительности. Слава делает имя не только личностной сферой бытия, но и общественным достоянием. Возникает процесс отторжения имени от личности. Оно само становится онтологически значимым объектом, бытийствующем в мире. Увеличение пространственных границ напоминания о «моем я» сродни завоеванию мира. «Мое имя» «вне меня» призвано напомнить о «моем существовании». Герой, стремящийся к славе, расширяет пространственные горизонты и через имявоплощение стремится управлять обстоятельствами.

Второе стихотворение, которое можно назвать концентратом авторской онтологии имени, – «Что в имени тебе моем?» Оно, с одной стороны, стало частью альбомной культуры XIX века (его автограф вклеен в альбом Каролины Собаньской, где зафиксирована дата 5 января 1830 года). С другой – вошло в литературную жизнь эпохи после публикации сначала в «Литературной газете» (1830), а затем в сборнике стихов «Венера» (1831) и в «Стихотворениях А. Пушкина», где помещено в раздел произведений 1829 года [9].

В истории изучения этого текста поднимался вопрос о его литературных источниках [10], тематической композиции [11], возможном адресате. Притягательным центром стала интригующая личность К. А. Собаньской, свойственницы Оноре Бальзака, вдохновительницы Адама Мицкеича [12–15]. Отдельного внимания заслуживает анализ стихотворения в контексте тайной поэтики Пушкина, проведенный С. Н. Бройтманом [16, с. 45–59].

В 1911 году, еще до обнаружения автографа стихотворения, Н. Лернер отстаивал его адресацию К. Собаньской на основе воспоминаний М. А. Максимовича и Ю. И. Крашевского о стихотворении Пушкина из альбома польской красавицы [17, с. 62]. Для текстологов на тот момент вопрос об адресате был первостепенным, так как ссылка на воспоминания современников опровергала версию П. А. Ефремова о посвящении стихотворения А. А. Олениной. В процессе спора стихотворение становилось биографическим аргументом.

В. Э. Вацуро, исследуя светские альбомы пушкинской эпохи, обратил внимание на фольклорные штампы, переходящие из одного источника к другому. Одним из них является мотив памяти об авторе альбомной записи:

Сочинять я не умею,
Одну строчку напишу,
Много требовать не смею,
Не забудь меня, прошу…
[18, с. 41]

Среди наиболее популярных источников, активно вошедших в «альбомный фольклор», В. Э. Вацуро называет стихотворение А. А. Крылова «В альбом Н. Н. Б-ой»,

опубликованное в «Северных цветах на 1825 год»:

Скажи, альбом, в простых словах
Твоей владетельнице милой,
Что царствует она в сердцах
И всех влечет волшебной силой;
Что слишком счастлив был бы я,
Хоть мне она давно знакома,
Когда бы вспомнила меня
Она без помощи альбома.
[18, с. 41]

Стихотворение А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?» органично входит в альбомную культуру эпохи, для которой тема памяти развивается в соответствии с логической схемой: альбом хранит память об авторе строк, но автор надеется, что память о нем не будет ограничена только альбомной записью. Однако пушкинский текст уникальным образом развивает популярную тему, соотнося ее с онтологией собственного имени. «Что в имени тебе моем?» воссоздает процесс поэтапного осмысления природы имени в разных ракурсах и с разных точек зрения:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я….
(III. I, с. 210)

Вопрос, открывающий рефлективный поток размышлений о природе имени, организует две волны лирических переживаний. Первая – это взгляд на свое имя с позиции вечности. Вторая – реакция на конкретную жизненную ситуацию, то есть взгляд изнутри собственного бытия. Воображаемый диалог с адресатом фиксирует масштаб временных границ, в которые погружается не только «я» лирического героя, но и «ты» адресата. Острая напряженность лирического события мотивирована онтологическими горизонтами, в центре которых пульсирует «мое имя». Пушкин вводит сложный поэтический комплекс, отражающий двойную мотивировку именного знака. «Мое имя» – это и интимная сфера «моего» существования, и самоценное явление, способное на «свою» жизнь.

Онтологическая природа имени такова, что оно способно к самостоятельной актуализации вне зависимости от желаний своего обладателя. В этот момент происходит драматическое несовпадение между «мной» и онтологией «моего имени». Подобный эксперимент уже был предметом художественного осмысления Пушкина в 1825 году, во время работы над «Борисом Годуновым». «Димитрия воскреснувшее имя» в трагедии неожиданно начинает существовать вне своего носителя или самозванца и становится самостоятельным трансцендентальным явлением, вокруг которого концентрируются все уровни драматического конфликта.

В стихотворении имя не называется, но подразумевается. С. Н. Бройтман отметил, что «слово “имени” заменяется и “утаивается” в местоимении “оно”, которое становится анафорой и звуковым образом темы» [16, с. 47], при этом лирическое событие концентрирует в себе ситуацию «взаимодействия сознаний» [Там же, с. 59]. Отсутствие характерного для лирики местоимения «я» существенно трансформирует онтологические взаимодействие субъекта лирическо-

го монолога с именем, о котором речь идет в третьем лице. Это – дистанция распада, недолжного бытия. Восстановление личностной гармонии возможно только в единении «моего имени» и «памяти обо мне», что может произойти в сознании «другого».

Именная актуализация в стихотворении, написанном зимой 1829/1830 годов, становится основой эстетического эксперимента, который открывается шокирующим фактом переживания смерти имени. Риторичность вопроса «Что в имени тебе моем?» сталкивается с неожиданностью ответа – «Оно умрет…» Отстраненный взгляд отделяет переживание смерти имени от факта смерти его носителя, таким образом «я» героя находится вне границ смерти, тяготеет к полюсу бессмертия.

Основа лирического философствования – осознание природы имени-звука и имени-текста: первое растворяется в мироздании подобно шуму волны или ночному звуку, второе застывает в своей мертвой письменной ипостаси. Оба мотива восходят к представлению о дихотомичной природе слова. Но имя – это не просто слово, а сверхслово, особый концентрат «моего» бытия как факта «моего» присутствия в мироздании. Сверхсущностная основа номинологического знака заключена в его мифологическом ядре – к такому выводу приходит А. Ф. Лосев, формулируя знаковый тезис: «Миф – развернутое Магическое Имя» [19, с. 127–139]. В контексте художественной системы имя автора актуализирует свою мифологическую природу и становится ядром персонального мифа. Рефлективный характер вопроса «Что в имени тебе моем?» обращает лирического героя к мифологическим архетипам. Умирающее имя проходит процесс возвращения к мировым первоосновам: «Оно умрет, как шум печальный // Волны, плеснувшей в берег дальный». Образ «дальнего берега», символизирующий конечный этап жизненных странствий, соотносим с архаичными представлениями о водной переправе душ в мир мертвых (в античной традиции такую роль играет Харон, переправляющий души по подземным водам в Аид). «Шум печальный», запечатленный в последнем плеске волны, становится напоминанием об архаичном истоке данного мотива. Следующий архетип, пробуждаемый сознанием героя, архетип «глухого леса». Являясь мифологическим концентратом представлений о связи мира живых с миром умерших предков, в архаичной традиции этот топос связан с переходной обрядностью, в том числе и с обрядом похорон [ср. 20, с. 38–89]. Процесс исчезновения звучащего имени Пушкин погружает в мифологический контекст, размышления лирического героя соотносимы с ситуацией расставания со «своим именем». Однако, если ритуальной традиции известны обряды имянаречения (например, в обряде крещения) или переименования (например, монашеский постриг), то в стихотворении проявлен авторский вариант расставания с именем, соотносящийся с похоронной семантикой. Логическое завершение этого обряда вписано в ритуальное уподобление застывшего письменного знака надгробной надписи:

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

А. Н. Бронштейн соотнес мотив «узора надписи надгробной» с арабской вязью эпитафий, запечатленных на памятниках ханского кладбища в Бахчисарае [21]. По мнению исследователя, крымские впечатления Пушкина находят отголосок в петербургских воспоминаниях, тем более что мир полуденной страны был знако́м и Собаньской, которая путешествовала по Крыму в сопровождении Адама Мицкевича в 1825 году.

Мотив «надгробной надписи» частотен в альбомной культуре начала XIX века. Помимо стихотворений мадригального характера ей известны тексты, основу которых составляет рефлексия поэта по поводу сиюминутного творчества. Альбом светской красавицы, превращенный в своеобразный каталог имен, нередко уподоблялся русскими романтиками кладбищу: «Альбом походит на кладбище: // Для всех открытое жилище, // Он также множеством имен // Самолюбиво испещрен…» (Е. Баратынский «В альбом» <1829> [22, с. 148]). Подобное сравнение известно поэтике раннего М. Лермонтова: «Быть может, долго стих унылый // Тот взгляд удержит над собой, // Как близ дороги столбовой // Пришельца – памятник могилы!..» («В альбом» 1830 [23, с. 96]).

Пушкин развивает оформившуюся в альбомной практике традицию уподобления письменного слова кладбищенскому «тексту». «Мертвый след» на «памятном листке» – осмысление сиюминутной ситуации в контексте безграничного будущего, которое готовит крайнюю форму омертвления имени: овнешненное, бездуховное слово, застывшее в букве. Как показал Л. Г. Фризман, стих «Что в имени тебе моем?» до Пушкина был использован в элегии С. Л. Саларева «Гробница», где мотив смерти имени соотносится с рассуждениями о конечности земной жизни [24]. Уподобление мертвого знака «узорной надписи надгробной» сохраняет тайну имени в отстраненной коммуникативной проекции, но эта тайна так и остается неразгаданной. Столкновение в одной строфе мотивов памяти («памятный листок») и непонимания («непонятный язык») драматизирует ситуацию записывания, которая изначально лишена возможности прочтения. Имя, отстраненное от своего носителя, у Пушкина проходит сложный процесс отчуждения: его звук поглощается «глухотой» мира, а его письменное воплощение застывает в буквенном узоре, лишаясь возможности пробуждения онтологии смысла.

Последние строфы – вторичная волна осмысления природы имени. Вариация единых по своей природе мотивов воспоминания и памяти направляет рефлективный поток в область другого «я», другого сердца, что выводит лирическое событие на диалогический уровень. Онтология имени познается только душой и только изнутри человеческого бытия. В этот момент актуализируется мотив преодоления смерти имени. Оно оказывается на грани забвения («Что в нем? Забытое давно // В волненьях новых и мятежных») и жизненного воскресения:

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я…

Воскресение имени также погружается в некий ритуализированный контекст, для которого выбран определенный день («день печали») и ему соответствует определенная атмосфера («тишина»). Только тогда возникает ситуация одухотворения слова дыханием. Звуковая мотивация этого таинства («произнеси», «скажи») является обязательным условием его жизненной актуализации. Слово – не только звук, но и дыхание. На смену имени-звуку или имени-шуму приходит имя-дыхание, исполненное таинственной тоской, пробуждающей его сверхзначимую природу. В пушкинской трактовке актуализация Имени в Слове становится фактом гармонизации человеческих отношений.

Первое и последнее четверостишия повторяют один и тот же мотив, мотив печали. В начальной строфе он смертоносен (имя умирает как «шум печальный»); в финальной – животворителен (в «день печали» оживляется имя и память о герое). Одна печаль вытесняется другой. Сила произнесен-

ного имени вырывает его из смертоносного плена, озаряет истинной жизнью в сакральной сфере сердца. Оптимистичное прозрение онтологической природы слова соотнесено с животворной энергией сердечной памяти другого человека. Имя, брошенное в мироздание, растворяется в нем; его бессмертная природа заключена только в сфере памяти.

Диалогизация лирического события в стихотворении «Что в имени тебе моем?» имеет несколько смещенные ценностные рамки. Между «я» героя и «ты» адресата существует опосредованный образ – образ имени, превращенный в смыслополагающий и самоценный объект эстетического интереса. Композиционная структура текста устраняет неверные, дисгармоничные отношения лирического героя с миром, восстанавливая гармонию: важно не имя само по себе, а «я» как носитель «своего» имени. Но и этого оказывается недостаточно для осознания природы именного знака. В поэтике Пушкина он становится онтологическим центром человеческого существования, способен на свою жизненную реализацию только в сфере другого сознания.

И в «Желании славы», и в «Что в имени тебе моем?» за основу берется феномен бытия имени как факт персонального мифа, при этом ретроспективная и перспективная модель взаимодействия лирического субъекта и номинологического знака формирует онтологические горизонты именного самовоплощения во времени и пространстве.

Литература

1. Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, – № 834. (История заполнения) // Пушкин: исследования и материалы. – СПб.: Наука, 1995. – Т. XV. – С. 201–234.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – М.: Воскресение, 1994–1995. – Т. 2, кн. 2. – 1206 с. В дальнейшем ссылки на тексты А. С. Пушкина даются по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
3. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830 – 1833). – Л.: Художественная литература, 1974. – 376 с.
4. Афанасьева Э. М. Поэтика романтических «желаний» в русской лирике XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 8. – С. 119–125.
5. Грехнев В. А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1985. – 238 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. А. А. Юдина. – М.; Киев: ЗАО «Совершенство» – «Port Royal», 1997. – 384 с.
7. Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 508–509.
8. Жуковский В. А. Письма-дневники 1814–1815 годов // Рукописный отдел ИРЛИ РАН («Пушкинский Дом»). Р. I, оп. 9, № 3.
9. Базилевич В. Автограф «Что в имени тебе моем?» // Литературное наследство. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – Т. 16–18. – С. 876–879.
10. Фризман Л. Г. О литературных источниках одного стихотворения Пушкина // Известия Академии наук СССР. Сер. Литературы и языка. – 1975. – № 6. – С. 545–547.
11. Витт Н. Г. О тематической композиции стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?» // Русский язык в школе. – 1979. – № 4. – С. 69–75.
12. Якобсон Р. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем // Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 241–249.

13. Прожогин Н. П. Каролина Собаньская в письмах маршала Мармона и Бальзака // Временник пушкинской комиссии. – СПб.: Наука, – 1996. – Вып. 27. – С. 163–172;
14. Прожогин Н. П. «Что в имени тебе моем?» Не только о дате // Вопросы литературы. – 2001. – № 6. – С. 281–295.
15. Бронштейн А. И. Пушкин и Бахчисарай // Крымские пенаты. Альманах литературных музеев Крыма. – 1994. – № 1. – С. 39–50.
16. Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. – М.: РГГУ, 2008. – 485 с.
17. Лернер Н. «Что в имени тебе моем?»… (о дате и посвящении пьесы) // Русский библиофил. – 1911. – № 5. – С. 60–66.
18. Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. – Л.: Наука, 1979. – С. 3–78.
19. Лосев А. Ф. Имя. Сочинения и переводы. – СПб.: Алетея, 1997. – 618 с.
20. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 336 с.
21. Бронштейн А. И. Пушкин и Бахчисарай // Крымские пенаты: альманах литературных музеев Крыма. – 1994. – № 1. – С. 39–50.
22. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
23. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. – Т. 1. – 252 с.
24. Фризман Л. Г. О литературных источниках одного стихотворения Пушкина // Известия Академии наук СССР. Серия «Литература и язык». – 1975. – № 6. – С. 545–547.

УДК 821.161.1(82-97+82-992)

Е. Ю. Поселенова

ФЕНОМЕН РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ[13]

В статье восстанавливается образ сакральной географии России, в котором обозначены ключевые векторы паломнических устремлений русских людей – от традиционных «хожений» в палестинскую землю до поклонения отечественным, в том числе региональным, святыням. Рассматриваемая в статье художественная модель паломнического пути составляет основу паломнического сюжета в русской литературе и может быть использована в качестве одного из факторов духовного воспитания в современной образовательной системе.

Ключевые слова: русская литература, духовное образование, паломничество, обряд.

E. Y. Poselenova

PHENOMENON OF THE RUSSIAN PILGRIM LITERATURE IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS EDUCATION

In article is restored the image of sacral geography of Russia in which basic vectors of pilgrim aspirations of Russian people: traditional genre “hozheniye” to the Palestina, adoration domestic are designated, including regional, to shrines. The art model of a pilgrim way considered in article makes a basis of a pilgrim plot in Russian literature and can be used as one of factors of spiritual education in modern educational system.

Keywords: the Russian literature, religious education, pilgrimage, rite.

[13] Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Губернатора Кемеровской области.

Одним из традиционных христианских обычаев является паломничество – посещение мест, отмеченных присутствием священных ценностей. С точки зрения верующих людей, оно служит основой перехода от реальной земной жизни к жизни духовной, поэтому предпринимается с целью исполнения благочестивой клятвы или обета в надежде на обретение Божественной гармонии. В русской культуре паломничество представлено не только как собственно религиозное, но и как литературное явление. К XII веку формируется особый жанр «хожения» – художественное описание Святой земли человеком, совершившим паломничество в Иерусалим, на Афон или в Царьград (Константинополь). Постепенно этот жанр претерпевает изменения, связанные с различными историко-культурными процессами, с влиянием светских «путешествий» и другими факторами, приведшими к появлению в начале XIX века особой литературной формы «путешествия ко Святым местам», в дальнейшем получившей развитие.

В России паломничества начались в X веке, еще до принятия христианства. Традиционно первым русским паломником считается игумен Варлаам, посетивший Палестину в 1062 году, а в 1013 и 1051 годах Антоний, будущий основатель Киево-Печерского монастыря, посетил Царьград и Афон [9, с. 279], но еще раньше, в 955 году[14], совершила путешествие в Константинополь княгиня Ольга, искавшая «настоящей божественной мудрости» [13, с. 55–77]. Мотив паломничества Ольги, ставшего истоком христианства на Руси, содержится уже в «Слове…» Илариона, где проводится параллель между князем Владимиром и византийским императором Константином: «Тот с матерью своею Еленой веру утвердил, крест принеся из Иерусалима и по всему миру своему распространив <его>, – ты же с бабкою твоею Ольгой веру утвердил, крест принеся из нового Иерусалима, града Константинова, и водрузив <его> по всей земле твоей» [19, с. 613]. В XII веке паломничество становится настолько распространенным явлением среди русских людей, что Русская Православная Церковь начинает обращаться к верующим с призывами оставить стремление посетить христианский Восток. Христианство проповедовало необходимость самоуглубления и сосредоточенности, которой мешает смена впечатлений во время путешествий. В Евангелии от Марка сказано: «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» [Мк. 8, 36]. Как указывает арх. Никифор, одним из наиболее активных противников дальних поездок был игумен Даниил, автор первого из дошедших до нас описания паломничества, на своем опыте осознавший все положительные и отрицательные стороны пути в Святую землю и пришедший к выводу, что обрести духовное умиротворение можно и в пределах родного пространства [12, с. 1751]. Это сыграло значительную роль в развитии литературных описаний паломничеств (путевых записок паломников, проскинитариев, итинерариев, хожений и др.).

Как отмечает Н. Трубецкой, для человека, посетившего Святые места, воспоминание о своем пути становилось «новым переживанием сильного религиозного чувства, испытанного им при соприкосновении со святыней» [20, с. 511]. Стремление вновь ощутить

[14] Некоторые исследователи склонны считать, что поездка Ольги в Византию состоялась в 957 году. Так, в комментарии к тексту «Повести временных лет», опубликованном в ПЛДР, дана отсылка к сочинению византийского императора Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», где приезд Ольги датирован 9 сентября 957 года (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начала XII века. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 432). Проблеме датировки пребывания княгини Ольги в Царьграде посвящены специальные исследования Г. Г. Литаврина, А. В. Назаренко.

благоговение перед сакрализованным объектом, еще раз приобщиться к небесной гармонии, которой пронизаны Святые места, оказывалось лишь одной из причин, побуждавшей паломников описать свое странствие. С другой стороны, поклонниками руководило желание открыть эту благодать перед теми, кто не видел Святых мест, не имел возможности духовно прикоснуться к ним. В «Беседе о христианском смысле паломничества в Святую землю» Н. Н. Летницкий заметил по этому поводу: «Сколько духовного добра принесет паломник своим односельчанам и вообще окружающим своими рассказами о Св. земле, об Иерусалиме, Голгофе и других Св. местах; слезы духовной радости текут из глаз, сердечная безграничная любовь к Спасителю наполняет сердца слушателей; чувствуют они в это время особую близость к своему искупителю, крепнет их вера, и под всеми этими живительными воздействиями мякнут сердца любовью к ближнему; и кто может исчислить, сколько в порыве этих религиозных восторгов творится добрых дел» [5, с. 15]. Такое глубокое религиозно-нравственное значение литературных паломничеств предопределило то, что и в средние века, и в более позднее время записки поклонников Святой земли были излюбленным чтением людей, приобщенных к христианской вере.

В древнерусской литературе паломнические сочинения представлены жанром «хожения» (встречаются и такие названия жанра, как «путники», «странники», «паломники», «посольства», «скаски», «исхожения», «странствования» [14, с. 5]). Хожения были предназначены не только для практического руководства паломникам, но и создавали художественный образ Святой земли, становясь выражением личного, индивидуального переживания приобщения к святыне. При этом индивидуальное религиозное чувство, выраженное в произведении, абсолютизировалось, формируя тем самым в художественном мире хожения особый тип мировосприятия. Древнерусские описания паломничеств характеризуются синтезом документального и эстетического начал, который, по мнению В. А. Михельсона, стал нормой в последующем развитии путевого очерка [10, с. 4].

Хожениям как древнерусскому литературному жанру предшествовала богатая традиция устного народного творчества, где уже была затронута тема паломничества к Святым местам. Из дошедших до нас фольклорных произведений эта тема встречается в духовных стихах, былинах («Смерть Василия Буслаева», «Сорок калик со каликою», отдельные упоминания содержатся в былинах Владимирского цикла, например, «Святогор и Илья Муромец» и др.). Определенное влияние на становление и развитие жанра литературного паломничества оказал и древнерусский общественный строй. Д. С. Лихачев в свое время заметил, что, по сравнению с жанровой системой Нового времени, литературная парадигма Древней Руси в большей степени обусловлена прагматическим применением текстов [7, с. 63]. «Хожения» как факт древнерусской письменности также имеют предпосылки со стороны общественной и политической жизни, определявшей круг интересов автора. Некоторые «хожения», по указанию В. В. Данилова, принадлежат авторству лиц, бывших участниками официально организованных паломничеств, а также исполнителями поручений, данных им церковью или светской властью [2, с. 28]. Таковым является автор «Жития и хожения Даниила Русьскыя Земли игумена». От «Хожения…» игумена Даниила начинает отсчет русская традиция паломнической литературы. Для большинства последующих поклонников Святой земли «Хожение» игумена Даниила стало не только руководством к совершению собственного паломничества,

но и своеобразным эталоном литературного выражения путевых впечатлений. В дальнейшем древнерусская паломническая литература получила широкое развитие, но к концу XV века посещения христианского Востока начинают совершаться значительно реже (такое положение было обусловлено военной ситуацией на этой территории: в 1453 году турками был взят Константинополь, а в 1517 году установлено их владычество в Палестине), в связи с чем на некоторое время прекращаются и литературные описания хожений.

Кроме того, утверждение идеи «Москва-Третий Рим», выдвигающей Русь в центр православного мира, предопределяет смещение религиозно-политических акцентов: теперь «не столько русские стремятся на Восток, сколько представители восточных церквей приходят в Москву искать покровительства и милостыни, предлагая взамен свои молитвы, а, наконец, и политические услуги» [16, с. 201]. С формированием религиозно-философского феномена Святой Руси и укреплением Русской Православной Церкви русские люди начинают совершать паломничества не только на Восток, но и по территории своей страны, к отечественным монастырям, церквям и храмам. С этого времени паломническая традиция на Руси начинает развиваться по двум линиям: *паломничество в Святую землю Палестины* и *паломничество по Святым местам русским*. Более того, в определенный период посещениям отечественных святынь отдается приоритет по отношению к внешним паломничествам. Многие духовные наставники Руси призывали к воздержанию от дальних странствий и обретению Божественной благодати через приобщение к национальным святыням. Дальнейшее развитие поклонения русским Святым местам привело к тому, что после XVII века на Русь начинают приходить паломники из соседних православных государств и даже из дальнего зарубежья. Впечатления от посещения иностранным путешественником русских святынь зафиксированы в записках Павла Алеппского [15].

Среди наиболее почитаемых на Руси святынь [17], привлекавших внимание паломников, был Киев, куда приходили люди, чтобы помолиться в соборе Святой Софии и приобщиться к «истоку христианства на Руси» – Крещатику, где князь Владимир впервые совершил над славянами таинство приобщения к Христовой вере. Влекла поклонников и Киево-Печерская лавра возможностью поклониться мощам ее основателей – Антония и Феодосия, и получить благословение у местных старцев, добровольно поселившихся в пещерах монастыря. С не меньшим рвением отправлялись паломники и в Оптину пустынь, славившуюся благочестием своих старцев, долгое время укрытых от праздных глаз непроходимыми лесами. В северные края паломники направлялись, чтобы посетить святыни Новгорода и получить совет и благословение у старцев сурового Валаама. Но основным центром паломничества по Руси на протяжении многих веков была Троице-Сергиева лавра, что связано с особым почитанием ее основателя – Сергия Радонежского. Образ этого святого в какой-то момент истории стал символом всего того, что заключено в понятии Святая Русь. Еще при жизни Сергий являлся духовным наставником русского народа, направляя его не только в религиозных исканиях, но и в сложных ситуациях исторических переломов. В тексте жития святого, описанного Епифанием Премудрым, содержатся сведения о паломнических посещениях Троицкой лавры в период игуменства Сергия: «Когда слух о жизни преподобного этого широко распространился, тогда много людей из различных мест посетить его приходили» [3, с. 353]. Не меньшее значение имеет упоминание исторического факта

благословения Сергием Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, который «пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца» [3, с. 387]. В последующие века к мощам Сергия шли в надежде не просто поклониться им и помолиться, а получить благословение, обрести ответы на волнующие вопросы.

Идея святости родной земли подпитывала и укрепляла веру русских людей. Стремление посетить отечественные святыни, прикоснуться к многовековой истории Святой Руси, стать сопричастными великим духовным подвигам русских подвижников побуждало верующих людей отправляться в путь. Таким образом, к XIX веку уже сложилась духовная география России, включающая в себя основные объекты паломнических устремлений православных людей. Важнейшими центрами, к которым шли на поклонение, были Троице-Сергиева и Киево-Печерская лавры, Оптина Пустынь, Валаам, монастыри Радонежа, Переяславль-Залесского, Ростова, Сарова и Дивеево. Верующие люди приходили к ним, чтобы почтить мощи Святых угодников, помолиться и обратиться за духовным советом к старцам. Так, постепенно поклонение Святым местам русским становится неотъемлемой частью отечественной паломнической традиции.

Важно заметить, что, несмотря на то, что внутренние паломничества по русским Святым местам продолжали активно совершаться, образцов литературного описания этих странствий до нашего времени практически не дошло. Единственным примером, который нам удалось обнаружить среди опубликованных материалов, является «Летописное сказание о легендарном путешествии апостола Андрея в Киев и Новгород» [6], включенное во вторую редакцию «Повести временных лет» [13, с. 26–27]. Безусловно, его нельзя назвать хожением в полном смысле слова. Во-первых, это произведение написано в иной жанровой форме, во-вторых, паломнический сюжет в нем как бы «выворачивается наизнанку»: путник-герой идет не на поклонение Святым местам, а сам сакрализует пространство своим появлением. Но значимость этого текста для утверждения независимости Русской Православной Церкви от политических притязаний Византии и важности национальных святынь позволяет ввести сказание в контекст русской паломнической литературы. Иных древнерусских описаний паломничеств по отечественным святыням среди опубликованных памятников нами обнаружено не было.

Переломный момент в развитии паломнической литературы приходится на век Просвещения, и это не случайно – в отличие от древнерусских странников по Святой земле, для которых различие между реальностью и легендой еще в полной мере не осознается, путешественникам XVIII столетия свойственен совсем иной, критический подход к увиденному и услышанному. Кроме того, под влиянием идей Просвещения возник огромный спрос на культурный, исторический, этнографический материал. Читательская аудитория требовала информации о современном состоянии дел за границей и в пределах своего государства. В XVIII веке на смену средневековому типу путешественника-паломника приходит, по словам В. М. Гуминского, тип «дворянина, путешествующего по европейским культурным центрам» [1, с. 174–175]. В это время появляются собственно светские «путешествия», получившие особую актуальность в эпоху сентиментализма, когда создаются «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, сыгравшие значительную роль в развитии русской путевой литературы последующих эпох. Сакрализованное пространство древнерусских «хожений» заменяется в произведениях XVIII столетия пространством европей-

ской цивилизации. В связи с этим меняется не только образ «путешественника», но и отношение к миру: традиционное для паломнической литературы деление пространства на сакральные и грешные участки переосмысливается и утрачивает свое первоначальное значение [8, с. 520–521].

Изменения, происходившие в путевой литературе в целом, изменили внутреннюю организацию паломнической литературы. Начиная с 30-х годов XVIII века в описаниях «хожений» к Святым местам усиливается индивидуальный, авторский, компонент, включающий в себя повествование о личных переживаниях поклонника, возникающих при созерцании святыни, и рассуждениями о Православной вере[15]. К этому времени относятся сочинения старообрядческого священника Иоанна Лукьянова, «пешеходца» В. Григоровича-Барского (Киевского) и инока Мотронинского монаха Серапиона. Заслуживают внимания и записки С. И. Плещеева, М. Г. Нечаева, а также «Путешествия» иноков Саровской пустыни Игнатия и Мелетия, написанные в конце XVIII века.

Следующий этап развития литературных паломничеств приходится на эпоху романтизма, когда этот жанр вновь становится актуальным. Причины, предопределившие всплеск собственно паломничеств и паломничеств литературных, повлекли за собой и существенные изменения в самом жанре. Художественное описание странствия ко Святым местам как элемент литературы Нового времени не могло не отразить те процессы, которые происходили в русской литературе в целом. У писателей начала XIX века ощутим интерес к древнерусской традиции поклонения Святой земле, несмотря на то, что к этому времени «путешествия на Восток давно уже перестали быть подвигами и что беспрестанные странствования туристов установили уже почти везде некоторые условия того европейского комфорта, который для всех составляет предмет первой необходимости» [4, с. 3]. К 1847 году в Палестине была создана русская духовная миссия в Иерусалиме. Инициатором организации этой миссии стал А. Н. Муравьев, автор ряда произведений, описывающих путь к Святым местам Востока и по Святым местам русским. И тем не менее посещение Святой земли снова видится делом, доступным и полезным не каждому, а только избранным [11, с. 70]. Такой тип паломничества воплотился в описаниях странствий К. Бронникова, путевых записках братьев Вишняковых и мядынского купца Михаила Новикова.

К началу XIX века возрастает и потребность самой публики в чтении подобного рода сочинений. В связи с этим осуществляется немалое количество переводов, среди которых выделяются «Посетитель и описатель святых мест, в трех частях света состоящих, или путешествие Мартына Баумгартена в Египет, Аравию, Палестину и Сирию» (1794); «Путешествие из Парижа в Иерусалим…» Ф. Р. де Шатобриана, которое было переведено дважды; кроме того, были сделаны переводы сочинений Ж.-Ф. Мишо и Ж.-Ж.-Ф. Пужула. Но ни одно из этих произведений, по мнению Н. Г. Чернышевского, не могло полностью удовлетворить духовные потребности русского читателя [22, с. 52]. Российская публика требовала оригинального, самобытного описания Святой земли рус-

[15] Хотя, по мнению Н. И. Прокофьева, эти черты начинают появляться уже в хожениях XVII века. В это время в литературных паломничествах сливаются мотивы, свойственные религиозным и светским путешествиям. Повествование беллетризируется за счет утраты достоверности, свойственной хожениям предыдущих веков. Во второй половине XVI–XVII веках в хожениях находили место и деловые документы. Поэтому путевые записки этого времени относятся к произведениям документальной прозы [14, с. 14–19].

ским человеком, созданного не по традициям древней литературы, а отвечающего веяниям Нового времени.

Важно отметить, что помимо литературных паломничеств – произведений, во многом опирающихся на традиции древнерусской литературы, в первой половине XIX века активно появляются «путешествия» светского характера, в основе которых лежат просветительская и сентименталистская традиции. Нельзя отрицать, что появление произведений путевой литературы было симптоматичным явлением для своего времени. Идея пути и движения, пронизывающая литературу начала века, дала толчок к формированию целой галереи литературных «путешествий», немаловажное место среди которых занимали описания паломничеств. Кроме того, оформленность традиции светских «путешествий» способствовала тому, что столкновение двух ветвей путевой литературы – светской и религиозной – привело к их взаимовлиянию и взаимопроникновению. На пересечении традиций постепенно начали формироваться новые жанровые образования, в которых отразились черты и светской, и духовной литературы. Образцами такого рода сочинений становятся книги А. Н. Муравьева «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествие по Святым местам русским», которые определили дальнейшее развитие паломнической литературы [18].

В последние годы традиция посещения Святых мест активно возрождается. Формируются паломнические центры, организуются специальные туры, строятся гостиницы для паломников. Вновь востребованной становится и паломническая литература. Но на современном этапе развития таким сочинениям возвращается их прагматическое назначение. В связи с этим актуальными становятся не только очерковые описания Святых мест, но и путеводители по территориям, отмеченным особой духовной значимостью. Ряд современных издательств («Паломник», «Индрик» и др.) занимаются переизданием наиболее ярких паломнических сочинений ушедших эпох и публикацией записок современных паломников. Активно публикуются путевые впечатления людей, проделавших путь к Святым местам, на тематических сайтах (http://palomnic.org; http://www.polomniki.ru, http://www.poklonnik.ru и др.).

Значимое место в развитии паломнической традиции занимает обычай посещения местных святынь. На территории Кемеровской области на сегодняшний день существует ряд магистральных векторов паломнических устремлений верующих людей. К ним относится Святой источник, расположенный в трех километрах от города Салаир, который, по легенде, был обнаружен благодаря чудесному свету, исходящему от места гибели священника местной церкви, мученически погибшего от рук большевиков. Другими особо чтимыми в Кузбассе святынями являются чудесно обновившаяся Иверская икона Божией Матери в храме Вознесения Господня г. Белово, частицы мощей старца Василиска, обретенные на месте бывшего Свято-Николаевского женского монастыря в г. Туринск (сейчас находятся в Спасо-Преображенском соборе г. Новокузнецк), обновившаяся икона святого равноапостольного князя Владимира в храме св. блгв. кн. Дмитрия Донского (п. Барзас). В Кемерове паломники направляются набрать воды в источнике св. блж. Ксении Петербургской, о чудесах которой постоянно рассказывают настоятелю Церкви Святой Блаженной Ксении Петербургской отцу Сергию (Павлову) [21]. Приведенный перечень кузбасских святынь не исчерпывает паломническую карту Кемеровской области.

В связи с региональным развитием паломнической географии Кемеровской обла-

сти встает вопрос о необходимости формирования региональной библиотеки паломника и о возможности рассмотрения паломнических сочинений в рамках школьного и вузовского образования. Подобная традиция существовала в отечественном образовании в дореволюционное время. Так, например, по воспоминаниям Н. С. Лескова, во время обучения в гимназии он конспектировал главы из сочинения А. Н. Муравьева «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Необходимость изучения корпуса паломнических произведений напрямую соотносится с одной из актуальных задач современного образования, связанных с определением культурно-исторического значения отечественной литературы, и шире – формированием в современном обществе понимания важности культурных ценностей для сохранения и развития современной цивилизации.

Специфика осмысления дорожного топоса в описании посещений Святых мест определяется его соотношением с обрядом паломничества, актуализирующим идею «перехода», разрыва со старой жизнью и приобщения к новому, духовному, мировосприятию. Знакомство с паломнической литературой позволит учащимся не только освоить ее с точки зрения традиционной поэтики, но и выявить ее глубинный духовный смысл, увидеть эволюцию внутреннего мира героя-путника. Кроме того, практика анализа путевых сочинений поклонников Святых мест в соотнесении с ритуально-обрядовым контекстом даст возможность учащимся проследить формирование в литературных паломничествах особого представления о мире, что проявилось в специфической трактовке пространственных образов. Знакомство с жанром древнерусских хождений и паломнических очерков литературы Нового времени обогатит методику преподавания гуманитарных дисциплин, представив возможность осмысления православных основ русской культуры через знакомство с художественным текстом, позволит сформировать у обучающихся готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и конфессиональные различия.

Литература

1. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники: [О русских писателях XIX века]. – М.: Современник, 1987. – 284 с.
2. Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хожений» // ТОДРЛ. – Т. XVIII. – М.: Наука, 1962. – С. 21–37.
3. Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия Чудотворца. Написано Премудрейшим Епифанием // Памятники литературы Древней Руси XIV – сер. XV веков. – М.: Художественная литература, 1981.
4. Записка о поклонниках Святому гробу Господню [без места и года]. Из фондов Научной библиотеки ТГУ (г. Томск).
5. Летницкий Н. Н. Беседа о христианском смысле паломничества в Св. землю – СПб.: Изд. Императорского Православного Палестинского Общества, 1901. – 16 с.
6. Летописное сказание о легендарном путешествии апостола Андрея в Киев и Новгород // Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV веков. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 199–201.
7. Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука, 1986. – С. 57–78.
8. Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю. М. Карамзин. – СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – С. 520–521.

9. Малеин А. И. Паломничество // Христианство. Энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева и др. – М., 1993–95. – Т. 1.
10. Михельсон В. А. Эстетическая концепция древнего «хождения» и русский путевой очерк // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. – Кн. 2. – Краснодар: Кубан. ун-т, 1997. – С. 3–18.
11. Моторин А. В. Образ Иерусалима в русском романтизме // Христианство и русская литература. Сб. 2. – СПб.: Наука, 1996.
12. Никифор, арх. Полный Православный Богослужебный энциклопедический словарь. – М., 2010.
13. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М.: Художественная литература, 1978.
14. Прокофьев Н. И. Хожение: путешествие и литературный жанр // Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV веков. – М.: Советская Россия, 1984.
15. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Аллеппским. – СПб., 1898.
16. Пыпин А. Н. История русской литературы. – М., 1911–13. – Т. 2.
17. Сафатова Е. Ю. Сакральная география Руси-России: семиотика пространства (на материале «Путешествия по Святым местам русским А. Н. Муравьева) // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. – 2009. – № 9. – С. 151–155.
18. Сафатова Е. Ю. Паломнический сюжет в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествии по Святым местам русским»: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2008.
19. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // Памятники литературы Древней Руси. – Т. XII. – М.: Художественная литература, 1994.
20. Трубецкой Н. С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика: Антология. – М.: Академический проект, 2001. – С. 496–524.
21. Церковь Святой Блаженной Ксении Петербургской в Кузбассе / сост. С. В. Павлов. – Кемерово, 2004.
22. Чернышевский Н. Г. Путешествия А. С. Норова // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. – Т. 2: Статьи и рецензии 1853–1855. – М.: Гослитиздат, 1949.

УДК 811.161.1’282.2

С. П. Петрунина

ВВОДНО-МОДАЛЬНОЕ СЛОВО *ОДНАКО* В СИБИРСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена анализу частотного в сибирских говорах вводно-модального слова *однако*, которое исследовано как средство выражения перцептивного или ментального модусов, обусловленных речевым или нарративным режимами интерпретации высказывания. Изучены синтаксические и ситуативные условия употребления *однако*, которые, наряду с модусами, релевантны для лексикографической практики.

Ключевых слова: сибирские говоры, вводно-модальные слова, значение персуазивности, перцептивный и ментальный модусы, речевой и нарративный режимы интерпретации высказывания, синтаксические и ситуативные условия употребления *однако*.

S. P. Petrunina

THE MODAL WORD *ODNAKO* IN SIBERAIN DIALECTS

The paper deals with the analysis of the frequent for siberian dialects modal word *odnako*, which is considered as the means of expression of the perceptive or mental modality, stipulated by the spoken or narrative modes of the speech act interpretation. The syntactic and situational conditions of the analysed word usage are explored. These conditions, as well as the mentioned types of modality, are relevant for the lexicographical practice.

Keywords: siberian dialects, modal words, the category of the speaker's uncertainty, perceptive and mental modality, the spoken and narrative modes of the speech act interpretation, the syntactic and situational conditions to use *odnako.*

Перечень синтаксических особенностей говоров Сибири, данный в [4, с. 53], начинается с указания на частое использование слова *однако* в роли вводного со значением 'наверное, кажется, по-видимому'. *Однако* входит в круг вводно-модальных слов со значением персуазивности (неуверенности говорящего в сообщаемом как по содержанию, так и по форме сообщения), то есть является средством выражения эпистемической модальности со значением проблематической достоверности.

Данные среднеобских словарей (говоры Томской области, северных и центральных районов Кемеровской области) и Словаря русских говоров Кузбасса (южные районы Кемеровской области) позволяют представить следующий список «неуверенных» модальных слов/выражений и частиц в функции вводных:

однако (однак, одначе, однакоче, однакося, однакось, однако што, оннако): *Однакось, сем час, родима матушка* (СС II, с. 71);

может быть (можебыть, можбыть, мобыть, мобуть, могет быть, могет быть, могут быть, быть можечки): *Было, мобыть, восемь или девять лет. Приедет сосед: «Дайте парнишка возить или боронить»* (СС II, с. 23);

может[16] ***(може, можа, мож, можеть, могет, могет, моэть, могут, можечки)***: *Можечки, к четырем-то приедут* (СС II, с. 28); *Вбок сделат или, моэть, что-нидь не дает тама стропило или что ли, и от, это, боровочек* (часть дымохода) *делали* (ОСК I, с. 279);

наверное (наверно): *Ягода здесь ешшо, ее называют пьяницей* (голубика). *Ну, ее здесь мало растет <...> Я ее не бирал, но, наверное, от нее пьянеешь, вот ее пьяницей и зовут* (МДС II, с. 111);

видимо (видно, видать, видко, по видам): *Погода нынче плоха стоит, день хмарной, дождливый, морочат, видно, опять заненастится* (СС II, с. 185);

кажется (каже, кажись, кажись што): *Дети есть, каже, при ем* (СС I, с. 137);

пожалуй (пожала, пожалуй што): *Галтус-то, пожалуй, мы их сроду не нашивали* (СРСГ IV, с. 90);

почитай (почитай што): *Маме, почитай, за девяносто было, а в памяте была*;

вероятно: *Ну, вероятно, запростано все нитками* (СГК, с. 35);

поди (поде, подимте, поди-кось, поди как, поди ж ты): *Поди, в коммуне не будет хуже, чем в Нарыме* (СРСГД II, с. 152); *Поди как нету старей Молчанова* (СС II, с. 109);

знать, (почем знать, знамо, знатко): *Гора, залезешь на полгоры, это, знатко, называется у нас полугорьем* (МДС II, с. 62);

не знаю: *Стрелка* (стрекоза) – *у ней, как у самолета, крылья, четыре крыла, то ли она на стрелку похожа, не знаю* (МДС II, с. 220);

[16] Как самостоятельное слово, но не как вариант *может быть* рассматривал вводное слово *может* А.А. Шахматов [22, с. 270].

Кто его (ее, их) знает (знат), Бог его знает, черт его знает, бес его знает, пес его знает, холера его знает; сап его знает, дур его знает, шут его знает, хрен его знает, леший его знат, лих его знает, ляд его знает, лях его знает, прах его знает и др.: *Дур его знает, были колодочки. Я его уничтожил* (СРСГ I, с. 38); *Холера их знат, русские или чуваши ли они* (ПССГ I, с. 265);

чай (чать)*: Он поехал в Томск, а за ним, чать, следили* (СС II, с. 190);

нечай*: А стар, нечай, тоже хочет поисть* (СРСГД II, с. 58);

никак*: И мы, никак, второй-то не взяли* (ПССГ II, с. 215);

бышеть (бышно)*: Вере тридцать есь, однако, больше, бышеть* (СГК, с. 54); *У одного, бышно, суконные шубы* (СРСГД I, с. 49);

авось, небось (авось-небось)*: Вы же с Ниной не родня? – Нет. Авось-небось, породнимся: у ей сын, у мене дочь* (СС I, с. 14);

вроде (вродь, навроде, вроде бы, как вроде, вроде как)*: Наводники были. Ниче, вродь, не делали, а девку одну в могилу загнали* (СРСГД II, с. 5);

либо*: Пальто либо помешало чем* (ПССГ II, с. 118);

што ли (че ли, чу ли, чу ли че, чу ли што)*: Коренных-то нет, чули что, поудрали* (СРСГД II, с. 116);

че ти*: Но были такие архарцы. Ну архар... Как отчаянный ли, бойкий ли, че ти* (ОСК I, с. 58);

ли че ли, ли как ли*: Наталья Авдокимовна ли что ли Стариченкова* (СРСГД I);

будто (быдто, быдбето, будто бы, как будто бы, будто как)*: Вот, быдто, мы праздник отведем, потом в Красулино едем* (СГК, с. 38);

ровно*: У нас, ровно, маленько шибче говорит* (СГК, с. 103);

разве (разе)*: Нет, не придут, разе, вот Витя* (СРСГД II, с. 132).

Перечисленные лексемы различны по своей функционально-стилевой принадлежности [16]:

1) они те же, что в литературном языке, и по форме, и по значению: *может быть, наверно(е), видимо, вероятно, пожалуй, кажется*;

2) они те же, что в литературном языке, но только по форме: *однако, либо*. Ср. словарные статьи в СО и в СГК:

ОДНАКО. 1. Союз. То же, что *но*. *Уже старик, однако бодр душой*. 2. Вводное слово *тем не менее, все же. Всегда аккуратен, однако, забыл об обещанном*. 3. Междометие. Выражает сильное удивление или возмущение. *Сейчас он уже директор. – Однако!* (СО) и

ОДНАКО, вводное слово. То же, что кажись. – Весной он умер, однако (СГК).

Или словарные статьи в СО и ПССГ:

ЛИБО, союз. 1. То же, что *или* (в 1, 2, и 3 знач.). *Либо пан, либо пропал* (СО) и

ЛИБО. 1. Союз, разделит. *Рыбку привяжу либо мясо туда, на пяточек-то (капкана);* 2. част. Употребляется с оттенком предположения: может, может быть. *Ей либо двадцать шесть – двадцать семь (лет)* (ПССГ);

3) помету «разговорное» или «просторечное» имеют функционирующие в диалекте: *может, видно, видать, почитай, поди, кажись, что ли, вроде, вроде бы, вроде как, ровно, авось, небось, авось-небось, разве, чай, нечай, будто, будто бы, никак, не знаю, знать, кто его знает*, совпадающие с разговорно-просторечными аналогами и по форме, и по значению;

4) собственно диалектными оказываются *бышеть, бышно, ли че ли, ли как ли,* а также фонетические, лексико-морфологические (словообразовательные) и грамматические варианты лексем. Например, *может* в говорах Среднего Приобья имеет фонетические (*можеть, може, можа, мож, может, могет, могет*) и лексико-морфологические (*может, можечки*) варианты; *может быть* – фонети-

ческие (*можебыть, можбыть, мобыть, мобуть, могет быть, могет быть*), морфологические (*может быть, могут быть*: *Ежли кому жись надоела, могут быть, убьют стяжком* (колом) (СС II, с. 159) и лексико-морфологические (*быть можечки*) варианты. Они, как правило, являются дублетными, функционально не нагруженными, демонстрируя избыточность, а следовательно, надежность языковой системы. Некоторые из вариантов, например *можечки, быть можечки*, маркированы прагматически: обычно они употребляются в косвенных речевых актах – вопросительно-побудительных предложениях как знак вежливой просьбы говорящего: *Можечки, придешь завтре?*[17]; *Можечки, банки поставишь?; Свезешь меня до городу, быть можечки?* [15, с. 32–33]. В отдельных контекстах служебное *можечки* стоит в одном ряду со знаменательными десемантизировавшимися диминутивами, имеющими налет разговорности [5, с. 476–478], [10] и служащими средством экспрессивизации устной речи: *Можечки, к четыремто приедут* (СС II, с. 28); *Можечки, завтре забегу, моя хорошая.*

Частотность *однако* в среднеобских и южнокузбасских говорах обусловлена многозначностью (полифункциональностью) слова, которое является средством выражения перцептивного или ментального модуса (модуса сомнения и модуса полагания)[18] в зависимости от различных режимов интерпретации высказывания: речевого или нарративного [13, с. 286], восходящих к различию плана речи и плана повествования у Бенвениста (ср. с перцептивным или интерпретационным способом изображения действительности в [6]).

В речевом режиме *однако* – это средство выражения перцептивного модуса, отражающего различные чувственные (зрительные, слуховые, вкусовые, осязательные – тактильные, обонятельные – ольфакторные) восприятия человека: (смотрит) *Танька,* ***однако****, идет; Плетье,* ***однако****, сохнут; Помидоры,* ***однако****, плохоньки в етим году; Платье,* ***однако****, коротковато; Вон, смотри, у кузницы,* ***однако****, наша корова. Нет, телятишки* (ПССГ IV, с. 125); (пробует на вкус) *Соли,* ***однакоче****, маловато*; (пробует на ощупь) *Вода,* ***однако****, холодна*; (принюхивается) ***Однако****, вонят где-то; Че-то жгут,* ***однако****.* В перечисленных случаях *однако* равнозначно ‘я смотрю’, ‘я чувствую’ («чую»).

В нарративном режиме *однако* относится к ментальному модусу сомнения и допущения, который выражает отношение говорящего к истинному значению пропозиции. В этом случае *однако* – это ‘я сомневаюсь’ (сомнительно, маловероятно, не верится, еще не доказано, не факт): *В тем году домов пять сгорело,* ***однако****; Мне тада лет восемь было, тада мы,* ***однако****, еще в Игрековой жили; Тогда,* ***однако****, Коля ешшо жив был; Тада мене,* ***однако****, перацию делали; Принесла она третьеводнесь,* ***однако*** (СРСГ III, с. 188).

При совмещении режимов интерпретации: речевого и нарративного (перцептивного и интерпретационного) *однако* – это ментальный модус полагания: ‘я считаю’: *Земля,* ***однако****, плохая, картошка гниет; Земля,* ***однако****, плоха, редька-та червивит;* ***Однако****, Танька приходила, платье валятся;* ***Однако****, хлеб привезли, народ собираются; Квас,* ***одначе****, перебродил, вона как банка-та запузы-*

[17] Здесь и далее приводим примеры диалектной речи, которую наблюдали в течение десяти лет диалектологических экспедиций (1981–1986, 1993–1996, 1998–2000 годы) в селах Молчаново, Сулзат Молчановского района Томской области (среднеобские говоры), Таргай, Малиновка Осинниковского района, Лучшево Прокопьевского района Кемеровской области (говоры юга Кузбасса).

[18] Анализ эксплицитных модусов: перцептивного, ментального (полагания, сомнения и допущения, истинностной оценки, знания, незнания, общей оценки), эмотивного, волитивного – дан в [1].

рела; ***Однако****, дождь будет, комар кусат;* ***Однако****, дождь будет, ага, вона как воронье кричит, волнуется;* ***Однакось****, гости будут, кошка, глянь, как намыватся;* ***Однако****, пойду лягу, натопталася, ноги ломят; Погодье забуробит,* ***однако****, снег метет* (СРСГД-1, с. 143). «Роль в тексте вводно-модальных слов со значением предположительности, – пишет Г. А. Золотова, – в том-то и заключается, что они в большинстве случаев служат как бы пограничной вехой между предикативными единицами (и группами их), принадлежащими к разным регистрам: между изображением видимого, воспринимаемого органами чувств в конкретном хронотопе средствами изобразительно-повествовательного и изобразительно-описательного регистров – с одной стороны, и осмыслением видимого, наблюдаемого в регистровых средствах информативного сообщения о фактах, отвлеченных от конкретной длительности, их оценочной квалификации или логического обобщения – с другой» [6, с. 435].

Для модуса полагания, в отличие от перцептивного модуса и модуса сомнения, характерна гипотетичность, проявляющаяся в будущем времени (отсюда регулярность *однако* в речевом жанре прогноза/предсказания), в повелительном наклонении глагола, в ирреальной модальности желательности, необходимости, возможности (*Надобно (надоть, надобыть), пора, подоспело, подошло: Надоть банки ужо отчепить,* ***однако,*** так как истекло положенное время процедуры). Для модуса полагания характерны также характеризующие, оценочные высказывания, объясняющие наблюдаемое в действительности положение дел (*Земля,* ***однако****, плохая, картошка гниет*). С его помощью говорящий устанавливает существование естественных для наивной картины мира диалектоносителя устойчивых или ситуативных причинно-следственных связей (***Однако****, Танька приходила, платье валятся*, то есть платье валяется, потому что приходила Танька и вернула его).

Совмещение режимов интерпретации происходит в сложноподчиненных предложениях со значением основания предполагаемого вывода, имеющих негибкую структуру [3, с. 531]. Средствами связи в них являются двухместные скрепы: *однако* (*наверное, вероятно, может быть*)... *потому что* (*так как*), с одной стороны: *Верно, пуля попала ему в плечо, потому что он* (Казбич) *опустил руку* (Лермонтов), и, с другой – *конечно* (*ясно, явно*)... *потому что* (*так как*): *Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего* (Лермонтов). Русская грамматика – 80 называет эти предложения несобственно-причинными (причинно-аргументирующими) в отличие от собственно-причинных предложений, которые являются предложениями прямой обусловленности. Последние не допускают перестановки причинной и следственной частей (ср.: *Я взял зонт, так как шел дождь* и невозможное **Шел дождь, так как я взял зонт*) при гибкости своей структуры (*Я взял зонт, так как шел дождь* и *Так шел дождь, я взял зонт*). Грамматическая структура собственно-причинных предложений совпадает с ситуативной: реальные причина и следствие соответствуют языковым.

Несобственно-причинные предложения относятся к предложениям обратной обусловленности, предполагающей возможность причинно-следственной инверсии (ср. *Пуля попала ему в плечо, потому что Казбич опустил руку* и *Казбич опустил руку, потому что пуля попала ему в плечо*). Грамматическая структура таких предложений противоречит ситуативной: придаточное предложение называет реальное следствие (См.: [12; 11; 9]).

Модус полагания, свойственный несобственно-причинным предложениям, предпо-

лагает различную степень категоричности: от неуверенного до уверенного предположения (от *наверно* до *конечно*) в отличие от модуса знания (‘я знаю’), который «не сочетается с вводными словами, указывающими на истинностность значения по той естественной причине, что знание требует установления истины» [2, с. 433]. Отсюда возможная амбивалентность *однако*[19] *как средства выражения модуса полагания [17], зафиксированная в одном из среднеобских словарей, правда, с контекстами, непоследовательно диагностирующими эту амбивалентность вследствие неразличения модусов слова:*

ОДНАКО, вводн. Кажется, наверное, может быть. – Он доработал, вот уже год, наверное, будет осенью (однако, в октябре) [модус сомнения, «сомневаюсь, что в октябре», контекст информативен]*, и он на пензию пошел; Внучек, однако, руку переломил* [скорее, модус полагания, контекст неинформативен]*; И, однако, двадцать три дома загорело* [модус сомнения, «сомневаюсь, что двадцать три дома», контекст информативен]*; Ой, однако, седня жара будет престрашна* [модус полагания, контекст неинформативен].

2. Употребляется для выражения уверенности в том, о чем говорится; точно. – Молоко у меня, однако скиснется, свернется [модус полагания, контекст неинформативен]*; Дак они однако никакой посудины не брали* [модус полагания, контекст неинформативен]*; Однако не будет [грозы], все прояснело тут-ка* [модус полагания, контекст информативен]; *Внук че-то больной ли што... Он однако болеет* [скорее, модус перцепции, ‘я смотрю, чувствую’] (ПССГ II, с. 241).

Удачнее, на наш взгляд, словарная статья в (ИОС 1974; 75), учитывающая условия употребления *однако* (в частности, в высказываниях со значением обусловленности) и диктуемые ими значения слова:

ОДНАКО, вводн. слово.

1. ***Пожалуй***[20]*. Утрешь штала – холодно, веревка колом штаит, руки мержнут, нада, однака, памидоры пошнимать, оне ведь хлипки. Я, однако, не стану пачинять ету рубахута, че, ана уш худа, вместе не держица. Однако, я схожу к ним вечером, поговорю, разузнаю че-нибудь* [модус полагания, контекст информативен];

2. ***Кажется, как будто, по-видимому****. В сорок восьмым году, однако, паводь больша была* [модус сомнения, контекст информативен]. *Степан, ета, однако, там идет, по берегу-то?* [модус перцепции, контекст информативен].

В диалектных предложениях со значением основания предполагаемого вывода *однако* входит в двухместную (*однако... что / потому что*[21] */ как / потому как*) или одноместную (*однако... ø*) скрепы. Последняя встречается намного чаще. Она делает структуру предложения гибкой, ср. ***Однако****, дождь будет, комар кусат* и *Комар кусат,* ***однако*** *дождь будет.* Позиция *однако* во фразе подвижная: *Дождь,* ***однако,*** *будет, комар кусат; Дождь будет,* ***однако****, комар кусат* или: *Погодье забуробит,* ***однако****, снег метет*

---

[19] Амбивалентность *однако* (‘видно’, ‘верно’, ‘кажется’, ‘будто бы’ и ‘конечно’) в зап. и южн. говорах отмечена В. И. Далем (Даль II; 655).

[20] См. толкование *пожалуй* в СО: 1. Вводн. сл. Выражает допущение какой-н. возможности, склонность **согласиться**. *Я, пожалуй, приду;* 2. частица. Выражает неуверенное **согласие**. *Сходим на выставку? – Пожалуй.*

[21] Частотность союза *потому что* в сибирских говорах не позволяет считать его поздним заимствованием из литературного языка [21, с. 104]; скорее этот союз возник на почве живого народного языка [20, с. 205]. По мнению М. Н. Преображенской, союзное сочетание *по тому что* складывается в XV–XVII веках в повседневной деловой, отражающей влияние народно-разговорной стихии, речи [18, с. 230–245].

(СРСГД I, с. 143). Нечеткость не только синтагменных, но и фразовых границ в устной спонтанной коммуникации не позволяет однозначно относить интерпозитивное *однако* к какой-либо (предыдущей или последующей) предикативной единице: *Дождь будет,* ***однако*** или ***Однако****, комар кусат,* тем более что *однако* не менее регулярно употребляется как средство выражения перцептивного модуса: *Дождь будет, комар,* ***однако****, кусат; Дождь будет, комар кусат,* ***однако.*** В предложениях со значением основания предполагаемого вывода основание часто имплицитно, так как оно ситуативно и / или очевидно для говорящего: ***Однако****, дождь будет* (так как видит, что небо в тучах); *Валька* (внучка) *на выходные приедет,* ***однакось*** (так как пришла дочь и сообщила об этом); ***Однако****, пойду гляну* (так как не видит, где внук); *Сандалики,* ***однако****, сбрось* (так как видит, что они натерли внуку ноги).

В разговорной речи носителей литературного языка широко распространены бессоюзные предложения со значением логического обоснования, близкие к анализируемым: *Интересный она человек/ стихи пишет //; А хорошо здесь будет/ деревья посадят//* [19, с. 264–273]. Они имеют две разновидности: предложения неполного обоснования и достаточного обоснования. В первых «говорящий подчеркивает, что приводимое им обоснование – не единственное, не абсолютное, с его точки зрения, а лишь один из немногих примеров проявления того качества, которое он приписывает предмету оценки. <...> В предложениях достаточного обоснования частные примеры проявления качества, названного в первой части, абсолютизируются, приобретают значение, по мнению говорящего, достаточного обоснования» [там же, с. 266–267]. Различаются эти две разновидности и интонационно: ИК-6 – для предложений неполного обоснования, ИК-2 и ИК-5 – для предложений достаточного обоснования. Для диалекта проводимое деление нерелевантно: имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о наличии в диалектной речи предложений достаточного обоснования и об отсутствии в ней предложений неполного обоснования. Очевидно, это связано с тем, что обоснованием в диалекте является непосредственно воспринимаемый факт как очевидный и уже поэтому достаточный.

Не менее частотны в разговорной речи предложения с актуальной причиной: *Не могу петь/ горло//*; *Газеты нет/ воскресенье//*, в которых при выделении именительного падежа в постпозитивный сегмент создается условие для нейтрализации противопоставления номинативная единица/предикативная единица [7, с. 51–52]. Эти предложения также не характерны для диалектного синтаксиса, так как основание предполагаемого вывода – это обычно предикативная единица (ср. со стремлением неглагольных однородных членов превратиться в предикативную единицу в результате повторения глагола: *Пекли картовны да морковны да, груздяные пекли, да с брусникою пекли; Я семь трав пила: мать-и-мачеху, пила подорожник, тысячулистник, зверобой, полынник, пустырник, арепей* (ОСК I, с. 55).

Любопытен психологический аспект приводимых говорящим обоснований. «Установлено, что поведение людей в гораздо большей степени определяется ситуацией, чем особенностями личности. Человек улыбается, если считает это адекватной реакцией на шутку; уступает место в метро, если едет с девушкой; опасается допустить грубость, если ее проявления будут наказаны. У наблюдателя же существует стойкая тенденция объяснять чужое поведение личностными факторами, а собственное – ситуационными. Почему Иванов не дает мне деньги в долг?

Потому что он жадный. А почему я не даю в долг Петрову? А просто у меня мало денег. Эта тенденция в психологии получила название «фундаментальной ошибки» [8, с. 84]. В противовес отмеченному диалектоносители последовательно мотивируют чужие действия событийными причинами, не навешивая другому обидных «ярлыков»: *Всыпали ему хорошенько, а то как же! Незрелы створки* (стручки у гороха) *пооборвал* (ср.: *Пакостун, пакостник, дрянной, негодный мальчишка*); *В дом вчерась она его не пустила. Нализавши пришел и вчерась, и позавчерась, и третьеводни пришел. А детишки как же? О дитях-то оно не думат* (ср.: *Сволочь, гадина, мразь, пьянь*), а свои действия – причинами психологическими: *Очки иде-то. Совсем дурна стала; Рыжики-то, однако, не слила* (воду не сменила)*, дура стара, голова дырява; Хлеб-то забыла* (в магазине), *растереха стала, ниче не помню. И хлеб, и память, все порастеряла.*

Особую область в диалекте составляет функционирование многочисленных «беспричинных» *почему-то* (*почтой-то, почто-то*) *как-то*, *че-то, чтой-то* (в значении *почему-то*)*: А* ***почему-то*** *не садим счас брюкву. Репу садили. Репу не парили* ***почему-то****. Брюкву парили;* ***Почему-то*** *раньше берлинка не гнила, а теперь* ***почему-то*** *стала портиться, загнивает* (ОСК I, с. 182); *В стайке топор-то. Вот, например, этой бородкой так-от заденешь и выдернешь гвоздь. Ну* ***почему-то*** *делали бородки и делали топоры стальные* (ОСК I, с. 280); *Вот масленка будет. После девяти недель, после рожества.* ***Почто-то*** *переходчивый* (то есть не имеющий определенной даты, не календарный праздник) (ПССГ III, с. 29); *Сегодня* ***чтой-то*** *не пойму: облака дождливы, а ветер северный. Погода-то сечас пошла антересная* (ОСК I, с. 52); *Это бухторма, это у кого был, у етих, как их? На навозе-то у шампионы-то, у их убирали. С обратной стороны эти пластинки убирали, не ели их* ***че-то*** (ОСК I, с. 380); *Девочка-то хороша така, большенька. А вот тоже* ***че-то*** *кашлят. А я прям боюсь* (ПССГ III, с. 150); *Вот всегда ему надо делать, он без дела не может, никак. Он* ***че-то*** *плохо стал ись, никак не ес* (ПССГ II, с. 215); *Все* ***как-то*** *весело было. Правда наряду такого не было ни у кого, не наряжались так красиво, а веселе было* (ПССГ III, с. 111).

Они свидетельствуют об «отчетливо национальном специфичном тяготении русского дискурса к неопределенным модальным показателям» [14, с. 23] и о стремлении и невозможности человека проникнуть в глубины психологического субстрата своего поведения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
3. Белошапкова В. А. Сложное предложение // Современный русский язык (Морфология. Синтаксис) / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – Ч. 2. – С. 522–311.
4. Блинова О. И., Палагина В. В., Федоров А. И. Инструкция для составления словаря русских народных говоров Сибири // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1975. – Вып. 3. – С. 52–62.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи [1993] // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 428–492.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.

7. Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
8. Краснова Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
9. Кривоносов А. Т. К интеграции языкознания и логики (на материале причинно-следственных конструкций русского языка) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 26–41.
10. Крючкова О. Ю. Вторичные диминутивы одного говора в историческом контексте // Предложение и слово: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. С. Юрченко / отв. ред. Э. П. Кадькалова. – Саратов, 2002. – С. 632–636.
11. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
12. Михеев А. Ф. Грамматические средства и формы выражения следственных отношений основания-вывода в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1967. – 22 с.
13. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
14. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 5–32.
15. Петрунина С. П. Вариативность служебной лексики в говорах Среднего Приобья (на материале вводно-модальных *может*, *может быть*) // Актуальные проблемы лексикологии: тез. докл. науч.-метод. конф. / отв. ред. М. Ю. Новикова. – Даугавпилс: Изд-во Даугавпилс. пед. ин-та, 1991. – Ч. 2. – С. 32–33.
16. Петрунина С. П. Вводные единицы со значением персуазивности в диалекте // Функциональный анализ значимых единиц русского языка / отв. ред. С. П. Петрунина. – Новокузнецк: Изд-во Новокузнецк. пед. ин-та, 1992. – С. 62–69.
17. Петрунина С. П. Прагматика в словарном описании служебных лексем (на примере диалектного *однако*) // Русские говоры Сибири. Лексикография / под ред. Г. А. Ракова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – С. 131–136.
18. Преображенская М. Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII веков (сложноподчиненное предложение). – М.: Институт русского языка, 1991. – 300 с.
19. Соколова Г. В. Субъективные смыслы бессоюзного предложения со значением логического обоснования // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. – М.: «Индрик», 2001. – С. 264–273.
20. Чижикова К. И. Сложноподчиненные предложения функциональных типов в ангаро-ленских говорах: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1966. – 343 с.
21. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. – М., 1953. – 317 с.
22. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

Принятые сокращения

1. Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи автора. – М.; – СПб., 1880–1882. – М.: «Терра», 1994 (репринт).
2. ИОС – Иркутский областной словарь / под ред. Н. А. Бобрякова: в 3 вып. – Иркутск, 1973–1979.
3. МДС – Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск, 1982–1983. – Т. 1–2.

4. ОСК – Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. – Кемерово, 2001. – Вып. 1.
5. ПССГ – Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск, 1991–1995. – Т. 1–4.
6. СГК – Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). – Новосибирск, 1976.
7. СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1964–1967. – Т. 1–3.
8. СРСГД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. – Томск, 1975. – Ч. 1–2.
9. СС – Среднеобский словарь (дополнение) / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1983–1986. – Ч. 1–2.
10. СО – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.

УДК 81.1,81.139

Н. Д. Голев

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ПАРАДИГМ, ОБРАЗУЕМЫХ АНТИНОМИЯМИ «ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ – ГЕНЕТИЧЕСКОЕ», «ВНЕШНЕЕ – ВНУТРЕННЕЕ», «ОТРАЖАТЕЛЬНОЕ – УСЛОВНОЕ»[22]

Статья посвящена представлению внутренней формы как универсального принципа, позволяющего естественному языку успешно существовать в пространстве многочисленных антиномий, из которых он состоит. В статье обосновывается мысль о том, что такие категории как «внешнее» и «генетическое» онтологизируются в языковой системе как отражательные сущности, находящиеся в противоречивых отношения с сущностями, вытекающими из функционирования языка как системы условных знаков (коммуникативного кода). Данное положение иллюстрируется явлениями из области орфографии, морфологии и словообразования русского языка.

Ключевых слова: внутренняя форма языковой единицы, антиномии языка и речи, детерминационные отношения в языке, орфография, морфология, словообразование.

N. D. Golev

THE INNER FORM OF LINGUAL UNITS IN PARADIGMS FORMED BY THE ANTINOMIES “FUNCTIONAL-GENETIC”, “OUTER-INNER”, “REFLECTIVE-RELATIVE”

The article is devoted to presenting the inner form of lexical units as the universal principle which lets a natural language function effectively in the field of numerous antinomies included. It is proved that such categories as “outer” and “genetic” are realized in the linguistic system as reflective nature having contradictory relations with the nature resulting from functioning of the language as the system of relative signs (communication code). This idea is illustrated by the examples from the Russian language spelling, morphology and word-building.

Keywords: inner form of lingual units, antinomies of language and speech, determinative relations in the language, spelling, morphology, word-building.

[22] Статья выполнена при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

Обычно понятие «внутренняя форма» в языкознании трактуется в рамках парадигмы «содержание – форма», в настоящей статье она рассматривается в несколько иных парадигмах: «функциональное – генетическое», «внешнее – внутреннее», «отражательное – условное». В рассмотрении этих парадигм мы исходим из базового принципа диалектики, предполагающего раздвоение целого на части и обретение частями относительной самостоятельности друг по отношению к другу. Любой антиномический параметр обнаруживает данную диалектическую тенденцию. В ее понимании категория внутренней формы играет большую роль, поскольку она есть способ цельного существования языка, сотканного из противоречий.

Внутренняя форма языковой единицы любого типа отражает ее генезис из внеязыковых сущностей, а в синхронном плане, когда генетические детерминанты воплощаются (опредмечиваются, застывают) в плане выражения единицы и на первый план выходит соотношение внутриязыковых значимостей, актуализируются оппозиции «гносеологического и коммуникативного», «формы и содержания», «отражательного и условного», «единиц нижестоящего уровня и единиц вышестоящего уровня» и др. Так, например, в процессе генезиса фонетических систем внеязыковые артикуляторно-акустические явления отбираются языком, комбинируются и внутренне системно организуются для осуществления коммуникативной функции и как единицы коммуникации обретают относительную независимость (в другом аспекте – условность) по отношению к внеязыковым коррелятам. Так же содержательные признаки явлений внеязыкового мира, преломленные через языковое сознание носителей языка, адаптируются в его лексико-семантической системе и начинают функционировать в ней, подчиняясь не только внешним, но и внутренним детерминантам (очевидно, что во многих случаях более точным окажется противительный союз «не столько – сколько»). Подобным образом более общие и универсальные детерминационные отношения в языке генетически восходят к внеязыковой – общей для всех форм материи – детерминации, но, будучи включенными в языковую сферу, обретают **новое качество**. Известно, что все условные системы лишь имитируют своими правилами внешние отношения. Вполне обоснованно Л. Витгенштейн называл игрой все функциональные проявления языка, его использование в речевой деятельности.

По К. Марксу, тело знака поглощается его функциональным бытием. Уже в этом факте обнаруживается общедетерминационный принцип языка: генетическая детерминация, как уже отмечено выше, «застывает» именно в материальной части знака (или – шире – в его онтологическом устройстве), и, таким образом, «тело» знака выступает лишь субстратом его синхронно-функционального существования. При этом «застывшее генетическое» может сохранить или приобрести свою синхронную значимость, но эта значимость будет уже существенно иной, нежели исходное, генетико-детерминационное, значение «первоэлемента». Наиболее ярко названные моменты проявляются в генезисе и функционировании внутренней формы слова, ее проявления, по сути, не знают уровневых (и «плановых») границ в языке (ср. анализ в данном аспекте соотношения содержания и внутренней формы русских орфограмм и признака родовой принадлежности русских существительных в работе [8, с. 102–105]). К примеру, при переходе одушевленных существительных в неодушевленные сохраняются формально-грамматические признаки одушевленности (*купить нового «Москвича», изучать кварц как типичного представителя класса минералов* и т. п.), но одушевленность

здесь уже не носит характера номинативного значения отражательного типа, она есть всего лишь внутренняя форма вторичного лексического значения, которая своей значимостью влияет на грамматическое поведение лексемы, употребляемой в этом значении. Точно так же затруднительно сказать *благодаря болезни я был вынужден пропустить занятия*, так как *благодаря* сохраняет исходный смысл.

Важнейшим проявлением оязыковления детерминации со стороны «внешнего» являются междууровневые детерминационные связи. Например, система одного уровня может онтологически формироваться за счет элементов других уровней, но функционировать вне прямой зависимости от них, опираясь на свою собственную систему значимостей. Скажем, морфологическая система стремится сформировать свою систему знаков и отношений, морфологизируя лексические, словообразовательные и синтаксические единицы и отношения, что позволяет ей обслуживать ограниченным числом средств бесконечное число семантико-синтаксических пропозиций, возникающих в речи. Словообразование и морфология «эксплуатируют» единицы одного уровня – морфемного, но в системах словообразовательной морфемики и грамматической морфемики, наряду с моментам общности, гораздо больше глубинных различий, обусловленных их разной функциональной направленностью. Разная судьба в этих системах и у межзнаковых детерминационных отношений в плане их содержания: в словообразовании лексические отношения трансформировались в отношения словообразовательной мотивации под воздействием специфических единиц лексико-деривационной системы – словообразовательных типов (в динамическом аспекте – моделей), в которых детерминационность свернулась до взаимоотношений компонентов словообразовательного значения; в последнем отражается стремление к обобщению содержательных отношений мотивирующего и мотивированного слов[23].

В очерченном ключе мы предлагаем трактовать внутреннюю форму единиц всех языковых уровней и функциональных сфер языка. Так, в сфере орфографии реализация орфограммы представляет собой осложненный тип письменной (графической) деятельности. Осложнение заключается в необходимости выбора знака-буквы. И такая внутренняя форма, как «образ звука» или «образ фонемы», ограниченно функциональна в силу расплывчатости звука в условиях слабой позиции и абстрактности фонемы. Это свойство препятствует возможности опираться в обыденном письме на ее образ – категорию конкретно-чувственного типа отражения. Именно поэтому алгоритмы орфографической деятельности, ориентирующиеся на теорию фонем, как правило, рациональны. Они предполагают рефлексии по поводу «слабых позиций», нахождение сильных позиций и т. п. Если ставить задачу интуитивно-чувственного владения механизмом грамотного письма, то естественно обращение к другим алгоритмам орфографической деятельности и другим типам ее внутренней формы. И по этой причине

[23] Для морфологии мотивационные (деривационные, цепочечные) отношения, которые основаны на принципе зависимости, маркируемом, как правило, на шкале простоты-сложности формально-семантической структуры, скорее, периферийны (форма *пишешь* не образуется от формы *пишу* или *писать*), здесь главенствует иной принцип организации парадигм – радиальный, при котором все формы в равной мере восходят к основе. Разумеется, за разной парадигматической организацией двух систем стоят более глубинные, функциональные, сущности, из которых вытекает различие таких их свойств, которые обнаруживаются на шкалах обязательности, регулярности, стандартности, наличия/отсутствия реакции на особенности лексического значения мотиватора и др.

(в частности) мы полагаем, что «контрапунктом» орфографии в рассматриваемом смысле является не слабая позиция фонемы, а более определенная для языкового сознания единица – морфема (образ морфемы, по А. Н. Гвоздеву [7]). В рамках детерминационно-антиномического описания орфографической деятельности данный механизм можно определить как преодоление абсолюта отражательности в орфографии, который олицетворяют требования фонемно-графического плана; в последний по этой причине естественным образом вносятся элементы условности (в некотором роде даже иероглифичности), которые представляют графические образы морфемы. А. Н. Гвоздев справедливо отметил, что фонематический принцип «увязывает написание с произношением» строгая фиксация произношения не есть цель орфографии; морфематический принцип более условен по отношению к произносимому. К тому же, в практическом плане следование произношению и соответственно реализация фонематического алгоритма «представляет сложную операцию» [7]).

Понятие «цель» здесь кажется ключевым: особая коммуникативно-прагматическая направленность орфографической системы делает ее относительно независимой от любого уровня и вносит элементы условности в каждую орфограмму в ее экстенсивном и интенсивном планах. Более того, практическое письмо, скорее всего, стремится отвлечься от тонкостей позиционного варьирования фонем – это слишком ненадежная отправная точка для обыденного письма. Орфография существует не для точной передачи фонемного состава слова. И в этом смысле можно говорить и о возможности относительной нейтрализации противопоставления двух обсуждаемых здесь принципов орфографии.

Предлагаемая интерпретация языковой детерминации правописания в качестве его внутренней формы как фундаментальной лингвистической категории находит параллели в разных сферах языка, в чем проявляется ее общедетерминистский смысл.

Например, многие выделенные нами детерминационные признаки орфографии обнаруживаются в категории рода русских имен существительных (равно как и в способах ее интерпретации в лингвистике). Признак родовой принадлежности русских существительных не может быть интерпетирован как отражательный, он по существу условен: его определяют согласовательные возможности существительного, которые в конечном итоге обусловливаются их практическим знанием, вытекающим из чувственной фиксации того, что «все так говорят»: *путь долгий, знамя алое, флаг алый, сапа тихая, особа царствующая* и т. п. Роль теоретического знания, связывающего род существительного с языковыми детерминантами, здесь весьма относительна; это открытый вопрос, предмет специальных исследований деятельностного типа.

Стремление вывести признак родовой принадлежности из языковых детерминант, заключенных в других системах (планах) языка (слова), уводит содержание классовой отнесенности существительных по роду в иную плоскость – сферу механизма (генетического по сути), регулирующего распределение существительных по родовым классам, и в сферу способов практического определения этих классов, то есть в область их внутренней формы. В последнем случае практическое знание неизбежно подчиняется метаязыковым знаниям, всегда присутствующим при оперировании генетическими элементами языка. Мы имеем в виду достаточно известные концепции «выведения» сущности родового признака русских существительных и отождествление этого признака с сугубо формальным содержанием, выведения рода одушевленных (особенно несклоняемых) существительных из номинативного содержания – признака половой принадлежности существа, обозначаемого существительным.

Но эти детерминанты не являются обязательными, всеобъемлющими, инвариантными, каковыми должны быть системообразующие признаки грамматической системы. Они лишь создают внешнюю «кажимость» тождества явления с сущностью (содержанием), таковыми в полной мере не являясь. «Вся суть языка, так сказать, в «отводе глаз»: с него самого на указываемое им. Мимо этой хитрости языка исследователи, ищущие в нем внутреннюю суть, добросовестно проходят» [4, с. 65]. Сущностное (=коммуникативное) значение рода – синтаксическое. Данная категория в принципе обусловлена идеей согласования. С ее утратой признак рода становится нерелевантным, как у числительных, отсубстантивных наречий и т. п. И эта сущность формируется как функциональная значимость, относительно условная по отношению к языковым детерминантам и доступная практическому знанию языка (не владеющему русским языком она недоступна – они тяготеют к алгоритму выведения рода существительного из языковых подсистем, смежных с категорией рода). Так же и в орфографии: проверочный алгоритм базируется в конечном итоге на практическом знании проверочных слов и словоформ как данного (а не выводимого).

В то же время так или иначе родовая парадигма «притягивается» к внешним по отношению к ней детерминантам, образуя с ними противоречивые единства, аналогичные тому единству, которое было выделено нами в орфографической сфере. Такое единство не органическое, а функциональное. Единство внешнего и внутреннего здесь – не собственно система, а системоподобный комплекс типа «человек – машина», «человек – природа», «язык – сознание» и т. п.

Иными словами, при моделировании грамматической категории рода, как и при моделировании орфографической системы, нередко возникает одна и та же детерминистская ошибка: вопросам «почему данное существительное или данный тип существительного имеет тот, а не иной род», «почему данное слово или тип слов пишется так, а не иначе» придается самодостаточный характер. Они не увязываются с более общими вопросами: «зачем вообще нужен род существительным?», «зачем носителям языка нужны орфографические нормы и правила вообще?», от которых они, в сущности, зависят полностью. На фоне этих вопросов вскрывается отсутствие непосредственной связи более общего содержания с непосредственным (отражательным) содержанием, предполагаемым конкретными вопросами и условность второго по отношению к первому. Их соотношение не столь просто: данные планы одновременно предполагают и не предполагают друг друга, выводятся и не выводятся друг из друга. У каждого из них свои детерминанты, поэтому – подчеркнем еще раз – их единство функциональное (специально коммуникативное), а не органическое. Отражательное в родовом признаке слова составляет не собственно содержание данного признака, а значимость его внутренней формы.

Подобную лингводетерминистскую картину можно увидеть и в природе типов спряжения, и в содержании словообразовательных типов, и в соотношении признаков, составляющих понятие частей речи, или направления словообразовательной мотивации. В мотивации, например, соединяется несколько разноприродных факторов: с одной стороны, онтологическое соотношение слов по форме и смыслу и, с другой стороны, функциональное соотношение мотивирующего и мотивированного слов, восходящее к их частотности (отсюда *нитка – нить, гуманитарный – гуманитар, ранний – рань, няня – «нянь»* и т. п.). Последний фактор в принципе независим от первых, он способен «действовать» вопреки им, что говорит о его большей силе, но его независимость относительна, он связан с первыми факторами отношениями вероятностно-статистической

связи. Без учета такого рода отношений механическое соединение онтологической и функциональной сторон в одном понятии (= одном алгоритме) может оказаться в той или иной степени эклектическим.

Что касается внутренней формы **слова**, то ее роль связующего звена между формой и содержанием, планами непосредственного и условного, отражательного и коммуникативного в слове и соответственно неоднозначных диалектических отношений с каждым из членов перечисленных антиномий – предмет философии, семиотики, лингвистики, имеющий большую историю (из работ недавнего времени назовем: [3; 5; 6; 11–18; 20; 21; 24; 26–28; 32–34]). Но общие принципы лингвдетерминистского подхода, предложенные выше, действенны и при ее интерпретации.

Изначально ясно, что создание целостной лингводетерминистской картины языка не может быть легким. И не только потому, что эта картина исключительно широкая и панорамная, но и потому, что внутренне она неизбежно несет в себе потенции противоречия. Вполне закономерно, что при описании сложной природы языкового знака, системы языка в целом лингвисты все чаще прибегают к принципу дополнительности, который как раз предполагает, что способы описания разных сторон одного сложного явления могут находиться в отношениях взаимоисключения (как, например, отражательные свойства знака и его внутрисистемные значимости).

В этом смысле принцип дополнительности необходимо становится центральным методологическим понятием лингвистической детерминистики, «призываемой» им к учету возможности построения разных теоретических моделей, за которыми стоят разные онтологические модели, например, модель языка, «представленная» говорящим и слушающим. Это обязывает «детерминологов» искать объяснительные модели синтетического типа, в которых противоречивость разных «односторонних» моделей могла бы быть снятой. Такие онтологические механизмы существуют, по-видимому, в каждой языковой антиномии, они специфически проявляются на разных уровнях языка. В одних случаях такие механизмы предстают как некие функциональные принципы (слияние и образование новых качеств, баланс противодействующих сил, факультативная поочередная нейтрализация), в других – формируются особые промежуточные механизмы (системы) со своими единицами и правилами действия (если это так, то это еще одно обоснование относительной самостоятельности детерминационного среза языка, дающее возможность утверждать наличие у него функции баланса разнонаправленных детерминант).

Внутренняя форма языковых единиц разных уровней является одной из таких промежуточных единиц (систем), обеспечивающих функциональное единство формы и содержания, материальной и смысловой сторон языковых единиц. Основной принцип осуществления внутренней формой синтезирующей функции – совмещение в ее сущности свойств обоих планов знака (не случайно идут споры – форма она или все-таки значение?); в этом смысле она «двуприродна» [10, с. 8–17]. Разноприродные стороны в результате реализации через внутреннюю форму своего предназначения становятся относительно целостным феноменом, устройство которого приближается (стремится!) к статусу органического единства, преодолевающему статус функционального единства (системоподобного комплекса типа «человек – машина», «человек – природа», «человек – язык», «язык – сознание», «слово – понятие» и т. п.).

Подобным образом можно говорить о промежуточных образованиях, имеющих симбиотическую природу, например:

– «языковое сознание» или «речевое мышление» как мышление, предназначенное

для осуществления коммуникативной функции и приспособленное к ней онтологически;

– «генетическая память», которая предстает как своеобразный промежуточный феномен, не позволяющий далеко разойтись синхронии и диахронии;

– «подразумеваемый автор» – образ, объединяющий реального автора и повествователя в сознании читателя, в котором собственно и функционирует художественное произведение;

– «лирический герой» – функциональное единство персонажа (автора, повествователя) как реальности и персонажа как следствия художественного вымысла;

– «ономасилогические категории» М. Докулила, позволяющие перевести мыслительные концепты в языковые (словообразовательные) и т. п. Функционирование всех таких «двуприродных» феноменов – бесконечная череда сближений и расхождений, нейтрализации различий и их актуализации, понимание условности единства и доверие к его непосредственно-отражательной стороне (см. о последнем: [1, с. 11–20; 31, с. 13–14]).

Создание детерминистской модели языка, стремящейся к полноте и системности, исключительно актуально для современной лингвистики, решительно выходящей сейчас в своих детерминационных цепочках далеко за пределы языка и отыскивающей там изначальные звенья его обусловленности. С каждым новым звеном язык погружается во все более крупные объекты и как бы растворяется в них; сосредоточение на изначальных (с точки зрения лингвоцентризма – опосредованных) звеньях делает детерминистские описания как бы все менее лингвистическими и все более философскими, психологическими, литературоведческими и т. п. Было бы неверным недооценивать такие выходы лингвистической детерминистики за границы языка, в них есть, без сомнения, своя историко-лингвистическая логика (может быть, мы имеем дело с неким возвращением к тем истокам, когда лингвистика существовала в лоне философии и логики), но нельзя не обратить внимания и на некую **односторонность** возникающей детерминистской картины, в чем видится нарушение баланса детерминант. В этом смысле разработка лингводетерминистского аспекта позволяет рассчитывать на восстановление целостной картины языка (или – точнее – сохранения лингвоцентризма такой картины).

Такого рода редукционизм аспектов изучения языка тесно связан с активизацией в последнее время антрополингвистики в разных ее видах и разновидностях; в результате сейчас создается представление о том, что «антропос» – едва ли не единственный или, по крайне мере, решающий фактор языкового существования [9]. Этот образ особенно актуализируется на фоне отсутствия в последнее время серьезного противовеса по отношению к антропоцентрической модели языка со стороны той модели, которая представляет его в виде языкоречевой материи, несущей в самой себе потенции своей активности и – соответственно – в виде самодетерминирующейся и саморазвивающейся системы[24].

Естественно, что ни антроподетерминистская, ни имманентно-детерминистская модели языка реально не действуют друг без друга, без воздействия одной на другую, и, следовательно, полная детерминистская картина языка предполагает, во-первых, их

[24] Большой интерес в этом смысле вызывает посмертно опубликованная статья А. Ф. Лосева «О применении в языкознании современных общенаучных понятий» [19], в которой рассматривается возможность описания языка с использованием таких понятий, как «заряд», «заряженность», «валентность», «квант», «алгоритм», «программа»; в свете этой статьи особенно заметно, что энергетическая концепция языка имеет огромный объяснительный потенциал, который не получает значительного развития. В русле данной концепции имеются лишь единичные работы (см., например: [21; 25; 29]).

представление как равноправных и равновесных членов антиномии и, во-вторых, поиски механизмов взаимодействия, снимающих идею их взаимоисключения. Мы полагаем, что в качестве таких промежуточных («двуприродных») механизмов в данной картине могут стать, с одной стороны, зафиксированные в языковом сознании человека представления о языке как самодействующем механизме (для носителя языка, действующего в режиме «сказал, как сказалось», естественно видеть в языке именно такой механизм и естественно передавать языку свойство имманентной субъектности); с другой стороны, имманентная модель может быть обогащена (по принципу дополнительности) представлением о творческом потенциале языка, не позволяет ему замыкаться и застывать в автоматическом и спонтанном режиме «сказал, как сказалось», что побуждает искать источники креативных способностей языка во внешних для него сферах. Ср. в этом плане тезис, объясняющий природу возникновения нового в материи вообще: «возникновение – изначальная данность, внутренне присущая материи творческая способность, которая должна быть принята как фундаментальный общий факт, не выводимый далее из каких-либо более широких свойств материи» [23, с. 35].

Для объяснения творческого потенциала языко-речевой материи, по-видимому, нет необходимости применять принцип изначальности для объяснения ее способности к творчеству: она есть (ко всему прочему!) частное проявление творческого характера деятельности человека как субъекта, преодолевающего энтропические тенденции своего природного бытия во всех видах деятельности, в том числе коммуникативной. Такой характер естественным образом проецируется и на языко-речевую деятельность, где обнаруживает себя во многих фактах, в частности, в фундаментальных алгоритмах речемыслительной деятельности, включающих в себя компонент «новое».

Литература

1. Аветян Э. Г. Мера знаковости языка // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976.
2. Бабаева Е. В. Внутренняя форма слова и концептологический подход к языку // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов, 1998. – С. 126–134.
3. Бибихин В. В поисках сути слова: внутренняя форма у А. А. Потебни // Новое лит. обозрение. – 1996. – № 14. – С. 23–34.
4. Бибихин В. А. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. – Вып. 2. – М., 1978.
5. Богачева Г. Ф. Внутренняя форма слова в лексикографическом рассмотрении // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 4. – С. 68–74.
6. Вовк Е. Б. О межъязыковой вариативности внутренней формы слова // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 4. – С. 70–73.
7. Гвоздев А. Н. Об основах правописания: в защиту морфологического принципа русского правописания. – М., 1960.
8. Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. – Барнаул, 1998.
9. Голев Н. Д. Антрополингвистическая и собственно лингвистическая детерминанты речеязыковой динамики // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995.
10. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.

11. Денн М. Творчество Н. Лескова с позиции концепции внутренней формы слова Г. Шпета и А. Потебни // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 2(4). – С. 10.
12. Завьялов Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» Г. Г. Шпета в когнитивных науках // Вопросы психологии. – 2009. – № 6. – С. 97–102.
13. Завьяло Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» в когнитивных науках. – Ч. 1 // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 1(3). – С. 6.
14. Зубкова Л. Г. Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. – 1988. – № 5. – С. 55–62.
15. Камчатнов А. М. А. А. Потебня и А. Ф. Лосев о внутренней форме слова // Рус. филол. вестн. – 1998. – № 1/2.
16. Карманова З. Я Феноменология внутренней формы слова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5(19). – С. 15–26.
17. Карманова З. Я. О содержании внутренней формы слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – Т. 1, № 11. – С. 49–61.
18. Комина Е. В. Мотивация как лингвистическое явление // Семантика и структура слова. – Калинин, 1984. – С. 59–65.
19. Лосев А. Ф. О применении в языкознании современных научных понятий // Res filologica. – М., 1990.
20. Мечковская Н. Б. Национально-культурные особенности внутренней формы слова // Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000.
21. Митяева А. П., Фурман Н. Г. Экспериментальное исследование закономерностей восприятия лексического значения языковых номинаций с прозрачной внутренней формой слова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – Т. 2, № 1. – С. 141–148.
22. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984.
23. Орлов В. В. О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи (концепция «уровней») // Философия пограничных проблем. – Пермь, 1968.
24. Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. – Барнаул, 1986.
25. Рамишвили Г. В. Вопросы энергетической теории языка // Вопросы философии. – 1978. – № 11.
26. Рахматуллина А. Ф. Понятие внутренней формы слова в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 1004–1008.
27. Резанова З. И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии в условиях чат-коммуникации // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 78–85.
28. Сагитова А. Ф. Внутренняя форма слова как результат когнитивно-оценочной деятельности человека: автореф. дис. … канд. филол. наук / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2008.
29. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. – Киев; Одесса, 1981.
30. Фурашова Н. В. О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 116–123.
31. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. – М., 1996.
32. Янценецкая М. Н. Внутренняя форма слова и ее функции в системе языка // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1991. – С. 62–69.
33. Borsche T. Die innere Form der Sprache. Betrachtungen zu einem Mythos der Humboldt-Herme(neu)tik // Wilhelm von Humboldts Sprachdenken. – Essen, 1989. – S. 47–65. – Bibliogr.: s. 64–65.
34. Trauth G. P. Towards an analysis of Humboldt's «inner language form» // The semiotic bridge. – Berlin; New York, 1989. – P. 409–419. – Bibliogr.: p. 417–419.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 81

А. В. Шунков

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

В статье представлен обзор лекций, прочитанных в рамках научного семинара, посвященного вопросам современного состояния языка, новым направлениям в развитии лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, невербальная коммуникация, семантика слова.

A. V. Shunkov

SCIENTIFIC SEMINAR “ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS”

This article is a review of lectures, that were relected at the scientific seminar of the current state of language and new directions in the development of linguistics.

Keywords: cognitive linguistics, nonverbal communication, meaning of word.

Язык является одним из индикаторов оценки уровня состояния культуры не только отдельно взятой личности, но и общества в целом. Этот тезис нельзя не принять, гораздо сложнее начать относиться к языку как системе, существующей по своим правилам и законам, знать которые необходимо. Тот факт, что в последнее время вопросы существования языка в современных условиях меняющегося мира становятся предметом дискуссий не только на научных конференциях и симпозиумах, объединяющих лингвистов, но и слушаний в Правительстве Российской Федерации, говорит о важности самой проблемы. Как известно, одним из последних законодательных актов Правительства РФ стало постановление от 20 июня 2011 года № 492 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2011–2015 годы», цель которой заключается в поддержке, сохранении и распространении русского языка, его популяризации, проведении научных исследований в области лингвистики, разработке, апробации, тиражировании и внедрении новых словарей, грамматик, справочников, пособий, информационных материалов по русскому языку, в организации и проведении комплекса мероприятий, обеспечивающих подготовку и повышение квалификации преподавателей-русистов. Веским аргументом и доказательством серьезности проблемы, осмысливаемой на государственном уровне, является и объем финансирования данной программы, определенный правительством, – свыше двух с половиной миллиардов рублей. Хочется верить, что при та-

кой финансовой поддержке государственный язык Российской Федерации, одновременно являющийся официальным языком ряда международных организаций, не потеряет своих позиций в глобализирующемся мире под воздействием упрощенных методик обучению языку, проверки знаний, активно внедряемых сегодня в образовательный процесс.

26–27 марта 2012 года научное управление Кемеровского государственного университета культуры и искусств при поддержке администрации г. Кемерово, департамента образования и науки Кемеровской области, Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования инициировало проведение научного семинара «Актуальные проблемы современной лингвистики». В семинаре приняли участие известные ученые лингвисты, занимающиеся исследованием различных аспектов языковой системы: Араева Л. А., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой риторики и стилистики Кемеровского государственного университета, Кронгауз М. А., доктор филологических наук, профессор, директор Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), Крейдлин Г. Е., доктор филологических наук, профессор Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). Учеными были прочитаны лекции, вызвавшие огромный интерес среди аудитории учителей русского языка, приглашенных на семинар.

В своей лекции «Язык и мышление» профессор Л. А. Араева высказала идею необходимости изучения языка не только с позиции его структурно-семантической организации, но и с позиции погружения в ту культуру, которая воплощает себя через язык. «Язык – это культурный продукт нации и хранитель ее культурных прототипов», – отметила в своей лекции профессор Л. А. Араева. Опираясь на исследования Л. Витгенштейна, Л. А. Араева показала, как можно изучать язык, применяя антропоцентрический подход, в основе которого находится рассмотрение роли человека, его индивидуальных и коллективных способностей в пользовании языком. В своей лекции профессор Л. А. Араева также озвучила идею необходимости разработки качественно новых типов словарей, лексические единицы в котором представлены в пропозиционально-фреймовой связи. Должен быть создан словарь, соответствующий современному видению языковых процессов, воспринимаемых как форма мысли. Данная мысль уже была высказана ученым ранее в статье «Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации», опубликованной в «Вестнике Кемеровского государственного университета культуры и искусств» [1, с. 48–50].

Профессор Г. Е. Крейдлин, известный отечественный ученый, крупный специалист в области невербальной семиотики, поднял важную проблему в понимании тех задач, которые на сегодняшний день решаются в лингвистике. «К ним относится, в частности, признание того факта, что многие задачи, которые лингвистика прежде отказывалась обсуждать и решать, отбрасывая как нелингвистические, становятся наиболее актуальными и заслуживающими всяческого внимания» [2, с. 40–41]. Профессор Г. Е. Крейдлин осветил новые принципы и взгляды на коммуникацию людей, в основе которой лежат языковые и невербальные коды. Невербальная коммуникация – абсолютно новая наука, родившаяся на стыке лингвистики и ряда других наук, помогающая современному

человеку грамотно вести себя в контекстах различных культур. Отметим, что авторский лекционный курс по основам невербальной семиотики профессор Крейдлин на протяжении последних четырех лет читает для студентов театроведческих специальностей КемГУКИ [3].

Лекция профессора М. А. Кронгауза «Современный русский язык: заимствования и новые значения» привлекла внимание слушателей проблемами, активно обсуждаемыми как в академических аудиториях, так и в блогосферах: может ли язык оставаться неизменным, когда вокруг меняется, прежде всего, само общество, и как язык должен реагировать на эти изменения? Что такое языковая свобода, каково ее проявление и как реагировать на то, что русский язык даже не успевает осваивать все эти заимствования? Языковой хаос – это сознательная игра или безграмотность, выразительность или грубость?

Хочется выразить надежду, что семинар «Актуальные проблемы современной лингвистики» выполнил свою задачу – еще раз обратил внимание общественности на необходимость проведения целенаправленной политики поддержки и сохранения русского языка – государственного языка Российской Федерации.

Литература

1. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 48–50.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 14. – С. 40–48.
3. Шунков А. В. Вопросы невербальной семиотики и их рассмотрение в рамках академических чтений в КемГУКИ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 14 – С. 127–130.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Эльмира Маратовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: elmira_afanaseva@mail.ru

Байона Таня, хореограф, президент Совета танца Мальты, член Императорского общества учителей танца в Лондоне, кавалер I степени Ордена Пальмы Французской академии танца; обладатель премии «Читта ди Валетта», Золотой медали Энрико Чеккетти Королевской балетной школы (Лондон); Национального ордена, медали «За заслуги перед Республикой (MQR), (Республика Мальта). E-mail: tjbayona@onvol.ru

Баснина Анна Павловна, закончила аспирантуру по специальности «24.00.01: Теория и история культуры», Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: anna_basnina@mail.ru

Борзенкова Ирина Владимировна, директор МОУДОД «Дворец творчества детей и учащейся молодежи» (г. Ленинск-Кузнецкий). E-mail: elenamilkva@rambler.ru

Буцык Сергей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: bsv@chgaki.ru

Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна, доктор искусствоведения, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань). E-mail: valeeva_art@mail.ru

Волков Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой управления, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: vnickvo@mail.ru

Волков Николай Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Afanasieva Elmira Maratovna, Candidate of Philological Sciences, Docent of Chair of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: elmira_afanaseva@mail.ru

Bayona Tanya, choreographer, President of Dance Council of Malta, member of the Imperial Dance Teachers Society in London, Order of Palm I of French Dance Academy, winner of prize “Citta di Valletta,” Enrico Cecchetti Gold Medal of Royal Ballet School (London), National Order, medal “For Merits for the Republic (MQR),” (Republic of Malta). E-mail: tjbayona@onvol.ru

Basnina Anna Pavlovna, Post-graduate on Specialty “24.00.01: Theory and History of Culture,” Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: anna_basnina@mail.ru

Borzenkova Irina Vladimirovna, Director MEIAE “Palace of creativity of children and youth” (Leninsk-Kuznetsky). E-mail: elenamilkva@rambler.ru

Butsyk Sergei Vladimirovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Academic Affairs, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: bsv@chgaki.ru

Valeyeva-Suleimanova Guzel Fuadovna, Doctor of History of Art, Professor, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: valeeva_art@mail.ru

Volkov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Management, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: vnickvo@mail.ru

Volkov Nikolai Alekseyevich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Professor of Chair of State and Municipal Management, Kuzbass State Technical University, Commis-

технический университет, уполномоченный по правам человека в Кемеровской области (г. Кемерово). E-mail: ombudsman@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Голев Николай Данилович, доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: ngolevd@mail.ru

Дерябина Елена Дмитриевна, кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: nauka_aprict@rambler.ru

Диянова Александра Михайловна, аспирант кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма, заведующая музеем, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск). E-mail: aleksa_2086@mail.ru

Дорогова Людмила Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: L.N.Dorog@mail.ru

Дубровская Марина Юзефовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: m_dubrovskaya53@mail.ru

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Коновалов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: konab@list.ru

sioner for Human Rights in Kemerovo region (Kemerovo). E-mail: ombudsman@mail.ru

Volkova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philosophic Sciences, Docent of Chair of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Golev Nikolai Danilovich, Doctor of Philoligical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: ngolevd@mail.ru

Deryabina Elena Dmitriyevna, Candidate of Culturology, Docent, Vice Rector for Scientific Work, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: nauka_aprict@rambler.ru

Diyanova Aleksandra Mikhailovna, Postgraduate of Chair of Museology, Excursion and Tourism, Head of the Museum, F. M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk). E-mail: aleksa_2086@mail.ru

Dorogova Lyudmila Nikolaevna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Humanitary Sciences, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: L.N.Dorog@mail.ru

Dubrovskaya Marina Yuzefovna, Doctor of History of Art, Professor of Chair of ethnomusicology, M. I. Glinka Novosibirsk State Concervatoire (Novosibirsk). E-mail: m_dubrovskaya53@mail.ru

Ivleva Tatiana Nikolayevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Konovalov Alexandr Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Political Sciences Chair, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: konab@list.ru

Конотоп Анатолий Викторович, доктор искусствоведения, профессор кафедры театрального искусства, Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: teatr@aprikt.com

Косенко Наталья Юрьевна, начальник учебного отдела, Краевое государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры» (г. Красноярск). E-mail: nauko26@mail.ru

Кузьмина Ольга Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: kuzmina.o.v@bk.ru

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Лукин Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: asp.aprikt@rambler.ru

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Мацукевич Ольга Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный университет культуры и искусств (г. Москва). E-mail: olgmats@yandex.ru

Милькова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: elenamilkva@rambler.ru

Konotop Anatoly Viktorovich, Doctor of History of Art, Professor of Theatric Art Chair, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: teatr@aprikt.com

Kosenko Natalia Yurievna, Head of Training Division, Regional state independent educational establishment of additional professional training "Krasnoyarsk Regional Center of Research and Training the Culture Staff" (Krasnoyarsk). E-mail: nauko26@mail.ru

Kuzmina Olga Vladimirovna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Theatric Performances and Celebrations, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kuzmina.o.v@bk.ru

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Lukin Yury Andreyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of Humanitary Sciences, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: asp.aprikt@rambler.ru

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Professor of Culturology Chair, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Matsukevich Olga Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture and Arts (Moscow). E-mail: olgmats@yandex.ru

Milkova Elena Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: elenamilkva@rambler.ru

Минаев Евгений Анатольевич, доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой театрального искусства, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: teatr@aprikt.com

Minaev Evgeny Anatolyevich, Doctor of History of Arts, Docent, Chair of Theatric Art, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: teatr@aprikt.com

Минаков Сергей Владимирович, аспирант кафедры гуманитарных наук, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: galinatsvet@rambler.ru

Minakov Sergei Vladimirovich, Post-graduate of Chair of Humanitarian Sciences, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: galinatsvet@rambler.ru

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Science and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Непомнящий Лев Арнольдович, доцент кафедры рекламы и культурологии, Гуманитарный факультет, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева (г. Красноярск). E-mail: lann@inbox.ru

Nepomnyshchy Lev Arnoldovich, Docent of Chair of Advertisement and Culturology, Humanitary Faculty, Academician M. F. Reshetnyov Siberian State Aerospace University (Krasnoyarsk). E-mail: lann@inbox.ru

Панфилова Альвина Павловна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социального менеджмента, факультета управления РГПУ им. А. И. Герцена, Академик Балтийской педагогической Академии, Почётный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург). E-mail: appanfilova@mail.ru

Panfilova Alvina Pavlovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Social Management Chair, Faculty of Management, A. I. Gertsen RSPU, Academician of Baltic Pedagogical Academy, Honored Worker of Higher Professional Education of the RF (St. Peterburg). E-mail: appanfilova@mail.ru

Петров Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: niipk@kemguki.ru

Petrov Igor Fyodorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: niipk@kemguki.ru

Петрунина Светлана Петровна, доктор философских наук наук, профессор, Кузбасская государственная педагогическая академия (г. Новокузнецк). E-mail: nad514@yandex.ru

Поселенова Евгения Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы и фольклора, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: e.poselenova@gmail.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Ртищева Оксана Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: oksana7114@mail.ru

Слаутина Надежда Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: naslautina@yandex.ru

Смирнова Нина Георгиевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nina-smi.smirnova@yandex.ru

Суленёва Наталья Васильевна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой сценической речи Челябинской государственной академии культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: nsuleneva@mail.ru

Сыченко Галина Борисовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: sytchenko@mail.ru

Petrunina Svetlana Petrovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kuzbass State Pedagogic Academy (Novokuznetsk). E-mail: nad514@yandex.ru

Poselenova Evgenia Yurievna, Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: e.poselenova@gmail.ru

Rodionova Darya Dmitrievna, Candidate of Philosophical Science, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Rtishcheva Oksana Vladimirovna, Candidate of Culturology, Docent of Foreign Languages Chair, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: oksana7114@mail.ru

Slautina Nadezhda Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: naslautina@yandex.ru

Smirnova Nina Georgievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nina-smi.smirnova@yandex.ru

Sulenyova Natalya Vasilyevna, Doctor of Culturology, Candidate of Pedagogical Sciences, Scenic Speech Chair of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: nsuleneva@mail.ru

Sychenko Galina Borisovna, Candidate of History of Art, Docent of Ethnomusicology Chair, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Novosibirsk). E-mail: sytchenko@mail.ru

Труевцева Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма, Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул). E-mail: truevtseva@yandex.ru.

Фесенкова Лидия Васильевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (г. Москва). E-mail: lvfes@mail.ru

Цветкова Галина Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных наук, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва). E-mail: galinatsvet@rambler.ru

Черняк Елена Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела по связям с общественностью и СМИ, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: lenablack57@mail.ru

Шимчук Тамара Алексеевна, старший преподаватель, кафедра гуманитарных наук, Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, куратор православного молодежного клуба «София» (г. Кемерово). E-mail: niipk@kemguki.ru

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Юдина Анна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Truevtseva Olga Nikolayevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Altai State Pedagogical Academy (Barnaul). E-mail: truevtseva@yandex.ru

Fesenkova Lydia Vasilyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy of RAS (Moscow). E-mail: lvfes@mail.ru

Tsvetkova Galina Aleksandrovna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Humanitarian Sciences, Academy for Retraining the Workers in Arts, Culture and Tourism (Moscow). E-mail: galinatsvet@rambler.ru

Chernyak Elena Fyodorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Head of Department for Public Relations and Mass Media, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: lenablack57@mail.ru

Shimchuk Tamara Alekseyevna, Senior Lecturer of Humanitary Sciences Chair, Kemerovo State Institute of Agriculture, curator of Orthodox Youth Club “Sofia” (Kemerovo). E-mail: niipk@kemguki.ru

Shunkov Aleksandr Victorovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice Rector for Research and Innovation Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Yudina Anna Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Director of Institute of Socio-cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 6–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
- в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
- сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень основных разделов журнала:

1. Гуманитарное знание.
2. Социально-экономическое знание.
3. Культурология.
4. Педагогика и социально-педагогическая деятельность.
5. Искусствоведение.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.
Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 25.04.2012.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 54.
Уч.-изд. л. 22,2. Усл. печ. л. 29,5.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного университета культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 25.04.2012.
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 54.
Author's sheets 22,2. Printer's sheets 29,5.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru